

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВЛАДИМИР КАГАНСКИЙ

**КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ
И СОВЕТСКОЕ ОБИТАЕМОЕ
ПРОСТРАНСТВО**

БИБЛИОТЕКА

ЖУРНАЛА

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС

БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА

НЕПРИКОСНОВЕННЫЙ ЗАПАС

Владимир Каганский

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ
И СОВЕТСКОЕ ОБИТАЕМОЕ
ПРОСТРАНСТВО

Сборник статей

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

МОСКВА • 2001

Художник Д. Черногаев

Издание осуществлено при поддержке Фонда Макартуров

Печатается в авторской редакции

Каганский В. Л.

Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сборник статей. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 576 с.

Книга — неожиданный и оригинальный взгляд на современную Россию с позиций теоретической географии. «Сфера пространства сегодня, — считает автор, — остается своеобразной *terra incognita*. Она не от-refлектирована и присутствует в культуре как бессознательное». Как устроено пространство повседневности, культурный ландшафт? Чем было пространство СССР и что с ним происходит? Что в пространстве страны новое, а что старое? Каким видит свое пространство современная Россия? В цикле статей, очерков и эссе автор пытается ответить на эти вопросы. Преодолевая обыденные и идеологические стереотипы, взгляд географа вносит дополнительное и, как оказывается, очень важное измерение в картину меняющейся России.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Введение. Культура, пространство, ландшафт	15

I. МИР КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Мир культурного ландшафта	23
Основные подходы к ландшафту	44
Основные зоны и типы культурного ландшафта. Центр — провинция — периферия — граница	60
Города как горы — горы как города	96
Теоретико-географические этюды:	
I. Север как макрорегион культурного ландшафта	116
II. Тарту (зеркала симметрий)	117
III. Смоленск и Тверь	119
V. Степной Санкт-Петербург	122

II. СОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Ландшафт советского пространства	135
Теоретическая география советского пространства	155
На чем Москва стоит. Особая точка	214
Что такое «Норильский Никель»?	234
Дезинтеграция государства и стратегия негосударственных структур: пространственный аспект	241

III. РЕВОЛЮЦИЯ РЕГИОНОВ, ИЛИ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ СЕГОДНЯ

Постсоветский ландшафт?	249
Буржуазная революция? — Регионов!	257
Вторые города регионов современной России	268
Страна побеждающего регионализма?	282
Российское пространство: бремя административного деления	295
Региональная аналитика и видение регионов	319
Теоретико-географические этюды:	
IV. Украина: география и судьба страны	343
Петербургские сюжеты	361
Спектр сценариев для Российской Федерации	367

IV. К МИФОЛОГИИ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

«Россия»: число неопределенно-множественное?	377
Россия и Миф России	398
Мнимый путь. Россия=Евразия	410
Евразийство как позиция	424
Главное свидетельство	448
Идеологемы российского несоветского пространства	476
Региональная политика Российской Федерации: иллюзии и опасности	485
Россия как ситуация исследования и понимания	505

V. КУЛЬТУРОЛОГИЯ ОТ ГЕОГРАФА

Экологический кризис: феномен и миф культуры	515
Вопросы о пространстве маргинальности	529
Крошки поэзии на карте	546
Литература	560
Приложение. Маршруты: 1991—2000	568
Summary	570

ПРЕДИСЛОВИЕ

Публикуемые в этой книге тексты — результат осознанной жизни в культурном ландшафте; эта жизнь включает размышления и путешествия; в нее встраивались, из нее вырастали и конкретные исследования, и конкретные тексты. Все статьи сборника взаимосвязаны, хотя не буквально; иногда они имели внешние поводы. Связь прежде всего в единстве взгляда и подхода.

Этот взгляд основан на географическом пространствоведении, хотя к нему не сводится. Предварительно и кратко — хотя и не строго — его можно назвать *герменевтикой ландшафта*; это активное «чтение» ландшафта (пространства), ориентированное на концептуальное освоение его разнообразия. А равно — и «чтение» всего, что связано с пространством ландшафта или может быть интерпретировано как такое пространство (здесь уместно сравнение с семиотикой, все интерпретирующей как текст).

Ландшафт дан и может быть «прочитан» лишь через разнообразие мест. Поэтому путешествия — основа и одновременно реализация подхода. Важно и то, что есть такие индивидуальные места, которые более насыщены содержанием, нежели общие понятия. Эти фокальные места — яркие воплощения форм, концентраторы смыслов и потому «естественные модели». Современная Россия, как вся сфера советского пространства, представляет собой мир блоков, деталей, обломков, мучи-

тельно становящихся местами, городами, краями, странами, устанавливающими новые связи. Из одной точки, одной позиции, в одном масштабе рассмотрения этот процесс увидеть — тем более осмыслить — невозможно.

За последние десять лет я провел вне Москвы около двух лет, десятками маршрутов коснулся чуть ли не тридцати регионов России, Украины, Казахстана; был в двухстах городах, поселках, селах (ночевал в восьмидесяти). Наблюдая, наездил автобусами, автомобилями, поездами, теплоходами не менее 15 тысяч километров и пешком прошел тысячи километров; кое-что видел из иллюминатора самолета. Потому назову лишь фокальные места: Астана, Аркаим, Боровое, Братск, Калининград (бывшая Восточная Пруссия), Камчатка, Карпаты, Нижний Новгород, Санкт-Петербург, Саров (Арзамас-16), Соловки, Таймыр, Тобольск. Обширен и важен был фон «обычных» мест.

В предлагаемых читателю работах излагаемые и предполагаемые образы ландшафта, в том числе концептуальные, возвращены в конкретных местах. Это Северная Евразия, территория бывшего СССР. Здесь я сформировался и живу; именно здесь я географ и пространствовед. Этот огромный мир державы — окраины Западной Европы, Балкан, Среднего Востока, Северная Азия, части Арктики, Центральной Азии — не очень большая часть Земли. Мир собственно Европы, Восточной Азии, тропиков, Нового Света мною не прожит; неясно, насколько излагаемые и используемые здесь образы ландшафта приложимы к этим иным пространствам, а концепции — переносимы на них.

* * *

Здесь собраны статьи последних десяти лет, иногда близкие тематически, но различающиеся выводами, тем более — акцентами. Иные тексты я писал бы сейчас иначе; у ряда картин

сменил бы фокус. Но из песни слова не выкинешь. Редакторская правка текстов не коснулась противоречий. Мне казалось важным сохранить следы потока времени, раз это сборник. Часть статей была написана как публицистика, хотя бы и концептуально мотивированная и нагруженная. Видимо, есть некорректные интерпретации, неверные реконструкции. Много написав про сильнейшую структурную инерцию советского пространства, я все же недооценил ее; декларировав полимасштабность и ландшафта, и подхода к нему, не реализовал ее в должной мере. Пространство меняется: на наших глазах происходит распад крупнейшей и, надеюсь, последней планетарной (по последствиям и умыслу) империи. Менялся и я сам как исследователь и автор (наверное, и как человек); а потому менялись оптика, контекст.

Есть и еще одна причина несовпадения смыслов в тематически близких текстах — различие жанров. Каждый из них предполагает свой тип работы. Концептуальное пространствоведение, «путешествие теоретика», анализ пространственных мифов, публицистика имеют здесь, в общем, один и тот же объект. Но если прибегнуть к методологическому различению, то предмет у них разный; в каждом жанре своя сфера необходимого и «запрещенного», неодинаков и статус выводов. То, что могу сказать в этюдах, не всегда могу выразить аналитически; то, что высказываю как экспертное заключение, не пишу в концептуальном очерке. В концепции советского пространства нет нужды в понятии империи; в анализе мифологии оно неизбежно. Очертить феномен советского ландшафта трудно без обращения к обыденному опыту, переживаниям, метафорам, некоторым клише; в концепции все это снято (в терминологическом смысле) и ландшафт трактуется как сфера закономерностей, относительно простых и общих форм. Для концептуального выявления точек роста в пространстве — вторых городов — показана бесстрастность. Но невозможно передать так образ Норильска. Однако жанровых смещений и взаимных перетоков избежать мне не удалось.

Стоит сказать, чем книга не является, на что не претендует. Это прежде всего не сборник научных статей, а сборник, содержащий научные и иные тексты. В книге немало сказано о России, однако это не систематическое россиеведение. О многих важных вещах, без которых затронутые сюжеты неполны, не сказано почти ничего. Например, о «дачном буме», иначе — о вторичной аграризации масс горожан. Сравнительно полно изложены только две темы: авторская версия концепции культурного ландшафта и концепция советского пространства, хотя монографий по этим темам сборник не заменяет.

Статьи не содержат полемики или дискуссии, тем более обзора мнений. Немного в текстах и конкретных примеров, да и те чаще указывают на материал, нежели пересказывают его. Возможно, очередь материала еще придет; полевые дневники копятся и обрабатываются, схемы интерпретации пополняются.

Книга не является «отчетом о проделанной работе». Хотя здесь собраны тексты, опубликованные в последнее десятилетие, выполнены, продуманы или задуманы они были во многом раньше, они выросли из предшествующих работ по теоретической географии. Поскольку сборник тематический, он, естественно, не охватывает всех написанных и опубликованных за это время работ¹.

Большинство статей были ранее опубликованы, но при публикации были нередко произведены неавторизованные изменения. Для сборника принято следующее решение: для некото-

1 В книгу не вошли не только хроникальные заметки, рецензии, статьи-варианты, большая часть публицистики, но и существенные (для меня как автора) и слишком специальные работы по теории районирования, проблеме границ, концептуальным деталям советского пространства.

рых текстов (учитывая их распространение в Интернете) воспроизведен печатный вариант; новые тексты и статьи, опубликованные в малодоступных изданиях, даны полностью; всем текстам возвращены авторские названия и выделения.

Статьи публикуются почти без переработки, но с редакторской правкой. Она была сведена к минимуму и состояла в удалении ряда текстуально близких мест, в сведении воедино литературных ссылок и их частичной переадресации, во введении единообразной системы выделений; кое-где произведен обмен фрагментами между основным текстом и примечаниями. Ни в одну из датированных в тексте или датой публикации статей изменения не вносились по принципиальным соображениям. Разумеется, исправлены опечатки — мои и чужие (вечно статью Б. Гройса «Стиль Сталин» переименовывают в «Стиль Сталина»).

Ряд статей содержит частичные текстуальные повторы; эти статьи писались на разные, но пересекающиеся темы в разные издания. Полное освобождение от смысловых дублей было признано нежелательным, поскольку это разрушило бы единство текстов. Но одни и те же рисунки, нужные в разных статьях, помещены только один раз при первом упоминании.

* * *

Повторюсь: тексты, вошедшие в книгу, — результат образа жизни, в центре которого размышления и путешествия. А исследования и тексты трудоемки, это требует одиночества, сосредоточенности, времени. Первая благодарность — моим родным (родителям и жене), с пониманием выносившим такой образ жизни и всячески мне помогавшим.

Мои исследования организовывались и велись самостоятельно, но иногда имели конкретные организационные рамки. Я признателен организациям, поддерживавшим исследования. Работая в Институте национальной модели экономики с его основания в 1992 г., я пользовался его поддержкой и академи-

ческой свободой. В 1993—1995 гг. исследования регионализации советского пространства финансово и организационно поддержал Интерцентр (Междисциплинарный академический центр социальных наук, ныне часть Московской Школы социальных и экономических наук). Изучение трансформации советского пространства и его мифологии поддержал Фонд Макаруров в 1997—2000 гг.² Большая часть путешествий стала возможной также благодаря финансовой поддержке Интерцентра и Фонда Макаруров. Ряд текстов – как бы заметки на полях региональных экспертиз.

Содержательны были обсуждения со столь многими лицами, что упомяну лишь немногих: С. Г. Кордонский, Ю. В. Кузнецов, С. М. Ловягин, В. А. Найшуль, А. Е. Осетров, Б. Б. Родоман, С. В. Чебанов. Концепции культурного ландшафта и советского пространства и мое видение современной России «погружались» в разные контексты на многих семинарах, конференциях, дискуссиях (Институт национальной модели экономики; семинары: А. С. Ахиезера и Э. В. Сайко, «Культурный ландшафт» Географического факультета МГУ, по геополитике; семинар по биогерменевтике С. В. Чебанова (СПб.) и его теоретико-биологические школы; семинары и ежегодные конференции Интерцентра «Куда идет Россия?..» (Т. И. Заславская, Т. Шанин), сессии Экономико-географической секции Академии регионального развития (М. К. Бандман, Ю. Г. Липец).

Существенны были путешествия. Признателен спутникам: Б. Б. Родоману и туристской компании, с которыми обошел пол-Подмосковья. Советом и делом не раз помог М. К. Бандман, бумагами — С. Ю. Павленко. Помогли включиться в регионы: Ю. Г. Бендерский (Красноярский край, Хакасия), В. П. Гуков и Н. В. Смирнов (Прибайкалье), супруги Ерашовы (Калининград), В. П. Каракин (Приморье), Д. Лисицын (Сахалин), В. И. Меньшиков (Камчатка), С. М. Новицкий (Саров), Е. А. Яковлева (Башкирия).

² Проекты «Трансформация пространства: современный период» (97-47038), «Евразийский миф и российское пространство» (99-57336).

ПРЕДИСЛОВИЕ

С признательностью вспоминаю плодотворную коммуникацию в ходе путешествий. Места наиболее ценных обсуждений (курсивом обозначены места докладов и/или лекций): Аркаим, *Бирск*, Братск, *Валдай*, *Владивосток*, Дудинка, *Знаменка*, *Екатеринбург*, *Иркутск*, Калининград, *Калуга*, Ключи, Козьмодемьянск, Красноярск, Минусинск, *Молодежное*, *Нижний Новгород*, Ноглики, *Норильск*, *Оренбург*, *Петропавловск-Камчатский*, *Петропавловск* (Казахстан), *Пятигорск*, *Рязань*, *С.-Петербург*, Саратов, *Саров*, *Смоленск*, *Тверь*, *Тольятти*, Тобольск, Томск, Уфа, *Эммаус*, Южно-Сахалинск, *Ярославль*. Многие организации и коллективы бескорыстно способствовали исследованиям: краеведческие, этнографические (и другие) музеи городов и селений Бирск, Бузулук, Козьмодемьянск, Кремль (Соловки), Минусинск, Норильск, Оренбург, Саратов, Тобольск, Усвяты, Уфа, Южно-Сахалинск; географические факультеты университетов (Красноярск, Петропавловск, Оренбург); филологические факультеты педагогических институтов (Бирск, Уфа); Центр Евразийских исследований (Астана); заповедник «Аркаим»; Тихоокеанский институт географии РАН (Владивосток), Институт степи РАН (Оренбург), авиакабсы на Лубянской площади (Москва).

Стимулировали создание текстов возможности (они же соблазны) публикаций в журналах: «Век XX и мир» (С. Г. Кордонский, А. Фадин), «Знание – сила» (И. И. Розовская), «Неприкосновенный запас» (И. Д. Прохорова), «Общественные науки и современность» (Н. М. Плискевич), «Этика успеха» (В. И. Бакштановский); издания НИО «Информкультура» РГБ. Многие тексты отредактированы Г. В. Лютиковой.

Всем названным и неназванным организациям, группам, семинарам, лицам, собеседникам, критикам, участникам дискуссий, спутникам, попутчикам, проводникам, доброжелательным прохожим, подвозившим водителям приношу искреннюю благодарность, главный способ выразить которую – быть честным в наблюдениях, размышлениях, исследованиях.

12 декабря 2000 г.

Введение

**КУЛЬТУРА,
ПРОСТРАНСТВО, ЛАНДШАФТ**

ВВЕДЕНИЕ

КУЛЬТУРА, ПРОСТРАНСТВО, ЛАНДШАФТ

Собранные в данном издании работы можно рассматривать как обобщение теоретико-географического подхода, способа видения (отчасти — концептуального аппарата) и приложение к культурному ландшафту вообще и культурному ландшафту нашей страны. Формы ландшафта как таковые исследует теоретическая география; я следую отечественной школе теоретической географии Б. Б. Родомана, развитой им на материале культурного ландшафта бывшего СССР. Подход можно интерпретировать как *герменевтику ландшафта*. Такая герменевтика — еще и критическая интерпретация ландшафтного пространства как своего рода «произведения» общества. Рискну сказать, что здесь изложены результаты — по крайней мере, впечатления от — попыток «чтения общества» по его пространству. Несомненно, «чтение общества» по литературам, искусствам, философиям привычнее и комфортнее; они искусно сделаны и облагорожены художественной рефлексией. К сожалению, живем мы в необлагороженном пространстве, а потому результаты такого «чтения» порою шокируют, в чем нет ни намерения, ни вины автора.

* * *

Начну с общекультурного контекста, напомнив ряд общих мест. Современная культура хроноцентрична, темпоральна, в

пространстве она чувствует себя неуютно и ведет себя агрессивно. Используя пространство как ресурс, она не усматривает в нем ценности. Примером тому — империализм в любой форме как пространственная экспансия одной (из многих) культур, перестройка и перекройка обитаемого пространства, культурного ландшафта в несравненно большей мере, нежели любой иной сферы (собственно культуры, собственности, семьи, языка и т.д.), игнорирование обществом и элитой профессиональных знаний о пространстве.

Говоря метафорически, время — метрополия, центр цивилизации, пространство — ее колония, периферия; для «советской цивилизации» это тем более верно. Лежащая на периферии культуры сфера пространства служит последним ресурсом, к которому обращаются тогда, когда в рамках основной парадигмы (прямо или косвенно связанной с дискурсивностью, временной последовательностью) не удастся решать существенные проблемы; обращение к пространству вынужденно.

Такая очевидная периферийность пространства приводит к частичной или полной пространственной невменяемости, тем более и особенно — в нашей стране. Сфера пространства остается своеобразной *terra incognita*. Она не изучена и не от-рефлектирована; пространственные языки остаются на периферии внимания. Но пространство — базисная категория, и поскольку не рефлектируется, присутствует в современной (научной) культуре как своего рода область бессознательного. Со всеми вытекающими из этой метафоры последствиями. Культура отражается в зеркале пространства, не замечая этого или не «задумываясь» о качестве зеркала¹.

На «языке карты» созданы многие миллионы текстов — но он куда хуже изучен, нежели уличные граффити. Наука, реф-

1 В этом контексте интересна мысль Б. Гройса о том, что непреодолимая тяга Запада к России, стремление разгадать «загадку России» — в сущности, затянувшийся сеанс психоанализа; а ведь «бескрайние просторы», т.е. пространство России, являются одним из основных компонентов западного — да и российского — мифа России.

лектирующий центр рефлектирующей цивилизации, вынуждена ради прагматического самопознания глядеться в портрет карт социитирования (Ю. Гарфилд), содержательный статус которых весьма проблематичен. Примечательно распространение у методологов и исследователей науки концептуальной модели-метафоры карты, служащей им риторическим (объяснительным) резервом. Однако если бы они потрудились узнать, что такое карта или ландшафт, то иллюзия понимания исчезла бы в мгновение ока. Не говорю уж о многочисленных глянцевых «элитарных» журналах². Так и отечественные эпигоны французских постструктуралистов просто затрепали категорию ландшафта, превратили его в универсальный (пустой?) символ, не обращаясь ни к понятию, ни к феномену.

Известному культурологу А. Молю удастся развернуть почти механически простые схемы культуры, только представив ее пространством, его книги — в сущности, комплект карт (атлас) пространства культуры; но их семиотический статус нигде даже не обсуждается.

Ю. М. Лотман трактует культуру, в конечном итоге апеллируя к формам ее пространства, сводя чрезвычайно многое к взаимодействию центра и периферии, связывая типы культуры с особенностями ее пространства (бинарные и тернарные системы); это особенно заметно в его последней книге («Культура и взрыв»).

В примерах, число которых легко умножить, общим предстает не столько обращение к пространству, сколько произвольное обращение с ним. При необходимости развернуть картину пространства с ним обращаются именно и только как с периферией, где возможен произвол, то есть насилие над материалом в силу отрицания у него собственных форм,

2 Именно таков «Дизайн ландшафта», где ландшафт понимается исключительно как обустраиваемое пространство между стенами здания и границами земельного участка.

смыслов, упорядоченностей. Пространство предстает сферой, лишенной собственной ценности³.

* * *

Воля видеть единство в многообразии отдельных тел, вещей, мест, событий на поверхности Земли, в обитаемой повседневной среде выражается представлением о «культурном ландшафте». В культурном ландшафте так или иначе живут все люди, но для нашей культуры (общества) — это далекая неприятная периферия, возможно, далекая, как некая невидимая изнанка. Дать очерк культурного ландшафта и передать концептуализированный образ ландшафта нашей страны — первая сквозная линия и задача книги.

Представление о культурном ландшафте дает возможность и основание понять, «прочитать» пространство нашей обыденности на определенном фоне, поместить его в концептуальную рамку и увидеть смысловой контекст. Это пространство обыденности — не только безобразная среда; оно отнюдь не бесформенно и не так уж хаотично: формы незаметны — неприятно привычны, невидим фон.

Пространство это — вполне определенное и закономерное, по-своему функциональное и целесообразное. Оно организовано жесткой мощной структурой, сращенной с государством и пронизывающей буквально все, включая и обыденность, и само «государство». Единое пространство повседневной жизни и огромной державы и названо здесь «советским пространством». Концепция советского пространства — вторая сквозная линия книги; его представление в самом прямом смысле — ее задача.

3 Лишний раз удостоверился в этом на ярмарке интеллектуальной литературы «Non fiction-2». Десятки издательств, масса книг — ни одной карты, атласа или книги по реальному пространству России; а ведь происходит величайшая ландшафтная революция, даже мировые войны не меняли ландшафт сильнее и быстрее.

Советское пространство воплощено в культурном ландшафте и есть его состояние. Но состояние это — вырожденное, почти антиландшафт. Сказанное не носит оценочного характера; «советское пространство» — термин, как железная дорога (это не дорога из железа). Советское пространство — не псевдоним и не синоним бывшего СССР или его территории, а очень специфичный тип пространства — как ландшафтного, так и признакового, смыслового. Создававшееся как схема, проект, конструкция, советское пространство осуществилось в плоти ландшафта. Оно искорежило и трансформировало ландшафт; но, организовав и пронизав его, советское пространство и само оестествовилось. Его уже нельзя отделить от ландшафта и демонтировать: это структура, организующая форма ландшафта.

СССР — реализация советского пространства на $\frac{1}{6}$ земной суши; глобальное, планетарное, единое структурно, закономерное образование — распался или распадается (как посмотреть); советское пространство — куда более прочная конструкция на его основе, ведь и атомы прочнее организмов. Советское пространство все еще прочно и — опасно.

Ныне советское пространство проживает кризис за кризисом; идущий распад СССР — кризис отнюдь не первый и заведомо не последний. Саморазрушение советского пространства — процесс внутренне детерминированный. Это самовыявление конструкции; только распад СССР показал, как именно было устроено советское пространство, из каких частей-блоков состояло. Однако постсоветского пространства (еще!) нет, все мы все еще живем в советском пространстве и «расхлебываем» его структурную инерцию, разбираем проблемное наследство; обломки советского пространства долго будут обрушиваться на нас — не только в переносном смысле. Именно потому, что советское пространство было пространственной проекцией всей «советской цивилизации», его трудно и интересно изучать; именно потому, что советское пространство переживет СССР, его жизненно важно понять. Увы,

ВВЕДЕНИЕ

оно очень мало изучено; хуже того — не признана необходимость его осмыслить.

Обычно в обществе неизвестно и загадочно далекое от повседневности; мифологизирован край Ойкумены, где «живут люди с песьими головами». В нашей стране все ровно наоборот: менее всего известно свое и близкое. Обыденность, ландшафт, пространство — это экзотика. Terra incognita лежит рядом — но в ином направлении, в стороне от торных путей в прямом и переносном смысле; произошла инверсия экзотики, близкое оказалось чуждым, чуть не таинственным. «Постсоветская Россия» варится в бульоне мифов, хотя нет — в солянке, ведь бульон-то прозрачен. Мифология претендует быть методологией; методология сама мифологична. Мифология пространства — выражение его морфологии; в пору кризиса мифология громче, зато морфология отчетливее, если хотеть видеть.

Ландшафт оформлен и в той сфере его существования, которую сейчас принято называть ментальностью. Образы ландшафта, в том числе образы концептуальные, его самоописания, «автопрезентации», образы-и-мифы — его компонент, особая часть, не менее важная и не менее прочная, нежели все остальные. Это отнюдь не придаток и довесок к телесности ландшафта, напротив: большинство людей живет именно и прежде всего в этой реальности образа, мифа; для большинства людей фазовое пространство жизненное ландшафтного. Собственно в ландшафте мало кто живет. Персонаж «автор» — житель ландшафта; тексты — рассказы путешественника по миру ландшафта.

12 декабря 2000 г.

I. МИР КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

МИР КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА*

Едва ли ценность науки состоит в том, чтобы открывать лишь неведомое, далекое, необычайное... Ландшафт подобен культуре; люди всегда жили в них, но систематически осознаваться это стало недавно. Главное географическое открытие еще не стало достоянием культуры: все люди живут в ландшафте¹. Ниже — очерк феноменологии культурного ландшафта, не предполагающий никаких специальных знаний по географии и потому неизбежно использующий сравнения, метафоры, парадоксы².

* Впервые: Наука о культуре: итоги и перспективы. 1995. Вып. 3. С. 31—46.

- 1 Каганский В. Л. Мир географических открытий и мир современной географии // Исследовательские программы в современной науке. Новосибирск, 1987.
- 2 Использовано отечественное представление о культурном ландшафте. См.: Арманд А. Д. Ландшафт как конструкция // Известия Всероссийского географ. общества. 1983. Вып. 2; Калущков В. Н. Проблемы исследования культурного ландшафта // Вестник Моск. ун-та. Сер. географ. 1997. № 4; Каганский В. Л. Культура в ландшафте и ландшафт в культуре // Наука о культуре. 1995. Вып. 3; Он же. Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. М.; Смоленск, 1998; Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. М.; Смоленск, 1999; Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. М., 1928; а также статью «Центр—провинция—периферия—граница. Основные зоны культурного ландшафта» в наст. изд.

ЛАНДШАФТ ПРИРОДНЫЙ
И ЛАНДШАФТ КУЛЬТУРНЫЙ

Распространенное мнение, что существует чисто природный ландшафт, добавив к которому продукты человеческой деятельности, мы получаем нечто другое — ландшафт культурный — это важное недоразумение. Оно полезно, чтобы мыслить природный ландшафт самостоятельным объектом, изучать его, открывать законы и проч. (именно этим и занята физическая география). Но в культурном ландшафте сплетены природные и культурные компоненты, их нелегко и не всегда разумно разделять. Соотношение природного и культурного компонентов определяет в ландшафте очень многое, однако далеко не всегда ясно, имеет ли то или иное явление природное или культурное происхождение. Например, до сих пор это не установлено даже относительно степи Восточно-Европейской равнины. Расхожее представление о еще недавно необозримо-огромном пространстве, занятом чисто природным ландшафтом, — результат определенного видения, согласно которому культурный ландшафт имеет привычные нам следы воздействия человека — дороги, города, земледелие.

Мы считаем некоторый ландшафт природным почти всегда потому, что не склонны уважительно относиться к культуре его коренных обитателей, которая вовсе не обязана быть технологичной, вести к безудержному росту населения и агрессивному внедрению антропогенных материальных элементов в ландшафт. Тундра или тайга — культурный ландшафт, как и пустынные пастбища, умирающий аграрно-лесной мир северной России, джунгли урбанистической цивилизации.

Всякое земное пространство, жизненная среда достаточно большой (самосохраняющейся) группы людей — культурный ландшафт, если это пространство одновременно целно и дифференцировано, а группа освоила это пространство утилитарно, семантически и символически; различая эти аспекты, будем помнить, что в ландшафте прагматическое неотделимо

от смыслового. Отсюда вывод, что люди могут жить в ландшафте, не соотносясь с ним как таковым (как могут жить в истории, сего не ощущая). Здесь и далее для краткости понятие «культурный ландшафт» будет обозначаться словом «ландшафт», ежели иного не оговорено.

БЕЗ ФОНА И ОБЪЕКТОВ

Каждому знакома географическая карта. Объекты — города, реки, вулканы, памятники, озера и пр., размещенные на каком-то поле, фоне. Карта всегда ошибается в главном — для ландшафта различие (противопоставление) фона и объектов всегда условно и часто даже бессмысленно. Объекты можно выделить лишь ценой фокусировки и абстрагирования. *Ландшафт — сплошная среда. Это даже не ткань с узелками — расхожий образ, — но непрерывное «поле».* Можно указать на границу слов или предложений текста, поскольку его элементы дискретны, но нельзя сделать что-либо подобное с ландшафтом.

Части в нем выделяются столь многоразличными способами, что никаких жестких, и тем более универсальных, границ просто нет. Они всегда проводятся, но ценой сочетания огромной условности и абстрагирования от очень больших объемов содержания. Как-то я стал наносить на карту хорошо изученной большой территории границы тех районов, на которые этот участок отчетливо расчленился в каждом из аспектов. Но то, что было верно для каждого аналитического среза ландшафта, оказалось неверным для ландшафта как такового: сумма границ образовала сплошное черное пятно, границы оказались в каждом месте ландшафта (ср. с известным тезисом М. Бахтина: «всюдность» границ в культуре). Более того, коль скоро выделение границ — районирование — деятельность внутри той или иной научной дисциплины и/или практики, то получается, что данные и даже иногда видимые в материале ландшафта (территории) границы — проекция «из культу-

ры». Именно конкретика культурной ситуации предзадает расчленение ландшафта на части.

Попытка мыслить ландшафт чем-то вроде деталей детской головоломки, которая при «правильной» работе образует единственный рисунок, — распространенное, опасное и непреодоленное искушение. Оно основывается на представлении о каких-то элементарных кирпичиках (неважно, есть ли они уже в ландшафте или их можно сконструировать), что нужно только собирать, чтоб получать то одно, то другое. Таких кирпичиков просто нет. А есть масса способов расчленять ландшафт на части, причем без всякого произвола³.

Ландшафт сам себя членит, районирует. Способы выделения его частей, хотя и явно связаны с его дифференциацией, — результат деятельности разных групп людей, по-разному обживающих один и тот же ландшафт. Так, русские переселенцы долго выясняли в Южной Сибири у туземцев названия отдельных, визуально и топографически четких вершин; казалось очевидным, что уж горы-то существуют как отдельные элементы на самом деле. Оказалось, таких названий нет: местных жителей интересовали комплексы пастбищных и охотничьих угодий, а не единицы составления топографических карт. Расчленения культурного ландшафта на части, составляя компонент культуры его жителей, сами входят в ландшафт. (Этот пример подсказывает, что даже индивидуализация ландшафта культурно мотивирована.)

Различать фон и объекты нужно, если нас интересуют объекты — для рисования, строительства, бомбардировки; в жизни мы имеем дело с расчленениями целостной ткани. Ибо в ландшафте соседство обязывает, оно бывает случайным, но потом всегда ведет к связям. Ландшафт — такая среда, где соположенность непременно рождает смысловые, вещественные, утилитарные, символические взаимодействия и связи, потоки ресурсов и конфликты. Безразличного соседства в ландшафте не бывает.

3 См.: Арманд Д. Л. Наука о ландшафте. М., 1975.

Пространство ландшафта сложно и богато производными от соседства отношениями, оно очень дифференцировано и насыщено смысловыми различиями; синтагматика ландшафта как квазитекста очень массивна и резко доминирует над парадигматикой⁴. Таким мыслил пространство Аристотель (его подход принято называть квалитатизмом). Каждое из мест ландшафта имеет множество разных функций, используется в разных целях, служит разным группам для решения разных задач. *Всякое место* и даже само основание его существования (выделения) *полисемантически, полифункционально, поликонтекстуально*. Нелепо полагать, будто с помощью универсального набора элементов можно сложить любую конструкцию и реализовать любую функцию, выразить любой смысл. Всякая функция, задача имеет свою область определения, они не совпадают, но пересекаются. Не только места обретают функции, но функции и смыслы наращивают свои места.

В таком пространстве для нас, жителей городской (псевдогородской) массовой цивилизации, очень много странного. Все места, большие и малые, в каких-то важных отношениях равноценны как обеспеченные смыслом живущих в них людей. Качественные различия важнее количественных признаков (их так и хочется назвать призраками). Если всякое место — участник большого множества взаимодействий — от обмена возду-

4 Так, жители средней деревни выделяют вокруг тысячи значимых мест, хотя большинство их не имеет имен (топонимов). Отсюда принципиальный вывод: нет способа «пересчитать» множество мест (деталей, фрагментов) ландшафта, даже остенсивно (указанием) задать это множество безотносительно структурированных групп людей и их деятельности. Но тогда это не множество в точном смысле.

Мышление ландшафта ведет в экзотические области науки и культуры. Принцип множественности расчленений ландшафта — это проблема разнообразия людей, типологии личности и даже состояний личности, поскольку в разных состояниях человек по-разному выделяет места. Создавая среду, носители одних типов репрессируют другие; это мало сознается и тем более не учитывается в конструировании. Тогда есть возможность реконструкции доминантных типов исключительно по среде ландшафта, приобретающего статус своеобразного проективного теста для целого сегмента культуры.

хом до мистических путешествий, не говоря уж о потоках грузов, технологических цепочках и пр., — то *нет и единой меры мест, их универсального ранжирования*.

Ранжировать фрагменты ландшафта возможно и даже легко, если видеть в них лишь скопления ресурсов, будь то полезных ископаемых, площадок для строительства, леса (и даже — визуальных ресурсов). Коль скоро все места самоценны, хотя никаких абсолютных, универсальных мест в ландшафте нет, то каждое из них уникально; это и утверждалось почтенной, но теряющей популярность доктриной уникальности ландшафта (exceptionalism). Тогда, при прочих равных, чем больше размер, площадь ландшафтного пространства, тем большим содержанием, набором структур, сложностью, смыслом она обладает, тем более богата потенциальными формами⁵. Для ландшафта величина (площадь) — мера содержательная, интенсивная, ее нельзя заменить числом каких-либо входящих в ландшафт элементов, поскольку в силу недискретности ландшафта самих способов выделять такие элементы бесконечно много.

В эпоху кризисов ценность разнообразия уже не вызывает сомнения. Но *разнообразие ландшафта* — не столько мера его богатства для чего-то внешнего (хотя и это верно), сколько атрибут бытия. Ландшафт существует как качественно разнообразное пространство рельефа, почв, растительности, поселений, угодий и всего остального. Разнообразие ландшафта — его атрибут и основа устойчивости (в том числе как носителя смысла). Формы человеческой деятельности в той мере способны выжить в ландшафте, в какой они сами дифференцированы в соответствии с ландшафтом. А трансформация ландшафта имеет целью восстановить такое соответствие: цивилизации с простыми массовыми технологиями и немногими социокультурными группами и должно отвечать просто и однообразно дифференцированное пространство. Будет ли оно жизненно — дело другое.

5 Логически строгую экспликацию см.: *Каганский В. Л.* Классификация, районирование и картирование семантических пространств // Научно-техническая информация. 1991. Сер. 2. № 3.

Пространство ландшафта дифференцировано, что непосредственно ощущает человек, если он действительно живет в ландшафте. Но в пространстве ландшафта дифференцированы не столько отдельные места, фрагменты и области, сколько сами направления: горизонтальное и вертикальное, широтное и долготное, вдоль и поперек хребта, «центр – периферия» и многое другое. Научно это называется **анизотропность**, только самих направлений почти необозримо много, и более того, набор существенных направлений меняется от места к месту. Так, в деловом центре города (сити) главное направление — вертикальное, в остальном городе и пригороде — горизонтальное (ось «центр — периферия»), в собственно сельской местности доминирует природное направление «север — юг».

Очень дифференцированы масштабы, чем мы в силу крайней культурной экзотики этого понятия займемся отдельно. Анизотропность означает качественность направлений, как свойственная ландшафту дифференцированность — качественность мест. При всяком перемещении в ландшафте в любую сторону все меняется, причем во многих и разных аспектах. В ландшафте, как это ни странно, трудно однозначно описать результат перемещения. Хотя бы потому, что перемещение — смена мест, каждое из которых есть точка зрения, контекст, смысловая позиция.

Более того, почти невозможно осмысленно использовать единую меру для удаленности объектов в ландшафте (расстояния); говоря строже, *ландшафтное пространство полиметрично*, и глобальные универсальные метрики отсутствуют. Впрочем, это ведомо всякому: реально переживаемое расстояние зависит от способа передвижения, состояния путника и ландшафта, мотива передвижения и мн. др.

Современный человек, в сущности, даже любит ландшафт; эгоцентричная любовь позволяет заместить ландшафт более пригодным для такой любви образованием. Это **пейзаж**. Пейзаж — то, что специально существует для визуальной любви: красиво, живописно, величественно, экзотично, типично и т.д.

Пейзаж существует как отношение избранного места и избранной точки осмотра; то и другое культурно нормировано. Считается, что Петрарка первым (в нашей культуре) поднялся на гору исключительно, чтобы насладиться видом окрестностей; это было важной культурной новацией. Далее последовал известный культ зрительной живописности, в том числе создание парков. Пространство парка спланировано именно таким, чтобы создавать определенные композиции пейзажей, выражающие и символизирующие определенные образы природы и/или ландшафта; английский и французский парки — разные стили видения (трансформации, культурного обустройства) ландшафта.

Парк как композиция пейзажей и ландшафт во всем противоположны. В пейзаже смотрят с одних мест на другие, а прогуливаются по специальным дорожкам. В ландшафте все места — равно те, куда и откуда смотрят, а для перемещения служит все пространство. Парк искусственно создан для фрагмента жизни, ландшафт — просто жизнен. Парк подчинен созерцанию, ландшафт включен в многообразную жизнь, предполагающую и различие способов жизни у разных его обитателей. Поэтому, кстати, ландшафтная живопись как реалистическое искусство сомнительна: статические образы ландшафта ему неадекватны, зрительные впечатления осмысленны только при сверхвизуальной включенности в жизнь ландшафта и т. д.

ЛЕСТНИЦА БЕЗ СТУПЕНЕЙ

Для качественно дифференцированного пространства размер, расстояние существенны. Тем более **масштаб**. Этому феномену и понятию не повезло — оно стало в обыденной речи синонимом размера (истинное и первоначальное значение слова «крупномасштабный» — изображенный и/или рассматриваемый с высокой степенью подробности). Масштаб — от-

ношение между объектом в реальности и его отображением, описанием, представлением его смысла (на карте, но не только). Однако масштаб — еще и категория ландшафта. Если какой-либо объект может быть тождествен сам себе без оговорок, то для ландшафта это утверждение верно лишь при сохранении масштаба. С детства зная из школы о природных зонах или больших экономических районах, мы их никогда и нигде не видим; они существуют в одном масштабе (мелком), а наша деятельность протекает в другом (крупном). В мелком масштабе существуют государства, в среднем — города и их агломерации (например, Подмосковье), далее двигаясь по увеличению масштаба, мы имеем дело с районами города и природными урочищами, отдельными зданиями, непосредственным жизненным миром жилища. Мы легко мирились бы с такой ситуацией, если бы от масштаба к масштабу можно было бы переходить легко и просто. Но это не так.

Каждый масштаб подобен цельной сфере реальности. В каждом из них свои характерные формы, закономерности, понятия и траектории перемещения. Смысл объекта и фрагмента ландшафта зависит не только от масштаба рассмотрения, но и пребывания, существования. В крупном масштабе города — скопления кварталов, горы — хаос отдельных вершин, сельская местность — лоскутное одеяло полей; в среднем масштабе города «оказываются» звездообразными телами, горы — линиями хребтов, сельская местность — ступками полей вокруг деревень; в мелком и сверхмелком масштабе городские системы предстают роями точек, горные страны — четкой системой с характерным ритмом хребтов и долин, сельские территории — сплошным ковром с узелками городов. Даже функция (использование) объекта и/или территории производна от масштаба: большие судоходные реки связывают, интегрируют территории, но каждый отдельный участок реки — барьер, препятствие связям территорий на разных берегах.

Обычное представление о лестнице масштабов, порожденное практикой вкладывания мелких объектов как целых в

крупные, удобно, но сомнительно, ибо вкладываются физические площади и объемы, но не понятия и смыслы (точный аналог текста: «Евгений Онегин» — не сумма текстов строф или глав романа). Масштаб — особый тип контекста: *пространство культурного ландшафта полимасштабно*, каждой его части, месту отвечает целый спектр смыслов, значений, функций. Конкретный кусочек пригородного ландшафта — одновременно мозаика пустошей, полей и «дач»; часть системы привычного большого сельского хозяйства; уникальная «малая родина» (например, долина реки Лутосни — Шахматово А. Блока); охранная зона аэродрома (нельзя строить башен); часть водосборного бассейна реки Москвы и пригородных лесов и мн. др. Выяснить, что это за место, что оно значит, для чего оно нужно, что с ним можно и нельзя делать, бессмысленно вне конкретного масштаба, а таких мест много.

В каждом месте наслоены не только вещественные компоненты природного ландшафта (рельеф, почва, климат, растительность и пр.), но и масштабные уровни. Каждое место, всякий ландшафт — сложная *картина интерференции масштабов*, их взаимодействия, компромисса и конфликта⁶. По-видимому, столь трудно осваиваемая идея полимасштабности истории все же описывает более простую ситуацию.

По масштабам разведены во всяком ландшафте и уровни владения, контроля, пользования — другое дело, как именно и насколько компромиссно. Впрочем, к ландшафту вряд ли приложимо понятие абсолютной собственности; оно, как и вообще все понятия, описывающие вещи вне контекста, т. е. в дан-

6 Категория масштаба приложима и к пространству художественных текстов. Его анализу — жанру литературоведения, семиотики и пр. — явно не хватает категорий, что могут быть почерпнуты из морфологии ландшафта (даже реконструкции Ю. М. Лотмана тусклы). Ландшафт — прототип описания иных пространств. Картина феномена ландшафта может быть выражена достаточно общими категориями: пространство, место, масштаб, удаленность, форма, позиция и пр. Постоянно уподобляя ландшафт тексту, я уверен в эвристичности обратного хода — уподобления текста ландшафту, видения текста как ландшафта.

ном случае безотносительно масштаба, трудно приложимо к полимасштабным средам. Хотя бы потому, что собственность предполагает возможность как переноса, так и полного уничтожения ее предмета; первое для ландшафта немыслимо, а второе, помимо утраты, означает еще и ущерб всем смежным по горизонтали и вертикали собственникам. Множество конфликтов в ландшафте — конфликты не столько между разными частями, местами-соседями, сколько между масштабными уровнями, в каждом из которых пространство устроено по-своему. Каждый масштаб — еще и уровень смыслополагания, поэтому в «межмасштабных» конфликтах не бывает абсолютно правого. Понятия «объект», «тождество», «собственность», «истина» — масштабно не инварианты. Экологические кризисы (не только) нередко обусловлены тем, что издержки (последствия) и эффекты (польза) заданы в разных масштабах, пространственных и временных; одни масштабы процветают за счет других.

Жизнь человека, даже если он сидит сиднем, разворачивается во множестве разных масштабов. Он предъявляет к своей среде требования, очень зависимые от масштаба. Человек также имеет свой *собственный спектр масштабов*, в котором обычно бывают доминантные масштабы, связанные с образом жизни. Они различны у крестьянина, обычного горожанина, летчика. Размер личности связан с богатством и размахом масштабного спектра и отчасти индицируется ими. Один человек живет в доме и квартале, другой еще в городе и пригороде, третий — в регионе и государстве; иные редкие живут в Европе, всей Евразии, на Земле, в Солнечной системе... Адекватность взаимодействия людей между собой и с ландшафтом очень зависит от способности проживать всю полноту масштабного спектра, от навыков концентрации на необходимом масштабе и переключения с масштаба на масштаб. Полимасштабности ландшафта отвечает полимасштабность групп живущих в нем людей. Разные группы основывают свое жизненное понимание и поведение на переживании и (семантическом) использовании разных масштабов. Рисуя образ традиционного обще-

ства, И. Хейзинга удивлялся, сколь много людей занято не культивированием своих крошечных доменов, но семантическим освоением и связыванием не только разных и далеких мест, но и всего спектра масштабов.

Полимасштабность обеспечивает поразительную особенность ландшафта — его почти бесконечную *емкость для смысла* и деятельности; разные утилитарные и неутилитарные способы «использования» ландшафта возможны в разных ландшафтных нишах. Число и разнообразие таких ниш увеличивается еще и наличием временных масштабов, выражающихся, в частности, во многих разных системах — периодичности, ритмичности и сезонности. Примерно так ландшафт служит средой жизни для огромного числа популяций (видов) живых организмов; многие из них занимают не отдельные, только им предназначенные ячейки пространства, но используют некоторые фрагменты пространственно-временных масштабных спектров.

Сказанное ниже не должно показаться странным — мир ландшафта для современной цивилизации экзотичен: как нельзя ни о каком месте говорить (чем оно занято) безотносительно масштаба, так и о человеке нельзя сказать, где он живет, по той же причине. Ни локализовать объекты, ни охарактеризовать их вне конкретного масштаба нельзя; но раз так, нельзя их и отождествить. В мире ландшафта вещи и события не существуют «сами по себе»; академически это называется отсутствием масштабно инвариантных феноменов (хотя структуры вещей и событий, идеальные их модели могут быть масштабно инвариантными и изучаться как таковые). Присущее всякому ландшафту местное население — не просто жители конкретного места, даже умеющие им осмысленно пользоваться; *местное население — население полимасштабного места*⁷.

7 Важен и сложен вопрос: обитатели большого города — его горожане? Если они живут в своем кусочке, а город в целом им не дан, то нет оснований считать их его жителями. Так, основная масса «москвичей» живет в Кунцево, Люблине, даже в Замоскворечье... (ср.: *Каганский В.Л. К феноменологии урбанизированных ландшафтных сред // Городская среда: проблемы существования. М., 1990*).

Равно и нельзя в общем случае говорить о тождественности двух мест жизни людей, если у них нет существенного совпадения *масштабной локализации*. Конфликт соседей очень часто — результат их масштабного диссонанса.

Всякому живому культурному ландшафту присуща масштабная сбалансированность, даже *гармония масштабов*. Устойчивый комплекс ландшафтов включает масштабно-дополнительные элементы; простейший пример такого сбалансированного комплекса — большая традиционная семья, ее члены «специализированы» и на определенных масштабах. Тогда любой кризис, происходящий в мире ландшафта и/или видимый из этого мира как своеобразной проекции имеет симптомом, основанием или последствием утрату баланса в масштабном спектре. Не исключение и кризис культуры.

Ныне, когда процессы унификации набрали столь большую силу, что их опасность начинает осознаваться, важнее подчеркнуть не унифицируемую упорядоченность (хотя бы она и могла представляться на первый взгляд хаосом).

Нормальный ландшафт равно антитеза хаосу и такту, равномерной повторяемости стандартных элементов. Естественное чувство заставляет нас любоваться (и чисто зрительно, и эйдетическим зрением) и деревьями в лесу, и крестьянскими домами, и самими деревеньками, и всей тканью культурного ландшафта... Здесь — **ритм** сходных, нетождественных элементов и их размещения. Но ритм индуцирует специфичный масштаб; стоит сказать сильнее — коли есть смысловой ритм, то и качественно (а не только количественно) масштаб вполне реален. Ритмов так же много, как и масштабов. И ландшафт — я все наращиваю его образ, вынужденно односторонне-когнитивный, — еще и *континуум масштабов и ритмов*. Поэтому многое в эйдетической, смысловой явленности ландшафта роднит его с музыкой; иные страницы «Музыки как предмета логики» А.Ф. Лосева читаются как логическая пропедевтика феноменологии ландшафта. Недостаток места не позволяет говорить более о ритме, умном порядке фокальных элементов, визуальных и символических доминант путей и траекторий.

Видимо, теперь читателю становится яснее, почему всякое вторжение в ландшафт столь катастрофично и хуже, чем даже полное разрушение одной части ландшафтного пространства; это вторжение ломает весь спектр масштабов и ритмов. Между превращением в ничто одного места ландшафта и уничтожением единичной вещи нет ничего общего. Сплошность ландшафта делает его уязвимым, разрушение единичного места имеет далекие последствия.

МЕСТА И ПРОСТРАНСТВО

Разберемся теперь с понятием пространства, здесь чересчур перегружаемым. Если пространство дифференцировано, и анизотропно, и полимасштабно, и полиритмично, если оно сложно пронизано смыслом и деятельностью (неуместное «и»), если в нем качество доминирует над количеством, а форма над формулами, то вправе ли мы пользоваться этим понятием? Стоит отдавать себе отчет, что то пространство, о котором идет речь, радикально отличается от нам привычных, будь то пространство ньютоновской механики или идейно сходной с ней классической экономики и социологии. В ландшафтном пространстве нет оснований задать отдельно геометрию и физику (экономику, семантику), как в текстах многих типов нельзя по отдельности задать синтаксис и семантику. (Синтаксис текста и геометрия ландшафта семантичны.) Нет никаких изолированных атомов вещества или человеческой массы. Нет вообще способа представить пространство очищенным от содержимого. Вернее говоря, все это делается при исследовании, и делается (иногда) продуктивно и законно, но лишь потому, что так вскрываются структуры, которые фундированы именно ландшафтом. Когда говорят «нанести на карту», то подразумевается, что карта — не пустое несущее пространство, но уже насыщенное и дифференцированное смыслами.

В сущности, все, что случилось с ландшафтом в индустриальной массовой, демократической цивилизации, и есть постепенное превращение континуума ландшафтов в освоенное и используемое пространство. Оно описывается метафорой взаимодействия, тяготения социальных масс в зависимости от социальных расстояний. Эта метафора оказывается даже моделью — именно потому, что по этой модели (уже в ином смысле) ландшафт и трансформировался. Оценивать случившееся можно по-разному, не стоит лишь переоценивать.

Ландшафт сохранился. Свидетельствуют об этом не столько остающиеся кое-где леса, патриархальная глушь, фрагменты ритма, но сами принципы устройства ландшафта. Даже в чисто природном ландшафте его топология, пространственная оформленность сильнее и жизненнее вещественного заполнения; рисунок форм устойчивее содержания. Радикальная смена доминант в использовании ландшафта, социальные и технологические инновации ломают одни ритмы, но создают другие, одна сложность заменяется иной. Меняются факторы масштабирования, но сохраняется сама полимасштабность. По-видимому, мы сейчас в середине смены одного типа обустроенности ландшафта на другой: прединдустриального на постиндустриальный⁸.

Актуально реализуясь и проживаясь, сплошность, всюдность и полимасштабность способствуют выживанию, полноте использования ресурсов, заполнению и преодолению лакун.

АРИСТОКРАТИЗМ ЛАНДШАФТА: СМЫСЛОВОЕ НЕРАВЕНСТВО МЕСТ

Всюдность, сплошность и равноправие мест ландшафта не означает его эгалитарности (демократизма). Демократичен омассовленный ландшафт. Выше подчеркивалось принципи-

⁸ Говоря «мы», я ощущаю себя жителем умеренного пояса Северного полушария Земли. Полимасштабность — еще и фактор жизненного оптимизма, способ выживания.

альное равноправие всех мест, составляющих ландшафта как в равной мере деталей его устройства. Органы живого тела равноправны независимо от величины, желудок не важнее глаза. Вхождение всех частей в одно целое и их незаменимость в целом — это не равенство; равенство как раз предполагает взаимозаменяемость частей. *Ландшафт*, вполне отвечающий своему понятию, *равенства не знает*. Равенство вызывает хаос и/или такт, равны унифицированные детали. Жизнь ландшафта иная. Демократизмом ландшафта стоит считать право свободного сочетания всех и любых его элементов, свободного их размещения. Но демократизм ландшафта — форма его самоуничтожения. Что же тогда будет в ландшафте аристократизмом?

В ландшафте необходимы и неизбежны полярные, противоположные элементы, как день и ночь, зима и лето; но всякий на своем месте. Соседство разных элементов ландшафта не случайное и не статистически равновероятное, а сугубо обусловленное. Своего рода буквальная уместность. Ведь соседство в ландшафте обязывает и гарантирует смысловую, а не только пространственную смежность. В частности, единство использования. Разумеется, некогда в сельском ландшафте храм или усадьба были центрами власти и смыслополагания, как свободный город с магдебургским правом — центром политического самостояния для всей округи. Они ценнее и значимее остальных элементов, но никак не могут их заменить и «освободиться» от связей с ними. Большой город — не замена малому, а малый — это не недорослий большой. Поле дает больше продукта, чем пастбище, пастбище — чем лес, а лес — чем болото; но из этого в обычном ландшафте не следует превращения всех угодий в поля (и их застройки). Все нужны друг другу, но одни важнее других.

Аристократизм ландшафта вырождается тогда, когда более значимые элементы превращаются и в более необходимые, когда обычные и смысловые силы уходят на поддержание главных элементов за счет забрасывания всех остальных. Бо-

лее значимыми могут быть в разных случаях почти любые элементы, а не универсально одни и те же — более старые или новые, центральные или окраинные, утилитарно продуктивные или ценные символически, исключительные или типичные. Иерархии в ландшафте не универсальны, *ландшафт полииерархичен*. Для каждого из компонентов ландшафта и/или населяющих его групп людей существуют свои иерархические системы; свои, но вырастающие из общего сплошного ландшафта. Неравенство мест в ландшафте связано и похоже на неравенство людей — в старом, допросвещенческом смысле.

Обычные провалы в реконструкции эстетически, исторически и тому подобных ценных мест объясняются невозможностью реконструкции всей поликонтекстуальной системы смысловых отношений конкретного ландшафта. Пренебрегаемый и подавляемый искусственно конструируемыми ретромакетами, фон «мстит», и здесь он полностью в своем праве. Иерархии ландшафта укоренены в нем, а иерархические новации для жизни должны укорениться. По-видимому, укоренился, разбросав фрагменты своего композиционного и смыслового целого, Петербург (иное мнение тоже обоснованно: Петербург не вжился, а просто раздавил прежний культурный ландшафт).

ЦЕННОСТИ ВНЕ ЭКСПОНИРОВАНИЯ

Охрана памятников, природы и пр. — любое *внешнее нормирование ландшафта* — акция, враждебная местному населению; в нашей стране оно так считает. (Впрочем, и посетителей первого в США и мире Йеллоустонского национального парка солдаты охраняли от индейцев, чьи земли отняли под парк.) В ландшафте все соотнесено со всем, хотя отнюдь не непосредственно. Ценности укоренены (часто буквально — леса) и вырастают из земли и Земли. Каждое место значимо, одни места значимы более других, но для других мест и лишь отчасти для пришлых жителей, которые всегда есть в любом конкрет-

ном месте. Подчинение же чего-то местного пришлым — обычное насилие над ландшафтом и людьми, соединенными жизнью. Такое подчинение может быть обычной «реставрацией», которая почти всегда усугубляет общую разруху, хотя остается неясным, что реставрируется — вещественно-телесная или семантико-символическая составляющая — и как можно отреставрировать смыслы и символы?! В ином это просто физический перенос объектов. Так возникли живописные музеи типа Малых Корел — искусственные композиции фокальных элементов, свезенных из огромного, ограбленного тем самым культурного ландшафта⁹. Очень редко бывает иначе.

Предназначение чего-либо исключительно для целей экспонирования, показа, визуального потребления означает физическую и/или символическую изоляцию его от вмещающего ландшафта, наделение объекта особой внешней и единственной функцией, помещение, в сущности, в систему совсем иного пространства. Добыча нефти на месте уничтоженных оленьих пастбищ ненцев, т. е. присвоение ресурсов в иных, далеких местах, — следование той же логике пространства. Но ведь ландшафт есть единство мест, имеющих смысл для одной группы людей. Именно такое единство смысла и позволяет очертить родные ландшафты¹⁰, в пределе — собственно Родину (Земля — тоже родина).

9 Поясню рефератом воображаемого фантастического романа «Бунт экспонатов». Земляне сталкиваются с внеземной цивилизацией; Земля ей интересна. Предвидя катастрофу, пришельцы начинают спасать, вывозя с Земли и размещая на своих планетах целые ландшафты. Спасены Суздаль, Этна, Флоренция, Галапагос, спасают Цейлон, Байкал, Юкатан. Массы землян одобряют пришельцев, дарящих им имитаторы ландшафта и нужные ресурсы. Но фанатики пытаются помешать акции космического гуманизма. После тяжких испытаний все уникамы спасены, земляне готовятся к грядущей через два миллиона лет катастрофе, излеченные фанатики помогают отыскать и спасти редкие экземпляры Homo sapiens.

10 Строгая экспликация понятия «целостный текст», позволяющая уточнить идентичность таких текстов, строится на основании статистических распределений частот элементов текста, где важны редкие феномены (распределение Ципфа).

В современной культуре сформировалось новое основание для ранжирования мест — культурно мотивированная живописность; это псевдоиерархия, поскольку «живописные места» даны потребителям в таком статусе не наряду со всеми остальными, а вместо всех остальных, и живописность — единственное ценное в таких местах.

Активность нынешней стихии «охраны природы / охраны памятников» — пугающий симптом того, что ландшафт не переживается как ландшафт. Ценятся объекты — фон безразличен (аналогом была бы попытка понять и сохранить смысл текста путем разрушения контекста и изоляции текста от привычной ему интерпретирующей среды). Это эстетически (вообще ценностно) мотивированное насилие социально и культурно санкционируется. (Ситуации, когда реконструкция для экспонирования постепенно перерастает в общую ревитализацию культурного ландшафта — редчайшие исключения.)

Ландшафт превращается в *сеть избранных объектов*, ценных исключительно в каком-то частном отношении. Но кроме эстетических (шире — символических) ценностей есть и иные — экономические, ресурсные и т. п.; каждая из них формирует свою сеть ценных объектов. Именно так — суммированием вырванных из ландшафтных контекстов фрагментов — формируется наша пространственная среда. Обитаемое пространство — фрагментированное, безместное, анонимное... Продуктивное — в локальных отношениях. Понятие о ценном объекте не только вырезает его из ландшафтного фона и делает деталью сети изолированных объектов, но и «прибивает» жесткой функцией к одному из масштабов. Так в непосредственном соседстве оказываются объекты живущие, нет, функционирующие — каждый в своем (но не местном) контексте и отличном от других масштабе. Мы получаем хаос значений, масштабов, смыслов, эклектику свободного сочетания любых элементов, но зато сильные контрасты. Именно такова современная городская среда, ценящая за «разнообразие»¹¹.

11 См.: *Каганский В.Л.* Указ. соч.

Идеи любовного сбережения для экспонирования как особой функции объекта и жесткого монофункционального утилитарного использования — такие, кажется, разные — реализация отношений к ландшафту как огромному богатству, дарованному природой и историей кладу ресурсов, скопищу «мест для...». Неважно, насыщенным какими ценностями мыслится ландшафт, важно ценности ли это собственно ландшафта или отчуждаемых от него объектов. Но «решать» это должен сам ландшафт, т. е. его жители в самом широком полимасштабном и уж никак не эгалитарно-демократическом смысле.

ЗАЧЕМ НУЖЕН ЛАНДШАФТ?

Ландшафт существует. Во многом в меру нашего с ним взаимодействия как с ландшафтом. Если мы ощущаем, что наша жизненная среда на поверхности Земли нечто иное и большее, чем конгломерат отдельных объектов, если наши передвижения по этой «поверхности» — не случайные блуждания или стремительные переносы от одной нужной точки к другой в безразлично-враждебном пространстве, а осмысленные каждой частью поездки, если нам нужно нечто, где мы могли бы в естественной цельности переживать погоду и руины, рельеф и сезоны года, закаты и дожди, небо и почву, неожиданные контрасты, приятную уютность обжитого, странные пейзажи и унылость новостроек... то нам нужен культурный ландшафт. Но признак «быть ландшафтом» бессмыслен сам по себе, ландшафт — еще и функция взаимодействия с ним, способности видеть. По крайней мере, видеть...

Но тогда ландшафт может быть гипотезой? Разумеется, и гипотезой, что можно всегда подтвердить, если уметь и хотеть жить так, будто ты живешь в ландшафте.

Проживание и переживания ландшафта как единства пространства, вещей и смыслов — не дополнительная обуза, не временительное клише видения. Жизнь-в-ландшафте — это

способ, один из способов обретения-восстановления-наращивания единства собственного жизненного мира. Можно видеть поверхность Земли складом-музеем-свалкой вещей без связи (а свою жизнь — основанной на этих отдельных вещах), можно — сложной и обязывающей цельной средой. Короче, если бы культурного ландшафта не было, его обязательно надо было б придумать...

1995

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЛАНДШАФТУ*

Культурный ландшафт рассматривался выше как феномен, нечто самопроявляющееся. Однако ландшафт существует и постигается в разных подходах, шире — в разных культурных практиках, установках, ориентациях. Причем не во всех из них представление о ландшафте (и вообще существование такого феномена) осознается, дано эксплицитно. Ясно, что для горожанина, вчерашнего мигранта, жителя пригородной деревушки, бродяги-бомжа, туриста, ландшафтоведа, менеджера, проектировщика, художника-пейзажиста будут существовать не просто разные образы одного и того же ландшафта, будут существовать разные миры, реальности.

В первом приближении выделяются семь подходов, в каждом из которых культурный ландшафт существует как нечто вполне отдельное, автономное, специфичное или иначе, чем иные реалии. Эти подходы, или культурные практики, выделенные на основании отношения к ландшафту, названы условно и описаны здесь лишь с той мерой полноты, которая требуется, чтобы образы ландшафта и модусы культуры в нем были отчетливо различимы, чтобы сделать ценности и атрибуты ландшафта-в-подходе выпуклыми.

* Впервые: Наука о культуре: итоги и перспективы. 1995. № 3. С. 68—79.

НАТУРАЛИЗМ

В этом подходе ландшафт дан и воспринимается через его живые компоненты — организмы, сообщества. Они комплексно эстетизируются, осмысливаются, изучаются (энтомология, ботаника в широком смысле). Эти компоненты, в широком понятии ряд которых могут входить неживые фрагменты и бесстеленные артефакты, замещают целое ландшафта. Насыщенность пространства ими — главный ресурс пребывания в ландшафте, его ценность, а формы размещения — основа различения мест (ландшафтов) и их персонализации. Включение в ландшафт как среду достигается через понимание деталей. Главная из них — организм — симптом (семиотически), метафора ландшафта как целого. Организмы — знаки и символы отдельных мест, а ткань ландшафта — витальный фон для них. Насыщенное таким образом пространство выделено и противопоставлено остальному, «бедному».

Такой способ ландшафтопереживания был, видимо, свойствен Гете и явно осознан и описан В. Набоковым. Реализация данного подхода зависит от того, насколько широко переживается жизнь. Так, А. Ферсман непосредственно переживал как жизнь минералов, так и включенность их в культуру (ср. отношение к драгоценным камням в астрологии, сады камней). Подход растворяется в гилозоизме, где как живое трактуется просто вся реальность. Витализация ландшафта (как иногда вообще витализация) — способ включения в культуру и проживания в культуре природного. Контакт с ландшафтом возможен здесь только как непосредственно личный, требующий воли к пониманию, терпения, эстетической зоркости.

Существенно отчуждение и музеефикация — как телесные, так и семиотические — мелких деталей и/или локальных аспектов ландшафта (коллекция, гербарий; сборник пейзажей, фотоальбом). Чрезвычайно важна возможность тактильного контакта, осязания, обоняния и манипулирования с созданием новых композиций (например, сбор цветов, плетение венков,

составление букетов, икебана; чучела?). Отчуждаемые компоненты ландшафта имеют особый культурно-семиотический статус, даже сакрализуются и/или используются в сакрализованных практиках (знахарство, травничество).

Фокальный тип ландшафта — устойчивое многовидовое, многоярусное сообщество (биоценоз), визуально обильное жизнью, особенно при наличии отчетливой и достаточно явной (но не поверхностной) специфики и редких (эндемичных) и/или культурно маркированных видов. Важно разнообразие деталей ландшафта по размеру, включая наличие мелких, живописных и легко, без ощущаемого вреда отчуждаемых (цветы, листья, шишки, сучья, насекомые; геологические образцы). Антропогенные компоненты оцениваются негативно и редуцируются из картины ландшафтовосприятия.

Ландшафт как таковой, как культурная целостность не осознается и понимается просто как «природа»; лишен самостоятельной реальности и особых картин описания. Он рефлектируется морфологией в широком смысле (старое описательное естествознание, естественная история); рефлексия включает этические компоненты (биоэтика и др.). Такой подход аристократичен и элитарен (вплоть до снобизма), имеет высокий социокультурный статус. Он свойствен ряду профессиональных (систематики, широко образованные натуралисты¹) и элитарных групп; в упрощенных вариантах применительно к отдельным классам ситуаций и мест он — достояние традиционной народной культуры. Реализуется этот подход, как правило, в локальных ситуациях (крупном масштабе); при больших размерах личности может охватывать и Землю как живое целое. Он реализуется также множеством частью упомянутых культурных практик хозяйственного, терапевтичес-

1 Особый вариант, преодолевающий фокусировку на немногих видах, — теоретическая биология (биогерменевтика) по С. В. Чебанову (см.: *Chebanov S. V. Biology and Humanitarian Culture: the Problem of Interpretation in Biohermeneutics and Hermeneutics of Biology // Lectures of Theoretical Biology. 2nd Stage Tallinn, 1993*).

кого, рекреационного, эстетического и пр. типа; упомянутые фрагменты играют огромную роль в традиционном орнаменте и современном дизайне; есть и синтетические жанры анималистики, художественной энтомологии и др.

ГЕОМОРФИЗМ, ЛАНДШАФТНЫЙ ПОДХОД К ЛАНДШАФТУ

Геоморфизм — познавательльно ориентированная рефлексия бытия ландшафта. Рефлексия жизни/пребывания в ландшафте как универсальной среде сочетается здесь с особым, нестандартным, нетривиальным (не присущим местным жителям) способом жизни — путешествием². Оно ориентировано на многоаспектное и полимасштабное включение в ландшафт. Основная ценность ландшафта — богатство смыслом, поддающимся экспликации, что предполагает внутреннее разнообразие любого ландшафта. Понимание в этом случае не отождествляется с описанием и объяснением. Четко различаются представление ландшафта и представление смысла ландшафта (осознанные в своей условности концепции, особые структурно-стилистические повествования, иконически-графические языки).

Познавательная, коммуникативная и культурная роль этих средств — карт в широком смысле — такова, что подход может быть назван картографической герменевтикой ландшафта.

Отдельные места, фрагменты, детали, масштабы — средства подключения к целому. Привилегированные, особо значимые места — не основа редукции, а позиции восприятия всего ланд-

2 Путешествие — способ передвижения в ландшафте для постижения его разнообразия (см.: *Родаман Б. Б.* Искусство путешествий // География. 1993. № 5; *Каганский В. Л.* Путешествие в ландшафте и культуре // Культура в современном мире. Вып. 2. М., 2001). Специфика путешествия как перемещения — совмещение трех аспектов. Путешественник движется одновременно в пространстве территории, знания о территории и ее переживания, причем узловые места всех трех пространств соответствуют друг другу.

шафта; их знание не заменяет знания ландшафта в целом, а фокусирует его. Существенно, что расчленения ландшафта и/или выделение его отдельных мест производится разными, дополняющими друг друга способами³. Основа пребывания и познания ландшафта — экспертная деятельность, причем эксперт включен в ландшафт когнитивно, сенсорно и ценностно. Эксперт — особый подвижный и рефлектирующий компонент ландшафта.

Для подобного подхода велика роль соотнесения, сравнения конкретных ландшафтов (мест). Путем многоаспектных сравнений осуществляется перенос знаний и смыслов между ландшафтами. Конкретный ландшафт всегда дан как сгусток полей сравнимости. Специфичность его выражается в широте и густоте этих полей. Нетривиальные сравнения — ключ к пониманию специфики конкретного места.

Искусственные (человеческие, культурные) и естественные компоненты равноправны и дополнительные, понимаются как взаимопорождающие. Личность и ландшафт соконститутивны, культурный ландшафт рассматривается как персонализированный. Такой подход включает уяснение разнообразия его обитателей, особенно их способов жизни в ландшафте, подключение к образам ландшафта, присущим разным группам, способам восприятия и взаимодействия ландшафта. Подобные образы — не внешние восприятия ландшафта как независимого от взаимодействия с ним, а его особые аспекты, даже части (рефлексии культуры — компоненты этой культуры).

Время и пространство частично взаимоуподобляются при базисной роли пространства, представляются как некоторые

3 Важна и сложна проблема культурной предопределенности фокальных мест ландшафта: с одной стороны, наследование таких локусов и их согласованность для разных типов людей и субкультур (например, христианские храмы на месте языческих), с другой стороны — резкие различия разных групп в выделении значимых, доминантных и тому подобных урочищ при интенсивной включенности в ландшафт. Проблема пространственных доминант для культурного ландшафта куда острее, чем для города.

сущности, субстанции. Персонализация ландшафта основана на темпорализации; «овременении». Масштаб качественно осмыслен, сопряжен со специфическими формами, ритмами. Принципиальна полимасштабность — всякое представление, описание, образ, по крайней мере, трехмасштабны. При очевидной важности визуального восприятия и его многосторонней отточенности ландшафт не сводим к визуально зримому.

Жизнь-в-ландшафте основана на размере личности, широте ее масштабного спектра. Включенная в ландшафт личность непосредственно и постоянно переживает свое место как серию концентрически вложенных ландшафтов-родин (умвельтов)⁴. Основная форма знания ландшафта — личностное знание, теоретизирование в форме спекуляции об идеальном ландшафте. Личностное знание базируется на проживании крупных частей ткани ландшафтов Земли, «регионспецифично». В силу этого знания разных лиц нетождественны, их различие представляет ценность и основу коммуникации. Подход предполагает и порождает разнообразные средства коммуникации по поводу ландшафта.

Ландшафтный подход при экспликации приобретает все более широкую сферу реализации, частично универсализируется (например, видение города, текста, науки как квазиландшафта, анализ которых основывается на представлении их пространств картами). Рефлексия самого подхода — осознаваемая ныне герменевтика *non fiction*, т.е. герменевтика жизнедеятельности⁵.

4 Например, полное указание места написания данной работы: «Письменный стол у окна на запад, кабинет, квартира, 3-й этаж пятиэтажки, дом... улица... окрестности платформы «.....» Белорусской ж/д, Кунцево, высокий правый берег реки Москвы, западный сектор периферии Москвы, Северо-Запад ядра Московского региона, междуречье рек Москвы и Оки, зона смешанных лесов, Восточно-Европейская равнина, запад Северной Евразии, внутренняя периферия Старого Света, Северное полушарие, Земля .

5 См.: Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я. Семиотика описательных текстов: Типологический аспект. СПб., 1999.

Фокальный тип ландшафта — поликомпонентный, полимасштабный, природная и культурная компоненты «уравновешены». Прагматический вариант описываемого подхода особенно ценит концентрированное в ярких границах разнообразие территории, он имеет связанные природную (генезис, ритмы, циклы) и культурную (история) судьбы. Впрочем, «подход как способ жизни» позволяет личности ненатужно и продуктивно пребывать в любой среде.

Подход реализуется рядом малых ландшафтно ориентированных субкультур, причем не только профессиональных; в осознанной полноте он — (пока) достояние немногих лиц.

НАУКА О ЛАНДШАФТЕ

Ландшафт здесь — предмет исследования в ряду других предметов со всеми неизбежными последствиями: объективация и отчуждение знаний, онтология формализованных концепций и моделей, тотальная рационализация и элиминация символических компонентов и аспектов. В ландшафте априорно выделяются привилегированные места и масштабы (уровни), задаваемые приложимостью концептуальных схем и/или эмпирических методик. Пространство и время изоморфны. Ландшафт — материал для верификации гипотез. Установка подхода — упрощение, симплификация, поиск универсальных законов и автомодельных симметрий. Различение природного и культурного игнорируется, отчасти сохраняясь лишь из-за внешних коннотативных связей. Человек в ландшафте редуцирован до набора социокультурных ролей. Ландшафт полностью лишен онтологической специфики и автономен лишь в меру своеобразия конкретного комплекса исследовательских задач и техник; в каком-то варианте подхода специфика ландшафта может быть полностью элиминирована. Ныне такая специфика задана работой с корпусом текстов иконических языков, в основном — карт на основе личностного знания, которое отрицается и разрушается рефлексией и нормативизацией.

Этот подход опирается на геоморфизм, используя его как источник смыслов, интуиции и неверифицируемых суждений о сходстве/различии и ценности конкретных ландшафтов. Основное представление ландшафта — модель и/или теоретическая схема, дополненные комплексом так называемых эмпирических данных.

Реализуется в широком поле дисциплин — науки о Земле, прежде всего география⁶; военная география; разнообразные учения о городе и дисциплины, обслуживающие архитектурное и средовое проектирование, технику, хозяйство и т. д.

Подход рефлектируется методологиями позитивистского (в основном — натуралистического) типа и поэтому рассматривает себя как ценностно (культурно) нейтральный; но на деле подход культурно агрессивен: неограниченно распространяет научные конструкты, культурный источник и смысл которых не выявлен, но территориально, исторически и культурно локализован. Основные способы упорядочения знаний о дифференциации территории (районирование) производны от практик землевладения и землеустройства европейского Средневековья и эпохи абсолютизма.

ПРОЕКТИЗМ

Ландшафт — материал и среда реализации проектов в широком смысле (от создания мирового города до поездки за грибами). Ценность ландшафта и одновременно источник различения и спецификации отдельных мест — трансформируемость, управляемость, подвластность проектной воле, богатство ресурсами, простота манипуляций. В принципе ландшафт — поле для проектной реификации (овеществления) любых ценностей —

⁶ См.: *Каганский В. Л.* Концепция человека в географии // Взаимодействие физической и экономической географии. М., 1988; *Он же.* Мир географических открытий и мир современной географии // Исследовательские программы в современной науке. Новосибирск, 1987.

от технократических до экологических («зеленых») в отдельных вещах/местах. Подход конструктивен и нормативен. Ему присущ избирательный, фрагментирующий способ работы с ландшафтом. Реализация подхода состоит в конструировании из ландшафта как пассивного материала априорных относительно конкретной территории схем; нередко они — трансформированные древние культурные формы (архетипы).

Выделение и различение частей и форм сугубо внешние; привилегированные масштабы заданы технологически (в том числе и технологиями знаний) и прагматически. Само существование ландшафта как такового в подходе проблематично; выделение его как особого предмета деятельности обусловлено спецификой его как материала и традициями самой проектной деятельности (например, «ландшафтной архитектуры»).

Реализация подхода — собственно проектирование, любая проектно организуемая хозяйственная, экономическая, военная, учебная и прочая деятельность. В предельной идеализации проектизм тотален и рассматривает себя как творение; отсюда тенденция (псевдо)сакрализации схем «проектантов», наделяемых теургическим статусом.

Фокальные типы ландшафта — простые, обозримые, наделенные визуально ясными формами, продуктивные, искусственно созданные среды жизни: футуроцентричные урбанистические среды или управляемые агроценозы. Ландшафт, идеальный для воплощения проектов, — это нечто вроде абсолютно пассивной и плодородной материи (в Аристотелевом смысле), жаждущей внешней формы.

Подход рефлектируется деятельностью методологиями. Ландшафт представляется как коллаж воплощенных в материале ландшафта исторически меняющихся схем, фундируемых символами и/или образами. Иными словами, проектно-целеполагающее видение реального ландшафта усматривает в нем лишь свалку недо воплощенных проектов и места для реализации новых проектов. Всякий ландшафт в этом подходе «недо-

проектирован», а всякий проект касательно ландшафта «недоиспользован»⁷.

Существенно, что проектизм — подход не только работы с ландшафтом, но и его видения. Многим профессиональным группам ландшафт дан не иначе как в контексте его (потенциальной) трансформации и обустройства⁸. В этом смысле проектизм лежит в основе советского пространства, данного исключительно как пространство для задач.

Реализация этого подхода очевидна — проектирование и дизайн, включая новые средовые постмодернистские искусства, традиционное садово-парковое искусство и вообще ландшафтная архитектура; но доминирует здесь проектно-программно организуемая хозяйственная, военная и иная деятельность (например, спортивное ориентирование), даже экологическая.

ЭСТЕТИЗМ

Пребывание в ландшафте ради получения художественных впечатлений и их запечатления средствами искусств и все практики, с этим связанные, предполагают частичность видения, живописность, экзотичность и т.п. Ландшафт здесь существует исключительно в визуально (реже иных сенсорно ярких) ценных фрагментах, как совокупность связок «место — картина видения». Ландшафт редуцирован к культурно маркированным фрагментам. Ландшафт тут есть картина (см. известную мысль Хайдеггера, что в новоевропейской культуре универсум, мир есть картина, а не просто дан как картина).

7 См.: Каганский В. Л. Портрет культуры в ландшафте // Архитектура СССР. 1989. № 5.

8 Как-то путешествие свело меня с практикующим архитектором — выдающийся ландшафтная зоркость, глубина различений и переживания природного ландшафта. Но постепенно выяснилось, что он переживает не ландшафт-феномен, а спонтанно генерируемую его личностью реальность «ландшафт + архитектурный шедевр», который он мысленно создает во всяком переживаемом месте.

В зависимости от эстетической установки (культурной матрицы) предметом созерцания могут быть любые личностно и/или культурно маркированные элементы.

Естественность ландшафта осознается как ценность и задана культурно, клише представлений о естественном сменяются. Ландшафт может быть символом трансцендентного (религиозный эстетизм), может быть персонализирован получившими художественное выражение впечатлениями (так называемый среднерусский ландшафт — порождение оптики и мастерства И. Левитана, и в этом смысле создан им). Подход этот универсален как приложимый к любой установке.

Фокальны живописные (богатые разными пейзажами) старые городские (оестествление руин) или дикие природные ландшафты; английский (природный, свободный) парк при сочетании с натурализмом, французский (регулярный) — при сочетании с проектизмом. Для проектизма он — источник ценностей и образов.

Способ рефлексии — эстетика, менее — этика, искусствование, отчасти — литературоведение. Все больше здесь симптомов методологизма⁹.

Подход осуществляется как вкраплениями в повседневную жизнь, так и выделенными периодами. Помимо известных культуртрегерских путешествий (с бедекерами) у нас в стране существует особый жанр экспедиционно-художественного паломничества; так был уже не в первый раз «открыт» и культурно освоен Русский Север, Алтай (ср. Шамбала и активность семьи Рерихов), Байкал.

Этот подход может склеиваться с натурализмом на основе эстетико-гедонистической установки.

9 Хорошо просматриваются в так называемой желтой серии (и многих других путеводителях) установки нормирования маршрутов в ландшафте, организации избирательного видения, штампы визуальных впечатлений, нормирование коммуникации по поводу переживания ландшафта.

ЭСКАПИЗМ

Эскапизм — ярко выраженный деятельно-инструментальный подход. Ландшафт здесь — особая среда деятельности, которую нельзя осуществить в другой среде (может трактоваться как крайняя форма проектизма). Поэтому в подходе обесмысливаются обычные различия ландшафтов по природной основе, истории и пр. Ландшафт здесь — дерегламентированное пространство (ср. контркультуры), убежище, где остро переживающие свою маргинальность группы разворачивают театрализованный обиход, контрастирующий и/или конфликтующий с бытом основной части социума. В этом обиходе семантически нагружаются некоторые утилитарные особенности и детали ландшафта. Ландшафт — поле и материал для деятельности, со спецификой конкретного ландшафта почти не соотносимой¹⁰; но, в отличие от проектизма, здесь нет установок нормативности. Подвластность «занятого» участка — важная ценность, нарушение границ территории приводит к конфликту.

Этот подход глубоко избирателен сезонно и территориально и внутренне наиболее разнороден. Реализуется детско-молодежными группами, маргинальными субкультурами (некоторые фракции хиппи), основной частью походных туристов. Яркая реализация подхода — феномен партизан, понятый как культурный. Для партизан полностью снято даже различие природного и культурного; например, они одинаково успешно используют и лесные и городские джунгли как естественную среду, неподвластную враждебной им — обычно регулярно-городской — культуре. Но терроризм — чистая форма проектизма, лишь концентрирующий его негативный активизм.

Фокальный тип ландшафта — хорошо защищенный, потаенно ксенофобный с немногими комфортными местами. По-

¹⁰ Например, слеты клубов самодеятельной песни: в ландшафте оказываются несоразмерные и неадекватно ландшафту организованные группы (массы). Именно туризм был базисной культурной нишей этого явления.

скольку в радикальных вариантах этого подхода знание ландшафта становится сверхценностью и способом выживания, а реалии ландшафта «приручаются» посредством их проживания в пограничных ситуациях, то такой подход приближается к геоморфизму¹¹. Но осязаемое различие между ними состоит в том, что в рамках эскапизма деятельность, остающаяся утилитарной, доминирует над ландшафтом.

СМЫСЛ И СВЯЗЬ ПОДХОДОВ

В натурализме ландшафт — основа взаимодействия человека с природой, среда, обеспечивающая такое взаимодействие. Важно, что ландшафт таким образом исподволь окультурируется, и такое взаимодействие возможно лишь благодаря огромному стилистическому разнообразию ландшафтов. (Стиль — феномен универсальный; возможны корреляции стилей организмов, искусства, литературы, ландшафта, среды и пр.)

Культурный смысл геоморфизма, самого редкого из подходов, состоит в том, что он поддерживает разнообразие и многообразие мест культурного ландшафта как актуальную ценность. Носители геоморфизма — живые посредники между большинством людей и большинством культурных ландшафтов Земли. Причем экспансия опосредованно-технотронной визуальности лишь увеличивает ценность прямой межличностной коммуникации по поводу ландшафта, не сводимого к визуальной перцепции. Важно, что геоморфизм актуализирует сплошность и цельность жизненно-ландшафтной среды, в других подходах фрагментируемой. Геоморфизм транслирует смыслы ландшафта посредством особого теоретизирования о ландшафте. Геоморфизм — источник ресурсов и инст-

11 См.: Каганский В.Л., Родман Б.Б. Социокультурные функции самодеятельного походного туризма // Научные проблемы туризма и отдыха. 1988. № 2.

ментов для критики других подходов и эксплицирования содержащихся в них неявных концепций ландшафта.

«Иссушающий» научный подход, однако, имплицитно может транслировать ценности геоморфизма, когнитивно упакованные и тем самым более приемлемые для актуализации в нынешней сциентистской культуре. Посредством науки о ландшафте его онтологические ценности транслируются в плоскость методологических принципов и эвристических установок и становятся конвертируемыми на смысловом рынке цивилизации.

Проектная деятельность неизбежна как таковая, но при очевидной ее проблематичности именно открытость проектирования как среды может способствовать актуализации смысла ландшафта.

Эстетизм, как ни странно, наиболее равнодушен по отношению к ландшафту, ибо отрицает его самоценность. Однако при полистилистичности постмодернистского созерцания и творчества эстетизм как подход означает умножение эстетически маркированных ситуаций и в логической идеализации может сделать все многообразие ландшафтов предметом ценностных визуализаций и иных способов переживания, хотя и частных и фрагментарных.

В современной культурной ситуации все эти подходы как перекрываются, в том числе в жизни одних и тех же людей и групп, так и взаимодействуют¹². Существенно, что эти подходы реализуются комплексно, применяясь к ландшафту в его телесной данности, смысловой полноте, знаниям о ландшафте и вообще продуктам коммуникации о нем.

Каждый из подходов отображается в других и использует их.

Возьмем распространенную социокультурную ситуацию, центрированную по проектизму. Научное исследование ланд-

¹² Напр., прогулка с созерцанием цветов и птиц — натурализм, анализ городской инфраструктуры — научный подход, освоение собственного дачного участка — проектизм, а прогулка в признанных живописными его окрестностях — эстетизм. Места, ситуации и социокультурные роли жестко связаны.

шафта оснащает проектизм знаниями, в том числе и особенно — по сопротивляемости (трансформируемости) ландшафта, но само получает от проектизма задачи, социальные заказ и санкцию на осмысление ландшафта. Геоморфизм служит источником фундаментальных когнитивных образов проектируемой среды. Эстетизм оснащает проектизм ценностями и эталонами переживания ландшафта, и главное — визуально-эстетическими образами. Натурализм служит средством иллюзорной витализации среды, дает эталоны для проектных решений фрагментов («природа в городе»). Эскапизм реализует компенсаторные функции, в том числе и для массовой базы проектизма и одновременно дает иррегулярно-стихийный вариант его реализации.

Взаимодействие подходов компенсирует их частичность, однако активная интерференция чревата фантомами. Пример — вакханалия «реставрации» исторических ландшафтов. В современных эстетически-рефлективных проектно-игровых формах «воссоздают» традиционный ландшафт, который как раз и отличался смысловой сплошностью и внерефлективным бытованием. Яркий образчик — Суздаль, превращаемый в выставку-свалку разукрашенных макетов-трупов прежних живых зданий, заполненную глазающей толпой чужаков. «Суздализация» ландшафта — не витализация, но кощунственный игровой некротизм. Мания проектирования как упрощения и расчленения живой ткани, как известно, — проявление тенденции некрофилии в культуре.

Для каждого из подходов ландшафт есть нечто реальное. Но только в некоторых из них ландшафт порождает реальность в узком смысле слова (полноценно — лишь в геоморфизме). Ландшафт не породил (пока?) столь же универсального подхода, способа видения или предмета дискурса, как жизнь (организмизм, гилозоизм), язык, человек, т.е. ландшафтной космологии не существует.

В список рассматриваемых подходов намеренно не включена основная, доминирующая практика взаимодействия с

ландшафтом. Она слишком массова, массивна и разнородна; в ней в целом нет ориентации на ландшафт и/или того, что может быть вписано в смысловую рамку ландшафта. Это — повседневная жизнь; замечу, что в описанных подходах возможно очень многое — но не жизнь как таковая. По отношению к жизни все подходы частичны и гипостазируют ее отдельные аспекты. Поэтому они могут рассматриваться как способы и варианты реализации деятельной рефлексии.

ОСНОВНЫЕ ЗОНЫ И ТИПЫ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА.

ЦЕНТР — ПРОВИНЦИЯ —
ПЕРИФЕРИЯ — ГРАНИЦА*

Культурный ландшафт — такое культурное пространство, где культура явлена телесно и сплошно, дана не множеством отдельных артефактов, а непрерывным покровом, тканью. Культурный ландшафт — один из многих контекстов культуры, а работа с ним — один из многих подходов к ней.

Данная статья предлагает одну схему представления культурного пространства, усмотренную в материале культурного ландшафта и изложенную преимущественно посредством этого материала, но, по-видимому, применимую и шире. Введение схемы, помимо представления собственно морфологии культурного ландшафта на концептуальном уровне, имеет целью продемонстрировать эвристичность самого пространственного подхода, а равно и его критических возможностей. Текст может рассматриваться и как развернутая ремарка автора, его реакция на своеобразный пространственный дальтонизм, отличающий современное видение пространства и его форм и переходящий порой уже и в пространственную невменяемость. Нет нужды говорить, что сумятица, беспорядок и дезориентация, присущие всякой кризисно-переходной эпо-

* Первый вариант опублик.: Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. М.; Смоленск, 1998. При работе над статьей использована финансовая поддержка Фонда Макаруров.

хе, вряд ли должны захватывать тех, кто эти ситуации не только переживает, но и мыслит¹.

ПОНЯТИЕ ЛАНДШАФТА И ЕГО ОПИСАНИЕ

В отечественной географии культурный ландшафт понимается по-разному. Автор настоящей статьи исходит из того, что культурный ландшафт — синоним ландшафта. Это лишенное разрывов и пустот сплошное телесно и семантически пространство сопряжения природных и культурных компонентов на земной поверхности; каждое место имеет смысл, и он связан с природной основой ландшафта и его пространственным положением². Ландшафт — одновременно земное и семантическое пространство; именно таков ландшафт для В.П. Семёнова-Тян-Шанского и Л.С. Берга. Земное пространство может не быть ландшафтом.

Ныне весьма популярна схема 'центр—периферия', претендующая на комплексное описание пространственной среды³. Центр — главный, активный, организованный, целеполагающий компонент; периферия — подчиненный, зависимый, аморфный; их взаимодействие порождает и описывает динамику системы. Схема — пространственная проекция дихотомии 'центр—не-центр' — может быть осмысленной лишь в богатом контексте. Именно она лежит в основании выделения пригородных зон, сфер влияния городов, концентрических зон вообще.

1 См. статью «Вопросы о пространстве маргинальности» в наст. изд.

2 См.: *Каганский В.Л.* Ландшафт и культура // *Общественные науки и современность.* 1997. № 1, 2; также статью «Мир культурного ландшафта» в наст. изд.; обзор версий понятия культурного ландшафта см.: *Калуцков В.Н.* Проблемы исследования культурного ландшафта // *Вестник Московского ун-та. Сер. географ.* 1997. № 4.

3 См.: *Грицай О., Иоффе Г., Тревиш А.* Центр и периферия в региональном развитии. М., 1991.

Схема 'центр—периферия' описывает единичный простой ареал в безразличной среде, подобный «изолированному государству» И. Тюнена, состоящему из двух поясов — города и аграрной территории⁴. Однако в реальной среде всегда различаются ее внутренняя и внешняя части, сердцевина и окраина, ядро и кромка, ядро типичности и переходная зона и т.д., т.е. в ней можно выделить соответствующие части, районы, зоны. Это равно относится к физическому, телесному и фазовому, признаковому пространству. Схема же 'центр—периферия' часто смешивает ядро и основную зону, среднюю часть, ее — с окраиной, а окраину — с рубежом, пределом системы. Схема лишена даже оснований для расчленения центра и периферии, отсюда суррогаты вроде «полупериферии». Детализации схемы ничего не дают без углубления ее смысла.

Учитывая сказанное, минимальным набором зон будет следующий:

ЦЕНТР — ПРОВИНЦИЯ — ПЕРИФЕРИЯ — ГРАНИЦА

Новая схема — формально является детализацией схемы 'центр—периферия', хотя была сформулирована независимо⁵. Это качественная дискретизация континуума, переход к **комплексной системе зон**; все зоны специфичны по многим эмпирически выраженным параметрам.

Центр интегрирует систему изнутри. Граница очерчивает ее извне. Центр и граница, полярные позиционно-функциональные края, конкретизируют систему; они обмениваются функциями, даже инвертируются — меняются ролями, т.е. местами в функциональном пространстве. Центрирование и контуриро-

4 См.: Тюнен И. Изолированное государство. М., 1926.

5 См.: Каганский В.Л. Рамки региональной аналитики // Рациональный регионализм. М.; Тюмень, 1995.

6 См.: Каганский В.Л. «Центры» и «границы» как дополнительные категории географического пространстведения // Центрографический метод в экономической географии. Л., 1989.

ишие — дополнительные атрибуты пространственных систем и их описаний⁶. Провинция и периферия имеют по два соседа, т. е. промежуточны. Они различаются позиционно: провинция прицентральна — периферия пригранична; инвертируются при инверсии 'центр ↔ граница'. Превращение границы в центр ведет к инверсии 'периферия ↔ провинция'. Здесь мы ограничиваемся квазиплоским безграничным пространством.

Смысл зон проясняется мысленным упрощением системы, редукцией зон; одноуровневая четырехчленная система часто редуцируется к трехчленной. Отсутствие зоны — основания для диагноза системы в целом. Такие случаи теоретически бедны и кажутся редкими, однако иногда дают хорошие приближения к реальности. В изолированном ареале (граница=барьер) неразличимы провинция и периферия (например, советское пространство). При открытой контактной границе неразличимы граница и периферия (фронтьер). Если система не центрирована и/или занимает большую часть вмещающего пространства, то трудноразличимы центр и провинция. Если система полностью занимает конечную безграничную поверхность (планетарная империя) или совпадает с некоторым «естественным телом», то редуцирована и обесмысливается граница. Если же система открыта, взаимодействует со средой, многоуровневая (все это — атрибуты ландшафтного пространства), то четырехчленная схема неизбежна.

Четырехчленная 'система' зон и отношение 'центр—периферия'

Четырехчленная схема может быть получена углублением и развертыванием схемы 'центр—периферия', раскрытием ее потенциального смысла посредством всеерных матриц (рис. 1)⁷. Каждая ось матрицы — последовательность категорий по убыванию интенциональности, смысловой качественности; оси

7 См.: Чебинов С. В. Логические основания лингвистической типологии. Вильнюс, 1996.

1. МИР КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

ЛАНДШАФТ ТЕРРИТОРИИ	СТАТУС ТЕРРИТОРИИ	
	Центр	Периферия
Центр	ЦЕНТР	ПРОВИНЦИЯ
Периферия	ГРАНИЦА	ПЕРИФЕРИЯ

Рис. 1. Четырехчленная система зон и отношение 'центр—периферия'

тождественны и различаются лишь аспектами. По-видимому, два комплексных аспекта наиболее существенны для пространства (ландшафта); они взяты осями. Первая: качественное **внутреннее состояние**, внутренняя форма пространства — **ландшафт**. Вторая: **внешнее состояние, статус** (роль, функция) — выделенные положения в ином пространстве; статусы могут иметь территориальное выражение. Строго говоря, ландшафт места — это ландшафтный статус места, как статус места — аналог ландшафта в фазовом пространстве статусов. Двумерность вовсе не обязательна, всерные матрицы принципиально многомерны; для ландшафта нужна третья ось — ось географического положения; без нее пришлось бы растащить его содержание по двум осям с ущербом для ясности картины.

Семантическое умножение заполняет ячейки матрицы. Главная диагональ состоит из ячеек, которые занимают одинаковые положения на разных осях; для них ландшафту соответствует его статус. Остальные ячейки — разные модусы несоответствия. Так, Братск по формам среды, транспорта, населению — периферия, его статус — (местный) центр; а явный центр Санкт-Петербург низводится до (статуса) периферии. Территория, ландшафт и статус которой есть центр — ЦЕНТР, ландшафтно-статусная периферия — ПЕРИФЕРИЯ. (ПРОПИСНЫМИ буквами обозначаются элементы четырехчленной системы в новом терминологическом смысле.) Территория, ландшафт которой есть центр, а статус которой есть периферия, — ПРОВИНЦИЯ. Территория, ландшафт которой есть периферия, а статус есть центр, — ГРАНИЦА. Можно и иначе получить новую схему.

Новизна здесь отнюдь не в комбинаторике; новое — **комбинаторика единых** по смыслу **осей**. Система 'ЦЕНТР — ПРОВИНЦИЯ — ПЕРИФЕРИЯ — ГРАНИЦА' эксплицирует основную систему зон культурного ландшафта территории, однако она ранее явно не излагалась⁸.

Оси матрицы

Главное свойство всеерных матриц — то, что их можно развертывать неограниченно. Тогда развернем в оси новую схему, получая уже по четыре категории для ландшафтов и статусов; это то же самое, что замена пары 'центр—периферия' на четверку зон (рис. 2).

Ландшафт	Статус			
	ЦЕНТР	ПРОВИНЦИЯ	ПЕРИФЕРИЯ	ГРАНИЦА
ЦЕНТР	Центр МОСКВА	Провинциальный Центр С.-ПЕТЕРБУРГ	Периферийный Центр ТОРЖОК	Пограничный Центр ШЕРЕМЕТЬЕВО
ПРОВИНЦИЯ	Центральная Провинция ПОДМОСКОВЬЕ	Провинция ЯРОСЛАВЛЬ	Периферийная Провинция МУРОМ	Пограничная Провинция ЭСТОНИЯ
ПЕРИФЕРИЯ	Центральная Периферия АРЗАМАС-16	Провинциальная Периферия СУРГУТ	Периферия СЕВЕР	Пограничная Периферия АРКТИКА
ГРАНИЦА	Центральная Граница КАМЧАТКА	Провинциальная Граница ПРИМОРЬЕ	Периферийная Граница ТУВА	Граница КАЛИНИНГРАД

Рис. 2. Матрица основных типов ландшафта. Основные типы ландшафта (характерные территории — пример бывшего СССР, города обозначают регионы).

8 Укажем ряд соответствий с принятыми терминами: ЦЕНТР — метрополия, районообразующий узел, столица, фокус, ядро; ПРОВИНЦИЯ — база, базовая территория, середина, средняя зона, ядро, ядро типичности; ПЕРИФЕРИЯ — зона освоения, колония, окраина, резервная территория, экотон; ГРАНИЦА — барьер, маргинальная зона, край, рубеж, экотон.

Опишем оси для теоретического случая природно и культурно сплошной однородной территории, т.е. такой, дифференциация и фрагментированность которой в данном случае несущественны. Перечислим последовательно убывающие по осям признаки.

Ландшафт: плотность (насыщенность элементами), единство, разнообразие (насыщенность разнотипными элементами), яркость черт (выраженность признаков), относительная специфичность; сложность (богатство формами и/или смыслом), связность, отчетливость и надежность структуры (формы) среды, выраженной в рисунке ландшафта, размах спектра характерных масштабов и расстояний. Уменьшается относительное минимальное пространство реализации типа. **ЦЕНТР** — единое сверхплотное сплошное пространство, средоточие разнообразия, специфичных и уникальных черт и территорий. **ПРОВИНЦИЯ** — основное базисное, сплошное, качественно дифференцированное пространство (ядро типичности). Эти образования в совокупности репрезентируют всю систему. **ПЕРИФЕРИЯ** — неоднородное, несплошное пространство убывающей плотности со слабо выраженными чертами. **ГРАНИЦА** — смесь элементов соседних территорий с затоками далеких и инородных элементов.

Статус: важность для системы в целом и значение для иных зон (уменьшается ранг), сила и разнообразие воздействия на другие зоны (доминирование), представленность в системе (ее действующем образе). **ЦЕНТР** — доминирующий уникал системы. **ПРОВИНЦИЯ** — самодостаточная обыденная среда системы, база деятельности. **ПЕРИФЕРИЯ** — вторичный зависимый источник ресурсов. **ГРАНИЦА** — обеспечивает контакт со средой.

Особый аспект интегрального статуса в пространстве РФ—СССР — положение в административно-территориальной иерархии (советском пространстве). Приблизительное соответствие для СССР/РФ: союзный уровень (федеральный) — **ЦЕНТР**, республиканско-областной (субъекты федерации) —

ПРОВИНЦИЯ, районный (сельская местность в целом) — ПЕРИФЕРИЯ; ГРАНИЦА не имеет однозначного соответствия.

МАТРИЦА ОСНОВНЫХ ТИПОВ ЛАНДШАФТА

Все ячейки матрицы (здесь их шестнадцать) двояко группируются по четыре в столбцы и строки. Это пояса. Ландшафтные пояса — пояса в обычном географическом смысле; они непрерывны и компактны для идеального объекта, территориальны для реального объекта. Статусные пояса непрерывны и компактны в фазовом пространстве; непосредственно территориальных поясов не образуют; но это не запрещено их территориальным проекциям. Статусные пояса назовем секторами, для (ландшафтного) районирования характерно выделение зон (типов) пересечением поясов и секторов⁹.

Матрица (// элементы матрицы) имеет несколько аспектов интерпретации:

1. **Типология ландшафтов** // Тип ландшафта (пространства).

2. **Система зон** // Зона — территория типа, ареал распространения или доминирования; однородный и/или типологический район. (На территории зоны могут быть азональные элементы.)

3. **Типология элементов ландшафта** // Характерный элемент (характерная часть) ландшафта, могущий размещаться и за пределами зоны своего типа (например, поселение); в том числе личности и группы, насколько они элементы ландшафта.

⁹ Матрица — фасетное районирование фазового пространства, ее ячейки — полученные пересечением поясов и секторов районы (позиционные зоны) фазового пространства (не территории!). Система ячеек — результат умножения двух систем идеальных типов. Матрица — картоид фазового пространства; в особых случаях, если статусы географически выражены, — и территориального пространства.

4. **Репертуар ролей** // Роль места в ландшафтно-статусной среде; реализуется в жизни ландшафта, территориальной ориентации и связях, поведении и сознании людей и структур; конкретное пространственное самоощущение и самосознание; позиция.

5. **Репертуар стереотипов** // Тип отношения к ландшафту, взаимодействия с ним; (мета)модель ландшафта — стереотип.

Всякая конкретная территория (место, район, регион, область культурного ландшафта, культурный регион, даже территориальная группа) может трактоваться как один из типов и одновременно как содержащий все эти типы; типы — «слои» разреза или профиля, существующие актуально и/или потенциально. Матрица описывает репертуар — каждый регион может с разным успехом исполнять роли этого репертуара и быть предметом воздействий из этого репертуара. (Поразительно беден репертуар стратегий и Центра и регионов сегодняшней РФ. Трудные отношения 'центр—регионы' видятся и строятся из Центра РФ и большинства регионов именно как отношения 'ЦЕНТР—ПЕРИФЕРИЯ' независимо от реального статуса.)

Матрица, описывающая ландшафт конкретной территории, должна быть соотнесена с ней путем указания ее топонимов, типов ландшафта или районов; может быть заполнена текстом (имена и/или описания) и содержать условные знаки, имея легенду. С матрицей допустимы многие операции, осмысленные для картоида¹⁰, — генерализация, выделение районов путем группировки и объединения смежных ячеек, интерполяция характеристик и т. п. Но не всегда топологическому соседству ячеек матрицы отвечает соседство типов ландшафта территории; для описания всех (возможных) типов соседств ландшафтов нужна матрица размерности '16 × 16'.

В случае полного соответствия ландшафта и статуса заполнена только **главная диагональ** матрицы; ее занимают иде-

10 Картоиды — карты идеальных пространств, важный аппарат теоретической географии (см.: *Родаман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети. Смоленск, 1999).

льные ландшафтно-статусные типы территории. Это возможно исключительно теоретически — ландшафт полимасштабен. Главная диагональ матрицы реализует для категорий мест принцип функционального соответствия (соответствия статуса и субстрата), а учитывая позиционный аспект статуса — и позиционный принцип соответствия (т. е. соответствия положения в пространстве и функции, роли) для фазового пространства. **Недиагональные элементы** (остальные), как отклонения от этих принципов, суть разные варианты ландшафтно-статусного диссонанса, несоответствия. Степень заполнения (равнозначность всех ячеек) матрицы — мера структурного, статусно-территориального диссонанса системы. Так можно фиксировать диссонансы, выделяя территории, имеющие структурные противоречия.

Матрица — основание выделения систем типов мест и территорий, предсказания эмпирически не известных типов и их теоретического конструирования. Может служить основой типологического районирования (число районов теоретически равно числу ячеек) и на его основе — индивидуального; матрица может быть основой легенды карты¹¹.

Размещение в ячейках — основа квазиклассификации объектов и фрагментов территории, в том числе персональных позиций (даже литературных персонажей). Возможен анализ

11 Такое районирование сложно из-за полимасштабности, наложения уровней, в каждом из которых есть своя система, совмещения в территории разновременных слоев, пересечений с системами-соседями и т.д. Для картирования, анализа и представления реального пространства таких мест, как Москва с Подмосковьем, Саксония, Урал, Эстония etc, шестнадцати типов явно мало. Совмещение ландшафтно-территориальных и статусно-функциональных оснований неизбежно для решения старой проблемы синтетического качественного фона общеэкономических (общегеографических?) карт, как и вообще районирования культурного ландшафта в рассматриваемом понимании. Следует учесть, что реально интерферируют системы двух-трех уровней, с учетом досоветской культурной почвы получим как минимум $16 \times 16 \times 16 \times 16$; но реально комплексных типов ландшафта территории будет порядка первых сотен (с такой подробностью в нашей стране изучено масса всего — но никак не среда обыденной жизни, культурный ландшафт).

насыщенности ячеек объектами; поскольку веерная матрица описывает пространство логических возможностей¹², то насыщенность ячеек объектами, местами дает основание судить о реализованности потенциальных структур, прежде всего — об актуальности, реализованности самой зоны (позиции).

Схема позволяет описывать для мест их **историю как траекторию**, смену позиций в пространстве матрицы, особенно если осями задавать разные статусы, например административные и экономические.

Матрица описывает макроструктуру территории в целом, есть средство аналитического описания ландшафтно-территориальной структуры статусных секторов и статусной структуры ландшафтно-территориальных поясов; на основании структур территорий возможна их типология. Расширяя логику веерных матриц, можно вводить относительные размеры для поясов и секторов, и значит — ячеек¹³. Эти размеры будут априорными, но имеющими значительные эвристические возможности; все перечисленные задачи тогда обогатятся, можно будет эксплицировать неявные представления о структуре регионов (территорий), что сделано ниже. Тогда возникает проблема интерпретации графического размера в матрице и его отношения к территориальным размерам; ландшафт требует системы размеров и не сводим к размеру территории и/или числу заполняющих ее элементов.

Матрица позволяет эксплицировать разнообразие центров, периферии и пр., описывать полные наборы вариантов таких типов территории. Статус и место равноправны, а сильная впечатанность статусов в ландшафт чрезвычайно характерна именно для нашей страны¹⁴. Каждый базовый компонент представлен в матрице семью вариантами — четырьмя ландшафтными и

12 Чебанов С. В. Указ. соч.

13 Введение графического размера, представляющего значимость ячейки, — аналог введению весов (см.: Кордонский С. Рынки власти. М., 2000); графическое умножение соответствует числовому, размер ячейки — величине веса.

14 См. разделы II—III наст. изд.

четырьмя статусными; один диагональный компонент является тем и другим. Следовательно, можно и нужно выделять, как минимум, семь разных провинций, семь разных периферий и проч., хотя реализованы могут быть не все варианты. Такие совокупности ячеек — элементов одноименных пояса и сектора — назовем **сериями**: серия ГРАНИЦА¹⁵ и пр.; прописные буквы обозначают имена серий, компонентов четырехчленной системы. Матрица — объединение и наложение серий. Главный признак серии — соотношение размеров ее пояса и сектора; важный признак объекта, описываемого матрицей, — соотношение серий.

Матрица — полный набор вариантов мест и позиций в ландшафте территории. Такая полнота — атрибут ландшафтно-регионального анализа и любой географической репрезентации территории; сети выборки, маршрутов, полигонов зондирования и мониторинга, наборы типичных мест и т.д. должны охватывать все зоны системы.

Схема носит, видимо, достаточно общий характер, описывая и иные территориальные структуры, а равно и некоторые фазовые пространства, к которым применимы понятия ландшафта и пространства, не сводящиеся к метафоре — ландшафт (пространство) культуры, науки и тому подобные системы¹⁶. Сказанное относится и к презентации культурного

- 15 Предмет моих предшествующих работ — серия ГРАНИЦА: 1) Географические границы: противоречия и парадоксы // Географические границы. М., 1982; 2) Природоохранная деятельность и ценность границ // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 704. Тарту, 1985; 3) Переходные зоны как компонент культурного ландшафта // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М., 1988; 4) «Центры» и «границы» как дополнительные категории географического пространстведения // Центрографический метод в экономической географии. Л., 1989; 5) Граница как позиция и предмет понимания // Понимание как усмотрение и построение смыслов. Тверь, 1996; 6) Этюды о границах // Мир психологии. 1996. № 6; см. также статью «Вопросы о пространстве маргинальности» в наст. изд.
- 16 В пространстве науки также есть места, районы и зоны (школы/дисциплины), «население» местное и пришлое, направления, расстояния, линии коммуникации, центры, экстенсивное и интенсивное использование; это пространство полимасштабно и картируется.

пространства, особенно пространства страны, полнота охвата и представления которого возможны лишь одновременным включением множества связанных с разными местами-зонами позиций, точек зрения, а не только частей. Ландшафт и культура — такие образования, части которых есть существенно разные внутренние модели целого. Так, картина России не будет полной, скажем, без Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Новгорода, Твери — но и Тюмени, Суздаля, Норильска, Плеса, Тобольска (список открыт). Схема — способ сделать такие списки систематически репрезентативными, обозримыми и эксплицируемыми.

Схема явно нужна для анализа культурного пространства страны, как и культурного пространства как такового; его устройство по описанной схеме вполне вероятно. Ныне же описания российского культурного пространства часто оперируют одной-двумя столицами (Центр), противопоставляемыми нерасчлененной «провинциепериферии», даже когда материал явно богаче такой структурной карикатуры. Даже признанные социокультурные аналитики позволяют себе представлять Россию как склейку надпространственного центра и беспомощно-бесструктурной (значит — также внепространственной) периферии¹⁷. Однако сложное пространство или представляется адекватно своим формам, или неизбежно схлопывается в точку; последняя тогда неизбежно становится непостижимо-парадоксальной. Как ни странно прозвучит нижесказанное — но Россия мыслится преимущественно как «точечный огромный парадоксальный объект». Схемы, подобные разбираемой, и предназначены для выражения смысловой, качественной сложности в языке пространственных форм и поиска пространственного коррелята этой сложности.

17 См.: *Левада Ю. А.* Социально-пространственная структура российского общества: центр и регионы // Куда идет Россия?. III. М., 1996; *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1992.

ЛАНДШАФТНО-СТАТУСНЫЕ ТИПЫ ТЕРРИТОРИИ

Опишем элементы (ячейки) матрицы, сосредоточившись на главной диагонали. Мера подробности изложения сильно варьирует; допущено смешение типа и зоны, реализующей тип; характеристики носят сравнительный характер. Напомним обозначения: ПРОПИСНЫМИ буквами даны имена компонентов четырехчленной системы и серий; Строчными с большой буквы — имена типов матрицы и комплексных типов.

Центр

Центр — представитель системы в мире, среде; представитель внешнего мира в системе. Концентратор сложности, специфики и разнообразия. Активно действующее доминирующее начало.

Центр — открытое сложное многослойное плотное единство связанных разнообразных компонентов. Основа пространственной структуры — целостная богатая форма или устойчивый комплекс сложных форм. Эта форма связана со статусом (функцией, замыслом, миссией) и положением в централизованной территории и вне ее.

Пространство Центра четко структурировано вплоть до регулярности и одновременно полицентрично и полианизотропно; центры Центра сопоставимы прежде всего по смыслу, а не по силе воздействия на территорию. (Моноцентрический Центр возможен как вырожденный случай.) Пространство Центра совмещает множество сильных характерных направлений, что наряду с автономией компонентов создает полимаршрутность перемещений и коммуникаций — богатое пространство выбора. Сосуществуют частные (сепаратные) системы коммуникации и метрики отдельных компонентов и аспектов. Пространство полиметрично. Роль коммуникационно-коннекционных сетей огромна, они сложны и многомерны (например, транспортные сети многомерны и не могут быть представле-

ны планарным графом). Центр задает маршруты и связи трех существенно разных групп характерных направлений — с иными центрами, с центрируемой территорией, внутри Центра; с этим связан сложный баланс экстерриториального и территориального, ближних и сверхдальних связей. Основная масса связей — с центрируемым пространством, однако наиболее существенны связи внутри Центра и с иными центрами. Велики транзитные функции и их инфраструктура, переработка и отбор (обогащение) транзитного материала.

Центр дифференцирован выражено законосообразно, многоаспектно и многослойно (политомичность); рисунок ландшафта сложен и может быть красив. Это непосредственно ощущается, осознано как ресурс и ценность. Огромные контрасты, очень drobный ритм и мелкая мозаика сочетаются с мегаструктурами и крупными полями. Переживаемая анизотропность среды устойчивее вещественного наполнения. Сосуществуют системы взаимопроникающих индивидуальных мест, однако индивидуальность Центра в целом значительнее индивидуальности любой из его частей. Фокальные части Центра отличаются сопоставимостью всех главных размеров (сотни метров по горизонтали и вертикали для физических размеров центров больших городов). В плотной густой среде размеры и расстояния, в которых превалирует качественный аспект, подчинены целостной форме пространства. Центр — пространственно самый сильный компонент системы, однако в нем собственно территория подчинена фазовому (смысловому) пространству, сращена с ним. Элементы взаимодействуют через среду посредством интерференции полей объектов¹⁸. Развиты полифункциональные дифференциация и интеграция мест; хотя соседство мест осложнено их разнообразием и чревато напряжениями, но взаимно обогащает их. (Сакрализация среды здесь не рассматривается.)

18 См.: *Каганский В.Л.* Природоохранная деятельность и ценность границ // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 704. Тарту, 1985.

Ландшафт — укорененно-оестественный, с высокой ролью искусственных элементов. Центр концентрирует редкие элементы, сосредотачивает основную часть единичных (уникальных) элементов системы. Природные компоненты окультурены, их размещение, состав, облик вторичны. Природа Центра — это семиотизированно-эстетизированные, доместицированные (прирученные), искусственные и/или художественные ландшафты и экосистемы (парки, скверы, бульвары; зоопарки и зоосады, оранжереи). Центр космополитизирует природные (как и все) компоненты, вводит далекие элементы флоры и фауны и пр. (В начале века Петербург был экспортером ананасов, вывозя их в товарных размерах из своих оранжерей.) Возможно искусственное поддержание больших фрагментов «дикой природы», имеющих особые культурные (в том числе компенсаторные) функции.

Доминанты среды — символически-вертикальны. Полиаспектно выраженные вертикальные компоненты и аспекты задают фокальные точки и организуют пространство. Оно исключительно полимасштабно, что порождает чрезвычайно высокую плотность, обилие хорошо дифференцированных жизненных ниш и почти бесконечную емкость для смысла и деятельности.

Ландшафт территориально и функционально плотен и полон, хотя и потенциально открыт — всякое (постоянное) введение новых элементов сопровождается трансформацией существующих.

Население Центра — сложная система меньшинств; коалиция миноритарных групп в миноритарной среде; большинства для Центра инородны. Доля местного населения может быть невысока, но его роль исключительна. Группы дифференцированы по характерным направлениям и резко различаются по характерным расстояниям. Большой и плотный спектр актуализированных пространств.

Деятельность по преимуществу оперирует со знаками, символами, текстами, нормами, мифами и другими образованиями,

семиотический статус которых важнее материала. Даже вещественные образования знаковы (например, «текст города»).

Центр — герменевтическая супермашина системы; его функция — прежде всего организация разнообразия системы, создание способов работы с любым разнообразием, его интерпретация и взаимный перевод. Центр физически и символически сосредотачивает (свертывает) все разнообразие системы; буквально есть модель=проект территории (описывающая, порождающая, управляющая etc), что относится и к природным компонентам (коллекции, гербарии; банки генов etc). Центр культивирует новые природные формы (ср. генная инженерия). Центр — символ системы; ее рефлектирующий орган, устанавливающий физические (территориальные) и нормативные границы системы¹⁹. Центр — доминирующая позиция системы и основа ее самоописания, в том числе научного исследования.

Если территориальное и фазовое (смысловое) пространство ландшафта Центра взаимосвязаны и переплетены, а территориальное пространство полиморфно, то Центр должен быть поликультурным, полиглотичным (многоязычие), полисемиотичным (много знаковых систем), полиюрисдикционным (много правовых систем), полистатусным, полинормативным, поливалютным и т. д. и т. п. Центр представляет и замещает в своей системе Вселенную, внося космологическое начало (ср. Вавилонская башня). Центр производит и воспроизводит полные (космологические) модели, прежде всего описания Мира с указанием места в нем системы.

Сложность Центра антиномически-парадоксальна. Физически самый малый компонент системы имеет практически бесконечную функциональную емкость и участвует в наиболее дальних связях. Ему присущи концентрация вещественных элементов и приоритет невещественных начал, срастание тенденций экстерриториальности и порождения территорий,

¹⁹ См.: *Лотман Ю. М.* Указ. соч.

консервативность вплоть до автомусефикации и креативности, обращение как к большим, почти космическим, так и сверхмалым интервалам времени. Спектр характерных расстояний и времен, присущих разным компонентам Центра, очень широк. Жизнь протекает в политемпоральной, многоскоростной среде. Природное время (сезоны года, части суток) резко уступает по значению культурному.

Воздействие Центра на иные компоненты состоит прежде всего в нормативно-семиотическом обустройстве системы, в порождении и поглощении знаков, а не (только) в организации силовых воздействий и материальных потоков. Центр порождает единое пространство системы, центрируя его в самых разных отношениях.

Теоретически Центр возглавляет систему зон, но порождает и собственные зоны, частью вне своих пределов. В высокоцентрализованных системах зоны Центра сопоставимы с зонами системы в целом, и для конкретной территории их трудно разделить; они нетривиально накладываются на общую систему (внутренняя периферия — см. ниже). Выделяется **Центр Центра**; к нему сказанное относится в превосходной степени (например, ядро больших городов).

Чистый пример — так называемые мировые города, как Петербург времен расцвета. Однако территориально Центр репрезентируется очень по-разному: большое старое село (например, Русский Север), крупный город, интенсивная агломерация; регион европейской страны, сама страна на глобальном уровне; каждый из примеров работает только в своем масштабе.

Центр — не синоним города или агломерации (может реализоваться иначе). Это и не центральное место или ядро узлового района, хотя их функции для Центра очевидны. Его культурный ландшафт как целое — как ни странно — географически изучен очень слабо. Описаны только фрагменты и редукции: особые замкнутые тела ландшафта (город), геометризованная морфология или функционально-пространственные статусы (узел района, центральное место). Равно и образы Цен-

тра гипостазируют отдельные аспекты: блеск искусственно-космополитической среды, особо густую жизненную среду, мощь центрального места (столица) и пр. Как район Центр — азональный комплексный или тотальный район (компаж); он может быть потенциально выделен (но не осмыслен) как ядро узлового района; его территория имеет признаки полицентрического узлового района.

Провинция

Провинция — относительно самодостаточная, внутренне связанная нецентростремительная средняя зона, удаленная от краев и крайностей. Балансир и база системы. Части Провинции более связаны друг с другом, нежели с иными элементами. Основа единства — соприродность частей. (Провинция — как бы особый слой и аспект Центра, Центр без статуса центрирования системы, дальних связей и космополитизма; Центр, живущий сам собою, в себе и для себя.)

Провинция — квазиизотропное пространство немногих относительно равноправных (преимущественно) горизонтальных направлений, она полицентрична и умеренно полидирекционна при единстве метрики. В отличие от Центра большинство пар мест в Провинции связаны единственной (привилегированной) траекторией. Локально для всякого отдельного места Провинция скорее моноцентрична, в целом это полицентричная среда; ее центры функционально дополнительные. На разных уровнях, даже в одной точке главные направления не совпадают. Транспортно-коммуникационные сети — густые ячеистые.

Основные связи в Провинции замыкаются внутри. Преобладают внутренние, местные, автохтонные элементы. Местное в полном смысле население преобладает и играет ведущую роль. В укоренении населения существенно его приобщение к природным элементам. Преобладают мажоритарные группы населения и мажоритарные ландшафтные среды, характер-

ные для значительных территорий, где они составляют значительную часть. Для Провинции характерно преобладание немногих «массивных» типов территории и доминирующих групп населения, достаточно отчетливая устойчивая социокультурная структура.

Пространственная ткань многослойна, хорошо связана, не имеет пустот. Пространство отчетливо дифференцировано на сравнительно крупные (крупнее, чем в Центре) монофункциональные части. Провинция — сложное взаимодействие отчетливо выраженных отдельных мест; их индивидуальность сильнее и ярче, нежели индивидуальность зоны в целом. Факторы расстояния, размера и географического положения сравнимы по силе между собой и с фоновыми (природными, производственными) факторами.

Природные элементы автохтонны, природное и культурное сращено, пригнано и взаимообогащено. Природные элементы окультурены, культурные оестествлены. Рисунок ландшафта — определенный, устойчивый, законосообразный, но не регулярно-геометрический. Дифференциация оестествлена; природная основа ясно читается в рисунке ландшафта на нескольких масштабных уровнях.

Время в Центре — фактор артификации (обыскуствления) и космополитизации, в Провинции — оестествления и укоренения. Временные системы в ней совмещают культурный и природный компонент, важны естественные ритмы (суточность, сезонность). В Центре спектр характерных расстояний может иметь разрыв: внутренние и внешние расстояния; для Провинции это один спектр.

В ней преобладает работа с вещами при балансе телесности и символичности; использование воспроизводимых ресурсов (но аграрная территория — не синоним Провинции). Провинция — производственная база системы в целом. Деятельность включена в естественные ритмы. Взятая в достаточных размерах, это теоретически единственная зона, которая может существовать почти вечно.

Провинция — достаточно сложное пространство немногих разных направлений, времен, языков, символических и знаковых систем, культурно-семиотически достаточно богатое, емкое. Провинция — это полноценное культурное бытие; это культура телесная, ландшафтная и пронизывающая быт. Провинция содержит мощные самоописания, неполно артикулированные, но очень богатые содержательно; является живым убежищем культурно значимых текстов (ср. Русский Север как источник фольклора и др.).

Термин «Провинция» в нашем смысле почти включает и обыденное значение слова за вычетом уничижительного оттенка²⁰. Провинция — мир культурной повседневности, в котором велика роль обыденного регулирования (обычного права). Если в Центре — сгусток искусственности, театрализованности, то Провинция культивирует их как дефицитные.

Провинция имеет свои центры — Центр Провинции (см. образ «русской провинции»). Важно различать Провинцию и Провинцию Центра. Литературный пейзаж «Петербург Достоевского» — Провинция Центра; А.Н. Островского — просто Провинция. Различны **Ближняя** (соседство с Центром) и **Дальняя Провинция**, первичная и вторичная (бывшая ранее Центром) Провинция.

Видимо, в XIX в. хозяйственная и культурная среда старых русских территорий вокруг губернских городов и сопряженных с ними усадеб хорошо реализовала именно Провинцию. Иной пример дает Германия того же времени в горизонте Европы, как и современная Европа в мировом горизонте.

Географический образ Провинции — концепция (зональности) культурного ландшафта; тип дифференциации — типологическое, сложное однородное (но не статистическое) районирование; пространственная форма Провинция почти описана под псевдонимом «морфология природного ланд-

²⁰ Независимо и сходным образом провинция трактуется, напр., в сборнике «Геопанорама русской культуры» (Пермь, 2000).

ландшафта» — сложной многоуровневой пространственной системы качественно различных и резко различающихся по размеру частей, иногда с очень яркими отчетливыми границами районов, но нередко с сочетанием больших различий между ядрами при малых градиентах. Для пространства Провинции характерны комплексные сложные районы и разнообразие переходных зон, дополняющих зоны-ядра.

Симптом Провинции — самоосмысление типа краеведения, что характерно и для научных дисциплин — Провинций научного пространства, и, по-видимому, сфер культуры. Самоопределение Провинции носит прежде всего качественный, достаточно интенсивный характер. Провинция определяет себя скорее в смысловых и качественных категориях, нежели во властно-универсализирующих (как центр) или относительных (как периферия); для Провинции важно отношение к себе самой; Провинции интересно не только другое, Провинция интересна не только другим — она и сама себе интересна²¹. Как земное пространство Провинции дифференцировано в разных отношениях и направлениях, так и ее культурная дифференциация и идентификация полиаспектны и многомерны (сдвиги форм ландшафтного и культурного пространств — общая закономерность).

Периферия

Периферия — зависимая окраина; место решения задач иных элементов и системы в целом, ее ресурсная база.

21 В современной России характерный (не часто встречающийся) комплексный симптом Провинции на уровне центра региона — сочетание (богатого содержанием и живого) краеведческого музея, местного литературного журнала или альманаха, реального и преподаваемого курса комплексного краеведения. В так называемых вторых городах, относящихся к типу Провинциальной периферии и постепенно провинциализирующихся, все это уже начинает появляться или, по крайней мере, осознаваться как необходимое; кстати, для Москвы эти индикаторы не дают статуса Провинции.

Пространство Периферии присвоено, а не освоено, неопределенно; охвачено и задано внешне. Связной ткани территории нет, она фрагментарна — это рой отдельных изолированных физически или дистанционно очагов. Они могут составлять любую геометрически (физически) часть территории; очаговость — не геометрический, а функциональный признак Периферии. Очаги связаны только с внешними центрами. Периферия принципиально отличается от Провинции, существующей на фрагментированной природной (иной) ландшафтной основе, где очаги взаимосвязаны (например, бывшее Поонежье, земледельческие оазисы аридных территорий, Полинезия).

Периферия — максимально центрированный и одновременно фрагментированный компонент системы. Есть лишь одно характерное направление 'центр—периферия', но для каждой точки оно может быть своим. Периферия смотрит на Центр как стрелка компаса на север. Пространство линейризовано; решающий фактор дифференциации среды, преобладающий над всеми остальными, — расстояние до центра. Периферия — зона господства градиента, примата количественного расстояния над территорией.

Редкие древовидные транспортные сети не обслуживают, а внешне пронизывают территорию, ведут лишь в отдельные точки, обеспечивая доступ к ресурсам. Транспортно-коммуникационная структура очень далеко отклоняется от геодезической или ландшафтной.

Дифференциация территории эклектична — это конфликтное наложение внешней, ориентированной на ресурсы сети на природную (местную) основу. По массе преобладает натуральное (воспринимаемое как природное), дикое. Деятельность в Периферии сводится к эксплуатации используемых как невозпроизводимые ресурсов, которыми в этой зоне является просто все местное. Ресурсом является и сама территория (площадь), используемая в интересах иных зон, отчего Периферия может быть экстенсивно насыщена. В ней преобладают

собственно природные компоненты при агрессивном пренебрежении ими и высокой ценности любых новых искусственных элементов. (В Центре вещественное семиотично — в Периферии семиотическое овеществляется.)

Постоянное, укорененное (местное) население отсутствует (включается в природу, ресурсы и пр.), с чем связано отсутствие накопления культурной почвы и самоописаний; есть только схемы ресурсопользования. Единого рисунка ландшафта нет, как нет и единого значимого масштаба; во всяком месте доминирует единственный масштаб. Периферия наиболее полно приближается к мономасштабному пространству. Единого сплошного расчленения на районы (места) нет; это зона неопределенности и зыбкости среды. В точном смысле в Периферии нет мест, и Периферия не является ландшафтом.

Периферия реализуется (за редкими исключениями) как периферизация иных зон, как колонизация чужой Провинции, которая тогда искусственно натурализуется и превращается исключительно в ресурс.

Малая освоенность, низкая насыщенность элементами, низкая плотность населения и прочее — признаки внешнего образа Периферии. Поскольку население сконцентрировано в малых очагах, плотность населения двойственна — в пустом пространстве есть очаги сверхсгущения (например, расселение в Арктике и тем более Антарктиде) — и как признак географически малоосмысленна.

Периферия — простое, трудное для жизни пространство одного доминирующего направления, времени, языка, символической (знаковой) системы; пространство недостаточной емкости и сложности, частично освоенное и молодое, лишенное самоописания.

Несомненно, в роли Периферии оказался Русский Север, по сути, явная Провинция, выполнявшая многие функции Центра (например, физическое и культурное освоение огромных пространств Сибири; потом эта роль перешла к Петербургу). Культурный пафос творчества писателей-«деревенщи-

ков» может быть понят как ностальгия низведенной до статуса Периферии Провинции по прежнему культурному статусу.

Периферия лишена спонтанной культурной жизни. Компенсаторикой выступает отечественный культ Романтики (например, песенно-поэтический «фольклор» геологов, воспевающий преодоление и покорение ландшафта) — поэтизация и отчасти сакрализация культурной агрессии и эскапизма. В среде Периферии вырабатываются антиландшафтные стереотипы — стандарты решения внешних задач за счет и безотносительно ландшафта, накладываемые в принципе на любой ландшафт. Периферия — поле «триумфа» проектного подхода²².

Теоретически возможна и наблюдается **полипериферия**, когда несколько разных центров (групп) охватывают пространство непересекающимися (конфликтующими) сетями линий (маршрутов), ориентируясь на разные очаги (ресурсы) территории. Густая полипериферия может имитировать иные зоны, особенно если коммуникационная сеть связна, но сети маршрутов древовидны. Полипериферией может быть территория любого размера вплоть до большой страны.

Полипериферия достаточно часто реализуется и в культурных пространствах; по-видимому, такова современная отечественная культурология — сборная область, предмет социальной и когнитивной экспансии разных дисциплин; ее претензии экстремальны, собственное содержание проблематично — это симптомы именно полипериферии (однако междисциплинарные сферы в точном смысле соответствуют структурам центра, тогда как укорененные дисциплины стоит соотносить с провинцией).

Периферия подразделяется на **первичную** (незаселенные территории) и **вторичную** (периферизованные, ранее заселенные территории); внешнюю Периферию (вне системы), собственно Периферию и внутреннюю Периферию между Центром и Провинцией и внутри нее. Можно полагать, что

22 См. статью «Основные подходы к ландшафту» в наст. изд.

структуры типа советского пространства (см. ниже), где доминирует периферия, могут быть созданы вполне целенаправленно и являться по-своему вполне функциональными в рамках объемлющей системы, однако ведут такие структуры к неизбежной деградации того природного и общественного субстрата, на котором создаются.

Подавляющая часть территории СССР, РФ, даже Московского региона имеет черты именно Периферии, часто вторичной. Периферия географически активно изучалась либо как природный ландшафт, либо как полигон освоения территорий; выработанные при этом модели типа ТПК (территориально-производственный комплекс) переносились и внедрялись для иных территорий, искажая их понимание. Периферия описывается узловыми районами с простыми центрами, простыми градиентными моделями полей (рельефов).

Для Периферии как позиции характерно исключительно широкое экстенсивное самоопределение, самополагание относительно иного, «центра». В современной России периферийность как позиция доминирует в пространственном самосознании; регионы видят себя соотносенными с Центром исключительно во властно-силовом отношении при навязчивом стремлении инвертировать положение на единственной оси, подчинив себе Центр либо играя роль местного центра. В региональном самоопределении явно преобладает метафора и даже идеологема («вторая столица России» / «второй (особый) центр России»)²³. Впрочем, синдром периферии хорошо известен — развивающиеся страны дали тому ярчайшие примеры.

Граница

Граница максимально удалена от Центра, это контр- и анти-Центр. Если Периферия — несамодостаточная и центростре-

²³ См. статью «Главное свидетельство» в наст. изд.

мительная зона, то Граница — несамодостаточная центробежная зона.

Граница состоит из элементов, которые одновременно входят в две или более соседние системы и/или находятся между ними, ни в одну из них не входя. Зона Границы — область между границами в разных аспектах и/или для разных элементов системы. Граница интегрирована положением «между» в физическом или фазовом пространстве; граница как линия — центр комплекса границ системы. Элементы Границы внешне сложны, имея общность положения (функции), но лишены конфигурирующей формы. Граница — неструктурированное экстенсивное разнообразие несвязанных элементов, смесь. Периферия — зона недоопределенности, полупринадленности, Граница — зона переопределенности, двойной принадлежности. Сложность Границы производна от сложности системы (отношения с соседями) и резко преувеличена из-за проецирования в Границу сложной и болезненной проблемы границы²⁴. (Фетиш проблемы границ в науках о Земле явно связан с остротой псевдопроблемы «охраны государственных границ» вплоть до отождествления государства и его границы²⁵, что похоже на отождествление дисциплин со своими рубежами.)

Пространство структурировано двумя характерными ортогональными направлениями; они плохо соотнесены между собой и могут не быть основой магистралей и потоков. Фрагментарные транспортные сети. Роевое пространство. Оборона от природы.

Деятельность границы есть (как и в Центре) — посредничество, интеграция, сепарация, медиации. Граница сочетает грубовещественное и грубосимволическое.

Ландшафт Границы — смесь ландшафтов, меж которыми существуют отношения от равнодушия до конфликта и взаим-

24 *Каганский В.Л.* Граница как позиция и предмет понимания // Понимание как усмотрение и построение смыслов. Тверь, 1996.

25 См.: Там же; *Дмитриев Р.* Духовные рубежи государства // Независимое военное обозрение. 1997. № 22.

ного паразитизма. В ней доминируют внешне ориентированные элементы; преобладают экотонные, азональные, маргинальные и прочие элементы и формы, что относится и к населению. Особенности мест стираются и обесцениваются от соседства друг с другом.

Граница — мир современного героического квазиэпоса и мифа. Американский фронтьер — 'Граница + Периферия'. Для Границы характерна обостренная примитивная амбивалентная символичность (например, центростремительно-центробежный маятник соответствующих регионов РФ).

Географическое и иное понимание и изучение часто смешивают Границу и Периферию (ГРАНИЦУ и ПЕРИФЕРИЮ — тем более), как и позиции, ситуации и роли маргинала и аутсайдера. В четырехчленной схеме они различены так:

ВНУТРЕННИЙ СТАТУС (ПОЛОЖЕНИЕ)	ВНЕШНИЙ СТАТУС (ПОЛОЖЕНИЕ)	
	Центр	Периферия
Центр	КОНФОРМИСТ	МАРГИНАЛ
Периферия	ПСЕВДОМАРГИНАЛ	АУТСАЙДЕР

Из-за новизны подхода автору, видимо, не вполне удалось описать элементы матрицы в чистом виде; полнота характеристики потребовала зафиксировать сами феномены и частью вторгнуться в описываемые ниже и отдельно элементы. Произведенное выше описание должно быть взято и как описание четырехчленной системы зон и как свернутое описание серий элементов, т.е. в описание Границы вошло содержание, относящееся к ГРАНИЦЕ и т. д.

Граница — место экстравагантного самоопределения и самополагания, для которых характерна безмерная экспансивность, основанная на инверсии 'центр ↔ граница' (как для Периферии характерна инверсия 'центр ↔ периферия'). Самоопределение Границы часто и неизбежно носит внешний, позиционный, пространственный характер. Так, евразийское самоопределение России совмещает черты Периферии и Гра-

ницы: размер и переходно-пограничное положение территории страны замещают ее ценностное самоопределение, атрибутивное для Провинции²⁶.

Недиагональные элементы

Имена элементов матрицы типов состоят из прилагательного, фиксирующего статус, и существительного, фиксирующего ландшафт. В наддиагональных элементах ландшафтный аспект более значим и выражен сильнее статусного — налицо «дефицит статуса»; в поддиагональных элементах статусный аспект более значим и выражен сильнее ландшафтного — и налицо «дефицит ландшафта». В общем, для наддиагональных элементов более характерна ориентация на прошлое, для поддиагональных — на настоящее=будущее. Конечные элементы второй диагонали, ортогональной главной, отличаются максимумом диссонанса статуса и ландшафта. (При четырехчленной оси в матрице (типологии) нет центрального элемента — точки пересечения осей.) Описание ведется по ландшафтным поясам.

Провинциальный Центр — часть ландшафтного ядра, чей потенциал не реализуется из-за дефицита ресурсов статуса. Ландшафтная ткань разрушается и ветшает, появляются лакуны и затоки инородных элементов. Пространство и его наполнение неоднородно, поляризуется по оси матрицы. Современные функции ниже и проще среды; соответствующего ландшафту населения недостаточно для удержания состояния, но может хватить для сохранения культурного статуса. Упрощение структуры территориального пространства может компенсироваться усложнением структуры фазовых пространств. Примеры: многие бывшие столицы, особенно Санкт-Петербург; центры прежде самостоятельных городов, инкорпорированных агломерациями; в европейской мозаике — города с

²⁶ См. раздел IV наст. изд.

книгтерландами, утратившие функции столиц (Веймар) и др. Видимо, такая участь может ждать Алма-Ату.

Периферийный Центр — продолжение (окаймление) предыдущей зоны. Резкое несоответствие ландшафта и статуса иногда является результатом смены оснований статусной системы или передела пространства. Плотная мощная культурная среда ландшафта физически и символически фрагментирована, носит латентный характер, будучи представлена реликтами. Периферийному Центру свойственны разрушение и ренатурализация пространства и обитателей вплоть до одичания. Руины дворянских усадеб и малые (некогда яркие) города Средней России — характерный элемент и маркер зоны. Товарная музеефикация — симптом статуса периферии (внешняя эксплуатация ресурсов — Золотое кольцо России). Видимо, собственно Центр (ядро) России за столетие резко сократился и фрагментировался; произошла и идет **периферизация центра**. Для территории Финляндии до аннексии ее земель Советским Союзом пример дает Выборг, имеющий в Ленинградской области статус периферии.

Пограничный Центр — не парадокс; это наложение на Центр (ядро) функций ГРАНИЦЫ, чаще барьерных. Среда обогатена на уровне элементов, но может быть упрощена в целом понуждением ее к функциям дальнего взаимодействия (например, барьерно-репрессивные структуры контактных узлов: пограничники, таможня и т.п.). По-видимому, географический архетип «**столица-на-границе**» исторически присущ российскому пространству (учитывая вместе и внутренние рубежи: лес//степь у евразийцев, Черноземье//Нечерноземье с Москвой на рубеже). Антиномии и инверсии 'центр ↔ граница' связаны преимущественно с этим типом; пример — Санкт-Петербург, а ныне из-за инверсии 'Москва ↔ Петербург' — Москва²⁷.

²⁷ Каганский В. Л. Неопределенность современного российского пространства // Куда идет Россия?.. 1997. М., 1997; см. также разделы III—IV наст. изд.

Обобщая сказанное, наметим основания ландшафтно-статусного **диссонанса**: 1) динамика системы (смена центров, интеграция и дезинтеграция территорий; неравномерность роста, развития, сжатия и пр.); 2) полимасштабность и интерференция уровней; 3) наложение систем, одна из которых извне задает статусы.

Недиагональные зоны — не чуждые друг другу элементы, хотя противоречия среды и разного рода «странные» образования для них тем более характерны, чем далее они от главной диагонали. Недиагональные элементы по существу промежуточны между диагональными; они маргинализованы и имеют черты переходных зон.

Центральная Провинция — провинция с распределенными функциями ЦЕНТРА; Провинция, среда которой подчинена статусу «ЦЕНТР». Первое — идея и феномен «вторых столиц». Второе характерно для крупных старых областных городов в центре СССР с производствами ядра ВПК.

Периферийная Провинция — аналог Провинциального Центра; некогда была Провинцией; примером служит Тобольск. **Пограничная Провинция** — зона, которую легко представить на примере стран Балтии советского времени; они были вдвойне провинцией, СССР и Европы. Статус резко деформирует ландшафт.

Центральная Периферия — периферия статуса «ЦЕНТР». Теоретически — это наделение статусом ЦЕНТР фрагментов Периферии. В нашей стране зона сконструирована особыми изолированными объектами, фрагментирующими и периферизирующими ландшафт. Чистый пример — зона огромного внутреннего контраста и напряжения, содержащая Арзамас-16²⁸ (и мордовские политические лагеря), как и территории с закрытыми городами (ЗАТО — закрытые административно-территориальные образования) в целом. Без таких «особых точек» статус места был бы ниже, но ландшафт (ландшафтный статус) — выше. Это образец характернейшей для нашего про-

28 См. статью «На чем Москва стоит» в наст. изд.

странства инверсии 'ландшафт ↔ статус'. Статус зоны во многих отношениях выше, чем у большей части города Москвы.

Архипелаг очагов Центральной Периферии разбросан в массиве **Внутренней Периферии** — комплексной безобразной и безобразной зоны. В логике нашей схемы на зоны системы (Центральная Периферия, отчасти Провинциальная Периферия и Провинции) наложена Периферия Центра, зона между Провинцией Центра и Провинцией (например, общая периферия ряда крупных городов — Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода). Центр периферизует территорию, создавая свою периферию именно на рубеже Центр//Провинция. Зона имеет явные черты Границы (ГРАНИЦЫ) и является **внутренним пограничьем**; может быть понята как инверсия процесса периферизации (колонизации)²⁹.

Провинциальная (привилегированная) **Периферия** играет в провинцию и может ею стать. Пример — нынешние привилегированные ресурсные города вроде Сургута (инверсия с Тобольском — налицо) или прежние советские военно-промышленные поселки (также ср. Манаус (Бразилия) времен каучуковой лихорадки с самым большим в мире оперным театром). Она имеет избыток ресурсов при дефиците их конверсии в культурную почву. Представлена отдельными очагами.

Пограничная Периферия — среда периферии полуподдерживается-полуразрушается статусом границы, сами объекты которой образуют следующую зону. Примером советской реализации служит Арктика, нормальной — дореволюционная Чукотка с ее активными связями.

Центральная Граница — аналог Центральной Периферии. Специфика зоны — немногочисленные особые объекты, предназначенные для силового взаимодействия с окружающим миром. Пример — Камчатка с ее гигантским ядерным арсеналом. **Провинциальная и Периферийные Границы** —

29 См.: *Родман Б. Б.* Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?... М., 1996.

аналоги предыдущих зон. Комплексная зона (тип) **Внешняя Периферия** — объединение зон (типов) Периферия, Периферийная Граница, Пограничная Периферия.

СХЕМА И РЕАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ РОССИИ (СССР)

Развернем один из перечисленных аспектов и взглянем на конкретный объект с позиции схемы как целого. Опишем так называемое советское пространство, или советский ландшафт³⁰. В нем статус доминирует над ландшафтом. Комплексные районы — прежде всего изначально и структурно статусные регионы административного деления, а не иные (например, природные или культурные) районы. Высока статусная мозаичность территории; огромно число высокостатусных анклавов (ЗАТО — и не только) среди территорий низкого статуса; почти все пространство песет клеймо периферии. Пространство гиперцентрализовано. Серия ЦЕНТР носит преимущественно статусный характер, в секторе преобладают экстенсивные территории. Огромна роль ПЕРИФЕРИИ; по-видимому, ее элементы преобладают на территории как бывшего СССР, так и нынешнего СССР по многим параметрам (площадь, население и пр.). Серия ПЕРИФЕРИЯ преобладает статусно и ландшафтно. Велика роль внешних границ, усугубляемая статусной чересполосицей, ведущей к обилию внутренних границ; в итоге — сильная маргинализация всей страны. Сочетание периферийности и пограничности (маргинальности) создает Внутреннюю Периферию, где живет значительная часть населения. ПРОВИНЦИИ, тем более Провинции, — почти нет. Ранее была предложена формула: ЦЕНТР → ПЕРИФЕРИЯ ← ГРАНИЦА³¹.

30 См. раздел II наст. изд.

31 См.: *Каганский В. Л.* Советское пространство: конструкция, деструкция, трансформация // *Общественные науки и современность.* 1995. № 2, 3.

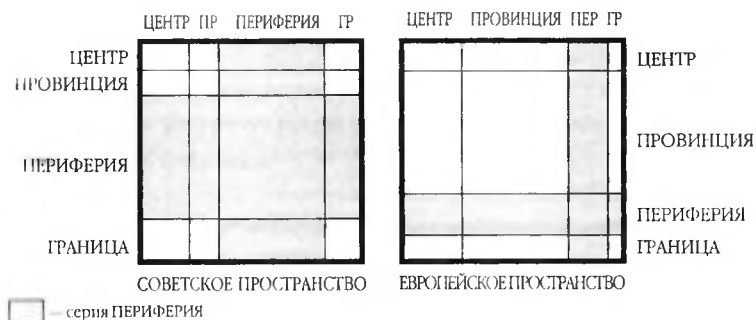

Рис. 3. Советское и европейское пространство

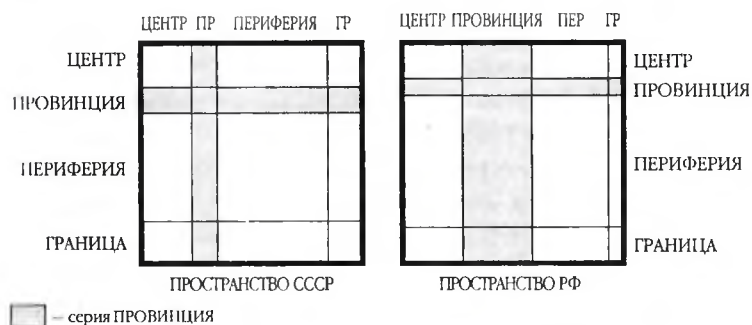

Рис. 4. Ландшафтно-статусная структура СССР и РФ

Черты советского пространства, унаследовавшего и усилившего традиционную централизацию пространства российского, воспроизводятся на нескольких уровнях вплоть до районного. Эту структуру можно изобразить (рис. 3; для сравнения даны обобщенная структура европейского пространства, каким оно представляется автору); чисто же территориально (карта или картоид) ее изобразить, по-видимому, невозможно или затруднительно.

Другое применение схемы — сравнение России (РФ) и СССР (рис. 4 — различия утрированы). Укажем только главное. РФ получила большую часть ПЕРИФЕРИИ СССР. РФ статусно куда более провинциальна (успехи регионализации как повышения статуса регионов), однако в ней куда меньше территории ландшафтной провинции, к каковым в СССР можно было

относити Прибалтику, большую часть Украины и Белоруссии и некоторые иные территории. В предложенных терминах пространства СССР и РФ различаются следующим: в СССР относительно преобладают серии ЦЕНТР и ГРАНИЦА, а в них статусные компоненты; в РФ — ЦЕНТР и ПЕРИФЕРИЯ. Серия ПРОВИНЦИЯ в СССР — в основном ландшафтная, в РФ — преимущественно статусная (результат регионализации).

Аналогично можно компактно резюмировать многие важные процессы пространственной трансформации бывшего СССР³². Главный процесс — сочетание статусной провинциализации территории с ландшафтной ее периферизацией. Распад СССР — статусная провинциализация большей части территории (периферии) как внутри РФ (и РФ в целом?), так и остальной территории. Регионализация — повышение статуса существующих институциональных регионов вплоть до претензий на статус Центр; после его получения — провинциализация в иной системе. На новых границах РФ формируются разные типы Границы, перерабатывающие не только Периферию, но и Провинцию (например, Псков); резко меняется ландшафт старых границ СССР со сменой доминант от барьерных к контактным. Процесс замены ВПК на ТЭК (топливно-энергетический комплекс) в территориальном аспекте — нарастающая инверсия 'провинция ↔ периферия' на уровне страны и (большинства) регионов, периферизация провинции. Дачно-пригородный бум — периферизация провинции на всех уровнях, формирование новой внутренней периферии.

КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ДИАЛОГ ЛАНДШАФТОВ

Развитая здесь схема имеет внутреннее противоречие. Концептуальная последовательность требует строгости, простого

32 См. разделы III—IV наст. изд. и указанную в них литературу.

порядка зон, однозначной связи места, формы и функции; эмпирически достоверна картина ландшафта, которая резко обедняется любой схематизацией. Теоретическая истина требует видеть конкретный ландшафт рисунком на ткани возможного, потенциального, ее узлом; конкретность места запрещает домысливать или игнорировать элементы для ясности. Концептуально полно лишь сочетание и совмещение территориального (физического) и смыслового (фазового) пространств; земной ландшафт как феномен открывает себя территориально.

Взгляд на ландшафт не может не быть сложным и внутренне дифференцированным, как ландшафт, поскольку источник этого взгляда — именно ландшафт. Работа с ландшафтом — соотношение ландшафтов. Ландшафтное разнообразие должно быть понято и изучено как наложение и взаимодействие мест, слоев ландшафта, ландшафтов. Концептуальное видение ландшафта должно воспроизводить его существенные признаки, прежде всего — оформленное разнообразие.

Предложенная схема — концептуальная попытка ландшафтного подхода к ландшафту. Исходное и главное содержательное представление — ландшафт как живой итог наложения форм, устроенных как ландшафт. Методологически главный ход — ландшафтоморфная схема. Единственная позиция, точка зрения, прямая концептуальная перспектива заменяется ландшафтом=схемой; система мест описывается системой связанных с этими местами позиций.

ГОРОДА КАК ГОРЫ — ГОРЫ КАК ГОРОДА

Физический и экономический рельефы (плотность населения, хозяйственной жизни и др.) взаимодополнительны: города есть горы экономического рельефа, горы — его впадины. При прочих равных, в общем, равнины более заселены и активнее используются. Недавно обращено внимание на сходство горных территорий и окраин узловых районов, объясняемое общностью их географического и функционального положения: горы — разновидность периферии экономических узловых районов и потому малоразвиты и депрессивны; аналогами оказываются расстояние от крупного центра и абсолютная высота¹. Эта аналогия нетривиальна; однако сравниваются здесь особенности экономического положения территорий, но не их ландшафт.

Ниже проведено сопоставление гор и городов как фокусов культурного ландшафта, ориентированное на поиск сходства гор и городов, горных стран и городских агломераций, узловых районов гор и городов, что предполагает акцентирование ряда общегеографических категорий. Текст статьи есть комментированный перечень общих существенных черт ландшафта гор и городов; картина носит предварительный характер и не претендует на полноту. Работа использует сложившееся в отечественной географии представление о горных территориях уме-

¹ См.: *Родаман Б. Б.* Горы и человек: парадигмы и парадоксы освоения // Проблемы горного хозяйства и расселения. М., 1988.

ренного пояса, где подножья гор заселены и аграрно освоены, и опирается на широкую версию понятия культурного ландшафта. Города репрезентирует прежде всего Центральная Россия, горные страны — Кавказ. Описание различий гор и городов и их связей и оценка соотношения 'сходство — различие' не входит в задачу работы. Статья написана географом внеарктической части Северо-Запада Евразии; большая часть ее территории не занята горами и городами и удалена от тех и других, притом что горы и города (как правило) размещены отдельно.

УЗЛЫ ТЕРРИТОРИИ

Горы и города — малые, редкие, сильные, прочные элементы ландшафта. На суше Земли, всех материков, Северной Евразии, Российской империи, СССР и РФ горы и города занимают меньшую часть территории. Но роль гор и городов куда заметнее, чем их количественное место в ландшафте. Горы и города связывают далекие территории, создают узловые макрорайоны и служат их центрами, ядрами, узлами, осями, фокальными и экстремальными зонами.

Географическое положение гор и городов специфично стабильностью и овеществленностью; оно почти абсолютно. Горы и города сами создают свое положение, относительно них есть и оценивается положение (почти) всех объектов. Это ядра контурно-позиционного и функционального каркаса территории.

Крупнейшие города и горы создают и организуют **узловые районы культурного ландшафта** (так в тексте выделяются новые или малоизвестные понятия). Горы и мегалополисы — очень малые ядра очень больших районов. Влияние агломераций ощутимо на расстояниях, в сотни раз больших, и территориях, в тысячи раз превосходящих их размером². Зоны влия-

2 Размер крупной городской агломерации — 10^2 км, площадь — 10^4 кв. км, радиус зоны влияния — 10^3 км, ее площадь — 10^6 – 10^7 кв. км; радиус влияния Москвы — расстояние «до самых до окраин», узловой район Москвы выходил за пределы СССР.

ния гор меньше, но оно ощутимо на территориях в десятки раз больше самих гор. Примечательно, что географические справочники не дают площадей гор и физической высоты застройки городов, игнорируя их третье измерение. Мегалополисы и горные страны влияют на субконтиненты (Париж, Петербург etc; Альпы, Тянь-Шань, Гималаи etc). Внешние характерные расстояния, усредненные (взвешенные) радиусы внешних связей превосходят внутренние характерные расстояния и сами размеры агломераций и гор во много, иногда в сотни раз. Для городов это радиусы внешних и внутренних связей, транспорта, перевозок; для гор — распространение потоков, возмущающее воздействие и др.

Определить зоны влияния горных и городских систем можно не только выявлением систем связей, как то обычно для фиксации контуров узловых районов, но и путем мысленного географического эксперимента. Заменим эти элементы среды фоновым ландшафтом на картографической модели и/или ментальной карте. Территория, которая претерпит существенные изменения, сменит образ и будет зоной влияния в широком смысле. Понятно, сколь большие территории были бы совсем иными «при отсутствии» Москвы и Кавказа; без Анд иной была бы система природных зон Южной Америки и т. д. Чтобы понять значение этих элементов среды, нужна альтернативная география (направление «альтернативная история» уже есть).

Горы и города — источник важных и дефицитных на соседних территориях ресурсов. Горы ценны для хозяйства прежде всего тем, что концентрируют и хранят воду и гравитационную энергию, используемую на равнинах, и мн. др. Предкавказье и Закавказье живут водой и гидроэнергетикой Кавказа, его зона влияния доходит до Азовского моря, Маныча, Персидского залива; без Тянь-Шаня нет оазисов Туркестана. Эти районы зрими сетями оросительных каналов.

Узловой район гор — территория существенного влияния гор на ландшафт, использующая ресурсы гор, сопряженная дополнительно (комплементарностью) мест и ресурсов, свя-

лившая активными потоками, структурированная их магистралими. Функциональный каркас такого района — полимагистральный речных долин, русел подземного стока, оросительных каналов; скотопрогоны, связывающие пастбища высокогорий и равнины, линии электропередач, обычный транспорт.

Влияние гор идет вниз по рекам, вслед и вместе с ними. Бассейны ряда крупных рек можно почти целиком включить в узловы́е районы гор: Кубань, Терек, Кура — Кавказ; Аму- и Сыр-дарья, Или — Тянь-Шань; других — большей или значительной частью: Кама, Белая, Урал — Урал и т.д. Закавказье, Северный Кавказ, Средняя Азия (экономические районы бывшего СССР) — (почти) целиком входят в районы гор; Урал, Казахстан, Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток — большей (важнейшей) частью; Юго-Запад — существенной частью.

Влияние гор не ограничено орошением и энергетикой. Долины горных (в верховьях) рек служат естественными осями, путями для человека, иных видов и сообществ, обогащают природу и хозяйство; реки орошают и дренируют ландшафт, по ним продвигаются азональные биоценозы и агроценозы; так продвигаются и пригородное сельское хозяйство, и искусственные лесные насаждения по магистралям от городов. Велико, ярко и многообразно влияние гор на природу прилегающих ландшафтов; оно описывается особым понятием и учением о барьерогенных ландшафтах. Так, горы меняют климат прилежащих территорий, усиливая влажность подветренных склонов (делая ландшафт более лесным и лесистым) и иссушая наветренные (остепеняя ландшафт), действуя поляризующе. В целом горы и города увеличивают количество осадков. Как и горы, города концентрируют, хранят и распределяют ресурсы — экономические, культурные, социальные; обслуживают смежные территории; районообразующая роль городов хорошо известна.

Горы создают узловы́е районы независимо от рек, там, где вода не имеет значения; города создают районы независимо от дефицита благ в сельской местности и разницы уровней жизни. Горы и города — закономерные нарушения монотон-

ности среды, сгустки дифференциации и контрастов. Формирование вокруг них узловых районов — правило; узловые районы вокруг активного точечного центра — лишь (наиболее известный) частный случай. Любая неоднородность ландшафта есть источник ресурсов в нем — полезные ископаемые, начиная с камня; большая доступность и естественная вскрытость долинами; сочетание с источниками энергии гравитации; горные леса и вообще ресурсы леса в безлесных районах; специфика породного состава в лесных районах и мн. др. Таков Урал, вообще старые горы. В традиционном хозяйстве горы — дефицитные ресурсы летних пастбищ, в современной жизни — не менее ценные уголья летнего отдыха; примеров масса.

Горы и города не создают (хотя бы потенциальных) узловых районов там и тогда, где и когда никакая дифференциация среды не имеет значения; такое пространство трудно представить, оно не отвечает понятию ландшафта. Разнообразие ландшафта — метаресурс, самый общий ресурс; им и богаты горы и города. Горы и города — районообразующие узлы и каркасы; районообразующее значение имеет как их действующее наличие, так и активное различие со смежными территориями. Стоит поискать соответствия размера города и гор через параметры их узловых районов.

Города и горы — мощные аттракторы; они притягивают активность и деятельность, трансформируют и обогащают фоновые территории. Города и горы — мощные, возможно главные, факторы формирования внефоновых, азональных культурных ландшафтов; города и горы сами суть азональные ландшафты, формируют азональные поля и новую концентрическую зональность; порождают системы экотонов, переходных зон. Они огромны; так, бассейн реки Вятки (Кировская область) — наложение дальних периферий Москвы и Урала; весь макроландшафт Франции, по Броделю, — интерференция зон Парижа и Альп—Пиренеев etc. Города создают вокруг себя зоны и предпосылки сгущения жизни. Горы создают у своих подножий особые условия для биоценозов. Города

и горы обогащают прилегающие территории выносом материала (за тысячи верст несомые Нилом частицы гор Восточной Африки создали Египет); но и являются источниками опасности. Города и горы действуют иногда одинаково, будучи источниками питательных веществ для растений (особенно агломерации и вулканы), создателями микроклимата, аттракторами для туристов. В горах и городах чаще грозы и т.д.

СГУСТКИ ЛАНДШАФТА

Города и горы — сгустки ландшафта. Горы — сгущения твердого материала и самой поверхности Земли; города — искусственные горы, тем более в рельефе плотности искусственных компонентов — веществ, полей и пр. Горы и города — универсальные зоны абсолютной и относительной концентрации; контрастов и градиентов, экстремальных значений культурной и природной среды; мир скачков. Крутым непреодолимым склонам и скальным стенкам гор отвечают огромные градиенты и «обрывы» заселенности на краях города; «разломы» административных границ. Вершинам, хребтам и долинам — центры, оси и межсекторные территории; пригородам — предгорья и т. д.

Понятия «город» и «горы» — равно относительные и абсолютные; количественный критерий недостаточен. Огромный поселок — не город, маленький город в удалении от больших — город; высокое плоскогорье «для себя» — не горы; для плоской равнины отдельный холм есть гора, если его вершина отличается от подножия, а холм создает новые формы в ландшафте. Полумиллионный Тольятти — город лишь немногим; горные степи Памира — очень высокая, но равнина. Понятия гор и городов неустранимо качественные; физико-географический критерий гор — не (только) абсолютная и относительная высота, но наличие высотной поясности; город специфичен не столько размером, сколько статусом и функ-

циями (в частности, как центрального места — организатора культурного ландшафта). Высотная поясность гор, в общем, отвечает зональности городской агломерации.

Эффект гор и городов, воздействие на фон наиболее заметны и действенны на стыке: 'город = не-город', 'горы = равнина'. Срединная провинция, — ядро типичности не сосредотачивает их специфики и экзотики — не так уж интересна. Ярче всего горы и города в своих центрах и на рубежах, в исторических ядрах и на вершинах, у подножий и в контрастных предместьях. Осмотр, ознакомление, посещение горы и города, их исследование и описание без центра и вершины немыслимо и бессмысленно. Специфика гор и городов дана в ландшафте прежде всего контекстуально.

У подножия Гарца чувствуешь себя высоко в горах: скальные выходы крутых склонов, где с трудом держится какая-то невзрачная растительность, ледяные ручьи; сырой холодный ветер по ущельям, пасмурно, не видно следов человека. Стоит подняться медленной скрипучей узкоколейкой, продылавшись дымом паровоза, — намного теплее, ветра нет, над плоскими, ровными, ухоженными полями пшеницы сияет солнце; никаких гор не видно, как не видно ни кусочка безлюдной природы. Так и с вод Телецкого озера горы окрест стоят неприступной стеной, а на плоских вершинах уютно пасется скот.

ЯДРА РАЗНООБРАЗИЯ

Города и горы — внешние и внутренние разнообразные ядра разнообразия ландшафта. Они дифференцированнее окружающих территорий и усиливают их разнообразие. Пространство гор и городов дифференцировано не только сильнее, но и иначе, чем окружающие территории. Рисунок ландшафта отчетливее и ярче, его ритм куда более дробен (меньше характерные расстояния); заметнее острые контрасты и неожиданные соседства, наложение нескольких структур дифференциации.

огромное значение дальнего географического положения и т. д. Города и горы — богато, сложно дифференцированные, дробно расчлененные территории, они лишены больших однородных, однообразных, монотонных массивов (хотя иногда и формируют вокруг себя такие — равнины выноса, пригородные аграрные, рекреационные, санитарные и прочие зоны).

Города и горы поляризуют ландшафт в целом, включая природные компоненты. Их среда чрезвычайно контрастна: в типе, интенсивности использования, возможности соседствования почти полярно противоположных или, по крайней мере, далеких видов угодий, обычно разделяемых чуть не тысячами километров. Горы и города «притягивают» к себе удаленные ландшафты, усиливают различия близких и сходных ландшафтов, создают новые основания и факторы дифференциации среды. Их сходство здесь просто поражает. Почти все большие типы природно-культурного ландшафта Европейской России встречаются и взаимодействуют в Подмосковье и на Центральном Кавказе, вместе занимающих примерно 1% площади этой равнины. Для огромной Сибири это агломерация Иркутск—Усолье—Сибирское и Тоджа (где рядом пустыня и тундра, северный олень и верблюд). Сгущенное выражение разнообразия среды, сверхвысокое разнообразие жителей — конфессиональное, профессиональное, расовое, социальное, этнокультурное и т.п. Принято считать, что есть два глобальных полюса этнокультурного разнообразия. Это Кавказ и Нью-Йорк; другая пара — Гималаи и Калькутта. Города и горы — комплементарные (дополнительные) концентраторы смысловой густоты ландшафта.

Алтай, Гиндукуш, Карпаты, Саяны, Памир etc и крупнейшие города населены сотнями малых этносов и квазиэтнических групп. Там начинались и завершались пути новаций и групп, ставших реликтами. Горы и города — среды жизни меньшинств (интеллектуальных, конфессиональных, культурных, лингвистических, психологических, расовых, этнических etc), их убежища и арены активности. Они являют собой ярчайший

пример **миноритарных ландшафтных сред**. Такие среды составляют меньшинство на больших, географически компактных территориях, вкраплены в фон, нигде не являясь фоновыми; не образуют зон или однородных районов. Внутри себя они не имеют доминирующих размером (не только площадью) ландшафтных и иных компонентов. Иной пример таких сред — ландшафты дельт; наверное, миноритарным макроландшафтом является вся ландшафтная сфера Земли; похоже, все ландшафты-медиаторы³ — миноритарны.

Мажоритарные ландшафтные среды преобладают на больших компактных территориях, включая один или несколько численно преобладающих компонентов; образуют зоны и однородные районы; населены группами большинства. Для нашей территории — это, как правило, относительно плоские (хотя бы и высокие), вообще относительно однородные, слабо урбанизированные территории. Мажоритарный ландшафт — обобщение понятий плакора, зонального, фонового ландшафта⁴ и других понятий этого ряда; миноритарный ландшафт — понятие-антоним, оно обобщает ряд понятий, описывающих азональные ландшафты, не всегда выраженных терминами. Эти (начерно) введенные понятия описывают не субстрат, а функциональную морфологию ландшафта, не ткань, а рисунок. Но горы и города суть миноритарные ландшафты лишь по преимуществу и функционально, в адекватном им масштабе (например, в масштабе Земли в целом).

Смысл среды гор и городов — разнообразие угодий и их использования. Вся жизнь людей, многих видов и сообществ в горах и городах основана на хозяйственно-культурных комплексах, наборах многих разных видов угодий, есть извлечение эффекта из соседства и сочетания. Огромно разнообразие

3 См.: *Каганский В. Л.* Переходные зоны как компонент культурного ландшафта // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М., 1988

4 См.: *Мильков Ф. Н., Бережной А. В., Михно В. Б.* Терминологический словарь по физической географии. М., 1993. С. 288.

используемых участков и по размеру; характерно сочетание участков разных форм, размеров, способов использования. В горах и городах особое значение имеют малые и редкие элементы; видимо, им должны быть присущи богатые спектры характерных размеров; что возможно проверить. Горам и городской среде присуща особая значимость формы (конфигурации) и размера участков как фактора выбора функции места, содержания экологической ниши. Горы и города — триумф формы места над материалом, содержанием-содержанием, ведь размер — тоже форма.

В горах и городах используются, а не преодолеваются различия высот (расстояний от центра) и создаваемая ими дифференциация среды. Чем больше город и чем выше горная страна, тем разнообразнее ландшафт, тем сильнее контрасты; следовательно, благоприятней условия для ведения интенсивного хозяйства. **Ландшафтно интенсивное хозяйство** опирается на различия мест, превращает их в ресурс, использует различия, а не преодолевает их. Симптомы такого хозяйства — сильное и творческое преобразование ландшафта, сохраняющее и использующее его специфику, превращающее недостатки в достоинства; сохранение и усиление дифференцированности, включая непрменные массивы слабо преобразованных территорий; обогащение природных и культурных компонентов; повышение емкости для смысла и деятельности. Интенсивное хозяйство использует исключительно воспроизводимые ресурсы. Пример — террасированные склоны Дагестана с орошением водой горных рек; большие поместья пригородных зон и мн. др.; культурно-хозяйственная среда старых городов.

На территориях во много раз больше гор ощутима их особая ландшафтная роль естественного, природного заповедника, убежища, питомника популяций растений и животных, флоры и фауны, языков и культур. Таковы же функции крупнейших городов для культуры, в том числе и культурной флоры и фауны. Природные центры разнообразия растений, описанные Н.И. Вавиловым, приурочены преимущественно к горам; ис-

пользующая и приумножающая их ресурсы современная селекция базируется в городах; большинство малочисленных этносов живет в горах, а изучающих их лингвистов — в городах. И т. д. Все это ландшафтная комплементарность гор и городов.

Города и горы — миры разнообразия жизненных ниш для органической и экономической жизни; очень емкая среда. Большой город исторически и логически полифункционален, поликультурен, полиэтничен; о горах надо сказать осторожнее — горный район при прочих равных условиях разнообразнее и поликультурнее, чем такой же размером (соседний) равнинный. Как город есть разнообразное и новое на сельском фоне пространство возможностей, экологических ниш для живых организмов (синантропные виды, одомашнивание, парки и зоопарки, коллекции и технологические сообщества микроорганизмов etc), так и горы есть открытое, расширяющееся множество ниш для разных групп людей, в том числе и пространство экономической креативности.

ВЗАИМНОЕ ПОДОБИЕ

Общность символической топографии. Для символического, мифологического видения город и гора очень схожи. Это ясно очерченное, выделенное, часто сакрализованное, многослойное, вертикально обустроенное место. Города часто уподобляются горам, воспроизводят их черты и подражают им. Города и горы — важные символы сакрального верха, вертикали (но ср. амбивалентность гор и городов; например, архетип Вавилонской башни, города=горы). Известна роль и смысл Москвы и Урала для России, Кремля (Боровицкого холма) для Москвы, Эльбруса для народов Северного Кавказа, Арарата для армян, Афин и Олимпа для Древней Греции etc. Многие города принято считать стоящими на трех/семи холмах и/или имеющими свои горы=холмы. Символический силуэт и графический образ (эмблема) городов вертикальны; рельеф —

атрибут образа и мифологии города, в том числе современной мифологии. Возможно, что важнейшие элементы континентального культурного ландшафта — горы, города, реки — сильней всего (?) нагружены и символически; это стоит проверить по данным мифологии, фольклора, геральдики.

В городах высятся башни-холмы высотой, достаточной для появления высотной поясности; важен вертикальный транспорт, используется труд (промышленных) альпинистов. На разных этажах (уровнях) гор и городов различна погода, на склонах и стенах лежат облака. Небоскребы создают микроклимат, зоны тени и радиотени, служат основой ориентации в ландшафте и т. д. и т. п.; города знают свои ущелья, тенистые и ветреные; существенна экспозиция. Вокруг небоскребов формируются особые городские урочища; высокие физические здания образуют ядра деловой активности, высокие символически — сакрализованные зоны. Высотной поясности гор в общем отвечает социальная стратификация городского пространства; физическая и символическая высоты коррелируют; вертикальное и горизонтальное направления ценностно анизотропны; горожане и горцы нередко беднее селян и жителей равнин, но имеют более высокий статус (ср. престижное поселение на крышах небоскребов).

Горы и города связаны постоянными и временными миграциями, обмениваются жителями, функциями, ролями — и тем и потому все более схожи. Горы обживаются горожанами, проводящими там часть времени; ряд малых элитарно ориентированных групп делит свою жизнь между крупнейшими горами и городами. Если прежние тенденции на территории бывшего СССР частично восстановятся и поток 'горожане ⇒ горы' опять возрастет, то будут основания полагать существующей **горно-городскую субкультуру** со своим образом жизни, обиходом, фольклором, мифологией, культом романтики (ср. песни Ю. Визбора); в ней явно, хотя и по-разному, выделены (даже сакрализованы) горы и города. Многие жители горных районов территории бывшего СССР временно живут в горо-

дах, добывая ресурсы для ведения горного образа жизни; то же самое относится к горожанам, восстанавливающим силы или бюджет в горах. Горы и города взаимно используют друг друга.

Компоненты горного образа жизни — возвратные миграции для использования угодий разных по высоте поясов в разные сезоны, два жилища вплоть до парности поселений; современный горожанин все больше делит себя меж городом и огородом («дача»), имея два жилища, расположенных часто дальше по разнице условий, тратам времени и средств на перемещение, чем жилища горца. Горцы и горожане для использования дифференцированной среды должны пребывать в разных местах, тратить энергию на перемещение, иметь множество жилищ. (Зимой равно унылы летние пастбища овец и дачные пастбища горожан.)

ВНУТРЕННИЕ ФОРМЫ

Сходство внутренних форм. Азональные горы и города внутренне зонированы, или стратифицированы. Ландшафт городов и гор имеет сходную территориальную структуру, пространственный рисунок. Главный дифференцирующий фактор — расстояние от центра (абсолютная высота) — формирует концентрическую зональность (высотную поясность). Наиболее ярка эта общность — почти тождественность структуры — для моноцентрических городов и круглых вулканов.

Но только теоретически зоны — вложенные правильные кольца. Форма города осложняется (обогащается) секторностью, форма гор — экспозицией, ориентацией на конкретную сторону света. То и другое трансформирует, детализирует, обогащает и т. д. набор и характер зон. Спектры высотной поясности субширотно ориентированных северных и южных склонов Большого Кавказа или Восточного Саяна резко различны, как и спектры концентрических зон западного и восточного секторов Москвы. Секторность и экспозиционность — разные про-

числения географического положения. В спектрах зон гор и городов зон встречаются инверсии; днища долин могут быть холоднее за счет стока с бортов холодного воздуха, в центре города бывают пустоши из-за сложного рельефа, в том числе подземного и антропогенного (например, площадка к югу от комплекса зданий МГУ на Воробьевых горах в Москве; незастроенные пойменные острова в центре Красноярска). Третий фактор рисунка — почти вечные линейно-каркасные элементы — магистрали (и реки) для городов, ритм хребтов-долин гор.

Сходные среды. Города и горы сходны как среды жизни на фоне окружающих территорий. Горно-городские среды относительно и абсолютно сложны и разнообразны, богаты сочетаниями факторов среды, обильны нишами для жизни. Это анизотропные пространства, где дифференцированы сами направления. В горах и городах гораздо больше значимых направлений, чем вокруг. В отличие от большинства территорий, в горах и городах значимы не только разные горизонтальные направления, но и вертикальные; есть сложные комплексы тех и других и даже направления, в которых физический и семантический компоненты противоречат друг другу. Только в горах и городах вертикальное направление ничуть не менее важно, а их физические вертикальные и горизонтальные размеры сопоставимы; есть и особо значимые части, где вертикальное направление доминирует. В горах и городах на очень небольших направлениях меняется не только среда, но сами наборы значимых направлений и связанных с ними параметров. Ландшафт гор и городов чрезвычайно насыщен интерференцией разных структур; территории (места), живущие в разных масштабах, могут сосуществовать; с приближением к центру города и подъемом вверх полимасштабность среды, вероятно, нарастает, как и черты экстерриториальности. Особое сходство всех крупнейших гор между собой, как и мегалополисов, хорошо известно.

Основа концентрической зональности горных и городских узловых районов — смена доминирующих, **характерных направлений**. Узловые районы гор и городов членятся, рай-

онируются прежде всего по спектру анизотропности, разделяются на главные зоны сугубо по соотношению ведущих направлений: 1) доминирование вертикального направления (собственно горы, центр города); 2) баланс вертикального и горизонтального направлений; 3) доминирование «диагонального» направления «центр (горы, город) — периферия»; централизованные среды, приоритет расстояния от города (гор) над фоновым, зональным (предгорья, пригороды); 4) равновесие центростремительного и фонового направлений; 5) доминирование фоновых направлений. Горные и городские районы структурно тождественно отграничены линией, за которой доминирует фоновая зональность, более важная, нежели фактор расстояния от центра (горной системы). В зависимости от жесткости понимания узловых районов они могут определяться внешними границами зоны 3) и далее; тогда внутренние зоны суть ядра этих узловых районов.

Консервативно-динамичные среды. Территориальная структура гор и городов ультрастабильна и консервативна, каркас прочен, пронизывает насквозь разные, в том числе по возрасту, слои/компоненты ландшафта. Пространственный рисунок гидросети, почв, растительности, плотность органической и экономической жизни и пр. в горах — жесткая производная рельефа; транспорт, расселение, функциональные зоны, размещение фрагментов природного ландшафта и синантропных биоценозов — производная общей структуры города. В отличие от многих территорий, где есть сравнительная автономия (буквально — самозаконие) размещения компонентов ландшафта, в горах и городах доминирует единый каркас размещения практически всех компонентов ландшафта. Слишком сложно, дорого, долго трансформировать эту сильную структуру. Эта структура жестко, хотя и по-разному, овеществлена в этих типах сред. Высотная детерминация ландшафта и ритм хребтов и долин, как и оформленные сгустки городской застройки, труднопреодолимы и трудно трансформируются формами жизни, включая и человека. К горам и го-

людям проще приспособиться, чем их изменить (в большинстве временных масштабов). Горы и города скорее консервативны, хотя на деле все сложнее. Хотя города часто кажутся исключительно центрами динамики, они равно элемент устойчивый и консервативный (города Европы куда стабильнее государств); горы кажутся вечными, будучи ареной современных активных процессов (реки прорезают высокие и древние горы; ср. известный афоризм Б. Л. Личкова «реки строят горы»).

Трудные среды. Горы и города романтичны и заманчивы. Но это сложные и трудные среды жизни. Степень опасности резко различается для местного жителя и чужого; без адаптации жить в городе (в горах) трудно и опасно. Сложность жизни, выражающаяся в длительности адаптации и разнообразии постоянно используемых способов деятельности, навыков, угодий, масштабов, характерных размеров и времен — очень велика. Повышен риск природных и антропогенных катастроф. Жизнь — поток непрерывно принимаемых осознанных и неосознанных решений, быстрое реагирование, предвидение далеких и маловероятных последствий. Последствия действий неадаптированных деятелей в этих средах велики, непредсказуемы и обычно печальны; города и горы почти неподвластны проектной воле; стихия тотального проектирования, превращения ландшафта в функциональное пространство не справилась с горами и городами. Равно и создание структур типа советского пространства менее всего удалось в крупнейших городах и в горах; устояли Петербург и Таджикистан. Города и горы — динамичные среды; переменчивость горной погоды известна, все большая неустойчивость местной погоды городов налицо.

СЛОЖНЫЕ СРЕДЫ

Индивидуализирующие места. Города и горы — индивидуальные и индивидуализирующие локусы ландшафта. Их индивидуальность в большой мере обязана их размеру. Чем выше

горы и чем больше города, тем сильнее они отличаются от смежных территорий, тем резче контрастируют и активнее взаимодействуют с ними. Высота гор и размер города оказываются аналогами. Если представить единичную гору в форме конуса из однородного материала (например, сыпучего), то учет свойств его материала позволит найти связь высоты, объема и основания конуса. Ничто не мешает принять такую модель для моноцентрического города: тогда можно будет считать высоту (горы) и размер города (ее объем?) разными именами одного и того же параметра. Чем больше город и чем выше горная система, тем меньше они похожи на свои же пригороды и предгорья и тем больше — на другие города и горы близкого размера. Учитывая закономерности высотной поясности, одинаковые пояса разных горных систем можно считать реальными фрагментами одного (потенциального) высотного пояса, залегающего наклонно к земной поверхности. (Все мировые города в некотором смысле — разные модусы одного города; Первый, Второй, Третий Рим; Иерусалим и Новый Иерусалим). Для гор и городов размер прямо переходит в сложность. Для них общий вывод о том, что размер пространственной системы связан прямой зависимостью с величиной содержания соответствующего понятия, носит отчетливый и выпуклый характер. Сложность гор и городов как ландшафтов выражается одной и той же мерой — разнообразием ландшафтов, сред, комплексов угодий. Высота гор и размер городов — интенсивные параметры.

Пред- и постиндустриальные социумы. Массовое индустриальное производство не определяет экономическую роль гор и городов; оно может доминировать временно и локально, причины чего очевидны. (Индустриализация гор и крупных городов — симптом ландшафтной невменяемости.) В горах и городах предындустриальные и постиндустриальные компоненты среды сплетены и взаимодействуют. Например, элитарно-дорогая рекреация с новыми технологиями и интересом к памятникам традиционной культуры; роль научных

исследований (крупнейшие оптические телескопы и астрофизические станции в горах). Реклама в западном обществе индцирует статус горного ландшафта как символа высокого качества среды и жизни, здоровья, благополучия, всестороннего (личностного, финансового, телесно-эротического и пр.) успеха. «Ландшафт рекламы» — часто горно-городской пейзажный синкретизм.

Контактные геокомпоненты. Горы (горные страны) и города (урбанизированные арсалы) суть центры (ядра) больших узловых районов; города и горы интегрируют, связывают, сшивают длинными нитями далекие лоскуты территории; горы и города — скрепы ландшафта. Связующие функции в ландшафте присущи, как правило, относительно малым, внутренне неоднородным объектам, миноритарным средам; контактные геокомпоненты (в противопоставление массивным) образуют каркас ландшафта⁵. Значит ли это, что горы и города нужно считать границами? Линейные горные массивы, горные цепи принято считать естественными границами, основаниями членения территории. Всякая граница как тело ландшафта, ось дифференциации неизбежно несет контактные функции; всякий центр есть граница в контактной функции, граница-контактор, медиатор⁶. Взятые в роли центров, узлов, ядер узловых районов, города и горы предстают границами, т.е. тем, что обеспечивает соседство и взаимодействие. Казавшиеся «естественными рубежами», природно-политическими барьерами горы юга бывшего СССР ныне проявились как оси проблемно-конфликтных макрорегионов. Это не пустая игра ума — почти все компоненты ландшафта могут иметь функции центров и границ; функция дана в конкретном масштабе, при переходе в другой масштаб меняется, при сильном изменении масштаба имеет место инверсия функции, замена на противоположную.

5 См.: Солнцев В. Н. Системная организация ландшафтов. М., 1981.

6 См.: Каганский В. Л. Географические границы: противоречия и парадоксы // Географические границы. М., 1982.

КАРКАС И ПРОБЛЕМА ДЛЯ ОПИСАНИЯ

Все места, любые районы выделяются (отграничиваются) более или менее условно; однако отчетливость гор и городов их заметно выделяет; отчетливее (?) только крупные постоянные водосемы. Многие географические районы служат предметом споров не только в части конкретики границ, но и самой данности района — данность гор и городов непосредственна, а влияние постепенно убывает почти до бесконечности. Данность узловых районов очевиднее их границ; у однородных районов, напротив, именно границы могут быть даны более непосредственно, нежели сами районы. Города и горы суть узлы и каркасы не только (кто знает — не столько?) территории, но ее видения. Территория существует, видится, воспринимается, переживается, описывается и изучается как конкретно оформленный ландшафт благодаря формосоздающим связям с горами и городами. В современной культуре такое описание — научная география; тогда она должна быть весьма обязана горам и городам, что, видимо, так и есть. Множество феноменов фиксировались в городах и горах, а потом в виде концепций спустились на равнины/в сельскую местность.

Для любого описания и районирования территории гор и городов есть особые места. Природно-ландшафтное районирование вместе, но по-разному районировать равнины и горы, затрудняясь дать синтез в схемах районирования, и, на наш взгляд, не нашло способа работы с городами; экономическое районирование вместе, но по-разному районировать и изучает сельские и городские территории, плохо их интегрируя, и почти капитулирует перед горными территориями; даже в современной примитивной политико-электоральной географии приходится отчленять горы и города. При тесных связях гор и городов с окружением их совместный анализ остается трудной задачей.

Сближают города и горы и иные свойства, в совокупности описывающие то, что можно назвать «большой стиль ландшафта»: нелинейность (структурная и визуальная) — скачки в изменении форм, типа среды, вида и размера бассейна видимости на малых дистанциях; сложное сочетание локальных и глобальных факторов и взаимодействий, переплетение ближнего и дальнего порядка; гетеросезонность — разные природные и хозяйственные (микро) сезоны близких мест; «много-размерность» — осмысленность исключительно комплексов размерных параметров. Для города: исторический размер = возраст, физический размер = площадь, массовый размер = людность, контактный размер = периметр, функциональный размер — ранг центрального места и пр. Для гор: видимо — площадь, средняя и максимальная высоты, возраст и проч. Наконец, у гор и городов общие дополнительные элементы: реки и аграрные равнины.

ТЕОРЕТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

I. СЕВЕР КАК МАКРОРЕГИОН КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Будучи суровым, труднодоступным, бедным жизнью и культурой, Север кажется изолятом, неразвитым культурно и хозяйственно, разобщенной совокупностью отдельных фрагментов — придатков «богатого юга». Однако ландшафт Севера — Арктика вместе с Субарктикой — **единый макрорегион** Земли, ее существенная часть. В масштабе Земли Север есть единое целое и взаимодействует с остальной частью Земли как целое. Север обладает общностью черт и единством судьбы ландшафта, скреплен многими внутренними и внешними связями.

Север — активное ядро огромного природного узлового района, включающего почти всю внетропическую часть Северного полушария. Регион — уникальная макроструктура природной океанско-морско-континентальной зональности, крупнейшее средиземное море (океан); дремлющая древняя циркумполярная общность, полиландшафтная контактная зона; ландшафт-хранитель многих осеверившихся этносов и культур; крупнейший на Земле мир-регион природно-культурного ландшафта с традиционным хозяйством. Север — одна из колыбелей культур Европы (викинги) и Америки (ее автохтонное население прошло Север), историческая и/или мифи-

ческая прародина многих народов; источник множества изобретений и биоморфных технологий.

Север един как **ландшафт-символ**, поскольку для жителей Земли образ его неделим. Главный ресурс Севера — ресурс образно-символический. Для Земли экстремальный полярный мир Севера есть геосакральное целое, мир Зимы и Полярной Ночи (см. многочисленные мифы). Само бытие Севера есть условие жизни иных ландшафтов Земли; Север — символ (возможностей) человека, источник надежды. Автохтоны Севера выжили, породив богатую культуру. Север — регион надежды (см. идеи М. Волошина, А. Солженицына и др.). Север един как ландшафт — **семантофор**, — носитель смысла, актуального для всей Земли.

Ландшафты Севера освоены подлинно интенсивно: не вещественно, а семантически — мифами, мечтами, сказками, образами etc северян и не-северян. Север — источник символических ресурсов, освоение которых не требует заселения. Ландшафт Севера экзотичен и уникален еще и потому, что среди землян большинство южане; рост населения Земли экзотизирует Север, увеличивая его ценность и цельность.

1996

II. ТАРТУ (ЗЕРКАЛА СИММЕТРИЙ)*

Эстония — полуостров на востоке Балтики; она окружена водой с трех сторон: Балтийским морем с запада (Рижский залив) и севера (Финский залив), Псковско-Чудским озером и рекой Нарвой (протокой между озером и морем) — с востока.

Тарту стоит в ядре Эстонского полуострова и есть его центр. Как Таллинн, это порт. Но притом — по масштабам полуострова — город сугубо континентальный. Порт внутри

* Впервые: http://www.russ.ru/jornal/odna_8/98-08-05/kagan2.htm

суши, земного бастиона Эстонии. Таллинн — первая и морская столица Эстонии: балтийские, шведско-скандинавские и евроатлантические ворота страны. Тарту — столица сухопутная и одновременно речная, связывает Эстонию с Псковским озером и бассейном реки Великой; псковские, московские, российские и евро-азиатские ворота. Таллинн смотрит на северо-запад, Тарту — на юго-восток. Магистраль меж двух портов — это основная внутренняя сухопутная ось Эстонии. Таллинн — аналог Хельсинки, как Выборг — аналог Нарвы.

Тарту и Псков географически симметричны, это аналоги, позиционные антонимы. Оба стоят на реках, впадающих в Псковское озеро, по разные его стороны: Псков — на Великой, Тарту — на Эмайыги; реки протекают по цепочке озер и очень важны по масштабам своего края.

Тарту и Псков симметричны и как вторые города своих старых регионов («Таллинн//Тарту» = «Новгород//Псков»). Так уподобляются Новгород и Таллинн, город новый и город чужой — судя по топонимике, датский. Симметричные Тарту и Псков издавна используют общие ресурсы озер и дополняют друг друга. Тарту — столица особой группы эстонцев — православных, сету. Псков — своего рода центр эстонского влияния в этом русском крае (здесь расположены филиалы эстонских предприятий).

Сегодняшний Псков провинциален, исторический — чуть ли не космополитичен, активный участник международной торговли, член-корреспондент Ганзы. Ныне Псков опять встал на рубеже. Происходят инверсия во времени, смена состояния на противоположное, обращение упорядоченности.

У Тарту инверсия еще ярче. Внутренний город страны, почвенная столица Эстонии, центр эстонского национального движения с момента его зарождения, столица эстонского фермерства, мясной и молочной промышленности Эстонии, ее аграрной науки. Тарту — эстонская Москва в противовес Таллинну, эстонскому Петербургу; но одновременно европейский университетский город. Парадокс сочетания эстонской про-

винции (тем более провинции советской) с городом европейского, общесоюзного (во времена СССР) и мирового уровня. Тем самым Тарту одновременно сочетает — синтезирует? — в себе черты Москвы и Петербурга. Известно, что мировая школа Ю. М. Лотмана (культурология, семиотика, русская филология, пушкинистика) возникла на пересечении московской и петербургской (ленинградской) научных школ. На конференциях в Тарту (и его окрестностях) московские и питерские стили мысли боролись и сливались (сам тому свидетель).

Так мы приходим еще к одной паре подобий: «Москва//Петербург» = «Таллинн//Тарту». Сегодня вторые в этих парах, некогда космополитические города, сильно тяготевшие к Парижу (поэты, художники, музыканты, богема etc.), провинциализируются. Современный Петербург — столица российской провинции, как Тарту — провинции эстонской. Второй город — всегда столица провинции своей страны; была Москва вторым городом России — и была она провинциальной столицей. Положение обязывает.

Тарту — интеллектуальный посредник Москвы и Петербурга, как некогда и недолго Псков — посредник Москвы и Новгорода. Но ведь Петербург-Ленинград унаследовал культурно-геополитическую роль Новгорода, да и возник на новгородских землях (Водская пятина).

Роль посредника, медиатора, места культурного обмена связана с особым положением Тарту, которое, как всякое богатое географическое положение, трудно исчерпать. В культурном ландшафте чередуются и частично накладываются однородные и контактно-узловые зоны и регионы. Существует большой Балтийский контактный регион, выраженный в роде городов Ганзы, куда входили Таллинн, Тарту, Новгород, Псков. То ли как его часть, то ли сам по себе есть иной — меньший и менее известный — контактный регион. Он тянется полосой озерного моренного ландшафта со смешанным этнически и конфессионально населением, сгущаясь в цепочке Белосток—Вильно—Даугавпилс (Двинск)—Тарту. Каждый из этих горо-

дов резко отличался от своего аграрного фона и имел издавна белорусскую, еврейскую, немецкую, польскую, русскую (католическую, лютеранскую, православную, униатскую, иудейскую) общину etc. На пересечении этих контактных регионов стоит Тарту. Видимо, и Новгород тоже, и Петербург. Кстати, именно поликультурность и многоязычие этого края стимулировали доктора Заменгофа, жителя Белостока, создать международный язык эсперанто. А Тарту — один из центров исследований в области таких языков, интерлингвистики.

Впрочем, местом встречи Москвы и Петербурга была и вся Эстония; так сказать, встреча на европейской нейтральной почве. В России такими местами интеллектуальной встречи были Вологда (равно близка, дореволюционная ссылка) и Иваново (ближе к Москве, но общее место советской ссылки математиков двух столиц). Сейчас это все более Тверь, возвращающая себе культурную автономию (многие из проблем «тартуской школы семиотики» сейчас обсуждаются в рамках «тверской школы герменевтики»). Встречались Москва и Петербург еще в одном, далеком от Тарту, но похожем месте — второй столице полуострова, не так давно завоеванного Россией и совсем недавно от нее отошедшего. Это Севастополь. И... так далее.

1994

III. СМОЛЕНСК И ТВЕРЬ *

Некогда великие города ранней Руси, оба города ныне — обычные, рядовые областные центры Средней России. Но Великое княжество Тверское имело шанс «собрать» вокруг себя будущую Россию, стать Третьим Римом — ведь для Твери и придумали-то эту теорию; Смоленск был одним из главных цент-

* Впервые: http://www.russ.ru/jornal/odna_8/98-08-05/kagan2.htm

ров Восточной Европы, третьим городом Руси. Богатое прошлое, расположение в бедных городах секторов Центральной России, губернская судьба, стояние во главе областей первого вокруг Москвы ряда, некая самобытность и несводимость только к роли дублера или спутника Москвы, небезынтесный городской и окружающий культурный ландшафт (что понято и использовано даже киношниками) — вот, пожалуй, и все общее, видимое на первый взгляд. Более заметны различия. Напомню их, чтоб потом вернуться к удивительному сходству. Смоленск ныне сухопутный, врос в роль города-крепости, стоит в дальней от Москвы части своей области, обращен скорее от Москвы, Москва воевала за Смоленск. Тверь же — город речной, торговый, почти Подмосковье, ориентирован на Москву и служит ей дублером; Тверь сама с Москвой воевала. И так далее.

Ну а **сходство**?

Смоленск и Тверь, как многие города, встали на пересечении водных и сухопутных путей. Вот она, предначертанная земными знаками историческая судьба. Оба города стоят в судоходных верховьях великих рек Восточно-Европейской равнины — Днепра и Волги; выросли в поворотных точках смены их направлений. Днепр ниже Смоленска твердо поворачивает на юг, Волга ниже Твери — на восток. Такие точки Н.Н. Баранский назвал причинными местами. (Исключительная важность пространственно-временного положения как судьбы и расшифровка ее по точному месту роднят географию с астрологией; недаром гороскопы составляют и на города.)

Днепр и Волга — два естественных меридиана, две субпараллельные меридиональные оси Восточной Европы, два варианта одного трансконтинентального пути, две речные оси двух последовательно сменивших друг друга русских стран-государств. Тверь и Смоленск — однотипные по положению места на этих осях, сходные «засечки», точки излома этих меридианов, варианты одного и того же географического положения, одной судьбы... Будь Русь Тверской, Смоленск был бы аванпортом Твери на Днестре, как была Тверь аванпортом

Санкт-Петербурга на Волге. Объединись Восточная Европа вокруг Литвы, Тверь стала бы волжским аванпортом Вильно.

Тверь и Смоленск стояли и стоят в особых точках осей (ныне — международных полимагистралей), поддерживали эти оси, но не сами эти оси создали. Оба города всегда находились между более сильными центрами, на линии соперничества/сотрудничества регионов, стран, столиц, фокусов ландшафта, разрываясь между ними, испытывая все перипетии их отношений, отдавая им свои силы и уходя в тень. Как радикально ни сменились сами оси, такое положение сохранилось. Это их общий позиционный архетип места. Смоленск вначале стоял между Новгородом и Киевом, был опорным пунктом балто-византийской магистрали (путь из варяг в греки); потом между Москвой и Литвой—Польшей (Вильно, Варшава). Тверь — между Владимиром и Новгородом, потом Москвой и Новгородом, позже — Москвой и Петербургом (Ленинградом, опять Петербургом). Смоленск много раз переходил из рук в руки; не один раз менялся вектор тяготения Твери (Москва, Литва, Москва, Петербург), пока не остановился на Москве.

Тверь и Смоленск — центры старых переходных зон; оба города обустроили эти зоны как контактные пространства. Двойственное положение в зоне соперничества и взаимодействия влияний разных культурно-политических регионов и центров резко впечаталось в культурный ландшафт и проявляется в культурной жизни этих городов. Смоленск и Тверь — первые крупные остановки на пути из Москвы=России в Европу, первые более европейские города. Глядя из Москвы, в Твери мы ощущаем и видим уже Петербург, в Смоленске — Вильнюс и Варшаву.

Сравнительная значимость этих городов задавалась активностью соответствующей оси. Не впали ли они в дремлющее положение именно тогда, когда на оси стал доминировать один центр? А перестань он доминировать? Промежуточность и удерживает такие места как от полного упадка, так и от расцвета; есть копии в ином масштабе: Клин меж Москвой и Тверью и Вязьма меж Москвой и Смоленском...

А что ныне? Стрелка геополитического компаса вращается. Время так быстро идет вперед, что прошлое все более актуально. Смоленск, как в былые годы, — город приграничный и очень транзитный, чем и жив; частное и государственное обслуживание московско-европейских связей — основа его экономического обихода. Через Тверь также идет немалый поток грузов, т.е. собственно грузовиков. Но важнее, что там все чаще вспоминают Михаила Тверского и славное время независимости. Город уже удаляется от Москвы, становясь самим собою, а не спутником-дублером, и даже предпринял попытку финансового похода на Москву, пусть и неудачную: участь разоренного Тверьюниверсалбанка известна. Для нескольких сот человек Тверь ныне — столица России. Это не сумасшедшие: Тверь действительно одна из столиц новой российской герменевтики — учения об истолковании запечатленного смысла; среди других столиц нет ни Москвы, ни Петербурга.

А кроме древних западной и северо-западной осей Московской страны есть и молодая восточная — сибирская. Вглядимся в нее — и увидим иные реализации смоленско-тверского архетипа. Енисей — древний естественный меридиан Сибири, связующая ось между великими контактными зонами тундры и степи. Восточная ось России создала на нем Красноярск — перекресток осей — именно в месте ворот, выхода Енисея на равнину. Сходно положение Иркутска и новодельных Омска и Новосибирска. Не показывает ли судьба Смоленска и Твери вариант будущего этих городов, возможный, если когда-нибудь восточная ось упрутся в многомиллионный Харбин (такое уже намечалось столетие назад)? Расширяя сферу аналогий, ища все новые точки реализации смоленско-тверского архетипа, можно наметить ряд, проверка которого — удел пространственных работ: Великий Устюг (поворот Северной Двины на северной оси), Вятка (поворот Вятки на Уральском тракте), Пермь и т. д. Множество аналогов мы найдем в более крупном масштабе.

V. СТЕПНОЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ*

Империи повторяют друг друга, сами повторяясь в пространстве; это почти калейдоскоп. Империя — единый Большой Порядок, ландшафт в ней жестко перекроен в пространство. Послепетровская Россия — попытка классической империи. Но если Россия — Новый, Третий Рим, то и сама страна — имперское пространство. Империя?

Оренбург — следствие Санкт-Петербурга, реализация архетипа Петербурга, но совсем в ином месте. Оренбург — двойник Петербурга и его позиционный антоним.

Эти города не возникали постепенно, а родились по умыслу — были основаны указом. Место наделили миссией, миссия выростала в функцию; функция стала городом, центром, губернией... Петербург и Оренбург — воплощенные проекты; наделение местоположения ролью.

Задача возникла раньше самих городов, для решения задачи искали место, основывали город. У них были «черновики»: Оренбург начинали строить и переносили — черновик стал Орском. Петербургом могли стать и Шлиссельбург, и Кронштадт (а может быть, и Архангельск?). Петербургом был Новгород, когда Москвой был Киев.

Петербург — центр нового колонизируемого пространства северо-запада России, Оренбург — юго-востока. Сухой, степной, континентальный Оренбург среди тюркских степей на рубеже враждебной Азии — сырой, болотный, приморский Петербург среди угрофинских болот на рубеже враждебной Европы. Их реки зеркально противоположны: короткая полноводная Нева — река морская, протока в озерно-морской цепи от Балтики до Белого моря; длинный полупересыхающий Урал (Орь) течет с суши и впадает в море среди суши — Каспийское море. «Оренбург» означает в переводе с немецко-

* Статья написана по материалам исследовательского путешествия, осуществленного при поддержке Фонда Макаруров

го (!) «город на реке Орь». Когда переименование города на Неве из Ленинграда еще только обсуждалось, вполне могли не возвращаться к «Санкт-Петербургу», а окрестить его Невгородом или Невгородом.

Их макрорасположение весьма удачно (но трагично), их микрорасположение скорее неудачно. Удача места — выросли и состоялись крупные города-центры, удержав, освоили территорию. Удача положения Петербурга известна. Оренбург — перекресток путей с горного Урала к Каспию, из Средней России в Туркестан; стоит на берегу крупной и важной тогда реки Яик (переименованной в Урал), там, где она ближе всего к Волге. Река Урал была рыбной, временами даже судоходной; широкая долина, богатая пойма с озерами, лесами, тучными пастбищами. Близ Оренбурга берет начало левый приток Волги Сакмара; по ее долине и ныне идет полимагистраль в Среднюю Азию — старый караванный путь, чуть ли не ответвление Шелкового пути. Петербург — еще более перекресток — водного пути с Балтики на Ладогу, Онегу, Белое море и сухопутного пути из Руси в Скандинавию. Петербург — на полпути из Европы Балтики и Скандинавии в Москву и Россию, Оренбург — на полпути из Азии Бухары и Самарканда в Москву же.

Их микрорасположение скорее неудачно: Петербург открыт тяжелым ветрам и наводнениям. Оренбург — сухим ветрам, а сегодня и наводнениям тоже: он так сполз в пойму дачами и коттеджами, что не самое сильное наводнение 2000 года затопило тысячи домов. Жители Оренбурга переживали это событие как праздник, на берегу разлива устраивали пикники; карнавализация петербургских наводнений известна.

Петербург и Оренбург — два порта на противоположных океанах, в течение долгого времени главных для России. Петербург — в заливе Атлантического океана, Оренбург — на уральском берегу степного океана. «Великая Степь», аридные земли внутренней Евразии сравнимы с Индийским океаном. Балтика — лишь залив Атлантики; европейская степь — лишь большой залив евроазиатского аридного массива. Это ныне

Россия связывает Атлантический и Тихий океаны, а изначально и долго была сопряжением Балтики и Степи. Киево-Новгородская страна была устроена аналогично: Новгород — ворота Балто-Скандинавии, Киев — ворота Степи. Следовательно, Оренбург можно было бы называть и вторым/малым Киевом, если считать Петербург вторым/большим Новгородом.

Санкт-Петербург и Оренбург — два новых окна Империи в чуждый, чужой, опасный и такой нужный Империи внешний мир. Окно в Европу и окно в Азию. Окно=крепость — боевое окно — бойница. Имперская бойница. В Петербурге всегда располагались арсенал, крепость, флот, таможня, биржа, торговые ряды; в Оренбурге все то же, кроме флота. И сейчас есть.

Эти два города — центры приграничных регионов, столицы противоположных секторов российской государственно-городской Линии. Именно Граница создала эти города и регионы, граница как линия, рубеж, полоса; Граница была духом и функцией и того и другого места. Оренбург возглавлял оборонительную линию, держал границу, рос погранзаставой имперского уровня; Петербург служил главной погранзаставой империи. Всего два века прошло — а все то же: опять в Оренбурге озабочены набегами из степи и угоном скота, хотя не менее кражами кабеля и провода на цветной металлолом, что также роднит его с величественным Петербургом, откуда немало металла ушло контрабандой за границу.

Граница Европы культурно вполне реальна, но географически условна, она постоянно смещается. Когда-то проходила по Рейну и Дунаю, границам (Римской) Империи, потом по Днепру, Волге... Граница Европы мыслилась внешней границей (Римской) Империи. Отсюда вполне логичным представляется странное на первый взгляд превращение внешней (южной и восточной) границы СССР в границу Европы: пробовали ведь зачислить в Европу весь СССР, включая и Туву, где пребывает памятник центру материка Евразия.

Было и так, что границу Европы приурочили к реке Урал; тогда она проходила прямо в Оренбурге, отсекая от Европы

сто левобережное предместье. Граница отмечена памятником на левом азиатском берегу реки, а сама — мощный знак=символ в сознании горожан и жителей всей территории. Санкт-Петербург — тоже в своем роде памятник Границе — российской Границе Европы. В Магнитогорске, выше Оренбурга по течению Урала, лучший отель — «Азия», в Питере когда-то славилась гостиница «Европейская».

Итак, Петербург и Оренбург — вехи на границах. Эти границы ярко воплощены, но очень проблематичны. Оренбург и Петербург, меж которыми вся Европейская Россия — имперские кристаллы границы. Но вот какой границы? Границы России — очевидно, но с чем? Ответ непрост¹.

К западу от Петербурга — Европа, несомненно и наверняка; но к востоку от Оренбурга (топографически к югу) — несомненно и наверняка Азия, значит, к западу — опять же Европа. Но как же это? Если Петербург стоит на границе Европы и Европа к западу от него, то тогда к востоку от Петербурга — не-Европа; так и к западу от Оренбурга — не-Азия! А что же находится между двумя границами, между границей Азии и Европы, что же это — не-Азия и не-Европа одновременно? Не-Европа и есть не-Азия? Эта негативная двойственность страны восхищает старых и новых евразийцев; двойное отрицание они переводят в двойное утверждение: сверхЕвропа и сверхАзия.

Такое странное пространство меж странных границ — Россия! Получается, что собственно (европейская) Россия — огромный зазор между минимальной и максимальной границами Европы. Парадокс на парадоксе: страна меж двух границ Европы. Казалось бы, просто огромная переходная зона. Но совсем особая: не смесь двух миров-регионов, как лесостепь, а результат двойного отрицания. Что в европейской России собственно

1 Всякая граница имеет две стороны, симметрична, а ее стороны равноправны; но граница Империи, центрированного и анизотропного пространства с качественными различиями направлений, — односторонняя и асимметрична.

европейского и/или азиатского в ландшафте? Смесь пространств, культурных ландшафтов, обычаев, языков, лиц мы видим как раз в Петербурге и Оренбурге, **ЕвроРоссия** и **РоссияАзия**. Принадлежность — функция позиции, направления взгляда: из России Санкт-Петербург — ну чисто европа, но сколь азиатским он казался путешественникам из Европы! Оренбург сейчас азией не кажется, несмотря на достаточное количество мечетей (красивейшую из них строили европейские архитекторы), но завершением, последним рубежом европейского культурного ландшафта выглядит несомненно: дальше к востоку уже нет ни лесов, ни полей, ни бревенчатых изб. Тем не менее лучшими архитектурными формами Петербург воспроизводит Европу, а Оренбург — Азию (соборная Мечеть и знаменитый Караван-сарай).

Кстати, а где же граница Европейской России с Сибирью или Уралом? Граница самой Сибири? Урала? Кавказа? Поволжья?²

Города=крепости наложили видимый и ныне отпечаток на облик, планировку, стиль города. Центр современного Оренбурга по-прежнему уместается в границах старой крепости, планировкой повторяющей римский лагерь с его ре-

2 Это никого не волнует. За роль столиц-центров этих регионов чуть ли не дерутся; претендентов много; назначение Нижнего Новгорода центром федерального округа Поволжья — обида Казани, Самаре, Саратову. В подобных регионах волнует, тревожит общественность, проблематизируется, мифологизируется, мистифицируется что-то одно: или Центр, или Граница. Примечательная дополнительность: культурно актуален и проблематизирован только один из двух дополнительных атрибутов региона. Один проблематизирован, а другой очевиден, бесспорен до умолчания (или по умолчанию). Этому есть объяснение. И возражение тоже: ведь подвижка столицы=центра смещает регион, а значит, и границу; подвижка границ меняет место центра, создает нишу для нового центра. Таков переход от споров начала 90-х о настоящей границе России, РФ как урезанной России (при молчаливой бесспорности столицы) к проектам переноса столицы, выдвигению и самовыдвижению претендентов на роль новой первой, второй, третьей столиц России: их, как родин Гомера, насчитывают семь: Екатеринбург, Красноярск (геодезический центр территории РФ), Казань, Нижний Новгород, Новосибирск, Самара, Санкт-Петербург.

гулярностью, симметрией, воротами, ориентацией по сторонам света; в черте города (по-прежнему, вернее — опять) казармы, кадетское училище, солдаты метут улицы. Старый Петербург — все известно. Сохранить планировку может лишь город: а) молодой и б) искусственный. Но для имперского пространства возраст, как и географическая удаленность от центра, значения (почти) не имеет, куда важнее иное расстояние, дистанция от эталона. Петербург и Оренбург — классические столицы больших пространств (в Петербурге решали судьбы мира, в Оренбурге грезили третью Азией) — и столь ненадолго. Править нечем, завоевывать и центрировать нечего. В регионах Оренбурга и Петербурга почти нет ничего, кроме пригородов, чахлой периферии и разросшихся промпоселков на востоке областей. А соседние регионы не нуждаются в столицах-варягах. *Sic transit...*

Столицы на границе, даже чисто формально, Петербург и Оренбург вставали на границах, как границы, отодвинули границы силой — и оказались вновь на границах; но уже нефункциональных: функции бойниц неактуальны, через бойницы воевать не с кем. Города сформировали вокруг себя огромную зону влияния и господства, а не выросли из нее; встав на границе, отодвигали и отодвигали ее. После Петербурга его войнами и трудами в Россию попала Прибалтика, Финляндия; Балтика уже становилась российским озером. После Оренбурга в Россию вошел Туркестан; уже шли экспедиции в Сынцзян, Кашгар, Тибет, Афганистан. Города-то были на вырост, их формировали под огромные зоны влияния, а те отпали, ушли. Оказались временными. Граница вернулась, зоны влияния сжались; структуры центрального места без функций стали бременем, обузой. Задача саморазрешилась. Саморазрушилась. А средства ее достижения остались. Такова судьба городов — имперских проектов.

Совсем молодые Петербург и Оренбург в своих краях — стары и уже одряхлели. Вместе с задачей своего места и вследствие исчерпания своей задачи. Одряхлело их географическое

положение, поистрепалось и поисчерпалось; географическое положение изнашивается, как одежда, «расходуется, как невозобновимый ресурс»³. Связь с Европой (которая сама уже не центр, не столица и даже не мастерская мира) — по всему периметру границы России. Москва сама уже стала столицей-на-границе, стала Петербургом, даже климат поменяла на более сырой. Для Оренбурга степь теперь — не угроза, разве что саранча. Хозяйственные связи могут взять на себя новый Омск и старая Астрахань. Стоящий на кратчайшей прямой линии, локсодромии, из Москвы в Азию Оренбург уступает круглым путям — география и геополитика сильнее геодезии.

Реликты имперского милитаризма бывают прекрасны: классика, ампи́р величайшей сухопутной империи (солнце действительно не заходило). Изумительны Кронштадт и Новая Голландия; не хуже тысячи гектаров девственной степи под боком Оренбурга (столетний полигон-стрельбище), весной залитой тюльпанами Шренка, с непугаными удодами⁴. Но имперский милитаризм для этих городов слишком тяжел, непосилен, раздавливает их. Их будущее — имперские руины или имперский музей. Филиалы единого, в сущности, музея — музея Империи.

Россия — клин меж финноуграми и тюрками. Петербург и Оренбург — клинья второго порядка. Они расчленили, разорвали единые массивы культурного ландшафта. Российские имперские города-космополиты — искусственные центры чуждой им среды и населения. Петербург вклинился в единый угрофинский ареал, расчленил его и тем ускорил формирование отдельных Финляндии, Эстонии, Карелии; но вследствие появления Петербурга не стали странами края вепсов, ижорцев. Петербург стоит в самой середине угрофинского мира, географически это его центр; но Петербург покорил, подавил,

3 Это сказал П. Я. Бакланов о Владивостоке, несостоявшемся дальневосточном Константинополе на тихоокеанском Золотом Роге.

4 Один из них сел автору на голову и, возможно, тем самым заронил идею сего текста.

раздробил, частью уничтожил этот мир. Оренбург также близок к месту географического центра тюркских этносов бывшего СССР. Задачей Оренбурга, именно тем, для чего были созданы город, линия, губерния, являлось разделение, раздвижение башкир, казахов, ногаев. Оренбургская область осталась узкой лентой, русским буфером между Башкирией и Казахстаном. Сегодня недавняя распаханная целина заброшена, степь восстанавливается, автохтонное население растет. Не окажется ли буфер непрочным, а решение задачи Оренбуржья быть связкой русской Сибири и собственно России — временным? Ленинградская область — такая же лента меж финноугорскими странами, регионами и местностями. И уже куда больше зависит от чухонцев. Кто знает, что ждет и Оренбург и...

Петербург и Оренбург встали на краях страны; построены на мощных естественных рубежах, границах природных стран. Скалистый сосново-озерный Карельский перешеек — Скандинавия (совсем иная природная страна), левый (южный) берег Урала — степь без единого дерева; а неподалеку — лесистые отроги Южного Урала. Ленинградская и Оренбургская области — многолопастные, их края — части смежных, но совсем иных природных регионов, чем середины областей. И в экономическом и ином социальном отношении это уже периферии иных городов, районов, стран. Выборг со своим Карельским перешейком опять потянулся к Финляндии, даже назад в Финляндию, Иван-город — к Эстонии (это часть двуединого, с одной системой водоснабжения и канализации, ныне международного города Нарва—Ивангород). Запад Оренбуржья, сосновый остров в степи Бузулукский бор присвоен дачами Самары, восток тянется к Магнитогорску и Челябинску, нефтеносный северо-запад — к Татарии, да и татарами населен.

Культурный статус «малого степного Санкт-Петербурга» признал А. С. Пушкин: сделал его крайней восточной точкой своих путешествий по России, местом действия самого большого прозаического произведения. В Оренбурге А. С. Пушкин

пробыл всего три дня, собирал материал для «История Пугачева», но присутствует в культурном фоне города всесторонне: улица, памятник (обнялись тесно с В. Далем), разделы музеев; в культурном мифе Оренбурга роль Пушкина больше, чем в петербургском. Оренбург вполне мог бы зваться Пушкин-Уральский или Пушкин-на-Урале: ср. Пушкин-Невский, Пушкин-на-Неве. Однако Урал — не Нева, реку Урал «Алексан Сергееич» и не заметил — потому, видимо, и в гранит по сей день не одета.

Осень 2000

II. СОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

ЛАНДШАФТ СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА*

Итак. Ландшафт — сплошное полиморфное пространство земной поверхности; полимасштабное и полиритмичное многообразие; живая среда мест, пронизанных смыслом живущих в них людей. Таково ядро понятия «культурный ландшафт»; возможно — миф ландшафта. Таким и так ландшафт явлен в традиционном, органическом обществе с доминантой смысловой вертикали и несводимостью универсума к личности. Ярче всего культурный ландшафт дан в культурах, еще не прошедших секуляризацию и массовизацию.

Современный массово-демократический социум, пройдя урбанизацию и индустриализацию, «заменяет» ландшафт пространством. Для него важны количественные свойства, расстояния, технологически осваиваемые ресурсы и т.п. В нем — существенный отрыв людей, ставших массами, от ландшафтов и формирование принципиально новой жизненной среды с резкими контрастами, высокими концентрациями активности, доминированием утилитарного подхода к местам и пр.

Это пространство рождает острую ностальгию, чувство безместности и потерянности. Однако обустройство «буржуазного пространства» позволяет группам с разными требованиями к среде избирательно размещаться в ней (что ярко про-

* Впервые: Наука о культуре. Вып. 3. М., 1995.

является в США, где есть региональные ландшафтно (экологически) ориентированные культурные общности). Кроме того, очевидна связь рамочных структур права и собственности с возможностью выживания ландшафта.

Советский ландшафт несет в себе все следы урбанизации, индустриализации и массовизации; они известны и заметны, поэтому обратим внимание на иные стороны советского пространства.

КОНСТРУКЦИЯ «СОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО»

Наше **советское пространство** — воплощенная в материале вещей, знаков, людей и пространства **схема**. Советское пространство — не территория СССР, а качественно и структурно особый тип пространства, состояние культурного ландшафта. Вначале — тезисно — дается ее концептуальный образ; далее — феноменология.

Доминанта советского пространства — универсальность и тотальность властно-силовых отношений. Существуют пространственные структуры **общества=государства**; иных (автономных) структур нет. Структура советского пространства едина и единственна. Вся пространственная дифференциация в нем — хозяйственная, культурная, даже размещение природного ландшафта — производна.

Вертикальные, иерархические, властные отношения в советском ландшафте доминируют над горизонтальными, территориальными, обыденными и порождают их. Логика административного подчинения противоречит естественной логике территориальных отношений (соседства, смыслового единства ландшафта) и превалирует над ней. Всюду соседствуют чужие и чуждые, враждебные, случайные, безразличные элементы; высока повторяемость одних и тех же немотивированных сочетаний элементов. Неизбежные территориальные

отношения осложнены; пространство тотально конфликтно и перенасыщено проблемами.

Советское пространство порождено из внепространственной позиции, представляя собой множество внепространственных задач, упавших на территорию. Оно фрагментировано и сегрегировано, в нем огромна роль рубежей, границ. Значение территориальной ячейки этого пространства задано ее положением в административной иерархии и выражается размером.

Образ советского пространства дают такие черты, как гиперцентрализованность всей среды и любого места, жесткая оконтуренность ячеек, сочетание хаоса и унылого такта, непредсказуемости и стандартизованности. Полноценных мест нет, жизнь в них асемантично фрагментирована. Внешне омассовленное, индустриально-урбанизированное, советское пространство несоизмеримо с пространством современного мира и своим прежним состоянием специфично, почти уникально². Без разворачивания картины этой специфики невозможны серьезные аналогии и сравнения, трансляция социального и культурного опыта.

Все пространство — места и позиции, отношения, связи, расстояния, направления — **статусно дифференцировано**. Место в пространстве есть статус в государстве. Территориальная феноменология производна от феноменологии общества=государства, но коль скоро ячейки властного пространства заполнены повседневной жизнью, то оно оказывается в зависимости от этой обыденности.

Пространство — источник ресурсов, место экспонирования внепространственных целей и ценностей. Пространство лишено смыслового единства; фрагментировано и маргинализировано. Общество=государство пространственно неменяемо. Пространственное самописание отсутствует, заменяясь схемой-мифом, согласно которой действует общество=госу-

2 См.: *Каганский В.Л.* Советское пространство: конструкция, деструкция, трансформация // *Общественные науки и современность.* 1995. № 2, 3; см. также остальные тексты наст. раздела.

дарство. Его собственные действия не признаются, если они не могут быть отражены на этой схеме, порождающей массу фантомов. Реальность имеет статус почти бессознательного. Вменить «ответственность за пространство» некому. Осмысленные акции единичны и иррефлексивны.

ПРОСТРАНСТВО РАПОРТУЕТ

Советский ландшафт порожден и живет в семантике лозунга, его данность, визуальная и вещественная (тем более — отчетная), должна сама собою повествовать об успехах, преодолениях и свершениях. Строят ГЭС, рубят лес, собирают урожай... Пространство устроено с простотой и убедительностью газетного рапорта. Оно само — рапорт, материализованный лозунг, смешивающий дескриптивное и нормативное, вещественное и символическое, сущее и должное. Советское пространство — не только овеществленный лозунг, но и указующий супержест; пространство тотально апеллятивно, даже перформативно, оно побуждает к действию и является им.

Презумпция лозунга/рапорта превращает материал этого лозунга в пространство простое, четкое и ясное. В каждом месте делается только то единственное, что поручено этому месту. Области ландшафта — тем самым задаваемые извне ячейки решения задач, о чем может быть лаконично доложено. В нашем ландшафте постоянно осуществляется все новая нарезка ячеек для задач; внешняя организация не только сильнее внутренней, но санкционируется как единственная. Самоорганизация ландшафта просто подавлена; пространство превращено в хаотическую интерференцию ячеек, «ничего не знающих» друг о друге.

Тезис о простом рапортующем пространстве объясняет многое. Но просто устроена должна быть и деятельность, если ей предписывается простой результат, особенно если материал этой деятельности ею игнорируется. Взятый как совокупность отдельных мест-для-задач, советский ландшафт устроен удивитель-

тельно просто. Это композиция ячеек с однозначными функциями и абсолютно четкими границами. Коль скоро ландшафта как предмета управления нет, то при прочих равных это подвластное пространство еще и большое: однородной деятельностью тем проще управлять, чем больше ее объемы. Локальная простота порождает хаос на других масштабных уровнях.

Главная категория нашего ландшафта — **размер**; категория логики, даже эстетики советского ландшафта. Простота — мера успеха деятельности, величина — мера ее важности. Доминируют способы использования ландшафта, ведущие к упрощению и увеличению (например, забрасываются мелкие массивы сельскохозяйственных участков ландшафта нежелательны уже в силу того, что за ними труднее обеспечить надзор. Тезис о простоте и величине имеет массу подтверждений. Это и огромные узкоспециализированные колхозы, и особенно совхозы, гигантские заводы и поселки (города) при них и пр. Но размер размеру рознь. Характерна не просто гигантомания, но превышение неких имманентных всякой системе размеров. Поле всегда больше такого, где еще возможно вести работы, а завод — больше таких размеров, где возможно эффективное управление. Все в ландшафте больше, чем нужно для осмысленного использования.

В идеолого-символической сфере все значимые концепты — **ценность, истинность, героичность, единство, новизна, (псевдо)сакральность** — выражались непременно и непосредственно размером. Огромное в ландшафте — предмет гордости, начиная с самой большой (топографической) площади нашего СССР (теперь РФ). Простое и большое пространство — результат трансформации ландшафта. Отсюда примат новизны, ярче рапортующей и видимой³.

3 Советским вождям надо было видеть все «в натуре». Маршалу Жукову рисовали панорамы; по ним он вел сражения. Социалистический ландшафт — визуальный воспитатель; недоверие к документам о ландшафте огромно. В подсознании замысла хозяйственного использования космической информации несомненно лежит стремление иметь место, откуда будет видна «истинная ситуация».

Наш ландшафт не знает никаких собственных состояний, он содрогается от постоянных переделок. Ничто не существует само по себе, это все — продукт прошлой переделки или материал будущей. Но, поскольку новизна — перманентная ценность, а не гарант законченности, наш ландшафт — обветшавшая стройка, **новостройка=руины**.

Новизна — результат замены прежнего состояния места ландшафта на иное. Отсюда популярность диалектики с ее переходом форм в свою противоположность. Всякое место теперь противоположно естественно сложившемуся состоянию: пустыни превращены избытком орошения в соленые болота, болота осушены до состояния пустынь, деревни заросли лесом, вырубленные леса застроены дачами и т.д. Большинство подобных проектов не реализовано...

Советский ландшафт — не феномен, дан исключительно в ситуации овнешнения: он осматривается, упрощается, декларирует, управляется, переделывается, репрессируется. Если обычный ландшафт всегда преимущественно завершенный, место жизни, то советский — лишь создаваемый, предмет (незавершенной) деятельности. Удел социалистического ландшафта — процессуальность. Временность — его вечный атрибут.

Опираясь на образ культурного ландшафта, видно, что советский — это вовсе не ландшафт, а скорее антиландшафт.

ЗАДАЧИ И КОНФЛИКТЫ

Наш ландшафт — материал и место решения задач. Задачи овеществлены, изолированы друг от друга и отчуждены от ландшафта. (У всякой задачи — своя структура, учреждение, объект, место.) Характерный элемент пространства — абсолютно изолированный, секретный и «невидимый», полностью отрезанный от окружения даже физически, связанный с Москвой и имеющий московский адрес какой-либо «закрытый» город. Главные, наиболее важные элементы советского пространства —

внепространственны, экстерриториальны⁴. Смысловые фокусы и реальные центры советского общества=государства — внепространственны.

Единица пространства — **зона**, т.е. область решения задачи, статусно и физически изолированная. Пространство задач сегрегировано в меру, с трудом поддающейся представлению. Осторожная оценка совокупной длины всех видов оград-преград на территории СССР — миллион(!) километров.

Внутри каждой зоны, подчиненной одной-единственной задаче, может быть все, что угодно. Вместо взаимосвязанных соседних мест — самообеспечивающиеся ячейки, а соседство обязывает к забору. Он не утилитарен, это материализация локального подкомандного пространства по принципу «подвластность — непроницаемость — изолированность». Советский ландшафт в принципе автаркичен, его ячейки самодостаточны. Но практически это удалось только сильным ведомствам, в своих ячейках имеющих почти все — от собственных вузов и бытового обслуживания до выращивания цветов.

Иллюзорное благополучие монопольных самодостаточных зон — и одновременно тотальная конфликтность. Все ячейки монофункциональны и мономасштабны, в силу отсутствия горизонтальных соседских связей невозможна их координация. Примеров масса. Город Гагарин (Гжатск) рос для увековечения первого пассажира межконтинентальной баллистической ракеты, строя мощную химическую промышленность и загрязняя реку Вазузу — источник водоснабжения Москвы; вода в реке специально очищается. Пространство сепаратных задач. Конфликтам нигде разрешиться, ведь не может быть создано особое ведомство для разрешения всякого такого конфликта. Тем самым успех одной ячейки заведомо ведет к большему ущербу других. Ущербны и убыточны вообще все отношения в пространстве. Монополизация пространства и жесткое ран-

4 Реальность атомного Арзамаса-16 ярче любой теоретической и эсхатологической фантазии; см. статью «На чем Москва стоит. Особая точка» в наст. изд.

жирование задач приводит к тому, что ячейки важных задач превращаются в выжженную землю. Упоминавшееся уничтожение оленьих пастбищ ненцев (всего их культурного ландшафта) при добыче нефти и газа — стандартная ситуация. Одна задача оказалась сильнее другой. Наш ландшафт — не захваченное злоумышленниками пространство, но скорее пространство энтузиастической воли. Не предписано уничтожать природу или деревню, но не предписано и обратного. Нормальный ландшафт устроен принципиально иначе — в любом месте решается много задач, реализуется масса функций, но нет таких, что вытесняли бы все прочие.

Специфика советского ландшафта — обилие неразрешимых конфликтов. Цена конфликтов — разрушаемый ландшафт, никому не принадлежащая, неведомая ценность. Сказать, что советский ландшафт «состоит из» конфликтов — значит упростить ситуацию. Нагромождение простых, но несвязных ячеек для задач превращает советское пространство в империю парадоксов. Только несколько примеров.

Тотальная инверсия центра и границ (периферии).

Центры являются границами, границы — центрами, осями для «натурального» природно-культурного ландшафта. Природным компонентам ландшафта удалось сохраниться там, куда не достигла хозяйственная деятельность: инверсия искусственного и естественного по местоположению. Центры ячеек — ядра безжизненной бурной активности, а периферия, где есть собственно жизнь (в разных смыслах) и выживает подлинная элита, — смысловой центр.

Далекое — близко, близкое — чуждо; различия в ландшафте связаны не с расстояниями в физическом пространстве, а со статусными позициями во властном пространстве. В обильной пространством стране пространственные отношения производны, вторичны; пространства так много, что его нет!

Вещи, объекты, места — знаки невещественно-внепространственных идеологем, тогда как обычно знак идеален (в треугольнике Фреге место имени занимает вещественный объект, а дено-

тит скорее идеален). Советское пространство само является чем-то вроде карты в материале ландшафта (план выражения).

НИКТО НИГДЕ НЕ ЖИВЕТ

Жить в конкретном месте так просто... Но нет. В нашем пространстве никто нигде не живет. Реальные жизненные циклы людей разорваны в пространстве, их фрагменты разбросаны по многим разным местам, меж собою никак не связанным. В одном месте человек спит, в другом добывает средства существования и социальный статус, в третьем — проводит свободное время и т. д. Обычно он родился, живет и мечтает жить в разных местах. Человек нигде не укоренен, не он живет в ландшафте, но по разным местам пространства разбросаны его социальные роли и фрагменты поведения-выживания. Все области «личного пространства» — тоже ячейки-для-задачи, жить в большинстве их в точном смысле слова нельзя. Ландшафт переполнен ролями и следами жизни. Маргинализованность связана отнюдь не с тем, что в городах не до конца укоренились недавние переселенцы; в советском пространстве почти невозможно укорениться⁵. **Переходные зоны=состояния тотальны.**

На всех уровнях, во всех масштабах разведены и разорваны районы добычи средств, статуса, его реализации, траты денег, отдыха и пр. Специализация тотальна. Из всякого места извлекаются разного рода ресурсы, расходуемые (используемые) в иных местах. Так, за счет варварской добычи полезных ископаемых создавались привилегированные условия жизни в Москве и немногих городах; потоки отдыхающих из них разрушали уклад жизни «курортизируемых» мест и т. д. Дальние связи были вредны вовлеченным в них местам; выигрывало

5 См.: *Каганский В.Л.* Переходные зоны как компонент культурного ландшафта // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М., 1988.

только внетерриториальное место — центр распределения, Центр. Вопреки расхожему мнению, что республики развивались якобы за счет Центра, анализ особенностей советского ландшафта свидетельствует: нахождение в подвластном СССР пространстве было даже экономически невыгодно для всех республик. В нем **дисфункциональны все пространственные отношения.**

Места-ни-для-кого, места-ни-для-чего в ландшафте (задачи, создавшие места, внеландшафтные). Ни местных жителей, ни самих мест, ибо в культурном ландшафте немислимы обитаемые места без жителей. Размещая свою деятельность по разным несвязанным местам, человек тем самым в какой-то степени выскальзывает из-под контроля, но цена такой бесконтрольности — потеря контроля человека над местами. Наши ячейки пространства контролируют структуры, безразличные к местам. Распространенные суждения о хищнически-варварском отношении людей к природе, земле и тому подобном искажают суть дела; люди ведут себя согласно практике тотальной временности. Укореняться даже опасно, человек выживает в щелях и зонах стыка ячеек, где контроль ослаблен. При этом главный формальный признак ландшафта — соответствие структур и характера деятельности — сохраняется; но эти структуры сами чужды ландшафту.

Пространство, где блуждают социальные роли, анонимно, безлично. Оно, в сущности, потеряно и пусто, коль нет укорененных жителей, поддерживающих смысловую освоенность (симптом и гарант эффективного использования всего комплекса ресурсов). Утрачено именование, знание и понимание ландшафта; размыто живое переживание разнообразия ландшафта и различий в нем, утрачена сложность как обилие форм. Местные жители, сколько сохранились, все чаще демонстрируют шокирующее незнание даже ближайших окрестностей своего жилья. Даже объемные знания людей об окружающем пространстве частичны, разорваны и внутренне противоречивы. Это скорее знания стандартизованных утилитарных маршру-

тов перемещений и/или отдельных мест. Разорвана целостная семантика территории, ландшафт распался и утилитарно, и когнитивно, и ценностно-символически.

Сплошность ландшафта сохранна у его природной основы (но не дана переживанию), а собственно культурный ландшафт, бессвязный, фрагментированный, зияющий пустотами, сжимается как шагреновая кожа. Нагрузка на его сохранившиеся фрагменты, приобретающие особый семиотически статус «памятника» столь велика, что они тем самым (очередной парадокс!) перестают быть ландшафтами. Культурная мода лишь усугубляет ситуацию.

ТОТАЛЬНЫЙ КАРКАС

Связность ландшафта социализма вовсе утратилась бы, как и его минимальная способность поддерживать физическую жизнь, если б не компартия. Мы видели, что контролирующее пространство ячейки решают свои задачи, и выживание населения к таковым не относится. Одна лишь структура была заинтересована в выживании людей, отвечая за общий контроль над пространством, выращивание пушечного мяса и сохранение людей как ресурса. Для решения этих задач нужно было обеспечить хоть какие-то условия, чтоб люди не мерли, не бежали и могли работать. Это не лагеря, а всего лишь территориальные структуры компартии — райкомы, обкомы и пр. Именно в них как-то согласовывались интересы всех других структур (особо важные структуры имели свои территории, выведенные из административно-территориального деления) и определялся минимум условий жизни⁶.

⁶ Каждая ячейка — микроуниверсум, его граница — граница мира, за которой живут люди с песьими головами и пр., сакрализованный рубеж Мира и пр. Советское пространство отнюдь не феодаально, но гиперархаично (известную книгу Франкфуртов о Вавилоне можно читать как реконструкцию описываемого).

Мы пришли к **административно-территориальному делению** (АТД) — главному, универсальному, всемасштабному каркасу советского пространства. Его функции многообразны, основная часть обыденной жизни организована в точном соответствии со структурами АТД. Торговля и здравоохранение, местный транспорт и сельское хозяйство, образование, связь и так почти до бесконечности — все это уложено по ярусам (рангам) системы АТД, а внутри каждого яруса четко привязано к конкретным единицам. АТД — универсальная система жизнеобеспечения и система статусов территорий и/или людей. Основная часть пространственной дифференциации — различия между единицами АТД, в том числе — в способе и уровне жизни.

Хотя эти различия создавали некоторый противовес жестким отраслевым ячейкам, каркас АТД вдавился в территорию и оестественвился. Средство управления территорией стало ее структурой. Рамки стали содержанием. Организация власти — организацией жизни. Мы продолжаем жить в пространстве сконструированных и насильственно внедренных районов АТД, но никак не в пространстве самосложившихся районов, естественных мест. Все знают, что жизнь централизована в пространстве и все дороги ведут в вышестоящие центры. Чем выше статус центра, тем он больше, тем лучше жизненные условия, тем красивее люди. Система административного деления — как бы одновременно система надзорных вышек и насосов, вытягивающих всех активных, здоровых и красивых людей в центры. **Централизация тотальна.** Система центров универсальна и единственна. Каждый центр «от Москвы до самых до окраин» является абсолютным — и промышленным, и культурным, и строительным, и так до бесконечности. Единственная всепроникающая иерархия...

Замкнутость всех связей на центры — от районных до Москвы — приводит к интересной инверсии. Ячейки связаны друг с другом лишь через центры, но поскольку соседние области ландшафта связаны границами, то в советском пространстве

приняли на себя функции границ (стали границами). Эта инверсия очень важна.

Различия в советском ландшафте порождены расстоянием от административного центра. Освоенность, насыщенность хозяйством и «цивилизацией», уровень и способ жизни — все это производно от статуса территории, места, а он выражен и порожден расстоянием, иерархическим и физическим. И если равностатусные зоны всех регионов очень сходны — до тошнотворного уныния, то различия между разными зонами вокруг центра огромны. В центре — обычная жизнь, некое средовое многообразие; на периферии — глушь и запустение; нет дорог и иногда электричества. Сплошные руины, страшный мир дебилов и деградантов.

Гиперцентрализация — доминирование везде и всюду, во всех масштабах, одного-единственного направления «центр — периферия». Многое может быть описано через префикс *моно-*: **моноцентризм, мономасштабность** всякого места, **монофункциональность** каждой ячейки и многое другое. (Мономасштабность советского пространства и СССР предопределила его распад; подробнее — ниже.)

Если единство ландшафта обеспечено соседскими связями, то единство советского пространства (материальное и политико-символическое) обеспечивается его связью с Центром. Москва=Центр — источник животворных повелений. Центр как бы представляет и правит в настоящем от имени будущего.

БЕЗВОЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

В нашем ландшафте жить трудно, перемещаться сложно. Советское пространство не то чтобы негостеприимно; ландшафт — ксенофобен, не рассчитан на посторонних, из него постоянно вычищается «чужое». Наш ландшафт сочетает полную открытость, даже раскрытость взору с явной непрозрачностью,

полным отсутствием возможности видеть/знать что-то конкретное. Ландшафт прозрачен — видеть нечего.

Советское пространство **агорафобно**. Во властной онтологии ландшафт не существовал, и потому его не предписывалось видеть. Предписывалось видеть пространство своей ячейки. Видеть и знать советское пространство — особая привилегия, неуполномоченное стремление видеть и знать странно и опасно. Тому взгляду, что видит описываемые здесь странности, противоречия, парадоксы, не на что опереться, для него нет ниши в пространстве власти. Для нее реальность ландшафта фигурирует лишь как то несовершенное, что отвечает тематизации действительности. Карта иногда приобретает статус государственно-семиотический. И неосознанная причина скрывать ее двойственна: карта сообщает нечто о реальности как таковой, т. е. об административно не существующем, и одновременно она должна быть засекречена, дабы не выявлялось ее серьезное несоответствие обыденной действительности. Отсюда, в частности, совершенное недоверие местных жителей к картам, не допускающих мысли, что они что-то изображают верно.

Стремление «закрыть» карты выдает установку «закрыть» реальность; отсюда регламентация перемещения и жесткие статусные системы для жителей. *Логика советского пространства требует временного ослепления людей на выезде из «своей» ячейки.* Это ослепление уже произошло — ослепление семантическое. Телесная непроницаемость ячеек пространства перешла в семантическую. Знание своей ячейки почти сакрализуется (ср. с языческими культами местных божеств); ситуация видения чужаком даже простых существенных структур вызывает почти шок. Навыка видеть нечто вне своего жизненного горизонта нет. Люди верят: вся внешняя пространственно далекая реальность — совсем иная, устроена по другим законам, может содержать очевидные противоречия и т. п. Не потому ли большинство почти мгновенно сменило образ «за-границы», более того — образ собственной страны и жизни.

Это можно интерпретировать и иначе. Жизнь в ландшафте требует не только знаний и труда, но огромной культурной и социальной воли. Национализовав волю, государство растратило большую ее часть, а людям осталось очень мало, и они используют ее экономно. Известен вопиющий контраст между чудовищной грязью, хаосом и беспорядком на улицах и чрезмерным, самоценным, маниакальным порядком в жилищах. За порогом квартир сразу начинается чужое и чуждое пространство; где уж здесь полный спектр идентификации? За порогом квартиры сразу начинался советский союз...

Именно так ведет себя и власть. **Полюса регламентации** административного пространства — его (псевдо)сакрализованные центр и границы; организация/регламентация пространства здесь тотальна и почти лишена функциональности. Между центром и границами, физически, репрессивно и символически сжимающими и скрепляющими пространство, менее регламентированная среда, замусоренная, но пригодная для жизни. Обыденная жизнь в основном и протекает в этой огромной переходной зоне, что и не государственная, и не частная.

Ландшафт обделен всем — трудами, знаниями, вниманием, — но прежде всего волей. Царит ландшафтная апатия, равнодушие, аномия. Отсюда и **пространственная невменяемость**. Общество=государство игнорирует то, что оно существует и неизбежно действует в пространстве, и потому, в сущности, никак себя и не ведет по отношению к этому пространству. Совокупный субъект фиктивен и иллюзорен, вместо него — множество размытых структур. Чудовищное незнание собственного пространства — феномен не в сфере просвещенности, отсутствия или неадекватности знаний. Само устройство феномена, называемого вполне противоречиво советским ландшафтом, и предполагает, что он не является предметом заботы, воли, внимания, знания, рефлексии. Советский ландшафт — это реконструкция специалиста, а люди живут в реальности, которая не-для-них-ландшафт и для-них-не-ландшафт.

Противоречия нет. Ландшафта по определению не может не быть; но, мысля культурный ландшафт согласно его понятию, надо признать: на территории бывшего СССР **культурного ландшафта не существует**.

«Общество» даже не ощущает, не сознает этой потери. Не подозревает, что живет в устроенной особым образом среде. Общество наше таково, что оно сильнее всего самовыражается в ландшафте, а не в смысле, богатстве, личности, знании, вере, не отдавая себе в том отчета.

СОВЕТСКИЙ ЛАНДШАФТ: ПРОИЗВЕДЕНИЕ НЕВЕДОМОГО ИСКУССТВА?

Наше пространство фрагментарно, мест нет, смыслополагание и власть внеландшафтные, господствуют доминанты размера, новизны, видимости, простоты. Жесткий такт переходит в хаос, хаос рожден гиперсимметрией проектов властной воли. И тем не менее особый советский псевдоландшафт есть!⁷ Мы в нем живем и будем жить; он будет нас взращивать, как взращивает повседневная среда. Эта среда — особое, не виданное нигде и никогда пространство.

Однако диагноз, идентификация этого пространства проблематичны. Много меньше и неизмеримо больше, чем ландшафт. Что это? Может быть, особый синкретический текст? невиданное семиотическое диво? особое произведение неведомого искусства? Многое подтверждает это...

Пространство тотально символично и сплошно знаково (в нем масса лакун, но все для-него-существующее — значимо); супертекст из вещей, людей и мест; вещественное и знаково-

7 Это позволяет отвергнуть все упреки советской действительности как бессильной что-либо создать. В сфере пространства ее мощь и негативная креативность просто поражают — удалось создать почти вечное искусственное сооружение на 1/6 мировой суши, преодолев огромные природные и культурные различия.

символическое нерасчленимо. Советское пространство своей событийностью реализует все языковые функции, представляя «текстом»-средой (картой), где живут интерпретаторы — компоненты текста; правильность интерпретации эквивалентна выживанию. Вся жизнь советского человека — балансирование на грани «предписанная/осмысленная интерпретация». Каждое место (регион) — особый контекст со своими правилами интерпретации; покидая свое физическое место, человек семантически слепнет. Перемещение (смена позиции) эквивалентно смене языка восприятия, реальности; переводу.

Все существенные детали, позиции, направления, расстояния обладают значениями; эстетика-этика-экономика-власть нераздельны и тотальны. Реально наблюдаемое «пространство» мыслимо как особый план выражения, материал которого неслучаен. Все существующее как пространственно-телесное — лишь слабый отблеск своего подлинного значения, «высокого» смысла. Вдумаемся в радикальность сказанного: в советском пространстве вещи, места, города, регионы — лишь знаки. Вещное и знаковое инвертировано.

Реакции и оценки, от которых я с трудом старался удерживаться в тексте, — шок, нонсенс, абсурд, ужас, бред, ложное величие... — реакции острого эстетического переживания, точнее говоря — реакция на собственное выживание как предмет внешнего настойчивого эстетического эксперимента... Общее с эстетикой абсурда; особая коллажированность всего на свете — от устремленности к сакральным высотам до мелкой функциональности, орнаментальности, поэтика сочетания несочетаемого; напор, мощь, пафос и сила устремленности, переделки всего естества лика планеты, стремление самовыразиться всем пространством ландшафта. В принципе везде возможно все — примат искусственности, сделанности, спроектированности, поставленности над естественностью (давняя традиция потемкинских деревень как оживших макетов, декораций — и повсюду!). Иерархия псевдосакрализована; истин-

ность, ценность, эффективность, величие, величина выражаются размером ячейки.

Пространство существует, экспонируясь (фокальный объект — ВДНХ). Пространство поэтико-риторически организовано; например: единство псевдоритма (такта), автомодельные симметрии — подобие «часть — целое» — как семантические аллитерации и рифмы, централизация как троп (центр-часть замещает, воплощает, даже порождает целое; граница-рубеж — иной морфологический троп). **Произведение тотального искусства?** (ср. интенции авангарда). Вся событийность театрализована (например, новые и старые митинговые действия), однако общие для пространства события не локализованы в пространстве и времени, «происходят в нигде и никогда» (общее равнодушие масс к «распаду СССР»). Пространство — арена для событий, смысл которых истекает из надпространственно-вневременного центра.

Пространство самобытной цивилизации?⁸ Особая семиотика, поэтика, риторика пространства? Неизбежность **герменевтики советского пространства?**!

При всей «странности» наше советское пространство интерпретируемо как целое; модельный пример для ситуации реконструкции пространств социокультурных систем? (ср. с упорством в проблемах реконструкции пространств художественных текстов⁹). Тем более, что в начале советской эпохи доминантой было слить жизнь и искусство, пронизав то и другое идеологическими эманациями. Нам стоит задумываться над такими (и более очевидными) вопросами; наш ландшафт никуда не денется, он с нами, а мы поддерживаем его своим способом жить.

8 Ср. «эстетику тоталитарных сред» А. Раппапорта, «культуру хамства» Л. Невлера. Б. Гройс понял советское как большой стиль. Рискну назвать стиль советского пространства «постмодернархаика».

9 Видение форм ландшафта — также способ интерпретации художественных текстов. Смысловая непереводаемость А. Платонова, видимо, еще и в невозможности представить его пространство как жизненный мир.

ВЫЖИВАНИЕ В НЕВМЕНЯЕМОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Подведем итоги. Наше социалистическое пространство: внешнее доминирует над внутренним, соседствующие элементы разделены и враждебны друг другу; физические (ландшафтные) расстояния имеют мало значения, подменяясь расстояниями во властном пространстве; главный признак всякого места — размер, величина; условие выживания — простота и новизна. Стиль отношений: приказ-подчинение, конфликт, нелегалщина. Требование к пространству — подвластность и прозрачность. Требование к человеку — свободная перемещаемость, повсеместность, избирательное зрение. Возможность собственных требований отдельных людей и групп к использованию ландшафта, властным структурам — запрет и подавление. Возможность существования самостоятельной ландшафтной феноменологии — невозможность. Антиландшафт. Невменяемое, самоуничтожающееся пространство. СССР был, да и остается, величайшей областью, где само устройство общества, государства приводит к уничтожению ландшафта; вопрос стоит так: ландшафт или социализм.

Однако мы как-то выжили в этом пространстве, и даже кое-что от ландшафта сохранилось; это озадачивает. Но мы выжили в ландшафте потому, что обживали разные ячейки. Властно-проектирующие силы не пребывали в ландшафте. Жизненный мир «властей» состоял из отдельных изолированных фрагментов, связанных между собою схемами-документами подвластного пространства. В этом смысле наше общество было предельно сегрегированным; каждая группа жила в том кусочке и слое пространства, что для других групп был аморфно-безразличным, неведомым пространством.

Мы использовали промежутки между большими ячейками и проскальзывали между разными регламентирующими структурами, мы ютились в щелях, для надпространственной власти слишком малых и далеких, создавали свои системы

коммуникаций в ландшафте и знаний по этому поводу. Обжи-вали свое пространство, не отказываясь от использования ла-кун государственного пространства, пристраивались к ним и иногда оживляли и оестествляли их. Бесперерывно нарушали писанные регламентации; жизнь в советском ландшафте — пер-манентное нарушение закона, вернее, нарушение закона в пространстве — необходимое условие выживания. Советский ландшафт жив собственным беззаконием. В частности, тот самый черный рынок, без которого экономика не могла бы быть, — это особая нерегламентированная система взаимо-действий в пространстве, как и наши личные дружеские связи, туристские походы и поездки за грибами-ягодами.

Люди выжили в ландшафте только потому, что проявляли немалую активность, нередко во многом нелегальную, и эта ак-тивность была ориентирована именно на ландшафт. Мы ведь — все, вместе взятые, — могли относиться к ландшафту гораздо более разнообразно и сложно, чем «агенты властей». Для нас он был (насколько уж был) полимасштабным и сплошным.

Если бы мы жили в пространстве утопии, где ландшафта ни в каком смысле нет (что и служит предметом ее гордости), мы бы не выжили; пространство утопии не ландшафт хотя бы потому, что не знает ни внутренней сложности, ни внешнего мира.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА*

Наблюдаемая пространственная событийность закономерна; непостижимого не происходит. Возможно, это трудно увидеть — «распад СССР» предстает неожиданным (долгожданным) уникальным событием, а его последствия — бессмысленными (опьяняющими). Я полагаю иначе. Никаких хаотических, невероятных, случайных событий, в общем, нет; страна фрагментируется на части вполне определенным образом, и появление самих этих частей закономерно. Происходит множество сходных процессов, предзаданных конструкцией системы. Суверенизируются прежние составные части; их набор являет структуры советского пространства. *Если пространственная система фрагментируется при отсутствии активных внешних воздействий, то прежде всего необходимо предположить, что этот процесс — функция самого ее устройства. Это основной тезис данной статьи.* СССР интерпретируется здесь как конкретный объект и одновременно как структурная схема (ссср) широкого класса объектов. Полагаю, что текст отвечает на вопрос, *как именно было устроено советское пространство, что в его структуре детерминирует, определяет современные события, в чем они состоят и как это можно интерпретировать.*

* Впервые: Советское пространство: конструкция и деструкция // Иное. М., 1995. Т. 1. С. 89—130; Т. 4. С. 71—72.

Текст намеренно сжат ради цельности картины. В ее основе — теоретико-географическая феноменология советского пространства, содержательно расширяемая для интерпретаций видимого и усмотрения его смысла и последствий¹.

В Приложениях даны дополнительные аспекты (тезисно). Полемики, разжевывания концептов и методологической кухни автора в работе нет. Концептуальный взгляд определяет характер текста. Большинство примеров в силах домыслить читатель. Иного способа понять советское пространство, нежели как дать самопроявиться структурирующей его теории, не знаю. Подчеркну: здесь излагается скорее советское пространство как некоторая «самодействующая теория», а не обычная его теория.

Исследования советского пространства — результат осознанной жизни автора в нем; в эту жизнь встраивались исследования и размышления, которые уже давно ведутся самостоятельно. С середины 1992 г. они были поддержаны Институтом национальной модели экономики, куда я вхожу членом; с марта 1993 г. поддерживаются Интерцентром; работа над данным вариантом текста поддержана клубом «Гуманус».

Я искренне признателен лицам и организациям, поддержавшим эту работу. Существенны были обсуждения рассматриваемых и близких проблем с Б. Б. Родоманом и С. В. Чебановым; С. А. Белановским, С. Г. Кордонским, В. А. Найшулем, иными лицами. Важно было также столкнуться, и неоднократно, с неприятием феномена регионализации (особенно характерным для части географов), что дополнительно стимулировало меня сосредоточиться на реальной феноменологии, а не нор-

1 Текст — геополитическое приложение к теоретической географии школы Б. Б. Родомана. См.: *Родоман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети: Очерки теоретической географии. М.; Смоленск, 1999. В тексте использованы и значительные неформализуемые знания, полученные мною при многолетних конкретных исследованиях географии СССР и путешествиях. Представления о текущей геополитической событийности соотносились с эмпирической и аналитической информацией, многократно обсуждались.

мативно-идеологизированных ее интерпретациях. Ряд лиц способствовали развитию концепции, несмотря на их намерения. Крайне ценно и совершенно незаменимо участие лица, желающего остаться анонимом.

СОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО. КОНСТРУКЦИЯ СССР

Феномен советского пространства

Главная особенность **советского пространства** — универсальность властно-силовых отношений, пронизанность ими всех хозяйственных, этнических, социальных, расселенческих и тому подобных структур. Существует **общество=государство** и его пространственные (территориальные) структуры; любые другие (автономные) структуры отсутствуют. Внутренне разнородная и противоречивая, *структура советского пространства — ссср — едина* и единственна. Вся реальная пространственная дифференциация, в том числе и размещение природного ландшафта, производна от ссср, связана с ним и им ассимилирована. Поведение и/или размещение в пространстве возможно только путем приспособления к советскому пространству, даже если это относится к антагонистическим по отношению к ссср элементам. Сейчас, во время довольно бурной пространственной событийности, происходит реализация уже существовавших противоречий, проблем и конфликтов, «распаковка проблемного багажа», но почти нет даже намеков на становление какой-либо новой и притом независимой структуры. Выделяющиеся же компоненты уже существовали в рамках целого советского пространства.

Вертикальные, иерархические, властные отношения в нем доминируют над горизонтальными, территориальными, обыденными и порождают их. Советское пространство — своего рода множество внепространственных задач, упавших на

территорию, преобразовавших, подчинивших и сформировавших в ней особые ячейки; советское пространство порождено из внепространственной (надпространственной) позиции. Ячейки — области решения задач — сочетают самодостаточность и даже автаркичность с узкой специализацией. Пространство сильно фрагментировано и сегрегировано, в нем чрезвычайно велика роль рубежей, барьеров, границ. Ранг, значение ячейки задается ее положением в административной иерархии и выражается в пространстве размером как статусным признаком. Функция ячейки производна от ее ранга и размеров, тем самым иерархия приобретает горизонтальное измерение. Логика административного подчинения противоречит естественной логике территориальных отношений (соседства, смыслового единства ландшафта) и превалирует над ней. Вертикальные (административные) настояния и связи сильнее и важнее горизонтальных и порождают их. Неизбежные территориальные, горизонтальные отношения осложнены; пространство насыщено конфликтами и проблемами, места протекания и разрешения которых разведены в пространстве.

В каждом месте соседствуют и совмещаются чуждые по природе и враждебные друг другу, случайные, безразличные элементы; высока повторяемость одних и тех же внутренне немотивированных сочетаний элементов. В **образе советского пространства** властно взаимно пригнаны такие черты, как чрезвычайная централизованность любого фрагмента, жесткая оконтуренность ячеек, сочетание хаоса и унылого такта, непредсказуемости и стандартизованности. Полноценные места отсутствуют, жизнь разорвана меж фрагментами пространства, лишенными целостного смысла². Имея внешние признаки омассовленности, индустриализованности и урбанизированности, советское пространство несоизмеримо с

2 См.: *Каганский В.Л.* К феноменологии урбанизированных ландшафтных сред // *Городская среда: проблемы существования.* М., 1990; *Он же.* Советское обитаемое пространство // *Знание — сила.* 1996. № 6; см. также статью «Ландшафт советского пространства» в наст. изд.

пространствами современного мира и своим прежним состоянием, очень специфично, почти **уникально**.

Все в пространстве статусно дифференцировано: различия мест и позиций, занимаемых любыми индивидами и общностями (от отдельных людей до городов и этносов), расстояния, направления, отношения, связи. Пространственная дифференциация имеет властно-административное измерение; всякое место в пространстве — место в государстве. Территориальная феноменология производна от государственно=общественной, но коль скоро ячейки властного пространства заполнены обычной жизнью, то оно оказывается в зависимости от этой обыденности.

Пространство СССР — источник ресурсов и место экспонирования внепространственных целей и ценностей. Смысловое единство пространства актуально не дано и не переживается; пространство тотально фрагментировано и маргинализировано.

Общество=государство **пространственно невменяемо**, целостное адекватное пространственное самописание отсутствует. Обществу=государству дана не реальная картина его пространственного бытия, но мифологизированная схема. Общество=государство не только полагает себя относительно ее, но реально действует, адресуясь к этой схеме, рассматривая на ней причины и последствия действий, оценивая их эффективность и пр. Множество подлинно реальных собственных действий и других проявлений не дано обществу=государству только в силу невложимости в схему, а равно и наоборот — для него существует множество ирреальных, фантомных феноменов. Собственно реальность пребывает в статусе, сходном со статусом бессознательного. Разумеется, следствием сего оказывается разорванность и изоляция реальности и схем оперирования с ней при их заведомо фантомной соотнесенности; именование ответственности и контроля над поведением в пространстве главным структурам советского социума в этой ситуации невозможно. Осмысленное оперирование в пространстве возможно только фрагментарно и иррефлексивно.

II. СОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Каркас административного деления

Главная структура СССР — административно-региональная; ее специальное описание и анализ — предмет данной работы. Другие аспекты морфологии советского пространства, его особый культурный ландшафт здесь почти не затрагиваются.

Административно-территориальное деление (АТД) — самая мощная и универсальная система ячеек, охватывающая пространство почти без изъятий. Это система полифункциональных институциональных районов, по сети которых осуществляется практически вся деятельность государства. Районы АТД, далее именуемые **регионами**, охватывают территорию на разных уровнях; административное деление — привилегированное расчленение (районирование) пространства. Функции АТД — контроль над пространством со всем его «содержимым», организация функционирования государственных институтов и равно обычной жизни людей. Такие разные государственные функции и обыденные отправления, как репрессии, набор в армию, идеология и пропаганда, образование, здравоохранение, непосредственное управление местной промышленностью, сельским хозяйством, «соцкультбытом», торговля, обеспечение жильем, и многое другое реализовывались строго по уровням регионов и всегда укладывались в рамки их сети. В силу совмещенности практически всех структур государства в регионах, они — *ячейки гарантированного жизнеобеспечения и выживания*, поддержания человеческого материала в необходимом для использования состоянии.

Именно в рамках регионов, функциональным каркасом системы которых были структуры компартии, согласовывалось функционирование всех хозяйственных и других элементов на территории региона. Согласование как комплексирование различных структур и интересов носило как официальный, так и связанный с ним теневой характер. «Черный рынок» производства был организован почти в точном соответствии с каркасом АТД. В концепции административного рынка его «тор-

ги» осуществлялись преимущественно в рамках регионов либо между ними³. В регионах сформировались мощные властно-хозяйственные клубки с реальными интересами (см. кампании по борьбе с местничеством).

Доктринальная основа АТД — императивы «единства административного и экономического районирования», приоритета надпространственного («общегосударственного») над местным, легализация этничности исключительно в форме существования особых этноадминистративных регионов. АТД превращало этничность (как и хозяйство, местную культурную жизнь и т.п.) в государственный институт, отношения этносов — в отношения этноадминистративных регионов, в том числе и по включению, чем порождалась иерархия этносов. Конкретика нарезки территории на регионы имела огромное этногенетическое значение. Инфраструктура этничности (функционирование языка и пр.) существовала (почти) только в соответствующих этнорегионах. Не административное районирование должно было следовать за фактическим экономическим районированием, но *административное районирование должно было породить всю пространственную (территориальную) организацию общества*. Доктрина районирования была преимущественно конструктивной, регионы создавались для решения определенных задач.

Контроль пространства и организация деятельности в нем как главное назначение регионов превращали их в особые **государственные институты**, подобные предприятиям. Как каркас тотального управления, система регионов должна интерпретироваться семиотически: система коммуникации с функционированием разных типов сообщений при обязательности однозначной интерпретации в каждой ячейке; регионы — области однозначного контекста и интерпретации

³ См.: Кордонский С.Г. Некоторые социологические аспекты изучения хозяйственных отношений // Теоретические проблемы совершенствования хозяйственного механизма. М., 1986; *Он же*. Рынки власти. М., 2000.

(см. приложения А, Б). Так, вся система отчетности, пропаганды, масс-медиа строилась строго в соответствии с АТД.

Система АТД — система универсальных суперполифункциональных институциональных программных районов; предмет программы — вся жизнь людей конкретного региона. Программы различались в зависимости от их ранга, нормативно определяемых регионам задач (планов) и способов их решения, вынужденно связанных с региональной географической конкретикой. Порождаемые ими различия в способах и уровне жизни хорошо известны. Ставши реальностью жизни, административные регионы оестествились; схема стала самовоспроизводящейся.

Административные регионы с этническим статусом — особого рода программные районы, где осуществляемая программа состоит в управлении этническими процессами, в установлении статусов этничности, национальных языков и т.п. Яркое выражение этого — фактическое право властей бывшей союзной республики менять официальный этнический статус: почти всех фарсиязычных жителей Самарканда (в сущности, таджиков) числят узбеками, курдов и тальшей Азербайджана — азербайджанцами и т. д. Этнос имел (некоторые) механизмы этнической реализации только в пределах своей административной единицы. Эта ситуация — машина статусной стратификации этнических групп, в каждом регионе своя.

Регион как реальный район

Программное единство регионов усиливается их пространственной организацией. Каждый регион в качестве главного, фокального элемента имеет **административный центр** — крупнейший населенный пункт (превосходящий «второй» по размеру обычно в 3—5 и более раз), доминирующий на всей территории региона и властвующий над ней как метрополия над колонией. Центр — особая часть региона, господствующая над целым.

Пространство региона функционально и статусно централизовано. Все существенные и существующие в регионе в одном экземпляре объекты обычно размещены в его центре. Показательный курьез: в самый центр столицы Тувы Кызыл был перенесен знак геометрического центра Азии (части света), который первоначально был установлен там, где и следовало по смыслу. Центр региона — его хозяйственное ядро и транспортно-коммуникационный узел; рисунок дорожной сети и потоки на ней существенно центростремительны (повидимому, $\frac{4}{5}$ всех дорог обслуживают иерархические связи). Вокруг центра сосредоточены основные массивы промышленности и сельского хозяйства; освоенность территории, плотность населения и тому подобные параметры резко спадают от центра к периферии. *Географическое единство региона — единство моноцентрического узлового района*⁴; исключений из моноцентричности региона очень мало: равновеликие Череповец и Вологда, Новокузнецк и Кемерово, сопоставимые культурно Львов и Киев, Тарту и Таллинн, Кайнасан и Вильнюс. Ранг центра и расстояние от него — важнейший параметр, предопределяющий состояние территории, в том числе уровень и способ жизни, даже телесную привлекательность жителей. Центр региона стягивает население, вдоль центростремительных путей обычно идут миграции населения, особенно маятниковые.

Функциональное комплексирование элементов региона усиливается централистичностью его пространственной структуры, линейно-узлового каркаса. Регион — реальный **тотальный район**; его население — особого рода квазиколлектив, притянутый связями к центру и зажатый границами региона. Если на территории СССР существовали так называемые социальные районы, **территориальные общности населения**, отличные от экономических, то административные регионы — именно такие районы. В пределах региона

4 См.: *Родман Б.Б.* Узловые районы // Вопросы географии. Сб. 88. М., 1971.

ранга области замыкается примерно $9/10$ миграций; по-видимому, регионы существенно эндогамны. **Пространственная идентификация** нынешнего населения основана на регионах, нередко отождествляемых со своими центрами. Регион — арена обыденной жизни, пространственный **жизненный горизонт** для масс.

Централизация и централистическая концентрация населения и деятельности при затруднительности прямых межрегиональных (горизонтальных) связей приводит к запустению периферии регионов; централизация превращается в **централистическую поляризацию**. Границы регионов легко читаются на космических снимках. Такая сильная целостность делает регион удобным объектом притязаний, который легко контролируется из его центра. *Тотальные районы-регионы — единственная система частей, из которых и состоит советское пространство*. Метафоры: плитка шоколада с дольками, скрепленными изюминами; плиты, подобные геотектоническим; ткань, организующая рисунок на ней. Именно на каркасной ткани регионализованно-централизованного пространства размещены все объекты, они связаны и пригнаны к ней. Так, по административным рубежам идут разрывы дорог и связей, меняется специализация сельского хозяйства и мн. др.

Охарактеризовав регион как таковой, перейду к композиции его частей и строению системы регионов. Регион — **моноиерархическая система**; частные иерархии сопряжены и совмещены. Иерархия городов (центров) одновременно является административной, промышленно-производственной, снабженчески-торговой, культурно-образовательной и пр.; за очень редкими исключениями. (Эта черта, очевидная для советского пространства, резко отличает его от пространств современных «западных» стран.)

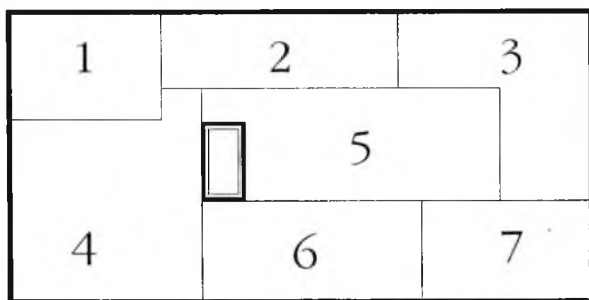
Это совершенно беспрецедентно географически (аналоги можно сыскать только в архаических обществах Востока). Возьмем излюбленный ныне пример — США. Центр (столица) штата, имеющего огромные полномочия, часто малый, за-

штатный город. Мощные узловые районы США не привязаны к административному делению, обычно не совпадают со штатами и т.п.; наоборот, центры узловых районов часто лежат на стыках двух-трех штатов; отчасти так скрепляется очень полиморфное американское общество.

Жесткость и монополизм системы АТД в пространственной организации усиливается еще и тем, что почти каждый крупный центр поглотил ранги и функции центров подчиненных регионов; центр республики — еще и центр области и даже административного района. Так, Москва была одновременно столицей империи (Варшавский пакт и другие сателлиты), собственно СССР, РСФСР, неформально — центром Центрального экономического района и, в сущности, всей Европейской части, Московской области. Размер Москвы произведен от функций центральной резиденции. Именно поэтому трансформация Москвы как региона должна быть наибольшей, особенно учитывая, что Москва была и его главной границей — как главный центр системы.

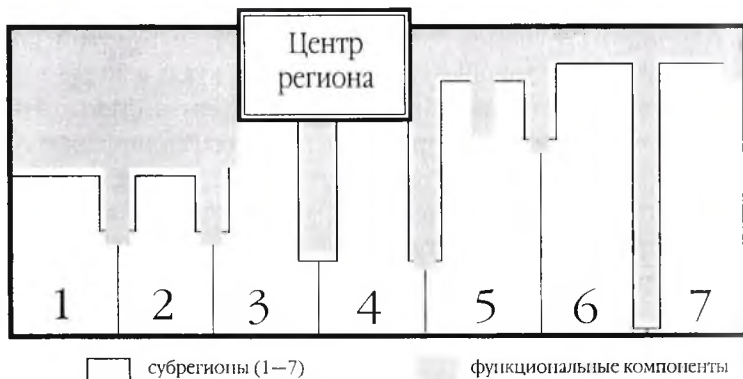
В логике пространства административного деления регионы состоят из регионов более низкого ранга, **субрегионов**, входящих в вышестоящие как целые. Реально каждый регион включает два типа компонентов: субрегионы и **функциональные компоненты**, присущие и принадлежащие региону как целому (например: транспортная сеть, силовые структуры). Их относительная величина и материальная реализация растет с рангом региона; они могут занимать значительные территории. В регионе обычно размещаются объекты, входящие в функциональные компоненты регионов более высокого ранга. Субрегионы региона связаны транспортно-коммуникационно, прежде всего с его центром; он сам или непосредственно подчиненный ему субрегион — особая часть региона. Функциональные компоненты, как и субрегионы, подчинены центру региона. Таким образом, *всякий регион, кроме самого нижнего ранга (который не определяется однозначно), представим как состоящий из частей трех типов:*

1) центр, 2) субрегионы, 3) функциональные компоненты. Последние могут быть районно, в том числе и регионально, организованы (например, вооруженные силы). Функциональные компоненты лишь относительно внерегиональны, поскольку они размещены в регионализованном пространстве и связаны с его инфраструктурой, особенно транспортной.

— границы региона — границы субрегионов центр региона

Рис. 1а. Структура региона административно-территориальная (территориальное пространство)

субрегионы (1—7) функциональные компоненты

Рис. 1б. Структура региона функциональная (фазовое пространство)

Центры регионов — фокальные элементы советского пространства. Они концентрируют как деятельность в регионах (особенно согласовательно-комплексирующую), так и

взаимодействия между ними, их уровнями и функциональными компонентами. Центр — репрезентатор вышестоящего уровня в регионе и наоборот. Часто центр равен по статусу центрируемому региону и даже выше него (инверсия отношения вложения). Центры сшивают разные слои пространства, выступая его конфигураторами. Семиотически центры — единственно поликонтекстуальные (полиглотические) элементы советского пространства, локусы установления отношений (соответствий) между разными контекстами и интерпретациями, места перевода (в широком смысле) и рефлексии, функциональная важность чего усиливается единственностью сети центров. Центр замещает свой регион в официальном и обыденном сознании (например, «поехать в область» значит поехать в центр области). В силу административной и географической централизации коммуникаций центр оказывается функционально (контактной) границей региона⁵; любая траектория состоит из центростремительных и центробежных элементов. Пространство центра гетеромасштабно (разные элементы принадлежат и функционируют на разных уровнях иерархии), парадоксально и инвертировано во многих отношениях⁶. Каждому из уровней региональной иерархии отвечают собственные территории с огромными различиями в способе жизни. Соседствующие территории союзного, областного, районного подчинения радикально отличаются. Пространство сегрегировано не только горизонтально, но и вертикально; налицо статусная чересполосица земель.

Регионы фазовых пространств

Нетерриториальные пространства квазиизоморфны территориальным. Для сферы жизни, отрасли производства (мини-

5 См.: *Каганский В.Л.* Географические границы: противоречия и парадоксы // Географические границы. М., 1982.

6 См.: *Каганский В.Л.* К феноменологии урбанизированных ландшафтных сред // Городская среда: проблемы существования. М., 1990.

стерства), институционализированной научной дисциплины (специальности) характерны: многоуровневые иерархии с жестким контролем и концентрацией межуровневых взаимодействий; централизованные квазирегионы, сочетающие узкую специализацию с автаркией; гиперцентрализация, полифункциональность центров и центростремительность связей; затрудненность горизонтальных связей и запустение периферии; соответствие статусно-ролевой структуры и ее позиций пространственной. Собственно живые элементы локализуются в позиционно тождественных местах любого из советских пространств. (Соответствующие примеры читатель, склонный видеть (свое) реальное пространство и рефлексировать его, сможет подобрать сам.)

Нетерриториальные региональные системы часто сращены с территориальными. Предприятия нередко имеют продолжением (приложением) свой город (поселок, даже район), непосредственно выступая как регион с присущими ему функциями власти/жизнеобеспечения; колхозы (совхозы) часто совпадают с сельсоветами, но и без этого они реальные регионы нижнего ранга в сельской местности. Итак предприятия = квазирегионы; обобщая: квазирегионы = функциональные регионы, или регионы фазового пространства. Сращенность территориальных и функциональных регионов, т. е. единство физического и фазового пространства, усиливается единственностью сети центров. Тогда каждый центр — центр нескольких регионов разных структурно сходных пространств. Для регионов и квазирегионов существенна реализация в дополнительном пространстве: регионы экспонированы в фазовом пространстве (хозяйственная специализация региона), квазирегионы — в территориальном (территория распоряжения и/или доминирования квазирегиона). Регионализация выявляет это структурно-функциональное сходство и сращенность, подобия и конвергенции в поведении: бартер регионов (характерный ранее для предприятий), объединение предприятий в коалиции с игрой на противоречиях в региональной иерархии и мн. др. (Тезис о единственности территориального каркаса советского

пространства тогда обобщается и усиливается.) Заметно превращение военных и властно-государственных структур в квазирегионы. По-видимому, учитывая коммерциализацию, все сильнее уподобление и сращивание регионов и квазирегионов, т. е. интеграция территориального и фазового пространств.

Квазирегионы также образуют иерархически организованные системы; многоярусность структуры крупных ведомств хорошо известна. Наиболее четко она выражена для военных структур, которые демонстрируют и единство фазового и территориального пространства. Так, военные округа — фактически дополнительный уровень системы АТД. Совокупность же закрытых военно-промышленных городов (фактически — больших районов) — особая синкретическая система.

Единство советского пространства

Совокупность регионов — четко и жестко структурированная система. Во-первых, регионы образуют иерархию и соподчинены; система АТД СССР насчитывала 4—6 уровней (рангов) на разных территориях (с учетом центров регионов высших рангов как особых уровней: 5—8). Между уровнями распределены власть-полномочия, выражающиеся в соответствующих функциональных компонентах (и/или территориях непосредственно центрального подчинения СССР). Во-вторых, между регионами разных рангов существует отношение коцентрированности: один центр возглавляет два (три) региона, что усиливает централизованность системы. В-третьих, она обладает автомодельными симметриями (подобие «часть—целое») между уровнями, регионами разных уровней, вплоть до государства, центрами разных рангов и т.п.

С определенной условностью здесь можно выделить две интегрирующие структуры. Во-первых, это Центр как надрегиональная власть и его функциональные компоненты. Функции Центра двойки: планирующие-распределительные — обеспечение регионов ресурсами (в широком смысле) и карательно-согласовательные — подавление интересов регионов (местни-

чества). Обе функции могут реализовываться одними и теми же механизмами; универсальная двойственность репрессивных и жизнеобеспечивающих функций характерна для структур СССР (СССР). Во-вторых, это организованный регионально, но для каждого региона выступавший как надрегиональная сила аппарат компартии, осуществлявший вертикальную и одновременно горизонтальную интеграцию. (Функции идеологии здесь не рассматриваются, но существенна ее надрегиональность, предполагающая идеологемы единства, размера, централизованности и стандартизованности пространства.) Обе структуры осуществляли интеграцию собственно региональной и функционально-региональной систем.

На уровне СССР как государства функциональные компоненты — прежде всего военные и военно-промышленный комплекс (ВПК). Учитывая его мощь и внутреннюю связность, предполагающие дальние горизонтальные связи, соответствующий транспорт, магистрали и т. п., ВПК следует считать особой структурой, интегрирующей советское пространство. Проще говоря, именно нужды ВПК обеспечили основную часть наблюдаемой горизонтальной связности пространства, которой пользуются и другие компоненты общества=государства, включая обычных людей. Точнее говоря, ВПК как ядро функциональных компонентов СССР интегрировал региональные системы, а последние выступали по отношению к нему ровно в той же функции на уровне регионов. Но подобная симметрия не полна, поскольку большинство населения СССР жило в системе регионов территориального пространства.

Итак, *советское пространство — интерференция административно-региональных и военно-промышленных структур*, или кратко:

СССР (СССР) = компартия (АТД + ВПК).

Теперь уточняется представление о государстве как регионе высшего в системе ранга (СССР). Его функциональные компоненты указаны, субрегионы — регионы, центр — Москва

ва (в широком смысле: резиденция центральной власти и ее институтов). Особенности пространства СССР наиболее явлены на уровне **региона=государства**. Эта централизация с абсолютным доминированием одного центра, возглавляющего единую иерархию центров; самодостаточность, автаркичность и производная от нее роль внешних границ как барьеров; концентрация функций и механизмов взаимодействия субрегионов и с другими регионами (государствами) в центре (Центре); привилегированный его статус, распространявшийся на всех лиц определенного ранга (ср. институты московской прописки и римского гражданства до предоставления его всем свободным провинциалам).

Согласно представлению о регионе СССР (в существенной мере — теперь и РФ) нужно *интерпретировать* *трояко*. СССР-1 — суперрегион, регион высшего ранга; СССР-2 — Центр, включая функциональные компоненты и надрегиональные структуры; СССР-3 — особый несплошной территориально район, включающий все территории центрального подчинения (от Кремля и космодромов до объектов за границей). Это представление понадобится ниже, пока же поясню, что фрагментирован («распался») СССР-1, за СССР-2 («советское наследство») идет борьба, СССР-3 в большой мере сохраняет целостность. В существенной мере, учитывая преемственность и присвоение большей части советского наследства Центром РФ: СССР-2 = РФ-2 и СССР-3 = РФ-3⁷.

Редукция всей феноменологии советского культурного ландшафта к пространственной, а ее — к регионально-административной (даже расширенной) — фокусировка с потерями; однако получаемая концепция описывает, интерпретирует и объясняет довольно многое и, по-моему, достаточно богата для рассмотрения регионализации.

Изложенная (кратко и упрощенно) концепция советского пространства наиболее приложима к материалу: иерархически — на уровне бывших союзных республик (особенно без

7 Подробнее см. раздел III наст. изд.

областного деления) и областей (в разных аспектах), территориально — в пределах Российской Федерации и значительной части Украины. Но степень приложимости этой схемы — это экспертная оценка степени «советскости» пространства; «наименее советское» пространство в Литве и Эстонии, что, однако, еще не делает их исключениями в рассматриваемой ниже регионализации.

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА. ДЕСТРУКЦИЯ СССР

Общая схема регионализации

Основа наблюдаемой пространственной событийности — взаимодействия описанных элементов советского пространства. Все реальные силы занимали в нем определенные места и действовали, стремясь повысить или сохранить свой реальный статус (ранг). Именно эти процессы и привели к деструкции СССР. *Главные субъекты* — *регионы* (и/или силы, взявшие их под контроль); их активность носила одновременно экономический, этнический, политический и тому подобный характер.

Основная проблема реальной политики — *региональная (ре)организация пространства* (по крайней мере, после краха собственно «реформ в СССР»). Распатывание роли Центра, чем бы оно ни объяснялось, приводило к активизации регионов. Сменявшие и дополнявшие одна другую идеологемы (республиканский и региональный хозрасчет, экономический суверенитет, новая федерация, союзное государство и пр.) — **идеологемы реконструкции системы регионов**. Проблема реинтеграции регионализующегося пространства решалась лишь попытками создания новых отношений пригнанности регионов Центром. Политическая «элита» не сознавала готовности советского пространства к саморасчленению. Основная часть регионов, увеличивая свой ранг в системе, вряд ли «понимала», что именно так реализуется демонтаж верхних уровней

региональной иерархии. СССР был демонтирован преимущественно действиями сил, заинтересованных в его сохранении, поскольку только в рамках СССР могли быть удовлетворены статусно-ресурсные аппетиты регионов; «трагические» решения легализовывали уже наступившие ситуации.

Схематическая логика (не история) процесса в общем проста: регионы присваивали полномочия вышестоящего уровня в борьбе с ним (частично для компенсации активности предприятий и вообще квазирегионов), и этот необратимый процесс приводил к демонтажу функционально обесмысливавшегося уровня. Иначе говоря, регионы «одерживали верх» над Центром, структуры которого сами регионализировывались. По существу, действия Центра носили регионализующий характер: противостояние регионам, попытки установления с ними любых отношений (от поддержки до применения силы) превращали их во все более равноправных партнеров Центра, усиливали их роль как субъектов и ускоряли осознание этой роли.

Система регионов не была предназначена для политики: любая политика (понятна условность термина) как активизация регионов приводила к их автономизации. Так, одним из тех событий, что явно способствовали регионализации, было проведение выборов в 1989 г. по избирательным округам, вписанным в регионы, и организация работы I съезда народных депутатов СССР по региональным делегациям; начиная с этого момента «политика» стала игрой в пространстве регионов. Все реальные политические силы вписывались в устройство этого поля (соответствуя его компонентам) либо оказывались на периферии. Все автономизирующиеся (суверенизирующиеся) региональные структуры — компоненты системы АД.

Система регионов устойчива, пока вертикальное и горизонтальное направления несводимы (несоизмеримы): превращение регионов в партнеров Центра предвещало **горизонтализацию**, т. е. **деиерархизацию** отношений. Образно говоря, впервые наше политико-экономическое пространство начало описываться картой, где субъекты рядоположены, а не схемой

управления, где они подчинены один другому. В ходе событий регионы по типу активности становились (пред)государствами, а государство (СССР, РФ и др.) — особым, мощным, но лишь регионом, противостоящим всем остальным (СССР-1 превращался в СССР-2 и СССР-3). Подчеркну: рассматриваемая *геополитическая событийность внутренне, структурно детерминирована*. Объяснения регионализации (СССР и вообще) не нуждаются во внешних факторах, в обращении к переживаниям и мотивам действий политических фигур и структур. **Ссср — пространство саморасчленяющееся.**

Его структура такова, что процессы децентрализации, деколонизации, собственно регионализации и пр., различимые на уровне интерпретаций, протекают по единой схеме и используют тождественные механизмы, оказываясь функционально и финально неразличимыми. *Описываемая пространственная событийность — особая, деятельностьная рефлексия над устройством советского пространства*; в ее результате выяснилось, из каких частей состоит страна, но такая событийность необратима, как всякая рефлексия.

Система административных регионов — машина слома всех и любых существующих пространственных различий, переработки территории географии в суперуниверсальную государственно-общественную схему. Добиться однотипной организации огромной размером, очень внутренне разнородной природно и культурно стране удалось, переустроив ее описанным образом. Но насаждение однообразия привело к тому, что его инструменты-регионы стали целостными и внутренне закономерно разнородными системами, способными «вести себя», быть субъектами.

Регионы=субъекты, региональные уровни

Конструкция регионов делала их почти тотальными **прото-субъектами** экономико-политической активности.

Именно создание целостностей оказалось оборотной стороной тотальной регламентации пространства. Сильная уни-

версальная организация пространства > универсальные органы (ячейки) управления > мощные универсальные центры универсальных реальных районов. Наша страна состоит из вполне реальных единиц, и процесс эволюции ее пространственной структуры может (должен) быть понят именно как формирование внешнего каркаса центров и границ регионов, которые превращались и превратились в центры и границы регионов-субъектов, столь же реальных, сколь государство.

Устройство регионов позволяло им «себя вести». Организованные как тылы регионы были потенциальными базами для ведения многообразных конфликтов, а советское пространство — их континуум.

В условиях ослабления Центра и стимулированного им нарастания самостоятельности предприятий (квазирегионов) регионы были вынуждены более автономно решать свои проблемы. Важным средством оказался **бартер** (прямые горизонтальные товарообмены)⁸; он ослаблял зависимость регионов от распределенческих, в том числе и финансовых функций Центра. Другие **стратегии регионов** — использование дефицитных ресурсов, выход на дальние связи, формирование коалиций-союзов; важнейшая — использование многоуровневой региональной иерархии и противоречий ее звеньев (рис. 2). Структурно-функциональная квазитождественность всех регионов делала их жесткими конкурентами: для выживания их как институтов (сохранения властями региона своего положения) были необходимы одни и те же ресурсы, в том числе институциональные (прав, полномочий и т. п.). Ограниченность общего объема таких ресурсов объясняет и жесткость противостояния уровней региональной иерархии, и невозможность привилегий для отдельных регионов, явочным порядком присваивавшихся регионами того же уровня; *сравнение статуса становилось труднопреодолимой тенденцией.*

8 См.: *Найшуль В.А.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М., 1991.

II. СОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

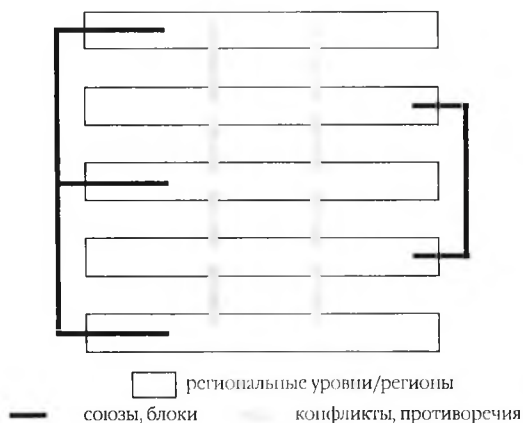
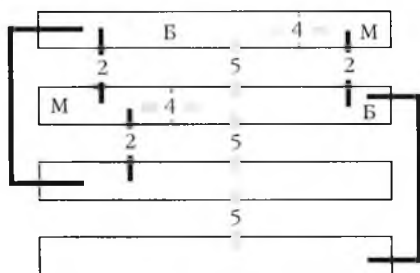

Рис. 2. Отношения региональных уровней

М Б

уровни иерархии регионов, регионы:

Б — большинство регионов уровня,
власть региона;

М — меньшинство регионов уровня; оппозиция

союзы, блоки:

1 — несмежных регионов/уровней;

2 — большинства и меньшинства, власти

и оппозиции регионов смежных уровней конфликты;

3 — смежных уровней/регионов смежных уровней

конфликты, противоречия:

4 — между властью региона и оппозицией,

большинством и меньшинством регионов уровня;

5 — между регионом и властью вышестоящего

уровня, вышестоящим уровнем и большинством регионов

Рис. 3. Союзы и конфликты в региональной иерархии

Многоуровневость региональной иерархии при очевидном конфликте между всеми смежными уровнями позволила региональным уровням (отчасти — отдельным регионам) практиковать стратегии: «**союз несмежных уровней**» и «**союз уровня со слабой структурой смежного уровня (оппозицией)**», а также комплексные. Особенно эффективно использовался регионами конфликт двух вышестоящих уровней (рис. 3). Число же уровней иерархии было достаточно велико, чтобы не образовывались устойчивые конфигурации, поэтому шло «срезание» верхнего уровня, что проблематизировало его устойчивость следующего уровня, становящегося верхним. Примеры союзов (коалиций): уровень союзных республик и оппозиция союзному (СССР) руководству; власти РСФСР, уровень центров нижестоящих рангов (так называемые демократические города), другие союзные республики в противостоянии Центру; приобретение дополнительных полномочий регионами ранга автономной республики и области РСФСР за счет конфликта ее и СССР (Центра), и др.: см. рис. 3, все элементы которого имеют конкретные интерпретации. (Так, во время работы над первым вариантом текста — весна 1993 г. — регионы РФ очевидно использовали конфликт в ее Центре, поочередно вступая в союз с ослабевающим компонентом его властной структуры — парламентом.)

Регионы в одном очень существенном отношении отличны от государства: они — непосредственные *арены массовой политики*, сконцентрированной в их центрах (напомню: центры регионов — это субрегионы, репрезентирующие регионы). Власти регионов вынуждены предпринимать самые разные шаги, чтобы только избегать массовых выступлений (хотя иногда используют их в своих целях). Устройство же СССР таково, что всякое давление передается наверх, и если в ответ не следуют дополнительные ресурсы или санкции, то регионы приобретают дополнительные полномочия, запас которых наверху снижается.

Регионы постепенно присваивали, присваивают (и почти присвоили) как полномочия государства, так и его специфи-

ческие функции. Практика «регионального хозрасчета» с самого начала означала претензию регионов на «государственную» собственность. Регионализация — первый шаг приватизации, осуществленный еще до выдвижения соответствующей программы. Хозяйство региона устроено так, что только в его пределах может идти «разборка» на тему собственности, т. е. осуществляться и/или легализовываться приватизация. Регионы — *арены становления новой социально-имущественной стратификации.* Конверсия как выведение (части) ВПК из сферы Центра — *регионализация и приватизация ВПК.*

Такие разнородные меры регионов, как установление режимов ввоза-вывоза товаров, собственных налогов и сборов, введение валют и квазивалют (например, собственного вексельного обращения), означают, что регионы в значительной степени присвоили себе хозяйственные полномочия государства. Подтверждения этому — практически самостоятельное распоряжение ресурсами, в том числе и природными, фактическое право veto при приватизации.

Вне зависимости от того, чем был на самом деле комплекс событий августа 1991 г., *провал «путча» означал победу регионов*, хотя они прямо в событиях и не участвовали. Горизонтальные отношения внутри властно-силовых структур оказались явно значимее вертикальных. С этого момента горизонтальные (в том числе межрегиональные) отношения, включая вооруженные конфликты между ними, можно считать доминирующими над вертикальными. Однако надо ясно сознавать, что перестройка отношений в региональной матрице еще не означает перестройки структуры самого советского пространства, которая требует совсем иных временных горизонтов. Сказанное про регионы относится прежде всего к уровням союзных республик и областей Российской Федерации, однако схема сохраняет более общий характер.

Статья очередной раз редактировалась, когда опять случилось нечто, также названное путчем (осень 1993 г.). Обращает на себя внимание, что регионы фактически игнорировали

«путч» как событие значимое; нужно ли доказательство сильнее, что Центр и регионы находятся в разных, достаточно автономных реальностях. Лишь один «регион» был вовлечен в события, и то в силу их протекания на его территории. *Если путч-1 доказал, что регионы существуют, то путч-2 сделал сомнительным существование «Центра регионов».*

Надрегиональные силы, Центр

Регионализация — не просто спуск власти вниз, но *процесс взаимодействия всех компонентов региональной иерархии*. Активности регионов противостоит деятельность Центра, использующего *целостный набор акций*, обусловленных местом этого Центра в региональной иерархии (осознан он как таковой или нет — не известно, но здесь и не очень существенно). Важно различать две принципиально разные установки: **суперстратегии** и реализующие их комплексы акций. **Контррегионализм** — противостояние и противодействие регионам со стороны Центра, ориентированное на восстановление прежней ситуации региональной пригнанности, единства советского пространства. **Дерегионализм** направлен на снижение роли административно-региональной составляющей в организации советского пространства. В отличие от контррегионализма, подобная стратегия не направлена непосредственно против регионов и, что существеннее, ориентирована на изменение характера пространства. (Первая стратегия — регионально-негативная, вторая — пространственно-позитивная.) Эти установки в политической реализации будут именоваться **контррегионализацией** и **дерегионализацией**. По-видимому, практиковалась собственно контррегионализация; дерегионализация же (вне зависимости от возможностей) не осознавалась как таковая.

Контррегионализация как политика двухвариантна; она может быть противостоянием: **сепаратизму** (выделению из пространства ссср, СССР, РФ и т. д.) или собственно региона-

лизму как сосредоточению власти, собственности и пр. на уровне ниже государственного. В узком смысле это, соответственно, **контрсепаратизм** и контррегионализм.

В первом случае, при контрсепаратизме, имеют место стратегии: 1) блокада, включая военную, хозяйственную и пр., изоляция региона; 2) оккупация — силовой контроль над регионом в целом; 3) оккупация центра региона; 4) формирование **внутреннего контррегиона** — создание и/или поддержка сепаратистской части региона (в том числе субрегиона); 5) поддержка субрегионов региона в их противостоянии региону; б) **реструктуризация** — замена всей системы административного деления, т.е. создание новой системы субрегионов; 7) поддержка оппозиции властям региона; 8) формирование **внешнего контррегиона**, для вступления его в конфликт с регионом. (Все стратегии генерированы матрицей отношений в системе регионов, см. рис. 3.) Обычно стратегии комплексуются.

Против отделяющегося региона «Литва» власти СССР применяли стратегии: 1, 3 (военные акции в Вильнюсе), 4 (стимулирование «вторичного сепаратизма» Юго-Востока с его белорусско-польским населением), 8 (территориальные притязания Белоруссии). Были также попытки применения мер типа 5 и 7. Против Чечни явно используются стратегии 1, 2, 3, 4, 7. Стратегия 4 применялась и применяется (со стороны СССР-2) к Молдавии: Приднестровье — внутренний контррегион, претендующий на право veto (что обычно для контррегионов) на выход Молдавии из СССР и позже — присоединение к Румынии. Аналогично применение стратегии к Грузии (Абхазии, Южная Осетия); примеров много. *Набор стратегий в общем инвариантен конкретным ситуациям.*

Такие стратегии характерны для любого пространства-ссср. Так, власти Югославии (сходная геополитическая структура, но административная география здесь не переработала столь сильно культурно-этническую) применяли к Хорватии меры типа 1, 4, 8, применяют и пытаются применить к Боснии и Герцеговине — 1, 2, 3, 4, 5, 8).

Для подавления сепаратизма Южной Осетии (в числе прочих мер) и сохранения административно-хозяйственного контроля Москвы над ней соответствующие власти использовали стратегию 6. Поскольку в СССР административное расчленение пространства и есть власть над ним, то в борьбе с региональными силами логично менять само институциональное районирование пространства, что лишает влияния связанные с субрегионами группы.

Во втором случае, при контррегионализации всего регионального уровня, применяются стратегии 5, 7, постоянно муссируется идея использовать стратегию типа 6. Но для Центра существеннее использование таких механизмов, функционирование которых необходимо регионам, но которых нет в их распоряжении (и они не могут быть быстро там созданы). Например, эмиссия и вообще денежное обращение — типичный вертикальный инструмент интеграции систем регионов; лишение региона «налички» эквивалентно применению против него одновременно стратегий 1 и 2. Тогда бартеризация и затем долларизация экономик регионов функционально есть следование **контрцентрализованной стратегии**. Строго говоря, рубль призван обслуживать вертикальные отношения, тогда для горизонтальных нужна своя денежная система (в разное время и в разной степени она опиралась на бартер и доллар).

Между этими суперстратегиями и собственно региональными стратегиями лежат, например, тенденции создания коалиции предприятий военно-промышленного комплекса как **новой трансрегиональной структуры**, которая служила бы подпоркой, в том числе и социальной, для центральной власти. Это — стимулирование противовеса всему уровню административных регионов ранга области (опора на квазирегиональные структуры пространства в борьбе против региональных).

Собственно дерегионализационные стратегии Центром не применялись, и хотя соответствующие им меры практиковались, они были производны от решения совершенно иных задач. К таковым можно отнести «раскрепощение предприятий»

(возможность предприятиям-квазирегионам функционировать относительно независимо от регионального каркаса), поддержку ВПК как относительно внерегионального компонента пространства, разного рода либерализационные меры типа отпуска цен. Но поразительно, что борьба с сепаратизмом отдельных регионов со стороны Центра не отличалась от подавления суверенизации региональных уровней: *не различались контрсепаратизм и контррегионализм!* СССР был государством, которое настойчиво пыталось выиграть в конфликте со всеми собственными региональными частями, «путч-1» тогда интерпретируется как попытка восстановления Центром уже утраченного контроля над регионами.

Массы и группы

Этнические группы реализовывали свои интересы, беря под контроль этноадминистративные регионы как институты этнической реализации либо создавая **проторегионы** и пытались вписать их в существующую систему регионов (что до известной степени удалось лишь немногим нетитульным этносам). Попытки повышения статуса этнорегионов, особенно при ситуации их иерархического вложения и/или несовпадения регионов с фактическим расселением этносов, сопровождались острыми, хорошо известными конфликтами. Характерный феномен: **вторичный сепаратизм** — формирование проторегиона компактным этническим меньшинством; такие районы часто используются Центром как контррегионы (внутренние, но с тенденцией превращения во внешние) и поддерживаются его функциональными (силовыми) структурами. Хотя эта стратегия невозможна для всех этносов одновременно, хотя бы в силу полиэтничности значительных территорий, она совершенно естественна для ситуации сепаратизма. Иного пути этнической реализации, кроме формирования собственного этнорегиона, сейчас нет (ср. усиление оттока немцев при неудаче восстановления автономии в Поволжье).

Квазиэтнические группы (особенно казаки) практикуют ту же стратегию.

Это относится и к массовым группам как таковым (давление на власти регионов), и к социoproфессиональным общностям (шахтерское движение Кузбасса близко к контролю над Кемеровской областью).

Активность всех групп (не только массовых и/или этнических) также *вписана в регионализованное пространство*. Малые неэтнические активные группы реализуются, локализуясь в функциональных компонентах пространства. В ходе регионализации ослабевают конкретные механизмы согласования регионов, но остаются актуальными соответствующие функции (ниши). Значительная часть «нового бизнеса» (биржи, банки и т.п.) реализует функции прежнего Центра (посредническо-распределительные и знаково-символические). Это подтверждается известной стагнацией бирж после освобождения цен в Российской Федерации, до которого они специализировались на «централизованном бартере». В целом «новая активность» воспроизводит пространственно-иерархическую административную структуру.

Сказанное относится ко многим новым видам деятельности: политике в разных смыслах и аспектах, бизнесу, средствам массовой информации и т.п. Их деятельностью *каркас административных регионов активизируется*, наполняясь новым содержанием. «Новые структуры» утрируют многие особенности советского пространства. Они более централизованы (например, 9 из 10 крупнейших банков размещены в Москве, доминирование которой в этом отношении чуть ли не сильнее прежнего), четче укладываются в рамки отдельных регионов и региональных уровней. Автономизирующиеся блоки и фрагменты общества=государства продолжают занимать место в его пространстве, лишь усиливая свою деятельность характер этого пространства и его функции. Особенно характерно утрирование советского пространства у групп, декларирующих свое противостояние или неприятие ссср. Практически

неизвестны группы, структуры, выстраивающие поведение (размещение) в пространстве независимо от его региональной матрицы. Активна деятельность захвата контроля над регионами или иными уже существующими позициями в пространстве, но **нет пространственной свободы и творчества**. Этим подчеркивается едва ли не существеннейший вывод работы: идет распаковка проблемного багажа советского пространства, но отнюдь не выращивание на его месте чего-либо иного.

Регионализация является тотальной, охватывая все компоненты общества=государства. Именно тип размещения, расселения группы во многом предопределяет ее позицию в регионализации. Массивные (массовые) группы и структуры, компактно размещенные и достаточно мощные для влияния на регионы, регионализуются квазиестественно, в общем спокойно реагируя на региональную фрагментаризацию пространства. Группы иного типа (дисперсные и нигде не образующие большинства) реагируют иначе, скорее противостоят регионализации, занимая места в обновляющихся функциональных компонентах горизонтализованного Центра и вне-региональных структур (они заинтересованы в реставрации и/или активизации СНГ как того общего пространства, где могут координироваться их интересы), или склонны к эмиграции, которую можно считать и последствием «распада СССР», и реакцией на него. Достаточно сравнить поведение украинцев, шахтеров, народа вообще, сухопутных войск с поведением немцев, авиадиспетчеров, политизированной интеллигенции, войск стратегического назначения. (По-разному ведут себя и группы, связанные с собственно регионами и квазирегионами.) Конфессиональные общности (их институциональные структуры) также активно регионализуются, в общем воспроизводя контуры регионов (государств). Весьма важно пространственное поведение немногочисленной реальной (не статусной) элиты, о котором нет должных сведений.

Структура регионализации

Регионализация — процесс суверенизации структурных компонентов СССР (типа «регион»), при котором автономизируются и другие функциональные компоненты; при этом между ними устанавливаются новые отношения уже в пределах нового регионального уровня, становящегося верхним. Регионализация государства как уровня может считаться завершенной только после реинтеграции всех компонентов государства в регионах, бывших его составными частями (субрегионах государства=региона). *Регионализация СССР и Российской Федерации еще не завершена.*

При регионализации автономизируются следующие основные компоненты, или блоки (для СССР): 1) собственно регионы (союзные республики); 2) регионализованные секторы функциональных компонентов надрегиона (часть ВПК, вооруженных сил, инфраструктуры и т.п.); 3) нерегионализованные секторы функциональных компонентов (стратегические силы, атомно-космический комплекс и пр.); 4) особая часть — центр как резиденция Центра (Москва в «хитро» заданных и трудноопределимых границах). Иными словами, автономизируются регионы и квазирегионы. *Регионализация — итеративный процесс, завершающийся региональной консолидацией.* Неделимость регионов при этом частично нарушается. Во-первых, вследствие обмена функциональными компонентами. Во-вторых, происходит выделение сепаратистских районов в роли регионов в силу участия в процессе (наряду с регионами и практически в роли субъектов «политики») блоков 2 и 3 (квазирегионы). При этом формируется еще один блок — 5) район-регион, не вошедший в состав ни одного из регионов (иногда субрегион региона, могший выступать как внутренний контррегион); это, например, Абхазия, Приднестровье (одновременно это, соответственно, особая часть РФ и часть территориального домена вооруженных сил РФ — 14-й армии). Число таких образований, по-видимому, будет быстро

расти. В иной интерпретации блоки 5 можно считать частями СССР-2 (соответственно РФ-2 и т. д.).

В силу сказанного вопрос о числе частей, на которые «распался» СССР (и аналогичные возникающие вопросы), — принципиально нетривиален и не имеет однозначного ответа (критерии международно-правового признания в этом аспекте не имеют значения, да и не дают однозначности). В самом первом приближении *при «распаде СССР» выделились: 15 суверенных* (в существенно разной степени) *республик, 16-я функциональная часть* (вооруженные силы с трудноопределимым территориальным шлейфом) *и несколько районов-регионов*, реально ассоциированных с одной республикой, находящихся в состоянии конфликта с другими (формальными частями которых они являются) и опирающихся на 16-ю часть; есть и блоки следующего уровня регионализации. Еще раз подчеркну: представление о «распаде СССР на 15 составлявших его республик» — не огрубление, а искажение сути процесса (СССР ни в каком смысле не состоял из 15 республик). Реальная ситуация — результат интерференции незавершенной полной регионализации одного уровня (СССР) и идущей неполной регионализации следующего уровня.

Регионы, становящиеся **суперрегионами**, верхними в иерархии, т. е. государствами, осуществляют **процедуры сборки компонентов** (блоков), регионально различные. Так, страны Балтии реконсолидируются на основе блоков 1 и 2 при удалении структур компонента 3; Украина присоединяет к 1 и 2 фрагменты 3; Армения сложно сочленяет 1, 2, фрагменты 3 и блок 5. Относительная сложность процесса регионализации пока вполне описывается исходной схемой; в основе процесса «реконструкции» лежат части, во-первых, пространственные и, во-вторых, региональные — блоки типа 1 и реже 5 (возможны иные варианты: компоненты 2 и 3, располагающие собственными территориями, могут стать основой формирования районов-регионов — ср. роль римских легионов в этногенезе).

Таким образом, для регионализации характерны следующие процессы: 1) суверенизация структурных компонентов, в том чис-

ле пространственных; 2) демонтаж, деструкция вышестоящего уровня; 3) сборка компонентов суверенизирующихся регионов, реинтеграция их пространства; 4) перестройка пространственных отношений, в том числе между регионами и с Центром.

Факторы активности регионализации связаны как с различием статусов регионов, так и со спецификой их территорий. Эти факторы перекрываются по действию, отчего их выделение отчасти условно. Они перечислены в общем по убыванию значимости (которая будет претерпевать изменения); увеличение значения соответствующего признака усиливает регионализацию. Сочетание факторов — свернутое описание механизма и типа регионализации конкретного региона и их уровня, дополняющее общий механизм. Таким образом: 1) ранг региона; 2) этноадминистративный статус; 2А) включенность в этнорегион; 3) история территории; 3А) досоветское существование как целого; 3Б) особый статус в Российской империи; 3В) прежний (в любой период) статус в СССР; 4) размер региона; 4А) население и производство; 4Б) территория и ресурсы; 5) окраинность положения; 5А) близость к иностранному центру тяготения; 6) этнокультурная специфика населения; 7) географическое единство региона.

Регионы	Факторы												
	1	2	2А	3А	3Б	3В	4А	4Б	5	5А	6	7	
Литва	+	+		+					+			+	
Молдавия	+	+								+			
Украина	+	+					+						
Абхазия		+	+		+				+				
Татария	+	+					+						
Якутия	+	+						+	+				
Чукотка		+							+	+			
Калинингр. обл.				+						+			
Ростовская обл.	+				+		+					+	
Иркутская обл.	+						+	+			+		
Приморский край	+							+	+	+			
Закарпатская обл.			+	+					+		+	+	
Крым		+				+				+	+	+	
Донецкая обл.							+	+		+	+		
С.-Петербург					+		+		+				

СОЦИУМ РЕГИОНОВ

Здесь дана дополнительная интерпретация пространственной феноменологии, шире рамок **геополитической региональной тектоники** (структурной геополитики), и сформулирован ряд смысловых выводов из нее.

Буржуазная революция регионов

Регионы — пространственные и функциональные (квазирегіоны) — единственные субъекты событийности последних лет. Одно это приводит к необходимости радикально переосмыслить ситуацию в сравнении с принятыми интерпретациями (тотальный кризис, народная революция, заговор элиты и т. п.). На мой взгляд, ситуация определилась: *становление «социума регионов»* (общества регионов). Это позволяет снять противоречие между сильным на разных уровнях и в разных аспектах ощущением происходящих событий как революционно-катастрофических и отсутствием среди действующих политических субъектов (сил) внесистемных или антисистемных элементов. *Общество регионов — этап самотрансформации тотально регионализованного советского пространства.*

Многообразная активность регионов и региональность всей пространственной событийности может быть интерпретирована на основе схематики классической буржуазной революции с лозунгами «свобода и собственность». Представив (увидев), что сейчас под ними действует именно совокупность регионов (а не третье сословие), получаем следующую ситуацию: происходит **революция регионов** (шире — составных частей)⁹. Указанные лозунги абсолютно осмысленны для регио-

9 Работы, где постепенно оформлялся и развертывался вывод: *Каганский В.Л.* 1) Социализм: дальше — больше // Век XX и мир. 1990. № 12. 2) Война и революция регионов // Независимая газета. 1991. № 171. 3) Реальности регионализации: основные аспекты процесса // Куда идет Россия? М., 1993; см. также статьи «Буржуазная революция? — Регионов!» и «Спектр сценариев для Российской Федерации» в наст. изд.

нов в их противостоянии государству (=Центру), присвоении его прав собственности, горизонтализации всех отношений. Оказывается, *регионы — аналог и эквивалент народа* (населения), что подтверждается апелляцией разных Центров к регионам в том же смысле и в тех же случаях, в каких апеллируют к народу. Дело доходит до инверсии властных ролей и символических функций Центра и регионов, когда конфликтующие структуры Центра апеллируют к регионам как судье-посреднику, тогда как в обычной ситуации все обстоит ровно наоборот.

Концепция буржуазной революции регионов совместима с представлениями о спонтанной институциональной либерализации как основе происходящих сегодня социально-экономических процессов¹⁰, т. е., в сущности, институциональной революции, но не требует в отличие от нее установления соответствий между структурами советского общества=государства и западного общества. (Установление аналогии «народ—регионы» дополнительно подкрепляется тем, что собственно народ в советском пространстве действует в рамках регионов, активизируя их структуры; по-видимому, это больше чем аналогия.)

Многие реальные практики и особенно декларации регионов об их суверенитете объяснимы, если только регион оказывается эквивалентом и аналогом личности; *регион — «личность» советского пространства*. Абсолютная полнота суверенитета и священность собственности — атрибуты прежде всего личности. В обществе регионов регионы=субъекты — еще и **регионы=(квази)личности**. Напомню, что именно личность в современной секулярной культуре обладает потенциалом сакрализуемости (как и национальное государство). Политические игры регионов имплицитно (отчасти — уже эксплицитно) предполагают некоторую меру сакрализации их прав. Иначе очень трудно объяснить чрезвычайно болезненное отношение регионов к самой возможности отчуждения их территорий, а равно ожесточенность борьбы за место в регионализованном

¹⁰ *Наттуль В.А.* Либерализм и экономические реформы // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 8.

пространстве (неотчуждаемость частей, т. е. неделимость, атрибут личности).

Внезапная квазисакрализация регионов как проявление и идеологическое обоснование их революции позволяет интерпретировать переживаемый нами период как своеобразную **реформуацию советского общества=государства**. Надрегиональное, тотально идеологически (псевдо)сакрализованное общество=государство, подточенное предрегионализмом (вообще интересами блоков), практически внезапно десакрализуется и обесмысливается как целое¹¹.

Проведенные интерпретации позволяют продолжить ряд аналогий. Так, идея прямой (непрерывно помимо Центра) договоренности регионов как единственной возможности нового согласования в пространстве регионов *соответствует идее общественного договора*. Воспроизводящиеся ситуации отказа регионов от участия Центра в процессе установления «нового пространственного порядка» соответствуют не реальному раскладу сил (и тем более ситуации пространства, остающегося физически централизованным), но такой идеолого-ментальной матрице, где Центр в принципе не может наделяться позитивной ролью. Это бросается в глаза на фоне действий регионов, чрезвычайно прагматически ориентированных и инструментально неразборчивых. (Архетип **«общественный договор регионов»** здесь чрезвычайно и принципиально значим.)

Сказанное следует понимать с должной осторожностью, как и всякое установление подобных аналогий: уподобление региона личности (а совокупности регионов — обществу) — это еще не отождествление их; тем более не утверждается, что процесс «социализации регионов» был осознан его участниками. Подлинный смысл такого соотнесения, как одной из интерпретаций второго порядка (т. е. интерпретаций произведенной выше интерпретации), только предстоит выявить, хотя уже сейчас

11 См. явную фетишизацию Центра как очевидно зловещего начала, об иррационально-магическом характере политики см.: *Каганский В. Д.* Запах серы // Век XX и мир. 1992. № 3.

эвристически-объяснительный (и даже прогностический) потенциал концепции революции регионов достаточно велик.

Итак, происходящее интерпретируемо как революция регионов, **революция составных частей**; регионы не только высвобождаются из властной пригнанности, но и выходят из всякого пространства общих норм («дикие» с любой точки зрения квазинормы, царящие в некоторых регионах, хорошо известны). Но если в сфере, функционально соответствующей политике (но не являющейся таковой, как будет видно ниже), роли личностей играют регионы, то личности в обычном смысле в публичной сфере не должно остаться места. Это и происходит (тогда регионализация имеет неожиданным, но плодотворным последствием приватизацию обычной жизни людей). Возможно, ситуация «регион=личность» — извращенная форма соборности, ведь регионы — целостности не только властно-пространственные, но и обыденно-жизненные.

Рассматриваемая ситуация общества регионов, по-видимому, равно относится к квазирегинам (регионам функциональных, фазовых пространств) и собственно регионам; последним мною уделено больше внимания в силу характера текста.

«Политика» в обществе регионов

Общество регионов — такая **метаполитическая ситуация**, к которой привычные представления о политике и ее схемы не приложимы, а при приложении оказываются амбивалентными и/или абсурдными. Задающий позиции (координаты) *традиционный политический спектр 'левое—правое' невозможен* в ситуации, где генерирующая политические отношения и позиции матрица региональной иерархии многоуровневая и полисубъектна. Это означает *невозможность существования политических партий* как реальных сил, для чего нужна единая одноуровневая политическая арена. Феномен «партий» не вложим в описываемую реальность; то же, что именуется партиями, просто артефакты политизированного

менталитета либо особые составляющие контррегионализационных структур Центра.

По-видимому, автономизирующаяся, отрывающаяся от региональной реальности властно-политическая система пребывает в особом, почти самодостаточном «пространстве», отношения в котором и есть «политика». Для него характерны инверсии 'левое/правое', т.е. пространственная невменяемость¹². Это политическое фазовое пространство также переживает регионализацию; оформились два типа блоков: квазирегiónы, подобные регионам (властные институты) и «районы», претендующие на статус квазирегiónов (партии). Выявились «не сотрудничество между властями, не их взаимодействие, а уникальн[ая] ситуаци[я], когда при отсутствии настоящих партий исполнительная и законодательная власти как бы превратились в политические партии, преследующие собственные интересы»¹³.

Это пространство и отношения в нем весьма схожи с собственно регионализационными; причем неясно, какое сильнее фрагментировано.

Многоуровневость региональной ситуации, делая irrelevantной антитезу 'левые—правые' (она тогда должна бы относиться к регионам и/или их уровням), *полностью релятивизирует отношение 'власть—оппозиция'*. Оно применимо только к разным уровням региональной иерархии и властным структурам, а не компонентам единого политического рынка, как в обычной политике. Это отношение в нашей ситуации задается не абсолютно, но только относительно конкретного уровня регионов; при переходе на иной уровень оно инвертируется. (Например, для властей нынешней РФ регионы суть оппозиция, но они же и власть для регионов ранга ниже области etc.) Даже, казалось бы, сугубо пространственная *антите-*

12 См.: Каганский В.Л. Социализм: дальше – больше // Век XX и мир. 1990. № 12.

13 Мигранян А.М. Новая Россия на пути к общему дому // Новый мир. 1994. № 1. С. 171–172.

за *'унитаризм—сепаратизм'* лишена однозначного смысла. Она приложима только в ситуации, где есть целое государства и один уровень политически манифестированных регионов. Соответствующие позиции, заданные на одном уровне, меняют свое значение при переходе на другой уровень. Всякий регион равно ориентирован на суверенность от надрегиональных структур (сепаратизм) и неделимость на части (унитаризм). Например, известная группа сторонников сепаратизма в СССР «оказалась» унитаристами (даже империалистами) своей республики после демонтажа союзного уровня; симптом не непоследовательности, но жесткой заданности позиций отношениями в полирегиональной системе.

В обществе регионов для политики как таковой нет места, функциональной ниши. Структурное и функциональное подобие регионов приводит к подобию (почти тождественности) их интересов и «программ»; что обычно невозможно: политические субъекты (силы) нетождественны. *Регионы — политические субъекты ситуации без политики.* Известно: поведение регионов почти не зависит от политической ориентации и происхождения их властей. Различия стратегий регионов значительны, но в существенной мере обусловлены полнотой их структуры, возможностью ее достройки до полной либо компенсацией этой неполноты (союзы и др.), текущей ситуацией и т. д. *Конструкция региона обязывает его к аполитичности.* Коммунисты, демократы, технократы, националисты, стоящие у власти в регионах, ведя себя чрезвычайно сходно, обесмысливают эти политические идентификации. Регионализм перерабатывает собственно политику. Но *тогда регионализация — механизм деполитизации и деидеологизации.*

Регионализация и политизация регионов дополнительные. Пространственно стабильные, нефрагментируемые регионы (государства) политизированы в обычном смысле (борьба партий, интересы, сотрудничество властей etc). Фрагментируемые же регионы квазиполитизированы, импульсы регионализации транслируются в их центры и концентрируются, по-

литическая сфера фрагментируется. Собственно **политика** — «двойная» альтернатива регионализации: территориального и политического пространств. Существенно, что оба комплекса событий, называемых путчами — 1991 и 1993 гг., — разворачивались не как конфликт партий в узком смысле, но как конфликт властных институтов (квазирегионов собственно политического пространства) и протекали преимущественно (если не исключительно) в столице. Необходимые примеры дает ситуация стран Балтии и современной РФ (а в обостренной форме — Таджикистана). Отрыв «политики» (сферы активной маргинальности) от реальной регионализации, ее инкапсуляция (самозамыкание) ведут к саморазрушению этой сферы. *Регионализация — автодеструктор политики.*

Проводя самообосновываемую данностью региона-как-целого политику интересов (а не программ), регионы для ее обеспечения (манifestирования, декорирования, получения поддержки, внешней легализации и пр.) используют в инструментальной функции почти любые «обоснования», пригодные для указания на восстанавливаемую при регионализации «справедливость», на самом деле состоящую в «**дефиците статуса**».

(Если подробнее рассматривать не только артикулируемые доминанты справедливости и равенства, но и соответствующие практики, то можно развить интерпретирующую гипотезу «социалистическая революция регионов»; похоже, что активность некоторых регионов может быть описана и так; но эта линия — интерпретация всей «политической» событийности как социалистической революции — не излагается¹⁴.)

Такие обоснования весьма эклектичны, фрагментарны, противоречивы и т. п. Например, одновременно используются ссылки на поправные в пространстве СССР права, нарушение равенства регионов, их традиционные льготы, прежнее привилегированное положение, апелляции к любым историческим периодам,

14 См.: Каганский В. Л. 1) Социализм: дальше — больше // Век XX и мир. 1990. № 12; 2) Запах серы // Век XX и мир. 1992. № 3.

эпизодам и пр. (ср. идентификацию Турции Ататюрка с хеттским государством и культурой). *Регионализм* — **метаидеология неразборчивости**, очевидно чреватая региональным шовинизмом и ксенофобией (это широко наблюдается), в чем явна преемственность с идеологической практикой СССР. Существенно, однако, что посредством регионализации коммунизм (социализм) как идеология и практика обесмысливается и разрушается, причем в значительной степени деятельностью самих (бывших) носителей этой идеологии.

В социуме регионов *нет места регионализму* в традиционном смысле, сколь бы странным это ни казалось. Регионализм — идеология и практика достижения существующими во внесоветской реальности пространственными (этнокультурными и др.) общностями институционального статуса, стремление географически реального района стать институциональным (административным регионом, государством). Наши же суверенизирующиеся регионы — уже институциональные районы; надо ясно сознавать, что регионализация административных регионов советского пространства не имеет отношения к собственно регионализму и по сути — **псевдорегионализм** (но см. ниже).

Общий смысл? Уроки

Деструкция СССР (СССР) и/или регионализация советского пространства структурно детерминирована; это событийность, чреватая бедствиями и страданиями, — но есть ли в ней **СМЫСЛ**?

Сохраняясь и существуя как целое, СССР не мог преобразоваться и был острейшей глобальной проблемой. Устройство СССР превращало его пространство во все более безжизненное. Регионализация СССР — реальный путь его преобразования. Иное устранение СССР потребовало бы методов (соответственно — жертв), подобных его созданию, а борьба с властью, пропитавшей обычную жизнь, превратилась бы в борьбу с жизнью.

Регионализация использует фрагменты советского пространства, давая им возможность жизни (витализации). История «разрушения до основания, а затем ...» не повторяется. По законам полиморфизма части-регионы обязаны обнаружить существенные различия и — после определенного рубежа суверенизации — двигаться в разные стороны, жить по-своему. Поливариантность эта налицо. Как именно уйти от ссср и куда можно прийти, узнается на своем месте; регионализация — пути в свои места.

Даже оестествившись, ссср был насилием над природно-культурной почвой. Чтобы она могла вновь плодоносить, сревание слоев региональной иерархии одного за другим необходимо; оно и неизбежно. Огромная империя регионализацией деколонизируется. Регионализация — механизм деидеологизации, перемалывающий коммунизм как идеологию и организацию, которые бессильны без громадного государства. Происходит (противоречиво) деполитизация. Хотя процессы, продукты и последствия регионализации зачастую отвратительны и опасны, иного пути для десоветизации пространства и жизни в нем (сейчас) нет.

Поведение регионов — политика грубых интересов, что предпочтительнее тотальной политики омертвляющих идеалов. Говорят: сотня «союзов» хуже единственного. Но регионы хотя бы в силу размера вынуждены соблюдать определенные правила игры. (Хотя регионализация — угроза расплзания ядерного оружия, она же и шанс избавления от него.) Ситуация сосуществования многих разных регионов, куда более соразмерных человеку, чем СССР, для личности предпочтительнее. Регионализация — начало дезунификации, дестандартизации, шанс демаргинализации.

Чем активнее во фрагментирующемся пространстве становление самостоятельных частей, тем больше возможности созидания из них осмысленных целостностей. (Даже реставрации: если России суждено возродиться в рубежах 17-го года или XVII века, то пути к тому помимо регионализации нет.)

Этносам регионализация сулит испытания государственностью, а иным — многогосударственностью, но испытания исторически осмысленные. Регионализация — вообще тяжкое испытание, но и огромный шанс вернуться к жизни и в историю.

В советском пространстве-монстре (были) скрещены власть и жизнь, террор и экономика, государство и общество, идеология и культура, этничность и администрация, но нет смысловых отдельностей, сфер человеческого бытия. Возможно, кое-где им суждено появиться.

Власть СССР стремилась полностью пропитать собою жизнь и пространство, подчинив и/или искоренив естественную самоорганизацию. Система регионов была машиной подавления-стирания различий, но именно тотальный успех конструирования привел составные части машины к бунту. Полностью и окончательно построенное пространство социализма не выдержало собственного устройства. Пространственно неменяемое общество=государство перестает существовать — пространство отомстило.

«Зарубежный мир» пребывает в соблазне социального конструктивизма, этатизма и социализма; может, сползает к нему. Теперь мы знаем, чем это кончается... Не в том ли урок, очень важный? Мы ныне знаем — вернее, узнаем, что есть социализм, что не вечен он именно в силу успехов построения, что разнообразие можно подавить и искоржить, но уничтожить нельзя.

СОВРЕМЕННОСТЬ И ЕЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Современная ситуация (общий взгляд)

Регионы, приобретшие статус государств, продолжают свое становление (сборку компонентов) и в основном сами регионализуются. В советском пространстве *доминируют горизонтальные отношения*, а сохраняющиеся вертикальные все более горизонтализуются. Уровень СССР демонтирован; региона-

лизация активно продолжается, на основной части территории бывшего СССР не пройдя своего пика. Наблюдается фрагментаризация городов (областных центров) как регионов: попытки выделиться и приобрести самостоятельный статус со стороны отдельных городских районов (внутригородской сепаратизм?!). Симптомов исчерпания процесса нет, его замедление — иллюзия; на разных территориях он идет в разных скоростях и формах (имея разнообразные событийные и псевдособытийные последствия). Это разнообразие, как и разнообразие укладов жизни в регионах, продолжает увеличиваться; фрагментаризация пространства сопровождается фрагментаризацией времени, десинхронизацией, ситуация не только **полихорична**, но и **политемпоральна**. Наиболее активна регионализация РФ.

Реальное пространство отчетливо многоуровневно и полисубъектно, особенно во властно-политическом аспекте. Например, в определении судьбы спорных между РФ и Японией Южно-Курильских островов принимают участие: сама РФ, 16-я часть СССР, Дальний Восток (коалиция регионов), Сахалинская область (административно острова в ее составе), сами острова. Таких ситуаций множество! Для основной части бывшего СССР представление о смене одного государства несколькими новыми неприменимо.

Регионы вступают в союзы друг с другом на разном уровне, в том числе и с собственно иностранными государствами; образуют **коалиции**, в том числе и противостоящие друг другу **контркоалиции** регионов. Различия регионов и государств и соответственно межрегиональных и межгосударственных отношений размыты, тем более что регионы высших рангов достраивают государственно-силовые компоненты. Вооруженные силы и ВПК быстро регионализуются. В ряде республик-государств центральная власть превращается в надстройку над регионами, уже сосредоточившими основные властные функции (или стала «прикрытием» власти одних регионов над

другими). Регионализуется собственность, государственное насилие, власть, право в любом смысле.

Каркас административного деления как матрица суверенизации регионов начинает дополняться иными пространственными структурами, прежде всего расселением этносов, не укладывающихся в регионы. Все более заметна активность этносов, не располагающих этнорегионами (дисперсно расселенные народы Севера и др.); стадию дробления проходят полиэтничные регионы (Северный, и не только, Кавказ).

Пространство СССР при его фрагментаризации обнаруживает *связность и целостность нового типа*: проблема раздела «советского наследства» и межрегиональные конфликты с их широкими зонами резонанса — интеграторы территории бывшего СССР как **проблемного макрорайона**. Наблюдаются тенденции реставрации демонтированного уровня СССР для части республик (регионов), не могущих осуществить сборку компонентов или достроить структуру до функционально полной. Заметно сращивание периферийных территорий с сопредельными государствами, действие зарубежных центров тяготения для групп регионов. Углубление регионализации и формирование интегративных полей тяготения регионов — не антитезы, а дополнительные тенденции.

При регионализации пространственная и (во многом) функциональная фрагментаризация, дезинтеграция сочетаются с **пространственной реинтеграцией** — функциональным включением в регионы фрагментов их территорий, ранее подчинявшихся непосредственно Центру; многие регионы пространственно консолидируются. Регионализация на уровне фрагментируемого целого — явно децентрализация, но на уровне регионов централизация, в общем, усиливается. При фрагментаризации пространства в пределах бывшего СССР происходит интеграция регионов уже в новых пространственных контекстах, рамках. Для однозначной квалификации регионализации как фрагментаризации, децентрализации и дезинтеграции нет достаточных оснований; на

уровне выше и ниже СССР скорее все обстоит наоборот. Процессы многоуровневые и полимасштабны.

Российская Федерация — СССР сегодня

РФ — территориальное и функциональное ядро СССР. На территории РФ структуры советского пространства и процессы регионализации наиболее отчетливы. РФ проводит ныне политику присвоения советского наследства и быстро повторяет судьбу СССР¹⁵. Центральная власть РФ, с которой ассоциированы функциональные (квазирегиональные) и территориальные фрагменты СССР, не интегрированные в другие республико-государства, близка ныне к утрате контроля над собственными регионами. Они де-факто располагают правом veto на все крупные действия Центра РФ на их территории (например, блокирование воссоздания немецкой автономии на территориях Саратовской и Волгоградской областей), устанавливают собственные правовые режимы, доформируют структуры до квазигосударственных в части силовых компонентов, вступают в союзы с государствами внутри и вне СНГ помимо властей РФ, участвуют в боевых действиях вне РФ. Действия Центра РФ почти точно повторяют действия Центра СССР (не опираясь на сопоставимые возможности) как против сепаратизма окраинных регионов, так и против самостоятельности уровня регионов в целом. *Регионализация РФ — уже необратимый процесс.* Главное отличие от регионализации СССР — отсутствие региона, могущего присвоить и реально контролировать «неделимое наследство» (претензии региона «Москва» недостаточно фундированы). Поэтому РФ в каком-то виде продолжит свое существование.

Для него намечается спектр сценариев. 1) **Реванш** (СССР), реставрация, ремилитаризация, попытки военного контроля над основной частью СССР, перманентные конфликты. 2) **Мир**

15 Подробнее см.: *Каганский В. Л.* Российское пространство: части сильнее целого // Век XX и мир. 1992. № 5; также раздел III наст. изд.

регионов и Центр-посредник. РФ ассоциируется с Москвой, выступает в роли посредника между регионами РФ, странами СНГ, остальным миром, вооруженными силами. Функции Центра — валютно-финансовые, судебно-посреднические, формально-правовые. 3) **РФ — рыхлая надстройка** над самостоятельными в очень разной мере регионами, частью государствами, сохраняющая контроль над стратегическими силами. 4) **Минимальная Россия.** Сохранение РФ как государства на небольшой части прежней территории при самостоятельности остальной. Контуры «новой РФ» определяются дислокацией стратегических сил, ресурсно-промышленной базой, конфликтами с регионами. 5) **Регионы — каждый за себя.** Возникает множество практически самостоятельных, равноправных государств-регионов (их коалиций), Центра нет; Москва из резиденции Центра превращается в **город-государство**. Ныне реализуются и сочетаются как тенденции и элементы реальной политики Центра РФ фрагменты всех сценариев, но эта ситуация неустойчива (подробнее — ниже).

Процесс регионализации сильнее Центра как контр- и дерегионализатора; его действия дестабилизируют ситуацию, ускоряя регионализацию и обостряя неизбежные конфликты. Роль политических властей Центра может быть существенной лишь при осознании реальности регионализации как необратимого процесса, что представляется маловероятным. Однако устройство пространства РФ предполагает объемную нишу для посредническо-согласовательных функций, в механизме осуществления которых при невмешательстве в их дела (пока) заинтересованы регионы.

Перспективы

Само существование, потенциальность, множественность перспектив делает регионализацию осмысленной. Оставив геополитическую футурологию до другого случая, ограничусь указанием важнейших тенденций и возможностей ситуации.

Проблемно-конфликтное советское наследство, т.е. структурный потенциал регионализации, далеко не исчерпано; регионализация будет продолжаться, охватывая как новые уровни иерархии, так и территории, где пока слабо проявляется. Картина, создаваемая регионализацией, будет усложняться за счет многовариантной интерференции процессов разных уровней и взаимодействия многих разных регионов и квази-регионов. Регионализация — перспектива не только Российской Федерации, хотя события в ней — резонатор геополитической перестройки Северной Евразии (от Югославии до Китая) и общемировых процессов.

Тривиальное выражение этого процесса — становление государств (квазигосударств) в таких формах, которые потребуют пересмотра самих представлений о государстве. Содержание нынешнего этапа регионализации, далекого от исчерпания, — суверенизация регионов ранга республики, области и им равных, т.е. верхнего слоя иерархии регионов. Спуск регионализации на уровень ниже в целом маловероятен, его регионы в меньшей мере отвечают основной схеме. Однако дробление ряда областей, суверенизация крупнейших центров и другие отдельные перестройки на этих уровнях — вполне вероятны. «Энергия» регионализации и вообще трансформации региональных структур ныне начинает все более проявляться на внутриобластном уровне.

На следующем этапе регионализации, который местами уже явлен, административное деление перестанет быть вначале единственным, а затем и главным каркасом регионализации; первыми проявлениями этого будет проблематизация границ регионов и конфликты по их поводу. На первый план рано или поздно выступят противоречия между системой регионов и расселением групп (этнических, но не только), не вписанных в институциональное районирование, т.е. собственно регионализм. Здесь будет существенна актуализация этнокультурных «союзов» (общностей) и исторического, до-советского прошлого. Регионализм «второго эшелона», по-

видимому, будет более идеологизированным и будет сопровождаться этнификацией масс. Не исключено, что «выявятся» этнические (квазиэтнические) общности, такие, что привычные представления о существующих этносах станут проблематичными (например, полешуки в Белоруссии, северо-русский субэтнос и сибиряки в РФ и мн. др.). Весьма вероятно формирование широких коалиций регионов, в том числе в неожиданных рамках, что означает взаимное усиление процессов регионализации первого и второго этапа/типа. Очевидно, что эти процессы будут сопровождаться значительным числом вооруженных конфликтов и вообще ростом насилия; современность тогда — эпоха квазистабильности. По-видимому, резко возрастут контрасты территорий, часть которых приблизится к стабильному состоянию и будет отдрейфовывать от пространства СССР, а часть — войдет в режим хронической нестабильности (кое-где наметившийся).

Собственно регионализация как спонтанный процесс подвергнется воздействию таких факторов, как политика Центров наиболее крупных республик; все более самостоятельные действия вооруженных компонентов бывшего союзного Центра; зарубежные страны с неизбежными противоречиями между ними (проблема раздела «советского наследия» не только вне пределов бывшего СССР, но и внутри него уже вполне отчетлива).

Особая группа тенденций связана с обозначившейся приватизацией институтов власти регионов, выражающейся в их коммерциализации (но не сводящейся к ней), **в сущности — приватизацией административного деления**. Если механизмы управления региона начинают превращаться в какое-то подобие корпораций (Кисловодск, превращаемый в акционерное общество или «свободная экономическая зона Находка»), то это означает как снижение квазигосударственных интенций регионов, так и актуализацию возможности прямого сращения регионов и квазирегионов.

Интересный пример последнего — идущие и намечающиеся между регионами ранга области передачи («продажи»)

целых административных районов и нетривиальные перестройки внутриобластной административно-региональной структуры. Сокольский район Ивановской области уже передан (продан?) Нижегородской области; город Братск де-факто присоединил к себе ряд слабых соседних административных районов и т.д., и это новообразование претендует на прямые выходы в Центр помимо области. Обобщая эту тенденцию, стоит говорить о приватизации всей институциональной структуры пространства, приватизации регионов как институтов и районов.

Если процесс институциональной либерализации (приватизация и пр.) действительно наберет силу, то это будет дерегионализационно значимо; однако реставрация надрегионального единства при этом достигнута быть не может. В противовес расхожему мнению, наблюдаемая частично стабильность (квазистабильности) обязана как раз регионам; действия Центров почти наверняка будут носить дестабилизирующий характер. На пути контррегионализации стабильность недостижима. Сейчас, по-моему, нельзя увидеть ситуацию, в которой регионализация «остановится»; такая общая ситуация вовсе не существует: регионализация региональна. *Регионализация советского пространства — это всерьез и надолго.*

По мере распаковки проблемного багажа (а это сама административно-региональная гипермоноструктура) пространства, остающегося в главных чертах советским, все более значимыми становятся различия территорий, подавленные — но не уничтоженные — структурой. Обнажается культурная почва. Новое здесь может оказаться достаточно старым. В конце концов, достаточно далеко зашедшая регионализация, рассредоточенные отношения сотен регионов, широкие веера траекторий могут привести к самым разным вариантам будущего. *Будущее началось внутри пространства ссср.*

Существенно, что, казалось бы, чисто пространственная декомпозиция (возможно, деконструкция) приводит к возможностям «отыгрыша» нереализованных исторических аль-

тернатив. Так, вновь складывается ситуация геополитической полицентричности Восточно-Европейской равнины, проблема судеб Сибири, возможность возникновения нескольких русских государств с отказом от имперской доминанты и мн. др., что казалось исторически решенным.

Приложение А

ПОЭТИКА СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Советское пространство тотально символично и сплошь знаково; супертекст из вещей, людей и мест. Все существенные детали, позиции, направления, расстояния здесь обладают значениями. Реально наблюдаемое «пространство» мыслимо как особый план выражения, материал которого неслучаен. Каждое место (регион) — особый контекст со своими правилами интерпретации. Перемещение (смена позиции) эквивалентно переводу. Вещественное и знаково-символическое нерасчленимо; пространство существует, экспонируясь (фокальный объект — ВДНХ). Иерархия псевдосакрализована; истинность, ценность, эффективность, величие, величина выражаются размером ячейки. (Выражение смысловой вертикали горизонтальным размером (площадью) предвещало деиерархизацию этой псевдоиерархии.) Эстетика, этика и экономика — нераздельны: их доминанты — размер, простота, новизна, единство, централизация. В принципе везде возможно все — примат искусственности над естественностью. Пространство поэтико-риторически организовано; например: единство псевдоритма (такта), автомодельные симметрии как семантические аллитерации и рифмы, централизация как троп (центр-часть замещает, воплощает, даже порождает целое).

Советское пространство — овеществленный лозунг, тотальный супержест; пространство тотально апеллятивно, даже перформативно(!). Советское пространство в своей собы-

тийности реализует все языковые функции, представляя супер-текстом, в котором живут интерпретаторы как компоненты; правильность интерпретации эквивалентна выживанию. Вся событийность театрализована (например, новые и старые митинговые действия), однако общие для пространства события не локализованы в пространстве и времени, происходят в нигде и никогда (см. общее равнодушие масс к «распаду СССР»). Пространство — арена для событий, смысл которых истекает из надпространственно-вневременного центра. Произведение тотального искусства? (ср. интенции авангарда). «Эстетика тоталитарных сред», «культура хамства»¹⁶. Особая семиотика, поэтика, риторика пространства? **Неизбежность герменевтики советского пространства?!**

Приложение Б

ПАРАДОКСЫ СОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Советское пространство, особенно в своих фокусах, представит настолько противоречивым и абсурдным, что может рассматриваться как «составленное/сделанное» из парадоксов (квазипарадоксов). Лишь несколько примеров. Природные, т. е. естественные компоненты ландшафта сохранены на территориях, производных от антропогенной деятельности; происходит инверсия искусственного и естественного по местоположению. Центры являются границами, границы — центры существования «натурального» природно-культурного ландшафта¹⁷. Центры — фокусы функционирования, периферия регионов и квазирегионов, где идет собственно жизнь (в разных смыслах) и выживает подлинная элита, — смысловой центр. Инверсия центра и границ (периферии) тотальна. Ландшафт полностью маргинализован, немаргинальные элементы

16 См.: *Рананорт А. Г.* К эстетике тоталитарных сред // Городская среда. Ч. 1. М., 1989; *Невлер Л.* Культура хамства // Знание — сила. 1989. № 9.

17 См.: *Родаман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети. М.; Смоленск, 1990.

отсутствуют. Далекое — близко, близкое — чуждо; различия связаны не с расстояниями в физическом пространстве, а со статусными позициями в квазипространстве. Вещи оказываются знаками; вещественные компоненты — знаками не вещьественно-внепространственных идеологем (в треугольнике Фреге место имени занимает нечто вещьественное, а денотат скорее идеален). Советское пространство — это карта в материале ландшафта (план выражения), но никакая карта не в силах отразить это пространство. В огромной пространством стране пространственные отношения несамостоятельны, производны; так много пространства, что его и нет! Государство такое большое-сильное, что отсутствует как таковое. Страна, общество=государство, прежде всего воплотившееся в пространстве, не знает и не сознает своего пространства. Государство, непобедимое за счет внутреннего устройства, оказалось побежденным этим устройством.

Суперпарадокс советского пространства в том, что оно — «непространственное»! Соседство мест задано коадресацией к общему над(вне)пространственному элементу; фокусы пространства связаны и соотнесены не вполне пространственно; инвертированы отношения «часть—целое», «ближе—дальше», «центр—граница»; единой метрики (системы координат) нет; перемещение (смена позиции) возможно без изменения геодезических координат; отношение удаленности (расстояние) асимметрично и т. д. Физическое и фазовое пространства квазиизоморфны и сращены. Дополнительный аргумент: нередко сферу пространственно осмысленного поведения (даже весьма тонкого и эффективного) невозможно пространственно репрезентировать; представления (образы) пространства в этом случае бывают фантастичны. Видимо, нужны особые подходы.

Например: 1) данное как феномен «пространство» — интерференция территориального и вертикально-иерархического компонентов (пространств) при нетривиальности, множественности и проблематичности переходов и проекций; 2) «пространство» многослойно в соответствии с региональной иерархией, внутри слоев отношения пространственны,

между ними квазипространственны; существуют особые области и точки; всякая траектория в принципе многокусочна. Тогда узловые районы и особенно их центры — конфигураторы разных пространств, что относится и к предыдущему подходу; 3) как феномены рассматриваются только места и их отношения, которые интерпретируются как коннекционные, семiotические, каузальные, генеративные, временные и пр., но в том числе и пространственные (дистанционные и др.), причем совместно. Собственно пространственное представление (например, карта) возникает при разворачивании всех отношений и контекстов места (позиции, особой коалиции мест) с последующей неоднозначной опространствляющей редукцией; т.е. любая ситуация поликартографична для всякого места (в принципе не может изображаться одной картой).

Однако, несмотря на это, советское пространство устроено так, что интерпретируемо как целое; модельный пример для ситуации реконструкции пространств социокультурных систем? (Ср. упорство в проблемах реконструкции пространств художественных текстов.)

Приложение В

ГЛАСНОСТЬ — МЕХАНИЗМ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

В стабильном советском пространстве полисемантизм сообщений сочетался с нормативной однозначностью их интерпретации в каждом контексте (регионе, месте). Это обеспечивалось иерархичностью коммуникации и особыми процедурами в центрах; не было контекстуально свободных сообщений. Региональная иерархия — жесткая коммуникационная «машина»; размер управленческого аппарата и самих центров — функция значимости деятельности интерпретации и/или контекстуализации сообщений (директив, отчетности и мн. др.). Гласность — появление сообщений с открытым контек-

стом, неопределенным адресатом, без нормативной интерпретации — радикально поменяла коммуникативную ситуацию. Согласованность коммуникации расшатывалась за счет новых сообщений и возможности реинтерпретации и актуализации ими имевшихся сообщений. Диффузность коммуникации перегружала Центр, вынуждая регионы к самостоятельным интерпретациям (с соответствующими эффектами). Наиболее существен был вброс в систему сообщений (знаковых форм) нового типа — фрагментируемых, с открытой семантикой, фрагментирующих и актуализирующих другие сообщения с эффектом снежного кома. Господствующая установка на нормативность (даже перформативность) сообщений позволила регионам воспользоваться уже имевшимися легальными знаковыми формами, придав им статус перформативов (см. декларации суверенитета, реинтерпретировавшие официальные тексты). Горизонтализировав коммуникацию, гласность привела к распространению статусных претензий регионов, первоначально сформулированных как единичные (ср. роль прыгающих генов). Распределяюще-планирующие функции Центра в сфере коммуникации и ресурсообеспечения перестали быть единственным механизмом согласования. **Бартер и горизонтальные потоки сообщений — семиотически единый механизм** автономизации регионов (блоков вообще), ставший возможным после зашумления вертикально-иерархических каналов коммуникации (снабжения).

Приложение Г

МОЖНО ЛИ БЫЛО ПРЕДОТВРАТИТЬ РЕГИОНАЛИЗАЦИЮ

Если менталитет — особый аспект советского пространства, то его адекватное понимание, особенно властью (Центром), невозможно. Тогда регионализация оказывается неизбежной,

но способной идти иначе, более жестко, при резкой контррегионализации. Заведомо условно допустим адекватное пространствовосприятие, т.е. ясное осознание надвигающегося «распада», и представим такой сценарий: не позже 1987 г. начинается мгновенно-быстрая реформа экономики и государства=общества в целом, имеющая целью и методом дерегионализацию, т.е. создание вышеописанных структур. Она включает разгосударствление этничности, демилитаризацию и деидеологизацию всей жизни и многое другое — вообще возникновение на всей территории СССР «гражданского общества». Альтернативой регионализации оказывается исторически мгновенное превращение СССР-как-целого в обычное общество западного типа с соответствующим государством. Степень правдоподобия альтернативы очевидна. Примечание: антикоммунистическая революция — не альтернатива, но предпосылка регионализации в формах, очень отягощенных насилием.

Приложение Д

СТРАНА КАК ЦЕЛОЕ (макроморфология России)

Всякая территория интерпретируема как структурно (основной текст), так и морфологически, с акцентированием ее целостности. Здесь кратчайше дан геополитико-геокультурный образ российско-советского пространства как целого.

Российское пространство — **Великая Полипериферия** (сумма окраин). Российское пространство включает периферии разных вариантов собственно европейского мира, ближневосточно-средиземноморско-христианского, ближне- и средневосточно-мусульманского, буддистко-монгольского, китайского etc. То же самое относится к этноязыковым общностям, многие из которых, будучи широко представлены в российском пространстве, имеют исторические и/или иные

центры вне него. Российское пространство — в основном периферия (внешних) центров и ядер. Феномены внутри российского пространства, а их фокусы — вовне. (Даже в природном ландшафте черты периферийности: природу большей части Восточно-Европейской равнины определили ледники, сползавшие из «заграничной» Скандинавии, а погода на большей части РФ определяется атлантическими циклонами и тихоокеанскими муссонами). Российское пространство — многослойная интерференция периферий.

Российское пространство во всех отношениях **молодо**. Фрагменты разных и часто разнородных периферий не успели образовать ландшафтный и культурный сплав. Многообразные элементы — скорее упорядоченная государством смесь и взвесь. Пространство не отстоялось. Полипериферия — еще и синкрет-периферия.

Безграничное расползшееся пространство не имеет естественных рубежей (границ-барьеров). Нет цельного региона-матки (Евразия, по Л.Н. Гумилеву, как цельный регион сомнительна).

Столицы российского пространства — на границе (Новгород—Киев—Москва—Петербург—Москва). Центры и ядра (сердцевина российского пространства) расположены очень эксцентрично, почти на рубеже. «Центральная Россия» — ныне геополитический полуостров; Москва в двадцать раз ближе к западной границе, чем к восточной.

Периферия без провинции. Страна без середины. Все ведущие центры территории расположены на ее окраинах и/или границах, но плохо связаны между собой. В стране поразительно мало провинции (она периферизована). Впрочем, радикальная централизация с обильной провинцией несовместима. Контакты дальних периферий систем не ведут к синтезу, для чего нужны общие провинции (субъядра).

Скрепя пространства? Пространство скреплялось внешней изоляцией и особыми территориально-репрессивными структурами, пример чему именно пространство советское.

Силовая интеграция вовнутрь. Гипермоноцентрализация, до 2/3 связей через Москву.

Общая конструкция российского пространства — это каркас немногих мощных центров, связанных иерархически. Внешнее кольцо и внутренняя россыпь центров. Центры на периферии, а периферия в центре! Лейтмотив пространства:

Центр → Периферия ← Граница.

Приложение Е

О ЧЕМ СУЩЕСТВЕННОМ СКАЗАНО НЕ БЫЛО?

Советское пространство — интеллектуальный вызов. Регионализация (она в таких формах даже не прогнозировалась) доказала существование советского пространства и его невложимость в наличные концептуальные рамки. Ссср — особая ситуация исследования.

Напомню некоторые «характерности» советского пространства, явно требующие нетривиальных и междисциплинарных подходов: само пространство, квазивертикальное, тотально маргинализированное и семантически фрагментированное; регионы в статусе субъектов и квазиличностей и их «общество»; сложная громоздкая конструкция общества=государства на основе единственной системы частей; самоочленяющееся пространство.

Систему же подходов, таких, как проводимый пространствоведческий, лишь обозначенный семиотико-герменевтический (А, Б, Г), административно-рыночный, отвечающих взаимосвязанным, но разным аспектам и способам рассмотрения, только предстоит вырастить. Советское пространство автоматифологизировано и автомистифицировано; **критическая герменевтика ссср** должна предшествовать и пропитывать любое его исследование, трудности чего очевидны. Без представления о глубокой познавательной (не только) специфике

советского пространства невозможны серьезные аналогии и гомологии, трансляция когнитивного, социального и культурного опыта. (Активное ныне заимствование методологием и «рецептов» имеет не содержательные основания, но лишь унифицирующую установку вестернизации/модернизации.) Культурно-идеологическая контрверза «почвенничество—западничество» не осмыслена как порождающая контрверзы методологические.

Рассмотрев (в первом концептуальном приближении) воспроизводящую пространственную структуру ссср, структурный модуль советского пространства, я оставил в стороне целый куст тем (проблем): эффекты, связанные с разнотипными наложениями (разномасштабных) модульных структур, жизнь и выживание в советском пространстве, особый культурный ландшафт.

28 апреля 1994 г. — 19 февраля 1995 г.

НА ЧЕМ МОСКВА СТОИТ. ОСОБАЯ ТОЧКА*

Мы нигде не находимся,
на нас Москва стоит.

(Атомный физик, Арзамас-16)

После пребывания в Арзамасе-16 (и завершения настоящего текста) прошло уже четыре года. Однако я добавил лишь этот абзац (и подстрочные примечания). Многие, что тогда намечалось, обозначалось и угадывалось, стало яснее. Прошел поток самых разных статей и передач, но у меня нет оснований менять свой текст. Минатом стал героем скандалов — от поставок ядерных технологий грязным режимам до проектов одолжить государству миллиарды, если оно изменит законы и разрешит прием атомных отходов со всего мира. Забастовки в атомных городах, почти мятежи (если верить картинке TV) и череда несчастных случаев стали событийной прозой. Закрытые города стали потихоньку вылезать из тени. Но ни открытыми, ни прозрачными в серьезном смысле они от этого ни стали. После Арзамаса-16 мне довелось включиться в десяток регионов, побывать в полусотне городов: СССР вроде бы нет, но советское пространство есть, действует, хватает, держит. Нам не понять страны, где мы живем, не принимая во внимание подобные особые, фокальные, узловые — уникальные и типичные одновременно — точки. Многие в нашей жизни и дискурсе

* Впервые: Знание—сила. 1997. № 7 (работа выполнена при поддержке Интерцентра); переработанный вариант: Неприкосновенный запас 1999. № 5(7).

станет яснее, если указать зоны молчания и умолчания, они же — и главные реалии нашего трагичного пространства.

* * *

Описать это место именно как место очень трудно. Место вне истории и времени, вне пространства и географии, оно само формировало наше советское пространство, биографию мира. Так думают жители. Они, возможно, правы.

Арзамас-16. Тот **самый**.

Я жил там хотя и недолго, но активно включаясь в этот мир. Встречался с активом города. Сиживал в кабинетах с откровенно уклончивыми секретносителями. Пил воду «Божественные источники Сарова». Был в магазинах, гостях, МИФИ-4, музеях, в администрации Города, дирекции Института. Изучал местную прессу. Беседовал на улице, в гостинице, в гостях, поезде — о бизнесе, за границе, матрицах, науке, НЛО (не журнале, а объектах), политике, резонансах, России, туризме, ценах... Слушал. Смотрел. Думал. Думал долго — получился очерк герменевтики ландшафта: территориальная точка Бомбы; реконструкция того, какой она была недавно; с приметами черт новой жизни.

СПРАВКА. Арзамас-16 — первый и главный атомный закрытый город. Занимает середину Мордовского заповедника (Мордовия) и кусочек Нижегородской области; с недавних пор подчинен ее администрации без включения в состав. Зона площадью около 300 км² — Институт экспериментальной физики бывшего Минсредмаша, ныне Федеральный ядерный центр. Основная часть зоны занята лесами с вкраплениями болот и дачных поселков; жилая и производственная (ОБЪЕКТ) зоны разделены лесом. Население около 80 тысяч человек. Аэродром, рейсы в Москву (в расписании не значатся). Железнодорожная станция, ежедневно поезд МОСКВА—БЕРЕЩИНО, билет до конечной станции в кассе купить нельзя, только в самом поезде. Он входит в Город-Зону через один из трех

контрольно-пропускных пунктов лишь после многочасового осмотра. На шоссе между КПП и Городом — памятник св. Серафиму Саровскому.

ЗОНА имеет форму рубленого овала. По периметру, имеющему здесь ранг имени собственного (ПЕРИМЕТР), длиной около 100 километров, охраняется (неполной) дивизией внутренних войск. Периметр — две стены колючей проволоки в пять метров высотой, между ними — контрольно-следовая полоса. Охраняется тщательнее: госграницы: патрули, вышки, прожектора, пулеметы, собаки, телекамеры. Говорят, проходов через ограждение не было. Пропуск въезжающим не выдается, действителен сутки и только на одном КПП.

ГОРОД стоит у монастыря при впадении речки Саровки в реку Сатис, приток Мокши. Ландшафт мешчерский, сосновые боры. Застроены водоразделы, долины почти не заняты: сотня деревянных коттеджей специалистов первой волны, двухэтажки начала 50-х, многоэтажки. Полный комплект благ областного центра: магазины (рынка нет), театр, филармония, спорткомплексы, бассейны; газеты, радио и телевидение; музыкальные и спортивные школы, университет, филиалы вузов и пр. Обычной промышленности нет.

Город имел и имеет много имен. Вначале условные названия имел только Объект, потом поселок стал зваться АРЗАМАС-75, затем — АРЗАМАС-16. До 1975 г. официальный адрес был «МОСКВА, ЦЕНТРО-300» (почта и ныне доходит). Местная коммунистическая газетка называется «орган Кремлевского горкома»; КРЕМЛЕВ — первое закрыто-официальное (и неотменное) название (кажется, самое удачное). В обиходе зовут ГОРОД, АРЗАМАС, ЗОНА, САРОВ.

АНТИРЕГИОН

Всякое место, ландшафт — территориально конкретная общность людей. Эта общность, которая открыто живет в конкретном ландшафте и связана с ним; место имеет известный топоним (имя собственное) и связано с окрестностями. В первом смысле Арзамас-16 — явно регион, место, общность, четко идентифицируемая. Но вот в остальном Арзамас-16 удивителен, это территориальный **антиландшафт**.

Созданное искусственно поселение подчинило себе большой кусок красивой земли. Этот кусок был вырван из ландшафта. Город целиком изолирован от соседних мест и скрыт от них; только белка или птица может пересечь зону. Город скрыт даже от самих его жителей. Нельзя просто выехать и выйти, ни один житель не видел его полностью — не пересек пешком, не объехал, не обошел. Пространство жестко отграничено, сама граница недоступна. За Зоной — иной мир; подойти к Периметру нельзя. Город имеет обычный набор деталей и черт населенного пункта сходных размеров; тускл, стереотипен, похож на усредненный поселок; в нем есть все, чему положено быть. Однако нигде я не чувствовал пространство столь чужим и чуждым; видимо, потому, что не сидел в лагере. Ни на минуту я не переставал ощущать себя вне ландшафта, отделенным от всех мест, чувствовать **замкнутость пространства**.

Ничто в Городе не указывает на то, чем существует и чем живет это место; **смысл города сокрыт**. ПРОМЗОНА отделена, отдельна от жилой части; ни один из моих собеседников ни разу даже жестом не показал в ее сторону; а судя по макету в музее ядерного оружия, она огромна, тысячи гектаров. Памятника жертвам атомного производства в жилой части города нет. Город выглядит огромным, мирным, очень по-советски благополучным спальным поселком, сейчас чуть запущенным.

Поселок лишен пригородов. Его строили крупными частями сразу. Город лишен того, что обычно и неощутимо привычно. Вдруг замечашь: город кончается внезапно, а не переходит в загородно-пригородный сельский ландшафт, дороги из города никуда не ведут. В городе невозможно встретить жителей окрестных сел и поселков. Отсутствуют дорожные указатели и на хороших дорогах внутри, и на подъездах. Город в себе. Пространство-для-своих. «**Мы — особая точка**», — говорят местные физики. Обычный город — свободное самоорганизующееся поселение для жизни людей; город — открытый миру докус связей. **А секретный советский город секретной советской науки?** — сгусток парадоксов.

Места, где магнитная стрелка не указывает на север, называются магнитными аномалиями. Это место — **ландшафтная аномалия**. Здесь не действует основной закон ландшафта — позиционный принцип, по которому размер, смысл, связи, функции места согласованы с его положением в пространстве; «отменена» логика географического положения. В этом природно-хозяйственном регионе город такого размера возникнуть и существовать не может в силу географического положения. Ибо если бы он был, то в этой глуши служил бы центром территории величиной в полгубернии, преобразовал бы вокруг себя ландшафт, стал бы центральным местом с тесными связями с округой, имел немалый аграрный пригород, перерабатывал бы местное сырье, культурно обеспечивал округу.

Конечно, ничего подобного здесь нет. Аномальная точка сковала ландшафт. Город стал внутренним тупиком, черной дырой, его нельзя проехать насквозь. Это мощный мировой центр ранга Нижнего, Москвы, Лос-Аламоса; но для округи он — причина смерти тысяч квадратных верст; сама округа — заложник войны или аварии. Арзамас-16 — ядро пустоши; он избавил окружающие территории от инвестиций и безопасной жизни. Вокруг него не жизнь, а бесперебойное функционирование. Территориальный узел — одновременно экстерриториальное место; **внепространственное пространство**. Реальный адрес Города — планета Земля, СССР; далее нигде.

Арзамас-16 — мировой атомный центр, но вряд ли город. Как раз для таких случаев существует сугубо советский статус — «поселок городского типа». Поселок при крупнейшем заводе ядерных бомб и должен быть большим и богатым. Но почти все советские «спецгорода» — заводские, лагерные, гарнизонные — поселки. Воплощенный **военно-промышленный урбанизм**.

Привязанный к Москве как невидимый спутник, Арзамас-16 был лишен и ныне не нашел себе места. Тщательно скрываемый, прячущийся за географически нелепыми псевдонимами, Город затерян не в пространстве, а вне пространства. У жителей прописка (была) в паспорте московская; многолетняя конспи-

рация числила их по фиктивному адресу и обязывала при выезде за зону неуклонно врать о своем московском адресе и житье-бытье. В любое место из Города можно попасть лишь через Москву (только в Нижний Новгород ныне ходит автобус).

Соседние просторы — среда, угожья, запас воды, воздуха, места, леса-укрытия. Округу жители не знают. Хотя Зона в Мордовии и шоссе ведет в ее столицу Саранск, там были немногие; из опрошенных двух десятков — никто; немногие бывали в ближнем Нижнем, совсем единицы — в недалеком Арзамасе. (Так и жители закрытой части Миасса в двух часах езды от Челябинска там не бывали.) Окрестные же жители никогда не были в Зоне. Зона и места-соседи незнакомы. До недавнего времени Города не было на открытых и умеренно секретных картах. Сейчас на одной карте — странное пятно с подписью САРОВ, на другой — КРЕМЛЕВ; границы и статус зоны не показаны, много искажений. Карта — публичный образ территории, она не врет: Арзамас-16 действительно пребывает вне ландшафта. Место без связи с другими местами, лишнее образа в культуре именно как конкретное место, не существует как место. Сейчас активно конструируется образ «технополис на святой земле», эксплуатирующий имена Серафима Саровского и А.Д. Сахарова.

Арзамас-16 — в полном и точном смысле утопия, что значит **нигдения**, безместность, место, которого нет как места и где нет места-пространства, как еще нет пространства в том самом «первоатоме», взрыв которого и породил Вселенную.

Эпиграф статьи — реплика известного в Городе физика-общественника. Я привез в Город карту; там тогда еще не видели карт, на которых был бы показан Город. Интересна карта не вызвала. Пятно застройки Города — в Мордовии; это вызвало недоверие, от Мордовии просто отмахнулись. Они правы. Город стоит в фазовом советском пространстве, а не живет в пространстве ландшафта. (Впрочем, и это скорее ультратипично для советско-постсоветского пространства; таков и Норильск.) Советское пространство власти противоречит пространству территории. Арзамас-16 — разрешение противоречия путем разрушения среды.

НАШ МАЛЕНЬКИЙ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Город — основа и ядро типичности советского пространства. Арзамас-16 устроен именно так, как СССР в целом, он есть его функционально важнейший блок и характернейший элемент. В нем связаны ядро атома и ядро державы. Реальная роль СССР в мире определялась успехом работы городов, родоначальником, базой и прототипом которых был Арзамас-16; одновременно явились у СССР атомная бомба и мировая социалистическая система. Сейчас атомных городов в России десять, всего закрытых городов — полсотни, с военными городками — сотни, с закрытыми кусками городов вроде Курчатовки в Москве — многие сотни...

Пространство Арзамаса-16, подобно пространству СССР, всецело определяется **центром и границами**. Именно в центре и на границе сосредоточена почти вся активность, они обуславливают, организуют и символизируют территорию. Центр символически и физически экстерриториален. В зазоре между центром и границами, Объектом и режимом и протекает обычная жизнь. Сам Город обречен на участь внутренней периферии, а огромные территории вокруг — на участь внешней периферии. Территория фрагментирована и милитаризована. Как и в СССР, основная часть сил и людей идет на производство оружия, силовой контакт с территориями-соседями.

Со всем остальным миром Арзамас-16 связывает Москва.

ЦЕНТРАЛЬНЕЕ ЦЕНТРА

Отношение к Москве, центральной власти, Центру, — совсем иное, нежели в любом регионе. В обычных регионах Центра побаиваются и зависят от него; сердятся, обижаются — и надеются; даже презирают и ненавидят; или переносят акции Центра как стихийные бедствия. В Арзамасе-16 все иначе: ни Центр не обижаются, не сердятся, к нему снисходят; он раздра-

жает как засбоивший не вовремя нужный прибор, как капризничаящий обычно послушный ребенок. Москва явно воспринимается как место нужное, важное, даже приятное, но как бы не вполне полноценное; очень полезное, если исполняет свое назначение. Образ Москвы-Центра двойствен — надежный тыл, источник, база, слуга и защищаемый слабый партнер, опекаемая провинция. Арзамас-16 чувствует себя щитом и духом страны. Все до единого регионы сегодня — по необходимости, в проекте или мечте, для шантажа или игры — обозначают самостояние и отделение. Только не Арзамас-16. Зона — не часть, а каркас целого; если еще возможно представить сепаратизм руки, то сепаратизм позвоночного столба... Арзамас-16 не может один. Производство смерти невозможно в отдельно взятом городе. Арзамас-16 **центральной центра и государственной государства.**

Читая местные газеты, ощущаешь себя на главном острове обширного архипелага. Вначале идут новости всех островов — новости «десятки», т. е. десяти атомных городов России. Потом новости самого Острова. Потом иные атомные новости. И лишь потом вести из далеких континентов — России и Заграницы.

РЕЖИМ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В столь необычно сделанном пространстве жизнь особая. Формы пространства и жизни полностью пригнаны друг к другу. Обитатели Зоны живут в ней добровольно, охотно, многие мечтали туда попасть, добились этого большими трудами и жертвами и очень боятся потерять это место. Люди сознательно **выбрали несвободу**, приняли, полюбили ее. Жизнь в этой несвободе насыщена, активна, даже разнообразна.

Население искусственного места искусственно. Человеческая порода обогащена, люди отобраны, отсортированы, отбракованы. Все жители вплоть до магазинных грузчиков пропущены через долгое, тяжелое, тщательное сито по лояльности, био-

графии, происхождению, национальности, родству, связям. Даже те, кого набирали в 40-е годы учителями или строителями; они поначалу даже не знали, где живут и чем занят Город. Это отборные советские люди в полном смысле: никаких ненужных национальностей и судимостей в родне. Не думал, что на свете где-то собрано в одном месте такое количество советских граждан элитных пород. В чем-то все же приходилось уступать: немногочисленные физики и инженеры первой волны имели-таки изъяны в биографиях.

Все жители постоянно и полностью контролируются. Все про всех все знают. Право жить-работать тут нужно постоянно подтверждать. В любой момент работа может стать непрерывной и многодневной. Работа внутри производственной зоны означает многоэтапные проверки, обыски, регистрации. Контроль всеохватен. В охране и контроле всех типов трудится, видимо, не менее четверти населения. РЕЖИМ!

Жители долгое время не имели права покидать Зону; сейчас дали пропуски, но мало кто ездит дальше базарчиков у КПП. (Прежде бывали лишь на далеких курортах и в Москве; ныне ездят еще в Лос-Аламос на американские деньги.) Еще недавно поездка в отпуск требовала многих месяцев, долгих процедур, заявлений, просьб; решала комиссия, пускали раз в несколько лет и отнюдь не всех. До сих пор в Город нельзя приехать постороннему без особых оснований. Командировка, утвержденная Городом, такое основание дает, а родство второй степени — нет. Например, внучку, не работающую и не учащуюся здесь, после 16 больше не пропустят в Зону к бабушке. Дело не в степени ДОПУСКА к секретной деятельности и информации. Арзамас-16 сам решает, кого впустить; допуск где-то там в СССР значения не имеет.

ИЕРАРХИЯ ПРИЧАСТНОСТИ

Город имеет свою систему статусов. Население отчетливо разбивается на два подмножества, рода, класса, касты — «туземцев»

и «физиков» (названия мои, самоназваний нет). «Гуземцы» действительно частично состоят из местного мордовского населения, по мере надобности их завозят дополнительно. Эти люди работают в обеспечении Города, торговле, строительстве, образовании, милиции. Их потомки могут проникать в физики.

«Физики» — высококвалифицированные специалисты разных профессий, работающие на основном производстве, в науке и научном обеспечении, в том числе и в спецслужбах. Элита физиков — специалисты первого призыва, создававшие первые изделия, приехавшие на место, где, кроме руин монастыря и лагеря, ничего не было; а также их потомки с нужным образованием. Эта группа постоянно пополнялась лучшими специалистами (выпускниками физтехов). Это и есть элита, т.е. собрание лучших. В Арзамасе-16 работало около половины членов и членкоров АН СССР, сталинско-государственно-ленинских лауреатов, ученых-героев; на стене музея ядерного оружия в три яруса висят портреты героев сообразно рангу.

Сейчас именно эти люди образуют основу Города (недавно сам город был просто подразделением Объекта), в разных непонятных конторах (не везде есть вывески), музеях; священник местной церкви и (по слухам) местный главный рэкетир — бывшие физики. Физики сами разработали Закон о закрытых административных территориальных образованиях (ЗАО), закрепляющий нынешний статус Города. Как член касты физик не бывает бывшим; этот статус пожизненный. При очень разном отношении к АД. Сахарову его считают своим.

Теоретически все могли покинуть Город, но это значило потерять допуск, статус, специальность, квартиру, благосостояние и т. д. Были ли такие случаи среди физиков — не знаю.

При том, что каждая из двух главных групп внутренне неоднородна, напрашивается известная ассоциация — социальная структура архаических индоевропейских обществ из четырех каст: мудрецы=правители, воины, простолюдины=работники, рабы.

Кроме иерархии статусов существует некая **«аристократия сопричастности»** основному, оружейному производству, пря-

мому участию в работе над изделиями и их испытаниями. Она маркируется системой допусков. Этим явно гордятся. Видимо, в советские годы причастность была важнее благосостояния.

А оно было по тогдашним меркам очень высоким, куда выше, чем у сходных групп в Москве. Город снабжался из закрытого распределителя, каковым он сам и был. В отличие от шарашки или, скажем, Академгородка Новосибирска, где человек с хорошим аппетитом должен был становиться доктором наук, чтобы быть сытым, пайковый стимул получения научного статуса действовал слабо. Квартиры были у всех, у желающих — дачи в зоне и машины; продукты и ширпотреб в изобилии. Но имущественные блага не создали своих страт. Хозяйство и быт не играли большой роли в жизни Города. Центром жизни была Бомба.

ХОЗЯЙСТВО БОМБЫ

Хозяйство Объекта секретно, сложно и странно. Оно вне экономики, даже вне бухгалтерии. Секретный бюджет игнорирует очень многое: стоимость охраны не калькулируется, интеллектуальная собственность и экономические риски не оценены. За использование земли ОБЪЕКТ не платит; о компенсации ущерба смежным территориям и страховке нет и речи. Страна не знает, что ей стоит Город.

Город Арзамас-16 существует в несоразмерном масштабе: ресурсы черпают с территории всего СССР, продукт производится для воздействия на весь лик Земли, где живут потенциальные жертвы. Арзамас-16 находится на планете Земля в целом. Это точка, чью катастрофу можно будет видеть из иных солнечных систем; Город, существование которого есть **планетарная катастрофа**.

Его хозяйственное тело работает исключительно за счет огромных ресурсов, обеспечиваемых внеэкономически, силой власти. Почти полстолетия Город жил на все увеличивающихся потоках ресурсов, в режиме роста, имел высший приоритет

снабжения. Это точка невероятной концентрации богатств, овеществленных в сложнейшем техническом комплексе, производящем продукцию, круг потребителей которой сверхограничен; зависимость от конкретного потребителя всеобъемлюща; никаким ближневосточным режимам его не заменить.

Арзамас-16 потребляет прорву знаний/технологий. Город гордится тем, что любой нужный продукт, сырье, материал, человек завозились, зарубежная технология закупалась или кралась. Почти вся физико-математическая наука страны существовала как база таких городов. Все ресурсы использовались расточительно, экстенсивно и безвозвратно. Отработанный материал город выбрасывал вовне, загрязняя среду. Характер продукции и режим ее производства сделал Город бессмысленным поглотителем ресурсов. Кроме того, нужны постоянные затраты на поддержание Города и продукции в безопасном состоянии. Самое дорогое предприятие земной Ойкумены производит **исключительно ущерб**.

Приватизация атомной промышленности в России запрещена; даже идея приватизации воспринимается Городом как кощунство. Но (пред)приватизация Бомбы уже налицо: для Сообщества атомное производство — кровное дело; Сообщество и в самом деле — субъект Объекта в силу сращенности. Жители владеют изделиями, изделия владеют жителями — их мыслями, чувствами, языком.

ЯЗЫКИ И КУЛЬТЫ

В Городе говорят на языке, мало понятном непосвященному. ДЕСЯТКА, ДОПУСК, ЗОНА, ИЗДЕЛИЕ, ИСПЫТАНИЕ, ОБЪЕКТ, ОРУЖЕЙНОЕ ПРОИЗВОДСТВО, ПЕРИМЕТР, ПРОДУКТ, ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ЗОНА, РЕЖИМ, СПЕЦФАКУЛЬТЕТ — наиболее понятная часть лексики функционального стиля Арзамаса-16. Перевод: изделие — ядерная бомба, объект — завод по ее производству и т. д. Так говорят в Арзамасе-16 и после того, как

стало свободнее. Обсуждение большей части жизненных ситуаций Города жестко нормировано или табуировано. При пересечении в разговоре незримой границы табуированной темы всякий раз срабатывает **самоцензура**. Ни разу в беседах не затрагивались темы смерти, аварии, атомных взрывов и их последствий. Чтобы выговорить слова типа «ядерный взрыв», «производство водородных бомб», им требуется усилие.

Сфера секретности, табуирования и сакрализации едина для Сообщества. Налицо сплетение и отождествление секретного и сакрального: все сакральное — секретно; в логике Арзамаса-16 верен и обратный ход: все секретное сакрально. Выражение «культ секретности» — не метафора, а точный термин. Секретно все атомное; секретность есть ипостась **«атомного культа»**. Секретность обеспечивает укрытость от врагов (слово вполне в ходу) и недоступность профанам. От первых тайны Арзамаса-16 защищают чекисты, от вторых — физика. Элита советских интеллектуалов срослась с чекистами; они разделили способы добывания и сохранения истины, стали братьями во истине.

Для коллективного сознания Города, **внутренней логики Арзамаса-16** характерны неожиданные отождествления и переносы свойств по смежности объектов. Так, кроме секретности и эзотеричности атрибутами атомной истины выступают сила=мощь и польза=добро. Атомное оружие и вообще все атомное одновременно истинно, полезно, скрыто, красиво, присуще государству. Атомное заражает все вокруг себя эманациями; универсум мыслится как совокупность кругов вокруг атомной бомбы. В круге первом — «настоящая физика» и Мощь государства, во втором — точные науки и государство, далее — территория и население СССР.

Физику в Городе уважают за красоту и силу. Советское государство — за силу и служение Физике; любое государство уважаемо лишь в меру его силы. Равнодушие к государству жителям искренне непонятно, враждебность понятнее; городу интеллектуалов всякий либерализм чужд.

Госбезопасность, армия, разведка, былая компартия etc ценятся и уважаются за защиту от врагов и помощь в добывании нужного; кража чужих технологий скорее одобряется. Признание того, что вся технология первой атомной бомбы была краденой, самоуважения физиков не уменьшает. Велика гордость, что вторая (наша советская) бомба — лучше; ее макет в музее ядерного оружия миниатюрнее первой, но сравнительных данных по убойной силе и стоимости убоя души населения не приведено.

Сообщество Города — хранитель уникальных знаний в сложной научно-технической сфере; когнитивный организм, выращенный в особой среде, производящий особый продукт. Но организм абсолютизировал и универсализировал условия своего существования. Атомная бомба была создана в результате целенаправленных усилий (разведки и науки); для сообщества Города любое благо, польза, смысл может быть исключительно результатом целенаправленных усилий, решения задач, **рационально** организованной деятельности жестко сконструированных коллективов. Сведения о существовании наук, равноправных с физикой и математикой, но заведомо иных, до Города еще не дошли; интеллектуальные практики, не основанные на расчетах, математических теориях, экспериментах, технологизации жизни человека, социальном насилии etc просто игнорируются. К естественной непроизвольности, спонтанности, непрограммированному развитию относятся с неодобрением и подозрением.

Физикалистский физико-математический **рационал-романтизм** тут жив-здоров. Всю внепрофессиональную жизненную реальность он игнорирует. Жители твердо убеждены, что основа успеха — рационал-активизм. Сообщество Города состоит из хорошо (узко)образованных, квалифицированных, деятельных, решительных, рационально-прагматичных людей. Принимать решения для них — не обуза, а способ жизни. Решать сложные задачи — удовольствие. Трудности прекрасны; ответственность — долг. Активность, решительность,

дисциплина, долг, жертвенность, бдительность, полная регламентация поведения, игнорирование опасности — осознанная необходимость. (В Городе надо вырастить писателю; существовала ли художественная спецлитература для миллионов жителей закрытых городов — неизвестно.)

Люди, исполнявшие долг, — герои местного пантеона. Это физики, творцы, гении, изобретатели, активные и беспощадные, иногда только гении (как предстающий в местном фольклоре юродивым А.Д. Сахаров); послужившие Городу военные, чиновники, палачи-организаторы вроде Берии и Ванникова; в пантеоне исключительно мужчины, как и в администрации, дирекции, названиях улиц. Почитают Серафима Саровского, будучи уверены, что своей духовной работой он готовил Место для Объекта; на разрабатываемом гербе Города его изображение будет соседствовать с эмблемой атома.

СООБЩЕСТВО МИССИИ

Арзамас-16 — сообщество долга. Оно убеждено, что работает не за блага и привилегии; я им верю. Они жертвовали многим и готовы были пожертвовать всем. Личный долг, благо Города, Родины и человечества для них — единая, неделимая, высочайшая ценность. Что хорошо для Арзамаса-16, то хорошо для... Даже больше. Арзамас-16 и есть Страна, Россия, Родина. Местное сообщество ощущает себя непосредственно тождественным с Родиной=Истиной=Благом; это тождество непоколебимо.

В пронизанности всей жизни долгом есть завораживающая тотальность. Этика всеобъемлюща, все расценивается как соответствующее/не соответствующее долгу, правильное/неправильное; все существует в меру пользы/вреда для Арзамаса-16. Собеседники усматривали во мне волонтера, прибывшего на помощь Городу; трудно было объяснить, что мной движет исключительно интерес географа-исследователя к особому месту пространства.

Современные интересы Города — продолжение служения. Сообщество не пронизано какой-то отвлеченной идеей миссии, оно само — **сообщество миссии**. Миссия расширяется. Это не только защита Страны от атомной угрозы (она представляется несомненной) или порабощения другими странами, но и удержание атомного комплекса в боеготовном-безопасном состоянии.

Для сообщества нет сомнений в том, что Арзамас-16 является центром и гарантом существования мировой науки и культуры. Как и сомнений в том, что страна жизненно нуждается в ядерном оружии и существует исключительно потому, что такое оружие есть. Цитата: «Нам совершенствовать изделия нужно для вашей жизни и развития». Производство атомных бомб отождествилось с развитием науки, а оно — с прогрессом культуры и т.д. Арзамас-16 стоит на том, что процесс производства орудий смерти (страха смерти) есть продуктивнейшая культурная практика, порождение, а не только внешнее силовое обеспечение культуры. **Культура и Культ Бомбы едины.**

Город видит себя неиссякаемым источником живительных знаний, интеллекта, технологии решения любых задач (обсуждается идея проекта оружия для защиты Земли от астероида или агрессивных НЛО). Сообщество всерьез полагает, что, решив Задачу, Город решит любую другую, только дай ему прежние безбрежные ресурсы. Сообщество очень раздражено вмешательством общественности страны в атомные дела, а особенно — деятельностью внешних экологов (местные «зеленые» работают вместе с чекистами). В экологичности Города и Объекта в Городе сомнений нет (независимых данных тоже нет); как и в полезности, экологичности и чуть ли не святости атомной промышленности.

Вопрос о том, как совмещается «атомность» и режим заповедника, собеседники считали удачной шуткой. В Городе сфера юмора специфичная. Только раз на десятый я понял, что расхожее выражение вернувшегося в зону человека: «...ну, **въехал в**

Зону — дышу свободно» — не шутка, а вздох удовлетворения существа, вернувшегося в свой обжитой безопасный нормальный мир из мира дикого, опасного и странного (действительно, в Городе невелика мелкая бытовая преступность).

Мир Арзамаса-16 устроен **удивительно просто** (это не значит, что в нем легко жить); в центре — Объект, мера сопричастности которому определяет ценность человека (это расстояние важнее обычного топографического). Мир Дела огражден от иррегулярно-стихийного мира Границей, не пускающей враждебные силы в таинство спасения Страны и Мира, осуществляемое отборными, подготовленными скромными работниками. Проволока Зоны разделяет не соседние территории, а ценностно различные пространства — сакральное и профанное. Пространство Арзамаса-16 ограждено от неразумия мира, который оно спасает и защищает; внешний мир обеспечивает потребности Арзамаса-16. Этим внешним миром и является государство, само защищенное от внешнего мира своей Зоной.

Смысловой центр Арзамаса-16 сопрягает в единое целое спасаемую страну, обеспечивает сохранение жизни. Разработка новых изделий — связь и гарант прошлого, настоящего и будущего; сакрального и профанного. Отраженным светом сакральности светит Зона-периметр и вообще режим и безопасность. Отношение к режиму зоны явно неутилитарно, но практикующие управленцы хорошо понимают ее краткосрочные выгоды.

Не страшась ядерной опасности жители очень встревожены и напуганы возможным **сокращением несвободы**. Отмена режима кажется началом конца света, который неизбежно последует за снятием колючей проволоки. Город не готов к тому, что режим Зоны можно ослабить, что в Город сможет ездить кто угодно. Рациональных аргументов страху утраты Зоны не находится, ведь сам Объект — зона в зоне — абсолютно неприступен. Отсюда своеобразные идеи утилизации и эксплуатации закрытого статуса Зоны ради его сохранения: де-

лать бриллианты и наркотики; создать свободную экономическую зону, из понятия которой пришелся по сердцу особый изолированный статус, и пр. Пока что статус зоны эксплуатируется наиболее оборотистыми одиночками: ходит слух, что в зоне процветает торговля краденными автомобилями для внутреннего употребления.

ОПАСНОЕ МЕСТО

Арзамас-16 переживает непривычно-неопределенное и уже тем трудное время. Лица, принимающие решения, вполголоса говорят о шоке; физики растеряны; атомное лобби работает не покладая рук в поиске новой властно-идеологической крыши. Переходное время. Кризис.

Адаптация к жизни не началась, реальность не принимается. Конец СССР не принят как факт, его неизбежное следствие — невозможность гонки вооружений — не осознано. Когда я был там в 1995 г., Город еще не смирился с новой ситуацией, мечтал о реставрации. Но иллюзии чреватые срывом в безумие. Сообщество Города не постигает, почему сокращается поддержка структуры, чья миссия подтверждена высшими сферами, в музее ядерного оружия висят в рамке напутственно-одобрительные слова президента и патриарха Русской православной церкви.

Арзамас-16 жил на потоках денег, людей, идей, благ, престижа, привилегий, статуса, славы; опирался на чувство незаменимости и ужас мировой ядерной войны (социальные наркотики?). Ради таких городов уничтожается ландшафт и люди на десятках миллионов квадратных километров, шпионы рыскают по миру, страна разоряется и разворачивается. Жители Арзамаса-16 это частью знают, но понимают плохо. Они убеждены, что именно их трудами, волей, гением мир был спасен от катастрофы. Им никто не сказал правды.

А правда такова. Опираясь на ядерное оружие, применяя атомный шантаж, СССР вел непрерывную войну. По всей пла-

нете красные наступали, зачищали население, строили лагеря, грабили, убивали. Запад боялся ядерной войны и отступал. СССР воевал и жил за счет страха войны. Арзамас-16 живет за счет производства (страха) атомной смерти. Арзамас-16 оснащал и усиливал преступную власть. Атомный комплекс и без войны изуродовал нашу страну сильнее, чем сделал бы любой враг, от которого он ее якобы защищал. Очевидна связь между успехами работы этого города интеллектуалов и разгулом планетарного красного террора, авариями атомных станций, подлодок, спутников, кораблей, северокорейским и прочими атомными шантажами. Очевидна ответственность Города.

Любое скопление искусственного опасно. Концентрация опасных веществ и технологий в руках оторванных от реальности невротизированных интеллектуалов опасней стократ. Опасность утечки ядерных материалов и технологий известна; вряд ли она главная. Сообщество Города само есть источник опасности — прежде всего вследствие его силы и статуса, организованной активности, нарастающей дезориентированности. Приспосабливающиеся к реальности жители становятся огородниками, торговцами, рэкетирами, бизнесменами; многие уезжают. Все большую роль в Сообществе играют отвергнувшие реальность.

Дисциплинированное, энергичное, привыкшее принимать решения Сообщество, уверенное в своей миссии, опасно всегда и везде. Оно встревожено: его Миссией пренебрегают; такого не бывало с сотворения Города. Для Сообщества кризис Арзамаса-16 предстает вселенской катастрофой. А Сообщество привыкло жить близ катастрофы, упрощать действительность, рисковать... Оно может решить, что близка критическая точка разрушения атомного потенциала СССР—России, что есть синоним гибели Сообщества и России.

В такой ситуации Сообщество обязано и, видимо, будет действовать. Как? **Об этом надо думать нам.** Это важно. Арзамас-16 порожден государством; оно в ответе за него перед нами и Городом. Сохранение закрытости и изолированности Арзамаса-16 от

внешнего мира сегодня — продолжающееся преступление. Арзамас-16 сам не станет обычным местом, не превратится в обычный город. Он пребывает в гордыне, ностальгии, надежде реставрации; не извлекает уроков, не ищет смысла, не раскаивается. Он становится еще более, по-новому опасным.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ЭТОТ МИР АРЗАМАСА-16?

Сакрализованный миропорядок малого места; социально-профессионально-кастовая структура; единая структура Зоны — локальная и глобальная, утилитарная и нормативная, космологическая и хозяйственная; тотальное единство этики и эстетики, познания и долга, хозяйства и служения, личности и государства; особое сословие, роль которого не сводится к власти и привилегиям, а состоит в опасной тайной миссии; мораль долга и пренебрежения жертвами; закрытое ксенофобное пространство. Добавлю явную маскулиноцентричность жизни, вытеснение женского начала в биологическую периферию быта, практицизм без чувства реальности; страх свободы и большого мира; привычка к простой опасной жизни; чувство миссии и мессианство.

Что это? Архаическая или архаизированная субкультура? Выплеск коллективного бессознательного? Сплав постмодернизма и архаики? Мутант технотронной цивилизации, итог скрещения советского государства и науки?

ЧТО ТАКОЕ «НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ»?*

ЧТО ПРОДАНО?

Не так давно прошли шумные аукционы по продаже пакетов акций. «Норильский Никель» был в центре внимания прессы. В тени остался главный вопрос: что именно продано? Ведь «Норильский Никель» — не предприятие, не комбинат, не фирма; это тоже, конечно, но прежде всего — нечто совсем иное. Вряд ли такое продавалось...

Формально предмет сделки — комбинат «Норильский Никель»; его более точное название «Норильский Промышленный Район» (НПР). НПР занимает западную часть полуострова Таймыр (Заполярье) на правом берегу Енисея в нижнем его течении, где река доступна океанским судам (порт Дудинка). В замусоренно-искореженной тундре на территории 200x150 км хаотически разбросаны поселки, рудники, шахты, заводы, отвалы, свалки, порты речные и аэропорты, склады, гидроэлектростанции, трубопроводы, бывшие и нынешние лагерные зоны, железные и автомобильные дороги, кладбища и просто непогребенные человеческие останки и т. д. и т. п.

* Впервые: Экспресс-хроника. 1997. 11 окт. № 37. С. 4. В основе статьи — впечатления и материалы научного путешествия автора по маршруту Красноярск—Дудинка—Норильск в июле—августе 1997 г.; исследование проводилось при поддержке Фонда Макартуров.

Все это вместе, как и все, что есть в обитаемых местах, — комбинат «Норильский Никель» имени А. П. Завенягина, где работают 80 (по иным данным 100) тысяч человек; общее население НПР — примерно 250 тысяч человек. Всем жильем и социальной инфраструктурой владеет Комбинат. Внутри территории НПР нет независимых производств, источников дохода, власти, статуса, жизнеобеспечения. В экономической науке это называется «естественной монополией»; из институциональной экономики известно, что «естественные монополии» создаются и существуют только искусственно, на основе насилия и при поддержке государства.

Раньше здесь вели традиционное хозяйство коренные жители — ненцы, долганы и др., — пасли крупнейшее в мире стадо одомашненного северного оленя (вьючное, верховое, транспортное и иное оленеводство). Металл в нужном количестве аборигены плавил и ковали еще до нашей эры. Ныне не осталось ничего. В других частях Таймыра аборигены пытаются что-то сохранить, но здесь... Иностранцев с туристских теплоходов из краеведческого музея не вытолкать, из новых московских хозяев в нем не бывал никто.

Комбинат полного производственного цикла «разведка — добыча — обогащение — выплавка металла — очистка» дает много никеля, меди, платиноидов (почти целиком — на экспорт); имеет массу вспомогательных и обслуживающих производств. Его цехами являются морской порт и самая северная в мире железная дорога; фактически и сеть газопромислов и газопроводов, мощных линий электропередач. Это крупнейший мировой производитель никеля и меди, с него глаз не сводит Лондонская биржа металлов. Комбинат — самый грандиозный производственный комплекс Арктики: по числу занятых, по объему и стоимости произведенной продукции, по общим потерям, нанесенным людям, культуре и природе.

КОМБИНАТ-ГОСУДАРСТВО

Комбинат не имеет места и границ в правовом пространстве, юридически ясных территорий; он просто есть, находится, и все. У Норильска нет официальных границ и потому карт, куда была бы нанесена искомая территория, где находится тот или иной объект — юридическая проблема. Все объекты НПР полностью помещаются внутри Таймырского (Долгано-Ненецкого) округа — субъекта федерации, входящего в Красноярский край. Однако Норильск (а это, в сущности, почти весь НПР) — город краевого подчинения, т.е. должен подчиняться и платить налоги краю, а не округу. Формально Норильск — часть Красноярского края; на деле — часть Таймыра; практически всегда «при Москве». Все юрисдикции неясны. На практике же «эти из Округа сюда не лезут» — так мне сказали по поводу юрисдикции. НПР занимает место, грабит ресурсы, уничтожает среду (на космических снимках следы — на сотни километров), опираясь на силу: прежде государства, ну а сейчас...

КУПЛЕННЫЙ РЕГИОН

Комбинат — хозяйственно и социально цельная территория, промышленно-городская агломерация, комбинат-регион, почти государство; для советского пространства подобное весьма характерно, но здесь оно возведено в квадрат. Приватизирован не просто промышленный комплекс, но населенный регион, земля с людьми. Поскольку НПР — ключ к огромной территории Таймыра и ее ядро, то приватизация НПР означает и подчинение всего пространства, что зависит от никелевого монстра. Комбинатом напрямую используются тысячи квадратных километров, но непосредственно от него зависят — до миллиона. Напомню: площадь Округа — 860 тысяч кв.км, население всего Таймыра — 300 тысяч человек (для сравнения: Аляска — 1,5 млн кв.км, население — 400 тысяч человек, на момент продажи в 1867 г. — десятки тысяч).

ПРИВАТИЗАЦИЯ ЗАЛОЖНИКОВ

Город Дудинка, центр Таймырского округа, формально не связан с НПР, но порт, главное предприятие Дудинки, — цех Комбината. Даже неполные платежи промышленного гиганта — налоги, плата за недра и пр. — основа бюджета Округа; НПР — критическое звено хозяйственной жизни Таймыра. НПР подчинил, вытеснил и раздавил все сферы жизни людей и хозяйства, сделал территорию своей колонией — и заложником. Если представить себе, что Комбинат закроют — теоретически это могли бы сделать купившие его конкуренты, — то следствием будет гибель (эвакуация) Норильска, всего Таймыра.

Население в заложниках у Комбината. Заложники проданы в одни руки. Комбинат шантажирует власти огромными расходами по переселению на материк. Держать сотни тысяч заложников выгодно — Комбинат не платит долги и налоги, игнорирует законы. При всех разговорах о том, как хлопотно и накладно кормить в Заполярье лишних людей, именно лишние люди, наверное, и суть главный источник прибыли Комбината: каждый лишний человек позволяет не платить налогов на сумму, много большую, чем доход от одного работника (это гипотеза, но в отсутствие честных независимых данных вполне оправданная).

ПОСТРОЕНО ЗЭКАМИ

Норильский комбинат — наследник и правопреемник Норильлага; отсюда столь странная географически и институционально ситуация. При акционировании за принудительный труд акций не давали — ни жертвам, ни потомкам; давали на общих основаниях как работникам Комбината к моменту приватизации. Труд заключенных (очень большой) присвоен Комбинатом и нынешними жителями Норильска. Комбинат-мародер сумел продать плоды террора и грабежа. Именно в

таких выражениях можно вести разговор с жителями; они кивают и соглашаются, а потом опять за свое: кто даст «хотя бы по 300 миллионов рублей» — на материке квартиру купить.

Попыток учесть финансовые права жертв не делалось — во всяком случае, никто про такое не слышал; масса технических решений, изобретений и прочего, используемого и приносящего доход, до сих пор — плод труда заключенных.

Нынешнее «местное сообщество» (нет сообщества, но люди есть) вначале попользовалось плодами террора, потом их присвоило, потом перепродало. Государство продало, банки купили, общественность не заметила. До сих пор в разных местах находят человеческие останки. Списки узников и жертв не составлены; работа идет, да средств не хватает; у местного «Мемориала» нет денег даже на малые издания. В газетах идет дискуссия, нужен ли в жилой части города памятник узникам, и если нужен, то где; мнения на сей счет очень разнятся. Хотят референдумом решить. Еще остались свидетели, но устная история не изучается. В парадной части города, на проспекте Ленина, напротив помпезного советского памятника есть крошечная доска (цветы положить негде). Переименовывать в городе ничего не собираются.

Зэки — не только прошлое. Зона строгого режима на 3000 человек действует, ее обитатели работают на Комбинате. Лагерь стоит в промзоне, где буквально нечем дышать; так в Норильске почти повсюду: промзона над городом, дымопары стекают вниз. Спрашиваю, можно ли насильно держать людей в отравленной среде. И слышу: да зэкам в этой зоне нравится, еды хватает.

НЕВМЕНЯЕМОЕ СООБЩЕСТВО

Думаю, это норильчане и про себя говорят. Зарботки высоки (реальная средняя зарплата — 3,8 тысяч новых рублей в месяц), еще действуют кое-какие льготы, уровень потребления

уступает лишь немногим городам России. В частных беседах местные профессионалы утверждают: после распада СССР большинство населения стало жить богаче. Среда загрязнена, жить почти нельзя, да и не все выживают; немало непривыкших потихоньку где-то умирает, не портя Комбинату статистики. Как с удовлетворением сказал мне крепкий и здоровый шофер-частник, «слабаки тут не выживают — это правильно».

Население не сознает себя субъектом, здесь говорят: «нас продали», с интересом ждут, «что же с нами будут делать», но в обыденной жизни норильчане весьма предприимчивы. Идет скупка акций (акция Комбината — формальное право управлять своей жизнью), стоят очереди; люди в них одеты по-разному, иные хорошо. Рассказывают, «трудовой коллектив» отверг в свое время схему приватизации, при которой работники получают контрольный пакет; впрочем, с чужаком про некоторые вещи говорят с опаской. О вреде здоровью от полугодовой полярной ночи, отсутствия растительности и вообще почти непригодной для жизни среды люди знают хорошо, но признают все это плохо. Знают, как вредно все это детям, цитируют исследования врачей — и охотно обзаваются потомством: есть работа, деньги, жилье, большой отпуск.

В городе культ А.П. Завенягина, чекиста и организатора промышленности, начальника Норильлага, «создавшего» Комбинат. Он слывет творцом города и героем, щадившим интеллигентов и извлекавшим их с общих работ для более эффективного использования. О том, что в Норильлаге погибли в мучениях многие тысячи, горожанам прекрасно известно.

Свою жуткую экологию поругивают, болеют, но терпят — хотят накопить денег. Несколько раз спрашивал: сколько было исков к Городу (или Комбинату) за проживание в отравленной среде, оставление в опасности (конкретная статья УК), отказ в экологической информации, ложное информирование при долгосрочном контракте и пр. Изумление, продолжительная пауза... Не было, отвечают, не было ни одного.

Наверное, город охвачен стокгольмским синдромом: заложники привыкли к террористам, сжились с ними, полюбили их и пуще всего боятся освобождения. Но если вольному воля, то невменяемому — дать погибнуть? насильно эвакуировать?

ПРИВАТИЗАЦИЯ ДОЛГА

История этих мест страшна. Землепроходцы, ясак, пушнина, Мангазея, водка, порох... Героические и географически важные походы землепроходцев явились началом порчи традиционного хозяйства Северной Сибири, где почти не было товарной охоты. Потом стали искать руды, еще до революции частные лица вложили средства; финансировали знаменитого впоследствии Урванцева, законно закрепили свои права. Владельцев убили; о потомках ничего не известно. Потом опять (уже красные) покоряли туземцев, привозили работать и умирать эзков. Хозяев земли и работников на ней использовали и убивали; плоды труда грабили.

Так возникло богатство «Норильского Никеля». Так возник долг.

По всем законам окружающий ландшафт должен быть очищен и восстановлен, украденное возвращено хозяевам. Но сделать это почти невозможно: ценнейшие в лесотундре деревца погублены выбросами Комбината, пища оленей отравлена, тундра замусорена. Даже по самым грубым подсчетам, компенсация заключенным и их потомкам, или компенсация уничтоженной среды аборигенам, или компенсация разбросанным по «материку» жертвам химической отравы Комбината обошлась бы во многие миллиарды долларов. Комбинат богат и доходен лишь потому, что не платит по долгам живым и мертвым.

ДЕЗИНТЕГРАЦИЯ ГОСУДАРСТВА И СТРАТЕГИЯ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ СТРУКТУР: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ*

Основной принцип устройства советского пространства — пронизанность всех структур властными отношениями, доминирование властного пространства, отсутствие автономии собственно экономических, административных, социальных и тому подобных структур. Советское пространство — совокупность иерархически соотнесенных ячеек, одновременно самодостаточных (квазиавтаркичных) и узкоспециализированных. Отношения подчиненности сильнее отношений соседства, горизонтальных связей и во многом определяют последние. Основная система ячеек — административно-территориальное деление (АТД). Структуры, интегрировавшие советское пространство, — система комитетов компартии, военные и военно-промышленные.

Административно-территориальное деление — привилегированное, базисное, полифункциональное, универсальное институциональное районирование, охватывающее хозяйство, управление, расселение (в том числе во многом и этносов). Каркас административных регионов — основа для всех государственных управленческих структур. Административные единицы (регионы) — полифункциональные программ-

* Впервые: Исследования и разработки Института коммерческой инженерии Конгресса бирж. Вып. 2. М., 1992. Статья представляет собой резюме неопубликованной монографии «Анатомия советского пространства», написанной по заказу Института коммерческой инженерии Конгресса бирж.

ные районы, ячейки распределения и жизнеобеспечения. Административные регионы функционально и структурно тождественны. На каркас АД «нанизаны» все основные сферы жизни, иерархия регионов и центров административного деления — универсальная иерархия.

Административные регионы — реальные узловые районы, за редкими исключениями моноцентрические. Они возглавляются мощными доминирующими центрами, одновременно административными, промышленными, транспортными, культурными и т.п. Эти регионы поляризованы (центр — периферия), структура транспортной сети и особенно реальных связей центростремительна и моноцентрична. От центра административного региона к его периферии резко спадает освоенность территории: размещение сохранившихся природных ландшафтов определяется их положением в системе административных регионов. Основные связи и поездки населения замыкаются в пределах регионов АД. Они — ячейки реальных, частью неформальных хозяйственных связей, региональные властные клубки (административные рынки). Границы административных регионов резко разрывают хозяйственную ткань территории, оказываются осями запустения.

Вне системы административного деления — объекты надрегиональных структур центральной власти. Между уровнями административных регионов выделяются промежуточные, собственно социально-экономические уровни районирования. Их районы, так же как и городские агломерации, будучи достаточно целостными и связными, не стали реальными экономико-политическими субъектами.

Основа пространственной (общественной вообще) *событийности* отношения в системе административных регионов между уровнями, регионами одного уровня, теми и другими и группами, претендующими на положение в системе регионов. Регионализация, включая и распад единого государственного пространства, — следствие устройства страны как системы реальных, целостных, самодостаточных и слабо горизонтально

интегрированных районов. Ослабление центральной власти предопределило нарастающую автономизацию административных регионов. Процесс только набирает силу, идет регионализация Российской Федерации, на территории которой административные узловые регионы наиболее сильны. Главная проблема политики — единство государственного пространства. Основа политического спектра — отношение «унитаризм — сепаратизм». Политические силы или занимают свое место в системе интересов регионов некоторого ранга (государства в том числе), или сходят со сцены. Закономерность и объективный характер регионализации не улавливаются ни общественным мнением, ни правящими силами; направленные на контррегионализацию действия лишь ослабляют надрегиональные структуры и усиливают регионализацию.

Регионы как экономические силы существовали и до перестройки, они лишь вышли на политический рынок и оформились как политические (отчасти — идеологические) субъекты. Становление регионов как политических субъектов происходило независимо от политической ориентации их властей. Регионы — одновременно и реальные претенденты на государственную собственность, и реальные ячейки, где и происходит приватизация. Основные стратегии регионов — использование дефицитных ресурсов, образование коалиций в пределах уровня и с несмежными уровнями региональной иерархии, союз с оппозиционными центральной власти силами, прямые безденежные обмены (бартер). (Логика регионализации требует формирования поливалютной системы.) Сейчас регионы уже фактически присваивают себе функции центральной власти, «захватили страну». Страну развалило на части не стремление мощных сил сломать ее административный каркас, но, напротив, стремление резко увеличить свой фактический и институциональный ранг в этом каркасе.

Центральные, надрегиональные власти, сохраняя собственный уровень иерархии, применяют (военную и финансовую) силу, подстрекают к «бунту» составные части непокорных регио-

нов, используют внешние и внутренние контррегионы против отделяющихся окраинных частей страны. Сохраняющаяся возможность дерегионализации состоит только в восстановлении единства властного пространства силой и с опорой на трансрегиональные структуры военно-промышленного комплекса (однако конверсия ВПК означает его регионализацию).

Вписанные в систему АТД этнические группы стремятся контролировать институциональные регионы или создавать новые и вписывать их в систему. Массовые движения (типа шахтерского) также берут под контроль регионы АТД. Все влиятельные политические силы играют на региональном политическом рынке, значимость и неустранимость которого и была продемонстрирована провалом «путча».

Негосударственные структуры независимо от их вписанности в политику и позиций в ней ориентированы на размещение в соответствии со структурами существующего властного пространства. Административные регионы — арены их действий. Новые экономические структуры приурочены к сети центров административного пространства, но более концентрированно и поляризованно; что означает принятие биржами, банками и другими подобными организациями функций размещавшихся в таких центрах государственных органов управления товарными потоками и межрегиональными обменами. Ни одной крупной негосударственной структуры, в своей пространственной организации и размещении отошедшей от государственного пространства, неизвестно.

Государственная организация пространства совмещает централизацию, универсализацию регионов и центров, резкую неравномерность размещения, стабильность системы в целом, произвол в размещении отдельных звеньев. Государственное пространство не приспособливается к реальной территории (ландшафту), но подчиняет и *приспособливает его к себе*.

Альтернативное государству размещение негосударственных структур — ориентация на территории, слабее охваченные государственным контролем: периферийные и приграничные части административных узловых районов, анклав,

просто удаленные от центра территории. Слабее контроль над неинституционализированными уровнями экономического районирования и их центрами, спорными и тяготеющими в разных отношениях к разным центрам территориями, зонами с высокой долей земель в непосредственном распоряжении центральной власти. Альтернативное размещение может быть реализовано не для отдельных объектов, но для сетей негосударственных структур, где каждый элемент мог бы размещаться в разных административных регионах.

Альтернативная государству пространственная организация — условие альтернативного размещения для среды негосударственных структур. Она должна быть полицентричной и полииерархичной при несовпадении частных иерархий и их размещений, состоять из автономных компонентов, быть способной к гибкой организации и реорганизации, перемещению своих объектов, функций и полномочий. Она должна быть ориентирована на реальное пространство и потому не быть жестко технологичной, иметь приближенные непосредственно к территории субъекты принятия решений. Необходимо рассредоточение полномочий по пространственным уровням. Негосударственные структуры не могут быть организованы безотносительно пространственно-временных масштабов. (В общем, негосударственные структуры должны быть устроены принципиально сходно с природно-культурным ландшафтом, что и есть радикальная альтернатива советско-государственной организации пространства.)

В долгосрочной перспективе негосударственным структурам нужно комплексировать все возможности, ориентироваться на вступление в гибкие коалиции с пространственно активными группами людей (образуя вместе с ними целостные среды деятельности), быть готовыми стимулировать создание новых государственных структур с последующим использованием их полномочий. Такие стратегии предполагают использование неконцентрированных и неформализуемых, экспертных знаний о пространстве, носителями которых выступают не отдельные люди, но группы (без поддержки таких

групп эффективная деятельность в пространстве невозможна). Существенно вовремя воспользоваться ресурсами государства, которые оно не в состоянии использовать и сохранить. Дальновидно было бы активировать обсуждение и внедрение альтернативных схем, проектов, прожектов организации пространства. В ближней перспективе ценность для негосударственных структур — вещественные и правовые ресурсы, в средней — альтернативное размещение и организация в пространстве, в дальней — нормальная жизнь в пространстве, которая и предполагает эффективное использование его ресурсов и способов размещения в нем как ресурса.

Нынешняя общественно-политическая жизнь пространственна по характеру субъектов и интересов. Идет радикальная перестройка геополитического пространства Северной Евразии. Но пока ничего радикально нового и непредсказуемого в принципиальном отношении не происходит. На поверхность выходят клубки сил, рамки и «раны» пространства, что существовали и раньше, но были придавлены центральной властью. Мы живем во время активизации бывших составных частей единого государства; эти обломки стремятся жить своей жизнью, однако ее правила и возможности пока predetermined характером пространства. Попытки создать нечто осмысленно иное, творить новое пространство незаметны. Они обречены на неудачу, если будут ориентированы на рабски хамское желание завладеть бесхозным, чужим пространством или на поведение в нем как в незаконной пустыне. Выжить и полноценно жить в пространстве смогут только те государства, этносы, группы, структуры, которым удастся осмысленно вести себя, не растрачиваясь на грабеж и/или ломку, но и не жалея сил для пространственного творчества — творчества на искорененном, но живом листе пространств ландшафта.

8 марта 1992 г.

III. РЕВОЛЮЦИЯ РЕГИОНОВ, ИЛИ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ СЕГОДНЯ

ПОСТСОВЕТСКИЙ ЛАНДШАФТ?*

Последние годы богаты событиями. Распалась огромная империя; рухнет искусственное сооружение планетарного уровня. Но что происходит в ландшафте? О чем свидетельствует, говорит, кричит ландшафт — та изнанка, где приходится жить. Видеть и описывать незавершенные процессы нелегко; многое не отстоялось. Ландшафтная событийность противоречива. К тому же в разных пространственных и временных масштабах нынешние события имеют разный смысл, ценность и цену для переживающих их. Поэтому здесь — лишь первые приметы трансформации советского ландшафта.

СТАРОЕ, НОВОЕ, ВОЗМОЖНОЕ

Почти все в нашем ландшафте по-прежнему, но еще дальше от того, чем должен быть ландшафт в соответствии со своей природой. Культурный ландшафт близок к исчезновению. Мы действуем так — все активнее, — будто его нет. Однако в этом есть смысл и шанс витализации ландшафта. Что же нового? Главное по-прежнему невидимо. *В советском ландшафте изменилось доминантное направление, ось порядка: вертикаль рух-*

* Впервые: Наука о культуре. Вып. 3. М., 1995.

нула (что куда важнее «распада» СССР), *ячейки вступают в прямые соседские отношения.*

Советский ландшафт — жесткое, тотально расчлененное пространство. Многое происходящее сегодня — войны составных частей общества=государства. Конфликты регионов, распад государства, «парад суверенитетов»... *Революция составных частей, бунт элементов, война маситабов.* Взрыв тотального единства. Бурная бесплодная активность, как положено советскому ландшафту. Самораспад советского пространства порождает опасные выбросы, но пространство расчищается, давая место возможному... Разламывается вживленная в ландшафт схема, с него сдирают советскую корку. Обнажается культурная почва; ей нужно выйти на свет, чтоб проверить себя на жизнеспособность.

Почти все происходящее в последние годы в ландшафте — активизация его прежних структур и частей, лишившихся властной пригнанности. Что-то вроде суверенизации частей тела подышающего дракона. Почти все отношения в обществе — по поводу властно расчерченного пространства. Борьба за пространственные рамки, **война рамок**¹; они важнее содержания и содержания.

Все общественно-политические силы едины в активности захвата своих ячеек. Активизируется прежняя некротичная псевдожизнь пространства. Каждая группа населения стремится приватизировать пространство. Так называемые новые структуры в основном локализируются в прежнем каркасе ячеек. Новое повторяет рисунок старого, срастается с ним, сживает... оживляет его. Жесткие конструкции рушатся, круша ландшафт. Но и оестествляются.

¹ Происходит «революция реставраций»: разные группы стремятся восстановить реальные и мифические формы ландшафта безотносительно их смысловой сохранности. Идеологии реставрации часто культурно мотивированы. Возникающие политико-идеологические коктейли типа регионализма и разных форм империализма культурно нагружены — это новые ниши культуры, новые предметы культурологии (см. раздел IV наст. изд.).

Взбунтовавшиеся составные части-ячейки становятся более соразмерными человеку. Прорастает спонтанная дифференциация ландшафта². Растут новые ячейки, уродливо и грубо, все чаще снизу. Места получили шанс возродиться. Статусное и экономическое прикрепление людей к пространству ослабевает. Люди и места могут понемногу выбирать друг друга. Люди учатся жить в ландшафте.

Пространство становится более земным. Овещественные символы-идеологемы замещаются грубыми интересами. Пространство демифологизируется. Семантическая пелена медленно спадает.

Советский ландшафт (был) тотально поляризован. Сегодня эта поляризация усиливается, особенно культурно. В центрах и на периферии люди живут как бы в разных эпохах; пространство десинхронизируется. В центрах доминирует работа со знаками и символами (политика, mass-media, бизнес, информация и пр.), на периферии — с вещами (производство, натуральное хозяйство). Это культурно-семиотическая поляризация: в центрах вся жизнь зависит от курса доллара, в провинции — от погоды, определяющей урожай картошки и овощей. Происходит резкий сброс внешнего давления: у многих процессов есть шанс завершиться, пройдя пик. Видимо, такова участь гиперцентрализации и поляризации. Есть симптомы децентрализации.

Советский ландшафт (был) безличностно-коллективен. Ныне осуществляется приватизация земли. Но новый «земледелец» ведет себя так же, как все структуры, стремясь монопольно овладеть своей ячейкой, не считаясь даже с обычным правом. Фрагментированность и сегрегированность пространства тем самым усиливается. Множатся конфликты. Только-только сложившиеся стереотипы городской жизни не

2 Она гораздо более сохранна, чем можно было ожидать. И прежде видимые культурные различия даже собственно русских регионов России теперь заметнее; новый бизнес — неожиданное выражение культурной дифференциации территории.

выдерживают испытания собственностью на землю³. Тем более что к ландшафту не приложимо обычное понятие собственности⁴. Но бум жилищного строительства — первый шаг инвестирования в ландшафт.

Выживание в советском ландшафте — трудная, сложная и разнообразная жизнь. Ныне поведение в пространстве резко упростилось. Главным способом и выживания и обеспечения благополучия стала смена мест — бегство. Из многих мест приходится бежать; но теперь есть выбор — куда. Бегство — следствие трудности жизни в своих местах, но и основа, причина и разрушения этих мест, и будущей невозможности жить в них. Пространство постепенно приоткрывается; выживание и успех теперь зависят и от активности в освоении иных мест. Но слишком быстрые миграции приводят к забрасыванию пространственных, функциональных и семантических ниш в ландшафте, и его пространство упрощается и гомогенизируется. По-видимому, на разных территориях будут иметь место как процессы витализации, обогащения и усложнения ландшафта, так и его резкого «опространствления». Рынок — явно внеландшафтный институт — бывает ландшафту полезен. Состояние ландшафта, даже воспринимаясь поверхностно, влияет на цену земли и недвижимости (это важно независимо от намерений, капитал!). Поддерживать ландшафт часто бывает выгодно.

Когда эта работа писалась в первом черновике, насаждался призрак гражданской войны (1990—1992). **Гражданская война** — состояние ландшафта, типологически близкое со-

3 Снизились социокультурный контроль над пространством крупных городов — не связан ли он с переключением активности горожан на дачные участки? Демократизация ландшафта показывает, каков же на самом деле homo sovieticus. Его включение в контроль над ландшафтом — приватизация грабежа; начинающееся господство масс над ландшафтом — доминирование пустоты над жизнью в пространстве.

4 Это аналог иным феноменам культуры: как мыслить приватизацию языка или литературы, даже сведя ее к отношениям позиций «автор», «переводчик», «издатель», «читатель», «сценарист». Ясно, что авторские права на текст не переносимы на вариант языка (идиолект), реализованный в этом тексте, и т. д.

ветскому пространству; активизированное советское пространство, энергично явленное. Освоенность почти не поддерживается, связность пространства разрушена, соседские связи крайне затруднены, основная энергетика растрачивается на вражду и выживание, ресурсы тратятся быстрее воспроизводства, процветают немногие центры производства оружия и места жизни вождей воюющих сторон, бегство и укрытие, потаенные хозяйство и жизнь — дополнительные способы выживания, само пространство сочетает хаос разрухи и строгий порядок движущихся фронтов, всюду господствуют «чужаки» и прячутся беженцы, царит подозрительность, недоверие и злоба, власть являет себя в основном карательно-бессмысленными акциями по отношению ко всем компонентам ландшафта...

НАРОДНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ?

Существование ландшафта жизненно важно. Но его нет. Невверен был бы вывод: ландшафт надо построить. Ландшафт, хозяйство, язык, культуру можно разрушить, уничтожить, деформировать; но их нельзя сконструировать. Они самосоздаются, но на этот процесс можно влиять.

Ландшафт — среда обитания, рамочное условие, пресуппозиция (условие осмысленности) жизни. Но одновременно и ценность. Люди могут более или менее хотеть жить в среде ландшафта, полагая это одной из ценностей жизни. В эпоху романтического капитализма с его пафосом утверждения личности, прогресса, свободы и собственности ландшафт был архаичен. Ведь он имманентно предполагает укоренение человека в созданном его предками, выраженность традиции в вещно-знаковых комплексах поверхности Земли, внерациональные особенности мест, заведомое неравенство людей на Земле. Даже в идеале нельзя мыслить всех равными относи-

тельно ландшафта, как можно мыслить всех политически или экономически (потенциально) равными. Идея равенства, доведенная до конца, предполагает совершенно однообразную среду, но ландшафт — в отличие от денежного богатства — не может быть разделен на всех поровну.

Абсолютизация свободы и рынка стихает, но еще велика. Это не позволяет в полной мере осознать: *ландшафт как ценность находится в противоречии с ценностями равенства и суверенитета личности*; одно реализуемо, по существу, только за счет другого. Беспредельная свобода, спасающая общество от слияния с государством, ведет к серии кризисов. Несвобода (=социализм) ведет к куда более серьезному кризису хотя бы потому, что не оставляет свободных смысловых ресурсов для самопреодоления кризисов.

Ситуация ландшафта по своей сути принципиально сложна и опасна. Ландшафт не может быть защищен в собственно политическом процессе. Идеологии как таковые безразличны к ландшафту, а ландшафтофильные идеологии чреваты ксенофобией; ровно то же самое происходит с культурой как предметом идеологии. Политическая программа, в центре которой ландшафт, близка агрессивному экологизму с его лозунгами родной земли, духовной почвы без чужаков, особого пути.

Ландшафт может и должен «защищаться» свойственными ему, «доморощенными» мерами и методами. Надеюсь рассказать о них специально, пока ограничусь основными суждениями.

Ландшафт глубже политики и уже потому не должен жить в ней. Ландшафт — совершенно антиэгалитарен (резче — антидемократичен), и адекватное к нему отношение масс невозможно. Революция масс (в ней видели разрушение культуры) разрушила и ландшафт. Попытки демократизации (присвоения) ландшафта усугубляют кризис. Разнообразие как атрибут ландшафта подразумевает разнообразие форм жизни и способов взаимодействия с ландшафтом. Органичный ландшафт предындустриальной эпохи полностью невосстановим, хотя

его живые компоненты крайне ценны. Сейчас формируются новые значимые стереотипы жизни и технологические ситуации, сами по себе равнодушные к ландшафту, но приводящие к актуализации ландшафта как ценности. Это, например, тенденции вторичной доместикиции (одомашнивания) рабочих мест, развитие гибких, зависящих от локальных условий технологических систем, рост престижа здоровья и жизни в здоровых местах, распространение престижного неутилитарного землевладения, наконец — та компьютерная инженерия знаний/образов, где скоро может быть осознано, что креативность человека тесно связана с его включенностью в жизнь культурного ландшафта. Ландшафт становится — неосознанно — все более ценным социально, персонально, экономически и коммуникативно. Все названные тенденции отчетливо ориентированы на полиморфизм среды и избирательность требований людей к ней; потенциально это путь к возрождению ландшафта как феномена, в принципе одновременно народного и аристократичного. Здесь нет противоречия. Нам нужно свыкаться с аристократичностью ландшафта; это отнюдь не только достояние прошлого, оставившего нам недемократические формы⁵. Ландшафт — метафорически — сам способен подбирать для себя людей, если ему не мешать.

Менее всего я хочу побудить проявлять какую-либо социальную активность по спасению ландшафта; буду огорчен, если невольно внесу лепту в поддержание истерической и разрушительной для смысла ландшафта воинственной стихии сохранения памятников, ценных природных объектов, «ландшафтного неоязычества».

Культурный ландшафт может быть подлинным, глубоким, семантически емким и богатым независимо от того, есть ли в культуре в целом категория ландшафта и/или рефлексия по поводу ландшафта. (Богатство культуры тоже не связано с ее

5 Понятие формы, идущее от Аристотеля через Фому Аквинского, отнюдь не демократично, так как предполагает разные способности уяснять формы.

данностью как категории.) Между ландшафтом как ценностью и ландшафтом как манифестом связи, по-видимому, нет. Быть может, ландшафт и вовсе категория, ясная лишь по умолчанию, подразумеваемая в своих привычных выражениях, основанная на нескоординированных, частных, разрозненных, противоречивых деятельности людей.

Однако кризис обязывает к рефлексии. Дефицит форм бытия требует вопрошения. Ландшафт ныне — то, о чем стоит спросить, задуматься...

БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ? — РЕГИОНОВ!*

Слово «перестройка» — не клише, не эвфемизм, оно ясно описывает происходящие события. Идет перестройка нашего общего пространства. Все ведущие идеологемы — пространственны, и так называемые этапы перестройки — этапы проживания, реализации, исчерпания этих идеологем. Региональный хозрасчет; экономический суверенитет и суверенитет просто; федерация и конфедерация; независимость; союзное государство и союз государств; держава, империя... Пространственные идеологемы? Несомненно. Но где же отношения людей, которые, как принято думать, конституируют общественно-политическую жизнь? Они транслированы в пространство, и отношения между пространственными единицами и структурируют политические программы и практики, идеологическое сознание и реальную политическую жизнь. Отношения ячеек пространства в жизни и ее сознании, в нашем здесь-и-теперь обществе=государстве важнее отношений людей, личностей, персон. Пространственные отношения заменили и заместили личностные, приняв на себя их смысловую, энергетическую и эмоциональную нагрузку. Личность = ? = регион.

* Впервые: Прыжок в неизвестность // Век XX и мир. 1992. № 6.

ПРОСТРАНСТВО И ИДЕОЛОГЕМЫ

Идеология регионального хозрасчета, сколько бы над ней ни потешались два-три года назад, выражала вполне реальные требования регионов. Они стремились к полноте прав владения и распоряжения, в сущности, собой, всей полнотой региона, его пространства, ресурсов, фондов и т.п. Этот лозунг замещал классическую буржуазную идеологему частной собственности как полностью отчужденной от всякого социума и всецело данной личности; это ее атрибут. Региональный хозрасчет — освобождение региона как собственника от бремени уз, одновременно надрегионально-государственных и идеологических. Как право частной собственности относится прежде всего к самому собственнику, который сам свободен и ничьей ответственностью не является, так и требования регионального хозрасчета относились прежде всего к праву региона самому собою распоряжаться. Регионы требовали себе того, что для личности со времени буржуазных революций называется свободой — принадлежать только себе и распоряжаться собственностью независимо от всего на свете. Требование свободы в собственности для региона, как и для личности, означало и свободу от идеологии.

Практика и политика регионального хозрасчета (тем более самостоятельности регионов) реализовывались и реализуются сейчас совершенно безотносительно других компонентов идеологической матрицы. Мы видим эту политику как совершенно тождественную у националистов, национал-демократов, демократов просто, прогрессистов, коммунистов и даже у фундаменталистов. Приватизация логично замещается в этом случае регионализацией, а разгосударствление экономики, при котором происходит ее деидеологизация и деполитизация, и выражается в приватизации=регионализации. Регионализация идеологически независима. Право владеть предполагает и право пользования и распоряжения — отсюда и идеологическая санкция на практику прямых хозяйственных отношений меж-

ду регионами. Это и означает конституирование регионов как экономических субъектов. Всего за два-три года бартер стал осознаваться и декларироваться уже не только и не столько как вынужденная мера, но как твердое и несомненное право. Теперь это именно право, которое можно отнять только как право, а не просто запретив некую практику. Возможно, именно практика бартера и сформировала обыденно-правовые отношения региональной собственности.

Политика и практика суверенитета осуществляются уже давно всеми, а не только этноадминистративными (национально-государственными) регионами. Попытки центральной власти эту практику регламентировать и санкционировать, дабы управлять и использовать, наполняют сюжет федерализации Российской Федерации, как до этого безуспешно заполняли мечтания о федерализации СССР. Припомнив, в чем выражается эта практика, мы поймем, что и здесь место личности занял регион. Личность абсолютно неделима и не содержит каких-либо отчуждаемых частей. Но именно сейчас требование неделимости регионов (республик, в том числе и особенно) защищается с такой яростью, которую нельзя понять, не предположив отождествления субъекта типа личности и региона. Отсюда и сомнительные в правовом и фактическом отношении идеи полной, абсолютной даже не самостоятельности, а скорее неприкосновенности ко внутренним делам; но само существование государств с их договорными отношениями предполагает относительность, а не абсолютность суверенитета. Наши регионы, власти которых не в силах обеспечить элементарную безопасность на улицах своих столиц, тем не менее защищают саму идею неприкосновенности как нечто священное. Здесь дело явно не в амбициях молодой бюрократии или жестких интересах регионов — регион существует в «политически бессознательном» как такой субъект, с самым образом которого любое вмешательство несовместимо. Попытки поставить выше суверенитета юридически действительно выше стоящие требования международного права ис-

крепне воспринимаются как кощунство. Для регионов уподобление личности, а для этнорегионов и почти отождествление с личностью, которая в послевозрожденческой культуре обладает потенциалом сакрализуемости, — один из путей символизации и идеологизации своих интересов. Регионы могут быть сакрализованы. (Тему региональных идеологий и идеологизации самой регионализации надеюсь рассмотреть отдельно¹.)

Но коль скоро субъектами собственности и суверенитета стали не личности, но регионы, то попытки санкционировать нормальную идеологию и практику прав человека всюду воспринимаются как посягательства на права регионов. Скорее — как неосознанные посягательства на права единственно реальных субъектов; регион оказывается личностью в некоем «высшем смысле». Именно поэтому налицо один из тех парадоксов, которыми особенно богата история последних десяти лет. Все собственно идеологические мотивы, свойственные обычным социально-политическим идеологиям, для идеологии «регионализма» сугубо инструментальны; региональный хозрасчет, регионализм и суверенитет политически всеядны и со всем сочетаемы. В этом смысле регионализм — метаидеология, а любая идеологическая доктрина для нее — лишь способ реализации. Но коль скоро регионализм сочетается с чем угодно, то с чем угодно сочетается тогда, как ни странно, и идеология прав человека. Но только потому, что функционально она внерегиональна и даже антирегиональна (как, в принципе — и антигосударственна). В склейке «права человека — надрегиональная власть» оказываются равными и взаимозаменяемыми обычно несовместимые коммунистические, милитаристско-имперские, клерикальные, либерально-демократические идеологии. Мы прекрасно помним, что именно лозунги «прав (советского) человека» использовались для обоснования вмешательства в дела отдельных регионов. Не оказывается ли тогда, что идущая регионализация, подготовленная самим устройством советского

1 Она и была рассмотрена позже; см. разделы III—IV наст. изд. (примеч. 2000 г.).

общества=государства, означает одновременно и фундаментальную инверсию всей идеологической матрицы, и деидеологизацию политики, как странно бы последнее ни звучало? Несомненно, но об этом ниже.

Свобода, равенство, собственность

Этому лозунгу уже два столетия; любопытно, что ровно через 200 лет после Декларации прав человека и гражданина во Франции эти же самые слова стали символом новой революции, которую тоже почему-то считают буржуазной. Что делает сейчас этот лозунг столь осмысленным, что без обращения к нему мы просто не можем понять и выразить происходящего? Только подстановка регионов вместо личностей в качестве субъектов. В нашей стране если и происходит какая-то революция, так только буржуазная революция регионов. Свобода региона — это его суверенитет, независимость, неприкосновенность. Равенство — прежде всего право на горизонтальные отношения, независимо от силы, величины, размера и т. д. Чечня, Татария, Россия — это принципиально равные регионы (страны); одному из них, правда, это непонятно. (Одна страна совсем недавно расплатилась за подобную непонятливость: «глупого ученика» больше нет.) Собственность — с ней также почти все ясно; какой прок регионам освободиться от центральной власти, если не присваивать при этом ее собственнические права, не принимая в то же время связанных с ними обязательств. Иногда (у нас чаще) третий компонент лозунга звучит как «братство»; но все игры в СНГ (у которого немного шансов дожить в нынешнем виде до выхода статьи) — это и есть непрерывная разборка между братьями за старшинство и отцово наследство.

Мы яснее представим себе смысл происходящего, если проведем в своем сознании следующий мысленный эксперимент. Пусть общество, оно же и государство, состоит (состояло) не из индивидов, а из регионов, принуждавшихся жить в

репрессивном единстве. У регионов не было никаких формальных прав, но масса обязанностей, они не владели даже сами собой, не были равны, не были свободны, опекались сурово-патерналистской и одновременно романтически-идеологической центральной властью, все понуждавшей к чему-то большому, чего ради и регионов не жаль. И была некая сила, пронизывающая все регионы насквозь, как нормальное общество пронизывают насквозь мораль и деньги. Других же реальных составных частей там не было вовсе. А теперь вот именно с этими составными частями общества=государства (а ими были у нас именно и только административные регионы, о чем я писал неоднократно) и происходит что-то вроде революции. Знамена идеологии, понуждавшей и принуждавшей регионы к подчинению, а власть над ними — к опеке и террору, повергнуты. На новых знаменах и написано «свобода...». Именно это я и назвал буржуазной революцией регионов. Или и иначе — более общо и точно, но менее выразительно: революция составных частей; среди них есть не только регионы.

Вопрос о том, насколько и как именно идеологическая матрица ушедшей (?) эпохи буржуазных революций применима ныне, это вопрос о смысле происходящего. Это регионы делают революцию, а живем-то мы с вами... Именно шокирующая необходимость отождествить — не ради парадокса, но в целях лучшего понимания — личность западного раннебуржуазного общества и регион позднесоветского социума лишний раз доказывает, что события в нашей стране носят внутренне самобытный характер. Самобытный, закономерный и страшный. Но способны ли мы осознать этот характер и соединить сие нетривиальное осознание с жизнью, буднями, тусовками, деляжками etc?

Ясно, что новый политический истеблишмент совершенно не способен к реалистическому проживанию событий. В политической игре осуществляется или, быть может, политичес-

ки декорируется регионализация и другие чисто пространственные процессы; самосознается же все это совершенно в иной реальности, реальности обновленного идеологического мифа. Политики строят рынок и гражданское общество, а на дворе идет холодная, голодная и горячая война регионов; причем и прекратить-то ее нельзя. Однако если для будущего общества, которое когда-нибудь может возникнуть из нашего распадающегося общества=государства, необходима радикальная деполитизация, то иного пути, нежели самоуничтожение сферы мифологизированной политики как таковой, может и не быть. Шизофреническая раздвоенность личного и политического сознания политиков и утрата реальности обрекает, видимо, нынешний политический истеблишмент на самоуничтожение.

Сказанное легко может быть подверстано к более чем известным, идущим еще от П. Я. Чаадаева представлениям о стране с географией вместо истории. Можно даже бы и сказать, что и сейчас то, что переживаем мы как историю, есть не более чем ожившая административная география советской державы. И даже дальше, история до тех пор не вступит в свои права, пока исчерпанной не окажется наша география — как в пространстве, так и во времени.

СООБЩЕСТВО РЕГИОНОВ — ЧТО ИЗ ЭТОГО?

Но здесь я продолжу линию сообщества регионов, которое, хотя и гораздо менее желанно, чем гражданское общество, обладает признаком реальности существования. Выведу главные следствия из основного тезиса: существует некое сообщество регионов, отношения которых между собою более-менее сходны с отношениями индивидов, а их отношения с государством напоминают как раз отношения индивидов с «феодалным» государством. Что же из этого следует?

Новый политический спектр

Если реальность распадается на регионы, то она из них состояла; и на самом деле все именно так. Если главный процесс состоит в переходе от системы, где регионы были сжаты, привязаны друг к другу, к автономизирующимся частям, т.е. опрокидывании в плоскость непосредственного, территориального пространства былой иерархической вертикали, то все реальные, существующие, значимые процессы регионализированы. Соответственно нерегионализированные процессы должны особенно внимательно осмысливаться, в них следует пристально сомневаться — а существуют ли они на самом деле? Если реальность — полуотчетливая многослойная мозаика регионов, то региональными должны быть и политические силы. Пространственным должен быть сам политический спектр. Это достаточно нетривиально для общества конца XX в. — не потому, что нигде нет проблем реорганизации пространства, сепаратизма окраин и т.п., но потому, что у нас нет сейчас, в сущности, других, независимых от этой, проблем и сфер жизни. Какие именно отношения регионов станут темой и предметом политики? Какие адаптированные к стандартизованному, историческому и ирреалистическому политическому сознанию идеологии станут обслуживать такие тотально-региональные политические конфигурации?

В ситуации регионализованности очевидным представляется, что политическая ось провисает между жестким, абсолютно моноцентрическим унитаризмом и полным сепаратизмом, разгулом суверенитетов. На самом же деле всякий регион проводит по крайней мере две политики, одна из которых заведомо сепаратистская, а другая — унитаристская. Регионы стремятся избежать внешнего контроля, сохраняя при этом контроль над собственными частями. Но тогда единство политического спектра невозможно, и то, что кажется метанием от регионального либерализма к империализму, — лишь результат смены горизонта. Враждуя с союзным центром, российские демократы поддерживали сепаратизм республик; теперь с

прежним воодушевлением борются с сепаратизмом внутри Российской Федерации. Поскольку политически актуализировано сразу несколько региональных уровней, то нет и не может быть никакого единого, даже пространственно, спектра. Но в ситуации отсутствия политического спектра невозможна и собственно оппозиция. Вернее говоря, в этой ситуации всякая оппозиция будет относительно какого-либо регионально-го уровня правящей (околоправящей) силой, но равно и наоборот. Представим себе, что регионы России договорились помимо нынешнего «руководства» и оно само окажется в оппозиции, не подавая при этом в отставку. Не буду дальше развивать эту линию, имеющую целью показать, что даже в политике налицо серьезнейшие проблемы, где никакими заемными рецептами, кредитами и мозгами не обойтись.

Можем ли мы использовать какие-либо «привычные понаслышке» способы упорядочения политического рынка, вроде представления о левом и правом? Если, как и положено, полагать, что слева сторонники коллективизма, примата общественного над частным и социальной инженерии, а справа — индивидуализма, свободы и самоорганизации, то что это будет для нашей политики, где вместо персон регионы? Левые — за равенство регионов и его механизм, т. е. надрегиональную власть; правые за свободу регионов и право сильного (богатого) пользоваться благами этой свободы. Но будет ли тогда что-либо в спектре, кроме правого и ультраправого, будут ли регионы чем-либо поступаться? Но последовательно правые в этом смысле регионы, принципиальные сторонники свободы всякого кусочка пространства — они что, обрекут себя на уничтожение? Или, напротив, достигнут консенсуса со своими частями, т. е. воспроизведут ситуацию общественного договора регионов?

Где конец регионализации

В сущности, только набирающая силу регионализация должна будет где-то, вернее — когда-то, остановиться. Но не вообража-

емыми интегративными тенденциями или скрепляющими пространство мерами властей (российские власти лишь ускоряют регионализацию, да и то ненамеренно). Далеко не всякий регион способен выжить как политический и экономический субъект, хотя ячейки собственно выживания могут быть очень малы. Чем будут диктоваться пределы фрагментаризации, уже сейчас заметно подбирающейся к некоторым краям и областям? Способностью вооруженной самозащиты? Товарной дополнительностью частей региона? Успешливостью формирования региональных коалиций, которые могут сочетать преимущества малых и больших регионов? Сыграет ли какую-нибудь роль в этом бизнес, все активнее замещающий прежнее государство с его функцией централизованного бартера? Пока пространство примерно на 95% дробится по прежним административным рубежам и границам расселения этносов; но могут появиться и новые рамки для регионализации.

Особая судьба поджидает образования, что сейчас кажутся регионами, отнюдь не будучи ими на самом деле. Это прежде всего Москва — зона резиденции центральной власти и ее бюрократических и военно-промышленных служб и классовых опор. Ее идеологическая душа давно отлетела, страна больше не служит для ее обеспечения, но «регион» пока это мало ощутил. Размер и привилегированный статус Москвы — столицы нашей родины определялся размером и централизованностью империи; что будет теперь? Нам только кажется, что последние годы события накатывались на события; основная разборка интересов регионов в горизонтали только впереди.

Список вопросов стоит прикрыть; их много, и, я убежден, вопросы реальные. Нам жить в пространстве ответов на них. Еще только один вопрос.

А смысл где?

Надежда на обретение смысла в затягивающейся на десятилетия неразберихе — это важно. Коммунизм, советский реаль-

ный социализм и пр. были глобальной угрозой, самой острой глобальной проблемой. Мы были империей зла в той мере, что даже до сих пор не сумели этого полностью ощутить. Но избавление от этой угрозы или ее ослабление тождественно уничтожению Советского Союза; большой могучий демократический Советской Союз не состоялся и не мог состояться. «А все-таки жаль...» — ничуть. Стыдно, что так долго.

За существование того, что действительно было советской угрозой, часто становившейся явью, надо, надо расплачиваться. Стране — распадом; так уж было устроено ее пространство. Регионализацией, фрагментаризацией некогда доступного пространства. Надеяться на мудрый-богатый Запад, которому достались властные функции центра, стоит ровно так же, как стоило надеяться на центр. Процесс самодемонтажа крупнейшего в истории человечества неудавшегося искусственного сооружения — СССР — слишком силен. Каждому из нас это причиняет неудобства, а какому-то страдания. И это надолго. Все так. Но бывают ситуации, где выбирать не приходится. Коммунистический Союз должен был перестать существовать — и это происходит.

Происходит исторически очень быстро и относительно безболезненно, куда менее болезненно, чем он возникал. И этого тоже мы ясно не осознали. Империя начала саморазрушаться, этот процесс идет, и очень мало шансов повернуться ему вспять. Не правы были все: империя разрушается сама, и не народные восстания, национальные революции, мировая война тому причиной. Довольно неприглядное общество регионов — средство необратимой переработки прежнего страшного состояния. Способ оестествления нашего пространства. Путь из никуда — куда-то. Дорога.

22 марта 1992 г.

ВТОРЫЕ ГОРОДА РЕГИОНОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

(к проблеме приватизации
пространства)*

Образ современного пространства России в средствах массовой информации (видимо, и у политической элиты) географически очень беден, неполон и противоречив; однако устойчив и прост. Ядро этого образа есть — или может быть представлено как — набор отдельных регионов и городов. Этих регионов и городов совсем мало, притом входят в образ они по отдельности: есть Татария, Башкирия, Якутия, но почти нет Казани, Уфы, просто нет Якутска; Воркута входит в образ помимо Коми, как несколько лет назад Находка помимо Приморского края. Территорий — частей именно РФ явно много больше; экономических микрорайонов — порядка 300. Курьезно, что в образе огромной РФ территориальных деталей куда меньше, нежели персональных. Мы рассмотрим здесь некоторый **ряд городов помимо регионов**, т.е. городов, прямо входящих в образ современной РФ.

* Впервые: Проблемы регионального развития: модели и эксперименты. М., 1997. Работа выполнена при поддержке Фонда Макартуров и входит в цикл исследований трансформации советского пространства. Источник наблюдений — ряд территорий, включая города Братск, Великий Устюг, Выборг, Котлас, Ключи, Муром, Норильск, Санкт-Петербург в 1993—1997 гг. См.: *Каганский В.Л.* 1) Проблемно-конфликтная структура как основа типологии регионов // Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. М., 1995; 2) Неопределенное российское пространство // Куда идет Россия? IV. М., 1997.

НЕОПОЗНАННЫЙ РЯД АКТИВНЫХ ГОРОДОВ

Рассмотрим следующий перечень: БРАТСК, ВОРКУТА, МАГНИТОГОРСК, НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ, НАХОДКА, НИЖНИЙ ТАГИЛ, НОРИЛЬСК, СОЧИ, СУРГУТ, ТОЛЬЯТТИ, ЧЕРЕПОВЕЦ (дополнение — Санкт-Петербург; Выборг, Котлас, Новокузнецк, Новомосковск; агломерации Кировск—Апатиты, Губкин—Старый Оскол и т.д.). Члены этого ряда очень часто упоминаются в прессе, особенно в деловой, и явно имеют собственные образы, даже иногда анализируются; они известны россиянам-политологам, привлекли внимание бизнеса. Лишь два-три города, центры крупных регионов, стоят рядом с ними, привлекая внимание как таковые и самостоятельно входя в образ РФ: Екатеринбург, Нижний Новгород, Самара (?); особый случай — Санкт-Петербург; временно — Грозный, Владивосток.

Всмотримся в этот ряд. Сколько известно, как таковой, в целом он не анализировался и даже не фиксировался, хотя часто воспроизводится почти целиком¹. Приведем лишь два из многих примера. Требуют федеральной поддержки как якобы «особые города» — Магнитогорск, Нижний Тагил, Старый Оскол, Норильск². Указанные города сосредотачивают непропорционально большую долю актуализированной ныне экономики; очень многие крупные, эффективно работающие производственные компании находятся именно во «вторых» городах³. Среди больших городов страны сейчас растут лишь немногие (члены нашего ряда выделены): Зеленоград, **Старый Оскол**, Чебоксары, Новочебоксарск; **Тольятти**, **Набе-**

1 Впервые отмечен: *Каганский В.* Советское пространство // Иное. Т. 1. М., 1995.

2 См.: *Готова Н.* Президентские льготы // Бизнес-Сегодня. 1996. № 29.

3 Из 20 крупнейших производственных компаний РФ по объему реализации фирмами фактически одного города являются 5; из них 4 в Тольятти, Норильске, Череповце, Нижнем Тагиле; из 50 крупнейших компаний точно локализованы 29; из них 13 — вторые города: Новокузнецк, Братск, Орск, Нижнекамск, Набережные Челны, Старый Оскол, Котлас, Тольятти; в центрах регионов лишь 8 (Крупнейшие компании России // Эксперт. 1996. № 33).

режные Челны, Балаково, Тюмень, Сургут, Нижневартовск, Усть-Илимск⁴.

Известны случаи «Норильского Никеля» и автозавода в Тольятти, острая борьба за главные предприятия всех городов ряда. Именно в этих городах удастся **извне** приватизировать крупнейшие предприятия, что не получается в иных городах близкого размера (ср. Норильский комбинат и Красноярский алюминиевый завод). Предприятия этих городов, как полагают, работают прибыльно и получают инвестиции; в каждом из таких городов происходит (с ним связано) множество разных событий, нередко значимых для страны в целом. Это центры новой экономико-политической активности, иногда нетривиальной, странной, даже сомнительной. Братск бюджетно (частью институционально) присоединил ряд смежных (сельских) административных районов Иркутской области, упразднив собственные внутригородские районы, в высшей мере для него функциональные⁵; в Котласе выстроен первый частный платный автодорожный мост; Магнитогорск только что получил экономическую автономию; Находка ее имела, но утратила; Норильск (вместе с агломерацией) стал приватизированным городом. Каждый из этих городов «намеревался» повысить институциональный статус вплоть до выхода из региона (ср. попытку Норильска перейти в юрисдикцию Таймырского округа), участвовал в резких конфликтах в регионе, привлек к себе интерес связанных с Центром РФ крупных финансовых структур. Все перечисленные города — крупные доноры и почти все — крупнейшие в своих регионах; их роль стала столь велика, что наблюдается инверсия городов этого ряда и центров регионов.

Ряд городов. Они различны: размер; возраст, географическое положение, профиль хозяйства, функции etc; мало связа-

4 См.: *Латто Г. М., Полян П. М.* Новые тенденции в изменении геоурбанистической ситуации в России // Известия РАН. Сер. географ. 1996. № 6.

5 См.: *Каганский В. Л.* Проблемно-конфликтная структура как основа типологии регионов // Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. М., 1995.

ны между собой, не образуют единого целого, не могут быть отнесены к одному из привычных типов городов. Но налицо отчетливая общность современной ситуации и процессов. Эти города играют заметные однотипные роли на масштабной сцене страны в целом. **Итак — цельный ряд городов?**

ОПОЗНАННЫЙ РЯД: ВТОРЫЕ ГОРОДА

Его целостность нуждается в объяснении, эксплицитной реконструкции. По нормам научной географии оно должно быть простым, компактным и по возможности позиционным, т. е. основанным на географическом положении городов, их месте в территориальной структуре. Гипотезы размера, возраста, особой отраслевой структуры и пр. могут быть допущены лишь при отсутствии общего объяснения.

Такое общее структурно-позиционное объяснение имеется. Все города списка — **вторые города**. (Здесь не рассматривается, насколько эти поселения полноценные города; возможно, они активны за счет неразвитости самого городского начала, например, слабости функций центральных мест.)

Это действительно вторые города региона по размеру, если иметь в виду численность населения или иной существенный признак при некоторых дополнительных условиях, а именно:

- сравнимость по существенному размеру с центром региона;
- автономное положение в территориальном и/или фазовом (экономическом, институциональном, культурном) пространстве;
- в том числе автономное место в территориальной структуре региона;
- диссонанс реального размера и формального статуса;
- представленность на высоком территориальном уровне и наличие его элементов (например, федеральные предприятия в регионе).

Часть этих признаков входит в понятие второго города, а часть является логическим или эмпирическим следствием его.

Говоря проще, вторые города крупных регионов могли бы стать первыми (областными или центрами регионов), находись они в другом месте. Имея размер, достаточный, чтобы быть центрами регионов, они не имеют соответствующего статуса.

Итак, описываемый новый феномен можно обозначить как **бум вторых городов**. Особая роль вторых городов при трансформации советского пространства — феномен почти универсальный, присущий другим уровням (Ленинград/Санкт-Петербург в СССР/РФ) и другим странам бывшего СССР (в Азербайджане — Гянджа/Кировабад, в Таджикистане — Ходжент/Ленинабад и т.д.). Налицо противоречие; в существующей пространственной структуре страны формальный статус — необходимое условие любой активности.

СТРУКТУРНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ СИТУАЦИИ ВТОРОГО ГОРОДА

Тогда нужно ответить на вопрос: почему именно вторые города столь событийно богаты? Ответ — гипотеза на основе структуры советского пространства.

По еще действующей логике советского пространства все соседние блоки административно-территориальной системы находятся в отношении конфликта. Это правило верно для вертикально-властного аспекта системы (соседство и конфликт уровней иерархии) и для горизонтального (соседство=конфликт территорий). По той же логике «союзы» имеют характер «через соседа». Конфликт Центра РФ и регионов очевидно структурно изоморфен конфликту Центра СССР и его регионов (республик). Когда РСФСР была частью СССР, союз «РСФСР — центры регионов» (так называемые демократические города) в противостоянии РСФСР Центру, т.е. СССР, был вполне отчетлив.

Распад СССР означал углубление регионализации, спуск ее вниз при сохранении функциональной структуры пространства, в частности — системы функциональных ролей территориальных уровней. Одновременно власть=собственность все более стала сосредоточиваться в пределах регионов ранга субъекта федерации, чему способствовала их территориальная структура. Произошло склеивание регионов и центров регионов, характерное для уровней в целом в силу их территориальной сращенности. Централизация регионов обернулась **регионизацией центров**, не переставших (?) быть хозяевами, но уже становящихся пленниками своих регионов. В таких условиях функциональное место союзника структур федерального Центра (независимо от их характера и реальной и формальной приватизированности) занимает следующий уровень. Именно он составлен нашим рядом городов. Как и уровень центров регионов, он неполон, т.е. не охватывает всей территории страны сплошь.

Вторые города — точки максимального диссонанса реального потенциала и институционального статуса, несоответствия двух структур; дефицит статуса в данном случае означает «дефицит» административного пресса. Советское пространство — мир резонанса, совмещения и вложенности разных форм и структур. Случай вторых городов проявляет новую тенденцию **актуализации диссонанса**. Максимум институционального диссонанса означает и то, что вторые города гораздо меньше, нежели такие же по размеру первые (центры регионов), связаны с окружающей территорией и обременены ею; менее включены в сложные комплексы отношений, где нет собственности как таковой, поскольку отношения собственности — лишь аспект синкретически-пространственных отношений, в которых у вторых городов выше мера свободы⁶.

⁶ Вторые города — подтверждение и иллюстрация концепции о решающей роли распределительных коалиций (это именно регионы) в стагнации (см.: *Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагнация и социальный склероз. Новосибирск, 1998).

Вторые города — наиболее свободные части регионов, достаточно крупные, чтобы быть автономными. Поскольку в советское время фактическая интеграция центра региона и (большей части) региона институционально оформлялась и подкреплялась соответствующими потоками ресурсов, автодемонстрация системы и порождает инверсию. На вторых городах «не висит» окружающая территория. Именно это объясняет как их приватизируемость, так и особые отношения с федеральным центром. Положение в институционально-территориальной структуре — основа наблюдаемого бума активности вторых городов.

Структурно-функциональное положение и обусловленная им ситуация вторых городов таковы, что объекты в них могут быть «приватизированы» помимо региона, его властей, региональной элиты и пр.; вопрос о том, действительно ли они насыщеннее экономически ценными объектами, здесь уходит на второй план, хотя само по себе это предположение разумно и имеет основание. В таких городах можно вычленивать объекты из региона, что и является предпосылкой любой собственно экономической активности. Здесь опять инверсия советского стандарта: эти города ценнее тем, что они относительно оторваны от территории (что может означать и меньшую «замусоренность» их производственной структуры). Входящие в образ страны крупнейшие города лишь подтверждают ценность относительной независимости от региона. Нижний Новгород или Санкт-Петербург относительно независимы от своих, тесно привязанных к ним регионов уже потому, что они «сильнее» своих регионов.

Связь вторых городов с Центром подтверждается тем, что «процветанием» многие из них обязаны особым частным статусам, предоставленным им решениями Центра: препятствия импорту иномарок для ВАЗа Тольятти, долгое занижение цен на энергоресурсы, де-факто право Норильска нарушать экологические нормы и многое другое.

По-видимому, неэффективная и финансово дорогая иерархическая вертикаль и бессмысленно конфликтная горизонталь начинают дополняться структурно-финансовой **диагональю 'Центр — вторые города'**. Вторые города — своего рода прямые финансовые связи между федеральным центром и регионами, связки, не отягощенные структурами административно-территориального деления; их интегративная роль очевидна. Отсутствие рангов областного центра в советское время компенсировалось вторым городам иначе, положением в отраслевых иерархиях. Ныне эквивалентом такого рода статуса является особое положение на потоках средств/собственности и особые отношения в параллельной властной структуре, каковой, видимо, и является финансово-банковская.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД. ОБОБЩЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ВТОРОЙ ГОРОД»

Понятие второго города описывает место в структуре и тип процессов, присущих этому месту; структурно-позиционный потенциал и его конкретную реализацию, которая бывает весьма различной. Вторые города могут наращивать территориальную сферу влияния (Братск), стремиться к получению своего региона (Новокузнецк), иметь статус в каком-либо из фазовых пространств, не обязательно территориальном и/или экономическом. Тогда понятие оказывается структурно-функциональным, и следует взглянуть на его территориальные референты.

Достаточно крупная автономная структурно и функционально часть региона есть функционально второй город, если она отвечает его атрибутам, в частности — удалена и отдельна в существенном пространстве, не обязательно территориальном. Второй город в таком обобщении занимает в любом из значимых пространств региона то положение, которое обыч-

ный второй город занимает в территории, и выполняет в этом пространстве те функции, которые выполняет второй город в пространстве территориальном. (Примеры таких городов рассмотрены ниже.)

Совмещение позиций в разных пространствах (склеивание, тесная корреляция разных пространств) вовсе не обязательно. В пространственной организации современного евроамериканского общества разные центры, как правило, отнюдь не совпадают, что делает слабоосмысленным и представление о втором городе. Для структур же типа советского пространства такая корреляция характерна, что и делает возможным феномен вторых городов (как и феномен первых — абсолютных центров). Будем различать частное и комплексное пространство и, соответственно, положение и статус. Второй город может опираться на положение в одном пространстве или нескольких; тогда есть **комплексные вторые города**. Все упомянутые вторые города — именно таковы, поскольку они являются в каждом из пространств «в среднем» вторыми городами. Но по логике понятия этого вовсе не требуется; известны вторые города (вторые столицы), имевшие значимые зоны влияния лишь в одном пространстве. Исторические примеры: ничтожная территориальная сфера влияния Троице-Сергиевой лавры — второй столицы России; Макарьевская ярмарка вообще была временной второй хозяйственной столицей Российской империи, когда трудно говорить о постоянной зоне влияния; также летние резиденции и мн. др. Современные примеры: Норильск имеет в пределах Красноярского края нулевую зону влияния в культурном пространстве, относительно малую — в территориальном, но исключительно значим в фазовом пространстве финансовых потоков (кроме того, является чуть ли не центром фазового пространства «мировой рынок никеля»). Арзамас-16, будучи чуть ли не столицей ВПК СССР, имеет скорее «отрицательную» территориальную сферу влияния, порождая вокруг себя экономическую пустыню.

ПОЛОЖЕНИЕ В ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ И ФАЗОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

Обычно второй город находится в средней зоне (провинции) региона, т. е. вне (границ) центра региона и внутри границ самого региона, между границ и достаточно далеко от них. Однако теоретически место второго города мыслимо как вне региона, так и внутри «первого города», то есть внутри центра региона.

Внутренняя целостная часть центра региона может рассматриваться как второй город. Явный пример — район ГАЗа в агломерации Нижнего Новгорода; по численности населения и иным существенным размерам (кроме площади) это именно второй город области. Судя по разнообразной информации, включая полученную в Нижнем Новгороде, ГАЗ занимает присущее вторым городам место в функциональной структуре области; имеет весь букет отношений второго города в регионе: дальние связи, инверсия по финансовой значимости (ГАЗ дает половину налогов региона), актуализированный дефицит институционального статуса, своего рода внутригородской сепаратизм (претензии района на статус города-спутника) и мн. др. Достаточно похоже это образование на вторые города. Перед нами **внутренний второй город**, одновременно являющийся обыкновенным вторым городом, но не в территориальном, а в комплексном фазовом пространстве региона. Несомненно, внутренним вторым городом для Новосибирской области является Академгородок, но его статус не связан с финансовыми потоками. Общая особенность всех вторых городов имеет место и здесь: размещение в статусно разных позициях разных пространств; гетехория (разноместие) размещения, разнопространствие.

Странное (но лишь на первый взгляд) положение таких вторых городов может интерпретироваться по-разному. Во-первых, как результат склейки и проецирования нескольких пространств в одно, собственно территориальное; внутрен-

ний второй город просто занимает в территориальном пространстве то же самое место, которое он занимает в пространстве экономическом (ГАЗ функционально — почти ядро Нижегородской области). Во-вторых, как совмещение, склеивание двух (почти) равных по статусу регионов — центра региона и самого региона, в каждом из которых имеется свой второй город; т.е. ГАЗ есть второй город Нижнего Новгорода, из-за относительного его размера в области приобретающий статус второго города уже области.

Внутренний второй город — **универсальный элемент** структуры региона, а не альтернатива обычному второму городу⁷. Если пространство структурировано на основе самоподобия, автомодельных симметрий (симметрий ‘часть — целое’), то для любой части пространства есть принципиально единый набор структурных блоков. В любой точке территориального континуума есть уже потенциально все элементы, а переход от потенциальной структуры к реализованной есть функция размера территории. Обилие конкретной территории стандартными блоками — функция ее размера; в теоретической модели с равной плотностью — исключительно размера; при неравной плотности — еще и плотности заполнения пространства. Т.е. размер и насыщенность территории — фактор актуализации потенциальных структурных элементов; другим путем актуализации является трансформация пространства; вторые города и особенно внутренние вторые города (вторые города фазового пространства) следует рассматривать как латентные, скрытые характерные (существенные) части территории.

Наше пространство основано на самоподобии, следовательно, наличие/отсутствие в регионе второго города описываемого типа, как и любого другого блока, должно объясняться прежде всего исходя из размера региона. В свою очередь, качественно и структурно он может быть определен как степень полно-

⁷ Архангельская область — Соломбала и Котлас, Челябинская — Тракторозаводской район и Магнитогорск, Красноярский край — КраЗ и Норильск; Москва и Петербург должны рассматриваться отдельно.

ты набора структурных блоков; эту полноту экспертно можно оценить и даже полуколичественно измерить, что для самого размера в силу его полиаспектности сделать очень трудно.

Такие блоки требуют для реализации достаточного размера (объема); в среднем регионе маловероятен внутренний второй город, а в малом — просто второй город. По-видимому, дело именно так и обстоит: все рассмотренные большие регионы имеют несколько вторых городов⁸; средние и малые регионы имеют вторые города в традиционном, морфологическом смысле, но лишены функционально вторых городов.

Внешний второй город находится вне региона в одних аспектах и внутри региона — в других; границы региона в разных аспектах идут по-разному даже территориально. Положение города вне всех пределов региона независимо от связей выводит его из рассматриваемой группы. Видимо, примеры внешнего второго города уже дал Норильск для Красноярского края (внутри институционального — вне экономического пространства). Другой класс примеров, когда город находится внутри экономически, но внешне институционально (ср. Арзамас-16 для Нижегородской области при маловероятной его интеграции в среду). Если считать институциональные и территориальные объемы и границы регионов равно важными, то три экстравагантных случая вторых городов — внешние, внутренние и фазовые — входят в более широкую группу наряду с обычными вторыми городами. Более того, различить внешний, обычный и внутренний вторые города можно только территориально, но не функционально; в фазовом пространстве они могут различаться иначе.

Привычный второй город размещен внутри региона территориально и институционально и имеет собственную ближнюю сферу влияния. Но эти признаки не универсальны; зона влияния может быть фазовой, экстерриториальной, своего рода виртуальной; территориальной, но оторванной от

8 См.: Каганский В.Л. Указ. соч.

города (как базы отдыха Норильска на материке, современный состав РАО «Норильский Никель»). Второй город может иметь малую, слабо выраженную территориальную сферу влияния, даже стремиться от нее избавиться (Череповец?), но обязан иметь сферу доминирования в фазовом пространстве региона. Вторые города, домен которых эксплицирован преимущественно территориально, образуют привычную группу (Великие Луки, Орск и пр.). Исходный же для данной статьи концептуально и фактически образ группы задан городами, домен которых носит преимущественно фазовый характер, хотя они имеют и территориальные домены, а иногда и наращивают их.

Внутренние и внешние вторые города как позиционные полюсы имеют интересные сходства и различия. Предел их статусной динамики тождествен — это универсализация статуса, интеграция частных статусов. Внешнему городу присущ институционально-территориальный суверенитет, статус, равный региону («цель» Норильска)⁹. Внутренний город лишен этой возможности; универсализация статуса есть приобретение реальных функций центра региона (например, как завершение финансовой инверсии). Для Нижнего Новгорода это — на поверхности — приход к власти в регионе группы, опирающейся на ГАЗ, более широко — функциональное центрирование города и области на ГАЗе, к чему была близка ситуация недавнего прошлого; тогда статус ГАЗа как второго города — скорее новый. Значит, в «советское время» ГАЗ был в фазовом пространстве внешним вторым городом, а сейчас скорее происходит его интеграция в регион, овнутренение положения.

Все позиции размещения вторых городов на территории региона связаны спектром плавных переходов: центр региона — пригород центра — середина региона — внутренняя периферия региона — внешняя периферия региона; для фазового

⁹ Недавно возобновились слухи о переходе Норильска в юрисдикцию Таймырского округа одновременно с попыткой менеджера «Норильского Никеля» стать губернатором этого округа.

пространства ситуация, видимо, аналогична. Фазовое и территориальное положения не только структурно близки, но и существенно дополнительные (а не параллельны, как принято думать). Они могут уравнивать и компенсировать друг друга; менее автономное территориальное положение требует более автономного фазового — и наоборот.

Развертывание территориально-фазовой схемы даст типологию позиций вторых городов. Типы положений в фазовом и территориальном пространстве и отношение фазового и территориального доменов — основа типологии функциональных ролей вторых городов и конкретных городов, играющих эти роли. Но если положение и зона влияния в территориальном пространстве достаточно географически устойчивы и относительно, в частности — картографически, наглядны, то фазовое пространство более динамично и латентно.

НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Функционально понятые вторые города структурно детерминированы, они точки максимума диссонанса институциональной и территориально-экономической структур и реализуются в территориальном и фазовом пространстве больших регионов. Вторые города — новые характерные части социально-экономического пространства страны; особый и достаточно целостный позиционно, структурно и функционально ансамбль городов. Вторые города — локусы комплексной активности и нетривиальных перестроек пространства; могут рассматриваться как новые скрепы пространства страны и выражение диагональных связей. (Проведенные в 1998—2000 гг. наблюдения — Балаково, Бузулук, Магнитогорск, Минусинск, Саяногорск, Сургут, Тобольск, Тольятти — эти выводы подтвердили.)

СТРАНА ПОБЕЖДАЮЩЕГО РЕГИОНИЗМА?*

Россия столь велика, что вся не уместается в настоящем, частично она всегда в будущем. Но по этой же причине ей целиком не хватает места и в будущем. Россия не раз была Первой. Развивающейся страной. Тоталитарной державой. Самопровергнутой социалистической теорией. Сейчас Россия — первая страна регионализма. Что это, новая нетривиальная корпоративность?

Каждый мировой город — современный Нью-Йорк, императорский Рим, Багдад халифов — не сгусток своей страны. Он — метрополия, космополитическое окно в мир, плавильный тигель, но не суть страны. Наверное, Москва — мировой город.

Она есть, живет, пытается править страной, не видя ее. Странны способы осуществления власти Москвы=Центра: регионы бомбят, покупают, подкупают, уговаривают, рекламируют, замалчивают, перед ними заискивают, наделяя фиктивными и реальными статусами. Но с подвластным не торгуются; с собственными частями не воюют. Диссонанс картины в Москве и реальности «провинции» — страны регионов — огромен. Оптика политико-публицистической тусовки Москвы=Центра — оптика галлюцинации; мифотворческая психоделика. Предаваясь игре в «единую и неделимую», Центр=Москва не может увидеть очевидного. Протекая разнообразно и даже экстравагантно,

* Впервые: Этика успеха. Вып. 4. М.; Тюмень, 1995. Работа выполнена при поддержке Интерцентра.

регионализация продолжается и углубляется. Она куда глубже проникла уже в самое повседневность, чем обычно кажется¹.

Регионы больше, чем когда-либо, стали универсальными рамками и жизненными аренами. Однако очевидная феноменология страны регионов отнюдь не проста.

СЛОИСТО-ЯЧЕИСТОЕ ПРОСТРАНСТВО

Советское и несоветское пространство структурировано очень жестко. «Постсоветское пространство» — неадекватное понятие. Сегодняшняя ситуация не может быть понята и описана иначе как трансформация прежних структур и отношений между их автономизировавшимися фрагментами, т.е. как неосоветская; поскольку радикально нового нет. Это пространство проще всего представить, вообразив властную пирамиду, опирающуюся на территорию и вросшую в нее. В нем сплетены вертикально-иерархическое и горизонтально-территориальное направления. Каждое место, всякая территория одновременно имеет горизонтальное и вертикальное положение, статус.

Пространство расслоено и ячеисто, сегрегировано не только горизонтально, но и вертикально. Каждому уровню иерархии регионов отвечают собственные территории с огромными различиями в способе жизни. Соседствующие территории центрального (бывшего союзного), областного, районного подчинения радикально отличаются. С разными уровнями и

1 Символически-информационный пласт реальности — опережающий. В Москве, читая «конституции» регионов (действительно странные), забывают свежий урок. Всего три года прошло между конституционным кризисом «республика — СССР» (ноябрь 1988 г. — Верховный Совет Эстонии декларирует суверенитет) и «отменой» СССР. Тогда в суверенизовавшихся республиках перестала быть своей «центральной» пресса. Сейчас коммуникационное пространство РФ разламывается-расслаивается: заметно доминирование местной прессы и сдвиг аудитории на местные телеканалы при полном игнорировании московскими mass-media «провинциальной хроники». Москва-Центр и страна-регионы (пока информационно?) не нужны друг другу.

статусами связаны и разные группы населения, совершенно различно воспринимающие свое положение и ситуацию; налицо статусная чересполосица земель, особенно в центрах и на границах.

Люди и группы живут не только в разных пространствах, но и в разной мере в земном пространстве. Для многих территориальное положение само по себе малосущественно и производно от других реалий. Структура не только жестко разводит и изолирует места и людей, но и нетривиально их смешивает. Физическое (территориально-географическое) и фазовое (социально-административное etc) пространства переплетены, слиты. Живущие рядом люди, семьи и группы могут «на самом деле» пребывать в разных блоках административного пространства, реализуя в силу этого совершенно различные стратегии поведения, ведя разную жизнь, ощущая, переживая (не скажу — осознавая) ситуацию совершенно по-разному. В первом приближении блоки — результат одновременного «растрескивания» региональной пирамиды на слои и разлома по вертикали иерархических «слоев».

Коль скоро за единицей пространства закрепилось название «регион», то уместно все выделяющиеся отдельности (составные части) слоисто-ячеистой конструкции также называть регионами. Каждый из них пребывает одновременно в фазовом и территориальном пространстве. Регионы фазового пространства — фазовые регионы. Всякая отдельность — место, человек, структура — одновременно покрывается множеством разных регионов, размещенных в разных пространствах. (И лишь при очень сильном огрублении и выборе одного значимого уровня-контекста видения ситуация предстает «суммой пространств сумм регионов».)

Тем самым регионы одновременно тотальны внутренне и частичны внешне. С внутренней позиции регион — тотальное сплошное пространство. Но с позиции внешней всякое конкретное место — суперпозиция (иногда очень сложная и громоздкая) многих фазовых и территориальных регионов.

Идентификация населения основана на регионах. Регион — арена обыденной жизни, жизненный горизонт масс².

В этом смысле каждая область и ее центр, всякий административный район и город, закрытый город и лагерная зона, трудовой коллектив, деревня, обжившийся дачный поселок, двор дома и многое-многое другое — это регионы. Жизненные миры. Экспонированные в физическом пространстве, если они заданы в социальном, и экспонированные в социальном, если они заданы в физическом. Очевидно, но малозаметно, что фазовые регионы стремятся обрести место в физическом пространстве, а территориальные регионы — в фазовом. Пример первого — территориализация крупных соединений вооруженных сил, отраслей хозяйства, берущих территории под де-факто прямой контроль; пример второго — получение регионами нетерриториальных статусов и обретенные функции социальных и политических субъектов³. Тем самым «страна» — **интерференция регионов**, внутренне консолидированных, разнотипных и разномасштабных.

Такая ситуация интерференции структур была бы почти тривиальна, если б не две ее особенности. Во-первых, каждое частное регионализованное пространство плотно замощено регионами, расчленено на регионы практически нацело. Во-вторых, все структуры регионализованы, нерегионализованных структур (почти) нет; даже ветви власти РФ — регионы фазового политического пространства⁴. Тем самым предопределяется

2 Ср. концепцию, где советский человек одинок, социально атомарен, между отдельным человеком и государством в целом отсутствуют реальные значимые группы и структуры; см.: Простой советский человек. М., 1993.

3 См.: *Каганский В.Л.* Советское пространство: конструкция, деструкция и трансформация // *Общественные науки и современность.* 1995. № 2, 3.

4 Их взаимодействие — аналог взаимодействию обычных регионов. Фрагментаризации территориального пространства СССР и РФ на регионы и пространства политического структурно сходны; налицо конфликт институциональных структур (регионы), неинституциональные же районы (географические единства, политические партии и пр.) не могут приобрести статус иначе, нежели ассоциируясь с регионами.

пространственная форма функциональных ниш возможных (возникающих) структур. «Новые» структуры воспроизводят и даже утрируют прежнюю структуру пространства⁵.

РЕГИОНАЛИЗМ И РЕГИОНИЗМ

Почти на всей территории бывшего СССР победили регионы. Почти на всей этой территории *нет места регионализму* в традиционном смысле, сколь странным сие бы ни казалось.

Регионализм — идеология/практика достижения существующими во внесударственной реальности пространственными (этнокультурными и др.) общностями институционального статуса; интенция географически реального района стать институциональным (административным регионом, государством). Наши же суверенизирующиеся регионы — уже институциональные районы; надо ясно сознавать, что регионализация административных регионов (нео)советского пространства не имеет отношения к собственно регионализму и по сути является псевдорегионализмом. Это — строй жизни, **регионизм**. Мы живем при регионизме.

Хотя представить себе полную суверенизацию фазового региона гораздо сложнее, нежели территориального, оба процесса суверенизации регионов идут «рука об руку» и стимулируют друг друга. Кроме того, упомянутая дополнительная экспонированность территориальных и фазовых регионов означает, что всякий фазовый регион имеет свои территориальные проекции (например, для ядра ВПК, экстерриториального относительно административно-территориального деления СССР, таковыми были «закрытые» города — особые «внерегиональные регионы»). Такие образования, резко выделяясь из окружения, будучи территориально изолированы в

⁵ См. статью «Дезинтеграция государства и стратегия негосударственных структур: пространственный аспект» в наст. изд.

нем, не обнаруживают обычного регионализма и продолжают самоопределяться в (частью фантомном) фазовом «общегосударственном» пространстве; эта гипотеза полностью подтвердилась на материале Арзамаса-16. Видимо, если предельно ясно территориально определенный Арзамас-16 все же регион *par excellence* фазовый, то и некоторые представляющиеся фазовыми регионами образования могут оказаться регионами территориальными⁶.

ЖИЗНЕННЫЙ МИР «РЕГИОН»

Пространство бывает «своим». Вернее сказать, что основа ситуаций повседневности, где нормы и стереотипы жизни носят спонтанно-автоматический, нерелективно-структурированный характер, это регионы. Каждый регион — это особая реальность⁷. Ограниченный мир, где условности безусловны. Дело не сводится к тому, что разные места несхожи или даже очень различны; иногда очень схожи. Суть гораздо глубже. Регионы — жизненные миры. В них царят свои порядки. В том числе порядки речи. Регионы — тотальные контексты. Зоны дискурса, анонимной автоматической власти.

Всякий внимательный путешественник знает, сколь многое подразумеваемое жителями им должно специально постигаться. Это общая, глобальная, мировая, человеческая, биологическая норма (ср. территориальность животных). Однако наше пространство обладает феноменальной дифференцированностью, его блоки различны не столько значениями некоторых семантических координат, сколько самим их набором. Трудно назвать это иначе, нежели порядок жизни. Этот порядок самообоснован, он не может быть мотивирован иначе как

6 См. статью «На чем Москва стоит. Особая точка» в наст. изд.

7 См.: Розин В. М. Опыт гуманитарного исследования художественной реальности поэтических произведений // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1987.

эмфатической тавтологией «у-нас-это-так!». Эти порядки, по-прежнему яркие и для самого СССР как суперрегиона, недискурсивны и внерациональны (например, запрет гражданам РФ пешком пересекать ее границы). Вам могут как-то объяснить, как именно в конкретном месте что-то так, но сама ситуация вычленения этого «так», его проблематизации и аргументации глубоко травмирует аборигена. Именно сочетание изолированности региона с пронизанностью его иными регионами рождает характерное амбивалентное сочетание «апатия — агрессивная ксенофобия». Вывод из опыта путешествий: этот синдром не выражен именно на монорегиональных территориях без интерференции статусных систем и порожденной ею неопределенности («патриархальная глубинка», провинция в точном смысле).

Пока сказанное туманно; дискурс очевидности труден. Регион — жизненный мир, где норма-, право-, властепологание и прочее не вычленены из жизни и свершаются как ее автоматизм. Они могут быть очень далеки или совсем близки для соседних регионов, но ведь меры-то нет? Отчасти это называется «обычным правом», однако оно все же осознано как право. Жизнь же региона контрдискурсивна и контррефлексивна. Очень яркое проявление этого — хорошо известное различие «норм» для местного жителя и приезжего: они могут касаться использования ненормативной лексики, перевозки багажа, покупки товаров, стандарта контакта с властями, приобретения и пользования имуществом, и так до бесконечности. Жизненный порядок региона — порядок для жителей региона. Включенность в этот порядок и обретение в нем (далекого) аналога прав достигается не нахождением в «юрисдикции»⁸ региона, а укорененностью в ней. Разумеется, жители бывшего СССР чудовищно бесправны; но их спонтанно санкциони-

⁸ Разумеется, между «юрисдикциями» регионов есть свои иерархии, и как раньше москвич вне Москвы имел привилегированный статус, то теперь скорее что-то вроде слабодискриминирующего, но важно, что ситуация статусного порога сохранилась.

руемые жизненные возможности совершенно различны для разных регионов.

КОРПОРАЦИЯ «РЕГИОН»?

Когда в 1991—1992 гг. власти Сочи попытались захватить все предприятия отдыха на территории города (кроме правительственных), то предметом городских и внешних дискуссий были проблемы успешности этой инициативы и ее последствий. Вопрос о праве даже не возник. Возник вопрос о способах отстоять «прежде свое». Этот пример прототипичен. Нечто в пространстве региона — его достояние, если только не «принадлежит» более сильному (имеющему статус выше) региону (именно в это время статусная система регионов резко проблематизировалась). Вся текущая история несоветского пространства именно такова. Для фазовых регионов точный аналог — захват предприятий их работниками/начальством.

В фиксируемой феноменологии отношения типа отношений собственности не отчленены и не обособлены от пространственных отношений — нахождения в регионе и пр. Экономическая периодика живописует «произвол», творимый местными «элитами» в разборках за контроль над крупными предприятиями. И контрольный пакет акций в АО есть у чужаков, и инвестиционный конкурс они выиграли и пр., а контроля нет, и местные «власти» почему-то на стороне местных.

Право, собственность, коммуникация без «опертости на пространство» — не работают. Не существуют. Есть лишь властно-правово-экономико-лингвистическое единство. Контекстуально-свободная деятельность⁹ не существует. Владеть чем-

⁹ Ср. обобщенное различие контекстуально свободных и несвободных сообщений в лингвистике (т. е. обобщения, семантика которых независима или зависима от контекста). Стоит говорить о контекстуально свободных и несвободных экономиках и пр., фиксируя типы контекстов.

то в регионе — это значит (со)владеть некоторым регионом; регионы (как фазовые, так и территориальные) — единственный предмет собственности здесь и теперь. (Это не означает неизменности системы регионов: меняется соотношение сил, возникают новые — преимущественно фазовые — регионы и пр.; однако сохранна сама региональная метаструктура.)

Итак, возможности существовать, иметь и понимать осуществляются путем принадлежности к региону. Именно таким путем осуществляется и регион. Главное утверждение статьи: регион — это основной тип контекста, универсальный и доминирующий; любая структура может существовать исключительно как регион того или иного пространства.

РЕГИОНИЗМ И ЕГО «ИДЕОЛОГИЯ»

Специфика российско-неосоветской системы идеологических ниш — инверсия рамочных и политических идеологий. Ярче всего это выражается в регионализме. Под ним здесь понимается комплекс политико-идеологических дискурсов и практик, по цели ориентированных на реализацию интересов регионов и/или региональных элит (того, чем они представляются этим элитам). В современных условиях глубоко регионализованной страны именно взаимодействие регионализма и дополнительного по отношению к нему контррегионализма разного типа — основная сфера реализации политик и идеологий. Этот общий всем типам регионов тематизм рассмотрен в основном на материале территориальных регионов как более ярком и прозрачном.

В этой ситуации для политики как таковой нет места, функциональной ниши. Структурное и функциональное подобие регионов приводит к подобию (почти тождественности) их интересов и «программ»; что обычно невозможно: политические субъекты (силы) заведомо нетождественны целями и программами. Регионы — политические субъекты ситуации без

политики¹⁰. Известно: поведение регионов почти не зависит от политической ориентации и происхождения их властей. Различия стратегий регионов значительны, но в существенной мере обусловлены полнотой их структуры, возможностью достройки ее до полной либо возможностью компенсации этой неполноты (союзы и др.), текущей ситуацией и т.д. Конструкция региона обязывает его к аполитичности. Коммунисты, демократы, технократы, националисты, либералы, стоящие у власти в регионах, ведя себя чрезвычайно сходно, обесмысливают эти политические идентификации. Регионализм перерабатывает собственно политику. Тогда регионализм — политика спонтанной деполитизации (и деидеологизации).

Проводя самообосновываемую данностью материала региона политику интересов (а не программ), регионы для ее обеспечения (манифестирования, декорирования, получения поддержки, внешней легализации, маскировки и пр.) используют в инструментальной функции почти любые «обоснования», пригодные для указания на восстанавливаемую при регионализации «справедливость», на самом деле состоящую в «дефиците статуса». Такие обоснования весьма эклектичны, фрагментарны, противоречивы и т. п. Например, одновременно используются ссылки на поправные в пространстве СССР права, нарушение равенства регионов, их традиционные льготы, прежнее привилегированное положение, апелляции к любым историческим периодам, эпизодам и пр. (ср. идентификацию Турции Ататюрка с хеттским государством и культурой). В идеологических комплексах регионализма фрагменты любых идеологий (не только их) практически свободно сочленяются исходя из доминирования прагматики над содержанием.

Регионализм — метаидеология и метаполитика неразборчивости, очевидно чреватая региональным шовинизмом и ксенофобией (которые широко наблюдаются), в чем видна явная преемственность с идеологической практикой СССР. Тогда

10 См. раздел II наст. изд.

регионизм — постидеология. В «идеологии» регионализма причудливо сочетаются деформированные и частью инвертированные фрагменты национализма, экологизма, социализма, технократизма, постиндустриализма, консерватизма, сепаратизма, шовинизма etc; менее всего регионализм в обычном смысле. Использование любых идеологических концептов и их фрагментов, априорная инструментальность ценностно фундированного, произвол комбинаций, склонность к инверсии символических позиций (инверсии ролей Центра и регионов и пр.) и многое другое делают регионализм «идеологией» постмодерна. (Впрочем, в мировых культурных координатах иначе и не определить хронотоп современной РФ.) Учитывая, что регионализация — фрагментаризация не только пространства, но и времени, диверсификация судеб регионов, обилие символических и функциональных анахронизмов и полихронизмов, свобода (произвол) в обращении к культурно-политическим образцам, смешение и взаимные замещения дискурса и действия etc, регионализация — постмодернизм в действии.

В ситуации регионализма любые семанτικο-политико-идеологические клише начинают жить новой жизнью. Свобода, справедливость, равенство, собственность etc — это уже предикаты субъектов, которыми являются регионы, части-фрагменты бывшего советского целого. Ранее я выдвинул интерпретирующую гипотезу «буржуазной революции регионов»¹¹, однако постидеологический характер регионализации в сочетании с ее тотальностью позволяет в принципе говорить о либерализме, социализме, анархизме etc регионов.

Самобытность современной несоветской идеологической ситуации во многом состоит в непроясненном, а потому и непреодолимом конфликте соответствующих идеологем, укорененных в разных пространствах, набора регионов и собствен-

¹¹ См.: *Каганский В. Л.* 1) Война и революция районов // Независимая газета. 1991. № 171; 2) Российское пространство: части сильнее целого // Век XX и мир. 1992. № 5.

но возникающего (частью фантомно) в их зазорах общества. Реальна конкуренция одноименных идеологем, носителями которых являются разнотипные регионы (например, острый конфликт собственно либерализма и «либерализма регионов», или, иначе говоря, антиномика «прав региона» и прав человека). По-видимому, все участники политического рынка — регионы разных типов, причем основное противостояние должно было бы состоять в конфликте территориальных и фазовых регионов, но это не так.

ПРИВАТИЗАЦИЯ РЕГИОНОВ?

Регионизация — тотальна; региональная фрагментаризация — часть ситуации. Ее характерная примета — универсализация регионов путем приобретения ими статусов во многих разных пространствах. Территориальные регионы становятся фазовыми — и наоборот. Всякий значимый субъект экспонирован в хозяйственном (легальная и/или теневая «финансово-промышленная группа», концерн), властно-политическом (группа влияния в нескольких властных структурах) и публично-политическом (партия), информационном (средство mass-media), даже программно-концептуальном пространстве (платформа критики и преодоления кризиса) и т. д.

Фундаментальная особенность советско-неосоветских регионов состоит в том, что они одновременно суть рамки и структуры, живущие по законам этих рамок. Эти фундаментальные аспекты действительности здесь-и-теперь неотделимы друг от друга, как разные стороны одного листа. Именно поэтому реальная приватизация может быть исключительно тотальной и состоять в приватизации самих регионов. Что и означает одновременную приватизацию всех атрибутов регионально-государственной системы — институциональных структур, власти, «права», насилия etc. Процесс так и идет, а создание новых структур осуществляется по типу прежних.

Идет не «строительство капитализма», а конструирование новых негосударственных регионов (см. ярчайший пример «Норильского Никеля»).

Важная новизна процесса приватизации регионов — в быстро растущей сложности их совокупности: увеличивается число регионов и, что существеннее, число пространств фазовых регионов; тем более — число связей этих пространств. Только на этом пути дробления может быть (видимо, спонтанно и неожиданно) найден некий порог, за которым региональная структура пространства вынуждена будет допустить нерегionalное дополнение как условие собственного выживания.

* * *

Страна регионов. Регионы — жизненные горизонты, универсальные и частные. Тотальные арены деятельности. Универсальные контексты. Комплексные субъекты.

Обычная корпоративность социально частична, социум не делится нацело на корпорации; корпорации задают частные рамки для деятельности, но сами всегда «живут» в статусно и субстанциально иных рамках. Наши **регионы — самодействующие рамки**. Частью атрибутов и функций регионы тождественны корпорациям. Но регионы не корпорации потому, что они ультракорпорации.

«Некорпоративности» региона есть и иное объяснение: необходимость мыслить связку нашей реальности, регионов и корпоративности определяет вывод, что в реальности регионы — квазикорпоративная среда. Аналогом корпораций выступают совокупности регионов, экспонированных в одном пространстве: осмысленно говорить о квазикорпорациях территориальных, экономических, криминальных etc регионов.

25 мая 1995 г.

РОССИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ВРЕМЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДЕЛЕНИЯ

Яркие события десяти—двенадцати последних лет в нашей стране были связаны с пространством; оно само быстро и сильно менялось, действуя на все сферы жизни. Однако парадокс состоит в том, что Россия, обремененная именно пространством, в сущности, пространственно неменяема. Подтверждение тому — не только крах всех геополитических планов государства, от спасения СССР до создания реальной федерации в России, но и растерянность общества перед новой пространственной реальностью, чрезвычайно трудное ее освоение, непонимание, страх перед ней и бегство от нее.

Цель статьи — показать связь происходящих общественно-политических событий и структуры пространства, выделить основные тенденции трансформации пространства, выявить сферу, где осмысленны действия государства. В целях междисциплинарной коммуникации изложение заострено и терминологически облегчено; методологические основания, концептуальные схемы и примеры развернуты в других цитируемых ниже работах.

Современная, в том числе политическая и экономическая, ситуация объяснима на основе **структурной детерминации**. Это значит, что состояние объекта, его трансформация, возможные будущие состояния обуславливаются прежде всего его структурой. Такая структура может быть вскрыта лишь

концептуально (теоретически). Эти теории могут быть либо супердисциплинарными, либо неким образом давать «сквозные сечения» нашего социума. Здесь я использую вторую возможность. Наш социум в силу своей структурной конституции столь ярко воплощен в пространстве, что пространственный подход обещает как достаточную полноту взгляда, так и его (относительную) независимость от предметных конструкций экономики, политологии, социологии и пр. Короче говоря, пространство рассматривается здесь и как особый аспект реальности, и как позиция, исходя из которой может быть сформулирован взгляд на современную Россию в целом.

СОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Наблюдаемая пространственная событийность закономерна. Происходит процесс спонтанной трансформации пространства. Современное пространство на территории Российской Федерации (РФ) — результат трансформации структур, унаследованных от СССР. Особый тип пространства, характерный именно для СССР, называется **советское пространство**; это не синоним территории СССР¹.

Главное для нашего пространства отнюдь не размер. Советское пространство необычно для современного мира, это общее пространство общества и государства, пространство **общества=государства**. По пространственному устройству невозможно отличить и отделить общество от государства. Это одна система, единый каркас и узор. Представить это наглядно можно было бы так: построить карты общества и государства и изучить их возможное совпадение. Оно окажется полным; это одна и та же карта. Подставив в пример сельское хозяйство и промышленность, мы увидим специфику советского пространства.

1 См.: *Каганский В.Л.* Советское пространство: конструкция, деструкция, трансформация // *Общественные науки и современность.* 1995. № 2, 3; а также раздел II наст. изд.

Советское пространство не испытывает воздействий государства, поскольку оно внутри государства; пространство национализировано. Единственное пространство универсально; один каркас несет и организует размещение производства, иерархию поселений, статусы территорий, жизнеобеспечение, институты государства и т. д. Все существующее размещается по одному рисунку, разложено по одинаковым ячейкам в одинаковом порядке. Советское пространство всюду одинаково. *Достаточно единственной универсальной карты для всех мест.*

Единое единственное пространство неизбежно становится системой государственных статусов. Всякое место, положение в пространстве — некоторый статус. Независимых от пространственного положения статусов нет. Положение в пространстве = место в государстве.

Советское пространство задано из надпространственной позиции. Пространство-проекция сконструирована. Множество спущенных сверху задач создают пространственные ячейки. Места, расстояния и связи производны от вертикально-иерархических, властно-административных. Множество связанных по вертикали ячеек слагает фрагментированное, разорванное пространство. Территория складывается и даже состоит из полуизолированных, трудно связанных квазиавтаркичных мест. Ячейки стандартизованы и централизованы.

Административное деление — универсальный территориальный каркас

Административно-территориальное деление (АТД) — та базовая система ячеек, матрица, на которой выстроены все остальные структуры советского пространства. Хотя территориально-институциональная структура шире собственно АТД, последнее есть и рассматривается как ее основа; АТД трактуется расширительно. Советское АТД реализовало принцип «единства политического, экономического и этнического» (история здесь не рассматривается). Институциональная структура

является одновременно и территориальной, административная — комплексной. АТД — равно структура государства и всей повседневной жизни на его территории, тем самым структура их взаимозависимости.

АТД в узком смысле — система вложенных друг в друга единиц, районов, имеющих определенные ранг, территорию и границы. Далее единицы АТД называются **регионы**. Ряд «СССР — республика — область — район» известен. Есть промежуточные, неполные, т.е. не покрывающие всей территории, единицы: города союзного — республиканского — областного (и т.д.) подчинения. Они обычно являются центрами регионов.

Каждому уровню административного деления отвечают свои территории. Уровни иерархии соотнесены по вертикали, а подчиненные им объекты соседствуют по горизонтали, на территории. Наше пространство — наложение, мозаика территорий разного подчинения (ранга). Пример: расположенные в радиусе 10 км аэропорт союзного уровня/подчинения с поселком, шоссе республиканского уровня, городок областного подчинения, что-то аграрное районного уровня и деревенька в составе сельсовета, закрытый объект. Однако иные связи соседству не сопутствуют.

Это не имело бы значения, если бы система АТД существовала помимо системы расселения, иерархии промышленных центров и т.п. Единица АТД, регион, является комплексным районом. В пределах регионов осуществляется управление всей деятельностью. Всякий знает, что системы здравоохранения, сельского хозяйства, соцкультбыта и другие выстроены по каркасу АТД.

Регион — также и программный район; функция программы — управление жизнью людей и жизнеобеспечение. Программы дифференцированы по уровням АТД. Система АТД — не столько система территорий, сколько универсальная система статусов; статусы жестко фиксированы. У нас не только территории, поселения, предприятия, объекты, но и люди — союзного, республиканского, областного, районного уровня/значе-

ния. Программы, задачи, функции распределены по единицам АТД, поэтому на административных границах регионов, и тем более при переходе от уровня к уровню, резко меняется тип, уровень, качество обыденной жизни, специализация сельского хозяйства и многое другое вплоть до обычного права. АТД — каркас полной вертикально-горизонтальной сегрегации.

Единство региона усиливается тем, что регион — реальный узловой район, т.е. территория, возглавляемая доминирующим во всех отношениях центром, связанная с ним и подчиненная ему. Система АТД порождает моноцентрическое моноиерархическое пространство; пространство гиперцентрализовано.

Единственной осью, подчиняющей все направления территории, является ось «центр—периферия». Дифференциация территории детерминирована расстоянием от центра. Даже размещение массивов сохранившегося ландшафта, тем более сельского хозяйства, подчинено этой структуре. Основные связи — центростремительные. Основа транспортной сети — связи между центрами по иерархии; в СССР 2/3 железнодорожного пассажиропотока шло через Москву. Границы административного района, тем более области, почти не пересекаются транспортом. На аэрокосмических снимках территории СССР отчетливо видны границы регионов. Регионы бросаются в глаза даже из космоса.

Иерархии регионов отвечает иерархия центров. Центр региона — главный административный, промышленный, культурный etc центр, крупнейший по размеру. Советское пространство не знает ситуации, когда крупнейший город, самый богатый город, административный центр, лучший университет, крупнейший концерн были бы пятью разными городами. У нас это один город. Все иерархии совмещены.

Внутри регионов замыкается основная масса связей. Программно-узловое замыкание региона делает его целостным, отграниченным и изолированным. (Санкционированное государством проявление этничности есть лишь в регионах, чей статус имеет соответствующий компонент. АТД, громадный

этногенетический фактор, превращает отношения этносов в отношения регионов.) Институциональный каркас не наложен извне, а пронизывает территорию насквозь, материализован, овеществлен. Регион — это монолитная социально-хозяйственная плита. АТД — единственная система частей, на которые делится и из которых состоит пространство. Отношения и различия в пространстве — отношения или между этими частями-регионами, или внутри них.

Регионы уже в советское время были протосубъектами, вспомним борьбу с местничеством. Тотальные регионы создают административную идентификацию. Жизненный мир большинства людей определен системой АТД. Жизнь, компетенция, сознание региональны; регионы — жизненные арены и горизонты. Такое пространство обречено быть невменяемым.

Система АТД — мир автоточечной симметрии, градиозная система самоподобия. Регион подобен государству по конструкции. Но почему система не развалилась раньше, если уже содержала столь самодостаточные составные части?

Существовало несколько систем, скреплявших советское пространство во времена СССР. Верхние уровни имели территории в регионах всех уровней. Функциональным ядром системы АТД был регионально-надрегиональный аппарат компартии. Надрегиональный Центр был ключевым функциональным звеном системы АТД, одновременно обеспечивая и подавляя регионы. Пригнанность системы регионов требовала непрерывного насилия, мощной вертикальной коммуникации при блокировке горизонтальной, жесткого разделения по уровням региональной иерархии контроля важнейших ресурсов и вертикальных потоков таких ресурсов. В СССР — регионе высшего ранга — была интегрирующая подсистема. Она почти совпадала с военно-промышленным комплексом (ВПК), реализовавшим функции интеграции как государства, так и территории. Отсюда формула:

СОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО = АТД × (АТД + ВПК).

Трансформация советского пространства

Самый яркий процесс не всегда основной. «Распад СССР» бросился в глаза. Менее заметно, что это лишь промежуточный этап долгого процесса. Готовые составные части суверенизировались. В рамках феноменологии не важно, кем, зачем, отчего и почему был (и был ли) инициирован процесс. Важнее, в чем он состоит, чем определяется, что происходит сейчас.

Трансформация советского пространства — спонтанная структурно детерминированная суверенизация составных частей, блоков. Эти блоки однотипны и потому жестко конкурируют за одни и те же ресурсы, в первую очередь институциональные, как между собой, так и со смежными уровнями иерархии, прежде всего с Центром. Унификация блоков сделала их готовыми участниками дележа ресурсов, а успех их в этом дележе был эквивалентен статусному выживанию блоков.

Факты налицо. Центр СССР дестабилизировался. Именно из Центра были запущены механизмы суверенизации блоков. Гласность создала потоки ненормативной горизонтальной информации. Переход предприятий на хозрасчет принудил регионы активизироваться. Уже I съезд народных депутатов СССР легитимизировал регионы как субъекты политики. Регионы вступили в борьбу за выживание; их стремление сохранять свой статус вело к конфронтации с вышестоящим уровнем. Таким образом, система демонтировалась отнюдь не антисистемными силами: все элементы пытались повысить-сохранить статус, что и привело к распаду СССР. Произошла **революция регионов**². Распад СССР — ее этап и первый результат.

Процесс суверенизации регионов — борьба вертикали и горизонтали. Регионы вступали в горизонтальные союзы по уровням иерархии, использовали прямые связи (бартер и др.); Центр применял силу и вертикальное распределение ресурсов. Регионы и Центр (уровень регионов и суперрегион) за-

2 См.: *Каганский В.Л.* Война и революция районов // Независимая газета. 1991. 31 дек № 171.

ключали (вряд ли целиком осознанно) союзы через уровень. Противостоя РСФСР, Центр СССР стимулировал суверенизацию автономий РСФСР; республики СССР выходили на международный уровень, т.е. выше Союза. РСФСР боролась со своими регионами, опираясь на более низкий уровень — центры регионов (так называемые демократические города).

Регионы превратились в универсальные субъекты и были признаны таковыми. Других значимых субъектов, кроме Центра и его функциональных блоков, не было. Царила явная конкуренция регионов-субъектов разных рангов одной территории. Начал формироваться **социум регионов**. (Прогнозы распада СССР этого не предусматривали.)

Социум регионов весьма необычен. Революция регионов была «буржуазной» — регионы выступили за свободу, суверенитет и собственность. Тогда регион — аналог личности для советского пространства, совокупность регионов — народа, а процесс регионализации — аналог секуляризации сакрализованного общества=государства. Апелляция Центра к регионам в ситуации кризиса (конфликта ветвей власти) соответствует прямой апелляции Власти к народу. Судьба путчей была предопределена процессом регионализации.

СОВРЕМЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО

Российская Федерация как целое

Современное состояние пространства РФ — этап трансформации советского пространства. Выражение «постсоветское пространство» не просто неточно, оно искажает суть дела; если структуры советского пространства сохранены и активны, то современное российское пространство — **несоветское**³.

3 См.: *Каганский В.Л.* 1) Россия в «беловежском» пространстве // *Пределы власти*. 1994. № 2/3; 2) Регионы в несоветском пространстве // *Российские регионы в новых экономических условиях*. М., 1996.

Спонтанные процессы реструктуризации не ослабевают. Горизонтальные отношения доминируют. Сохранен набор блоков советского пространства, но сменилось доминирующее направление. Пирамида осела; рядом стало то, что раньше было выше/ниже. Функционально соседями могут быть теперь любые территории (регионы — их центры и пр.). Например, регион и его центр, регион и Центр, Москва и Крым.

Территориально РФ — сложное образование. РФ монтируется из многих разных фрагментов СССР на части его территории, повторяя с небольшими вариациями судьбу СССР. РФ представляет собой сложный конгломерат, в него входят: фрагменты СССР вне республик, Москва, номинальные регионы РФ, собственно РФ. Сложность сборки РФ в том, что РСФСР не была стандартной частью СССР, регионом типа других союзных республик, областей и пр., а сложной интерференцией (основной части) Центра СССР, базой его функциональных структур и регионов нескольких уровней. Сейчас интеграция РФ отстает от становления ее собственных регионов.

РФ определена в пространстве противоречиво и слабо. Существует немало спорных территорий, статус ряда смежных территорий неясен, ряд регионов внутри РФ и вне ее находится под силовым контролем вплоть до военных действий. Ряд территорий ассоциирован с РФ. Критически важные для статуса РФ объекты находятся за ее пределами (Байконур, Севастополь). Доминанта геополитики и региональной политики — борьба за советское наследство.

Территориальная компетенция Центра РФ — острая проблема, если прерогативы Центра стали предметом конфликта и торга с регионами. Многие регионы обладают правом veto в распоряжении территорией и фондами; так, не удалось восстановить немецкую автономию в Поволжье, для чего нужно было изъятие территорий у двух регионов. Примеры самостоятельности регионов широко известны.

Москва находится в глубоком конфликте с Центром РФ за особый статус. Республики РФ имеют признаки государств, но

Москва их являет куда ярче. Это собственная внешняя политика, особые отношения с рядом регионов РФ и странами СНГ, полуавтономная финансовая система, визовый режим, «гражданство». Москва оформляется как **город=государство**, на территории которого размещена резиденция РФ как ассоциированного государства. В СССР Москва имела комплексный статус региона ранга республики и входила в Центр СССР; также была местонахождением административного центра РСФСР — но не была частью РСФСР. Конфликты «РФ—Москва» и «СССР—РСФСР» структурно очень близки. (Современная РФ — это СССР сегодня, роль РСФСР в СССР отчетливо играет Москва.)

РФ — нестабильное квазигосударство. Ранее территория РФ была вовлечена в автодемонтаж СССР; ныне незаконченность распада СССР сдерживает распад РФ. СССР продолжает существовать как проблемная территория. Мнение, что РФ прошла миг неустойчивости и нужно лишь связать Центр и регионы, ошибочно.

Существенный признак региона/района — целостность (связность) территории. РФ куда менее связна, чем каждая из ее частей. На территории РФ пересекается много узловых районов, но ни один не совпадает с РФ полностью. Сохранение РФ как государственного целого требует постоянных больших усилий. Открытие страны сделало явным тяготение большей части территории РФ вовне.

Регионализация и регионы

Процесс регионализации включает суверенизацию структурных компонентов, блоков; демонтаж ими вышестоящего уровня; интеграцию блоков, сборку компонентов; перестройку отношений в системе. На территории РФ идет регионализация, как минимум, трех уровней: СССР — РФ — регионы. Теоретически процесс должен был бы идти сверху: только после интеграции (сборки) регионов, демонтировавших верх, и оформления новой полной системы регионов процесс регионали-

зации идет дальше. В реальности все несколько сложнее: нижние уровни входят в процесс до завершения демонтажа верхнего; СССР недораспался, РФ недособрана, многие регионы РФ суверенизированы, а иные даже сами фрагментируются.

Уровень субъектов федерации — сфера самой яркой активности, хотя главного уровня активности нет. Пространство полисубъектно, многоуровнево, полимасштабно; функции и власть государства размазаны по уровням и неравномерно распределены по территории. Горизонталь — доминанта отношений регионов, что не означает их равенства. Взаимодействие регионов становится рассредоточенным, прямым. Трансформация необратима, реставрация невозможна.

Суверенизирующиеся блоки — территориальные (регионы) и функциональные (соединения вооруженных сил, отрасли экономики и т. д.). Функциональные блоки приобретают территории; регионы стремятся стать чем-то вроде концернов. Регионализация пока усиливает согласованность территориального и фазового пространств: многие внутриобластные регионы — это заводские города/районы. Субъекты федерации размываются ходом регионализации; некоторые уже надломались и разламываются.

Ныне в пространственных взаимодействиях доминирует структурная инерция. Пока масса инерции не пройдет порога, многие формы останутся потенциальными. Структура пространства обуславливает единство процессов на всех уровнях и территориях. Это прежде всего доминирование институциональных регионов над районами иных типов, общность территориальной и проблемной структур регионов, новых характерных частей, стратегий регионов, сходство сепаратизма и контрсепаратизма СССР и РФ.

Смысл регионализации — глубокое изменение рамок жизни. Регионы сохранили почти все функции, а кое-какие стянули с нижних уровней и получили из Центра; сила и комплексность регионов возросла. Регионы — универсальные **самодействующие рамки**. Существуют только регионы какого-либо

пространства либо их структурные блоки. Это касается всех структур; так, крупные финансовые структуры — компоненты (не сплошного) региона Центра. Все отношения не вычленены из пространственных. Регионы — склейки 'право-собственность-насилие'. Существовать, иметь, понимать можно лишь через принадлежность к региону. Владеть чем-то в регионе — (со)владеть регионом; регион — единственный предмет собственности (см. практику захвата регионами объектов на своей территории как самозаконный акт — от поселков до республик СССР). Как прежде все определялось местом в пространстве, так теперь — соотносённостью с регионом, т. е. в конечном счете все с тем же пространством, но уже иначе — через собственность.

Тотальность регионов — симптом невычлененности пространства из общества=государства. Экономика оказалась легче отделяемой от государства, нежели пространство. Государство самодемонтируется, выделяя части, где сохраняется склейка пространство=государство. Пространство приватизируется вместе с институциональной инфраструктурой; приватизация тотальна — следовательно, происходит **приватизация регионов**.

Она проявляется по-разному. Известна административно-рыночная конкуренция регионов. Институты региона превращаются в квазикорпорации. Налицо межрегиональные передачи («продажи») территорий ранга административных районов (и проекты): Ивановская — Нижегородская, Курганская — Свердловская и др. Крупные негосударственные образования строятся как негосударственные регионы, их конструирование соответствует сборке компонентов суверенизирующихся регионов (например, нефтяные корпорации получили областные сети нефтепродуктообеспечения целиком). Братск де-факто присоединил соседние административные районы общей финансово-нормативной базой, создав квазирегион нового статуса. Огромный регион «куплен» посредством приватизации РАО «Норильский Никель». Пространство приватизируется во всех аспектах, а не только как фонды, предприятия,

земля etc. Это ли не приватизация институционального пространства и размывание граней между феноменами государство-регион-корпорация?

Картину дополняют неинституциональные районы: 1) крупные традиционно выделяемые части СССР/РФ (Север, Сибирь, Дальний Восток и т. д.): единства нет; 2) экономические районы РФ: базы ассоциаций регионов, основа проектов создания федеральных земель; общность процессов; 3) экономические внутриобластные микрорайоны, или округа: сеть не актуализирована, кроме ряда национальных районов, становящихся самопровозглашаемыми регионами (дробление автономий на Северном Кавказе и др.); есть проекты раздела ряда областей на округа (Свердловская область уже разделена на шесть округов); 4) городские агломерации, цельность которых не проявляется: пассивны в отличие от городов-центров, единство Московской и других агломераций функционально лишь для криминалитета. Перечисленные районы не явили активности целостных районов, не стали субъектами. В крупнейших городах самовыявились отдельные малые компактные части, претендующие на самоуправление; в областных центрах ряд городских районов — экономически сильных и географически цельных территорий — претендуют на автономию. Есть попытки сельсоветов перескакивать в иные административные районы.

Основная пространственная активность упорядочена по силовым линиям советского пространства. Различия, связи, конфликты по-прежнему между регионами. Более чем сохранно размещение; основные формы даже активизировались. Новые институты, общности, фирмы, движения, партии вжились в каркас АТД, укрепляя его, регионализованы функционально, концептуально, мифологически.

Пространство трансформируется, но нет радикальной новизны, пространственного творчества. Новое в пространстве старое, ставшее явным. Латентные структуры превращаются в явные (например, ЗАТО — закрытые административно-тер-

риториальные образования); реализуются и конвертируются накопленные позиции (например, нефтяные города — финансовые центры); актуализируются инерции, статусно оформляется ранее сложившаяся ситуация.

Проявились новые характерные части — результат наложения старых блоков, особенно разных уровней и типов. Например: лимитрофы типа Абхазии — сопродукт регионализации СССР и Грузии, общая часть СССР и РФ; Крым — сопродукт регионализации СССР, Украины, РФ и вооруженных сил СССР; Приднестровье и т. д.

Особая характерная часть регионов — **вторые города**, вторые по размеру города региона, сравнимые с центром. Они имеют самостоятельную зону влияния, обнаруживая диссонанс реального положения и статуса, представлены на более высоком уровне и имеют элементы его структур (например, федеральные предприятия). Ситуация обща для разных территорий и уровней. Вторые города — точки роста, новаций, конфликтов, оппозиции региону, союза с Центром. Примеры: Братск, Магнитогорск, Норильск, Сочи, Череповец. Это новый неполный уровень системы регионов; сфера максимума диссонанса институциональной и территориальной структур, что и является причиной активности, бума экономических событий, трансформации. Эти города постоянно привлекают к себе внимание; но притом не выделяются как целостная группа⁴.

Всего реальных субъектов пространства РФ — Центр (Центры), регионы, центры регионов, вторые города, ЗАТО и др. — насчитывается порядка 300 (на территории региона может быть десяток таких субъектов, но не каждый субъект федерации входит в список).

Логика власти и логика пространства

Современная ситуация — в малой мере результат реализации планов Центра, но в большой — результат его действий и оши-

4 См. раздел II наст. изд.

бок. Противоречие здесь кажущееся. Последние годы демонстрируют цепь неудач Центра СССР и РФ в усмирении революции регионов с неожиданным результатом.

Есть два основных способа противостоять революции регионов: **контррегионализм и дерегионализм**; соответственно — два процесса, которые Центр может поддерживать или инициировать: контррегионализация и дерегионализация. Первый — борьба с мятежными регионами, противостояние сепаратизму (блокада, насилие, уступки, провокация сепаратизма в бунтующем регионе). Контрсепаратизм бессмыслен для противостояния целому уровню иерархии регионов, взаимодействия с регионами могут только усилить их. Центр СССР не различал противостояние сепаратизму отдельных регионов и уровню регионов в целом, борясь со всеми составными частями, и был демонтирован. Центр РФ уступил регионам, но в целом повторяет логику действий СССР. Для пространства РФ, сохраняющего прежнюю советскую структуру, вывод о бесплодности стратегии контррегионализма остается в силе.

Дерегионализация — тоже борьба с уровнем регионов, но иная. Она состоит в ослаблении, размывании региональной структуры за счет косвенных действий, активности в пространстве помимо регионов, игнорирования регионов и активизации внерегиональных сил. Эта стратегия может быть весьма эффективна. Яркий пример политики неосознанной (?) дерегионализации — либерализация цен, резко ослабившая регионы с их контролем хозяйства, бартером и пр. Потоки денег (и решений!) становятся внерегиональными, чем и достигается эффект. Либерализация означает разъедание системы регионов.

Взаимодействия с регионами редко дают планируемый результат. В будущей истории персонаж *Гайдар* может прослыть хранителем единства России именно за счет побочной (дерегионализующей) роли либерализации экономики. Однако либерализация цен имела оборотной стороной ослабление (в основном внерегионального) ВПК, что имело регионализую-

щий эффект. Персонаж *Чубайс* же может прослыть пособником развала России. Приватизация активизирует регионы как субъекты разгосударствления, реставрирует их как статусные системы собственности, ячейки. Приватизация оказалась мощной прорегиональной акцией Центра, но в более длинном периоде и это может обернуться иначе: регионы быстро освоили финансовые игры, приватизация же оказалась контркризисной мерой и сохранила Центр, а субъекты федерации начали размываться приватизацией.

Смысл, результат любого политического действия зависит от конкретного пространственного и временного уровня; это принципиально. Есть основания для гипотезы, что такие меры несколько раз меняют направление воздействия на региональную структуру. Так, идущая приватизация функционально обесценивает регионы ранга субъекта федерации, но на следующем уровне иерархии усиливаются вторые города и другие фрагменты регионов, возможно усиление внутригородского сепаратизма, достаточно осмысленного.

Есть и иные примеры амбивалентных действий Центра. Власть (Центр) не достигает желаемого, ибо пространством регионов нельзя управлять, тем более директивно. Некоторые воздействия власти на пространство возымели результат лишь потому, что усиливали спонтанные процессы, попали в резонанс.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ДЕЛЕНИЕ КАК ПРОБЛЕМА

Ситуация реформы АТД

Реформа АТД одновременно неизбежна и невозможна. Ситуация сложная. Реформа неизбежна, поскольку АТД — анахронизм; оно дисфункционально без силовой пригнанности регионов. АТД — источник острых проблем, непрерывно порождает сильные конфликты, внутри него не разрешимые. Они

захлестывают Центр, экономику, право, обычную жизнь. Реформы этих сфер без реформы АТД — бессмысленная и опасная растрата ресурсов. Его порочность кроется не в частных дефектах конфигураций и функций, но в его тотальности. Оно игнорирует большую часть различий и ресурсов пространства; создает гиперполяризацию и централизацию, неэффективные решения, огромные трансакционные издержки, обусловливает дороговизну связей. АТД физически и институционально фрагментирует пространство, создает статусную чересполосицу и неравенство, административную сегрегацию мест, людей, фирм, затрудняя новации. АТД — источник и инструмент большого государства, формирует «естественные монополии»; советское АТД — субпланетарная естественная монополия в сфере размещения. АТД чревато тотальной нестабильностью; города-центры сращены с регионами, что блокирует городскую жизнь. АТД исключает разделение властей и существование рынка; антиобщественно в точном смысле слова, так как искусственно сохраняет дорогую и опасную конструкцию. Большинство распределяемых через АТД ресурсов уходит на его поддержание.

Но в АТД идут спонтанные изменения; они необратимы. АТД вышло из состояния квазистабильности: нет замыкающего союзного уровня; размыта система статусов территорий; регионы самоопределяются; формируется рыночная экономика. Но эти изменения частичны и противоречивы. Идущая трансформация изменит АТД, но результаты явятся не скоро и будут оплачены дорогой ценой. Уже теперь видно: первые подвижки в системе АТД усилили кризис жизнеобеспечения, упала пространственная компетентность перегруженного функциями Центра.

Однако реформа АТД невозможна по частям и в целом. В целом, поскольку АТД — лишь компонент и аспект (нео)советского пространства; по частям — поскольку АТД не расчлениется на реформируемые сегменты. Не может быть никакого действия, ограниченного исключительно и только АТД. Проблемы/задачи его реформы как таковой, отдельной и авто-

номной, не существует, есть множество проблем коррекции идущей трансформации пространства. Принципиально, что практически любая акция государства, не только адресованная специально регионам, по сути, непредсказуемое воздействие на АТД. На него нельзя не действовать; повлиять может просто все; но неясно, как именно.

Трансформация полисубъектной многоуровневой динамичной сферы не может быть произведена единым конструктивным актом одного субъекта. Центр устроен так, что заведомо не может провести реформу АТД; анализ показал, что даже простая региональная политика, т.е. систематическое перераспределение статусов и средств между регионами, невозможна и опасна⁵. Реформа АТД типа абсурдных проектов губернизации или сбивания регионов в «федеральные земли» и даже акции типа региональной политики — административная агрессия; это взорвет Центр и резко обострит ситуацию. Страна оказалась устойчивой к гражданской войне; но ее легко начать реформой АТД, даже декларацией намерений.

Что благоприятствует реформе АТД?

Страна находится в переходной ситуации, быстро проходит зону бифуркации, поле свободы выбора хотя и стремительно сокращается, все еще остается. Ослаблена территориальная инерция, есть новые точки экономической активности. Именно сейчас нормальные инвестиции — эффективная дерегионализирующая стратегия; санация экономики, долгосрочные инвестиции и преодоление административно-регионального каркаса — одно и то же. Пуста ниша функций взаимодействия территорий; ее пытались занять биржи и банки. Налицо большой дефицит структур, статусов, правил, норм, институтов etc. Рынок интеграции регионов, проектов развития и т.п. зияюще пуст. Слабо понимание цены и долгосрочных последствий реформы.

⁵ См.: *Каганский В.Л.* Региональная политика РФ как проблема // *Этика успеха*. Вып. 7. М.: Тюмень, 1996.

Что мешает реформе АТД?

Мощный процесс автодемонтажа СССР/России сильнее Центра. Налицо множество разнонаправленных процессов. Общества как такового нет, дефицитна субъектность. Размыты или не сформированы группы с выраженными долгосрочными интересами, особенно территориальными. Издержки АТД, цена сохранения его теперешнего состояния огромны, но не локализованы; реформа АТД — осмысленная инвестиция, но для кого? Разным группам нужны разные воздействия на территорию; тогда некоторым группам должны быть выгодны почти любые состояния пространства. Конфронтация «Центр — регионы» дискредитировала Центр; он функционально фрагментирован, не имеет долгосрочных целей.

Слабое понимание цены и долгосрочных последствий реформы является и неблагоприятствующим фактором. Всеобъемлюща и активна пространственная невменяемость, особенно у практиков пространства, при малых знаниях; их сознание замусорено мифами и клише. Изменения принципиально культурно и технически сложны.

Осмысленная реформа АТД означает функциональный подход к государственному пространству, оставшемуся весьма сакрализованным, несмотря на мощную секуляризацию в процессе регионализации. Территориальные формы, границы, размер государства (страны) столь же важны, как конституционное устройство. Можно ли эффективно обсуждать и решать эти вопросы при вульгарной массовой сакрализации территории, особенно единства, размеров и границ? Ключевое условие обустройства территории — размер (так, федерализм — компенсация величины страны). На некоторых отдельно взятых территориях создать «хорошее АТД» невозможно. Есть серьезные основания думать, что нынешние пределы и размеры обрекли РФ на нестабильность; санация АТД без радикального изменения размеров здесь не поможет.

Тенденции и возможности трансформации пространства

Главная альтернатива воздействия на спонтанные процессы трансформации пространства состоит в следующем. Можно либо усилить идущие процессы фактического разгосударствления и приватизации всей институциональной структуры пространства, либо пытаться им противостоять, конструируя новую (или дополнительную) систему типа АТД. Иначе говоря, альтернатива для статусов территорий — **сверхсистема — рынок статусов**.

Альтернатива состоит в выборе роли для государства (Центра): либо Центр продолжает создавать пространственные рамки и одновременно действовать внутри них⁶, либо устраняется с поля пространственной игры, охраняя ее правила. Тот же выбор стоит перед любым пространственным институциональным субъектом вплоть до мельчайших единиц местного самоуправления. (Известные автору большие системы действуют, исключительно совмещая обе пространственные роли.) Региональная политика (игра) — альтернатива институциональному обустройству (охрана рамок). Реальна следующая альтернатива касательно АТД: создать новое или «продать» старое АТД.

Центр извлекает выгоды либо из спонтанных процессов, либо из сопротивления им. Любое действие есть акция одних регионов (квазирегионов) против других при попустительстве третьих. Центр (структуры Центра) явно на стороне одних регионов, что лишь подтверждает: он сам есть квазирегион. Реставрация АТД, региональная политика, реализация программ под лозунгами «пространство и порядок» будут акциями, выгодными лишь немногим регионам.

Обустройство региона «Центр»

Центр РФ — регион наряду с другими регионами, хотя и аморфный; его пространственное структурирование — реальная проблема.

6 Именно таково введение семи федеральных округов (примеч. 2000 г.).

Институциональная структура пространства Центра будет иметь смысл, только будучи независима от АТД. Условиями независимости являются полное несовпадение с АТД и заведомо иная конструкция.

Этим требованиям отвечает такое образование. Статусная система включает разные по территориальным формам и функциональному профилю компоненты. Территории лишены универсальных статусов. Нет универсальных ячеек, соответствующих единицам АТД, но есть множество несовпадающих сетей. Компоненты не совмещаются территориально и функционально, не образуют системы. Сосуществует множество автономных сетей: вместо одной сети сильных универсальных районов — множество разных частных (судебных, избирательных, социальных, полицейских, пожарных etc; местное самоуправление может строиться аналогично). Частные институциональные районы (они могут быть в любом смысле частными) должны резать территорию по живому. В этом — реализация принципа разделения функций и/или властей⁷.

Это легко изобразить, но вообразить в привычной жизни трудно: у территории нет единого хозяина, администратора (местное самоуправление функционально не полно) — за встречу зимы, выборы, строительство капитализма спросить не с кого. У каждой территории будет много властей, у каждой власти — ни одной зоны монопольной юрисдикции.

Идеал прежнего советского АТД — дать каждой целостной территории один универсальный полифункциональный институт, вынеся проблемы и конфликты вовне. Здесь иначе: всякая территория полиинституциональна; институты конкурируют. АТД советского типа стремится к вращению в территории, «предлагаемая» система, напротив, должна быть максимально дистанцирована от территории. Она будет поддерживать, даже провоцировать конфликты; будет институционализацией конфликта, что и нужно для его разрешения.

7 Новые федеральные округа — реализация прямо противоположной логики, логики советского пространства (примеч. 2000 г.).

Конструкция имеет две разные сферы применения: территория Центра как конкретного региона и «федеральный слой» всей территории РФ (полномочия, органы, собственность и пр.). В первом случае это функциональный эквивалент АТД, во втором — его конкурент. (Но в обоих случаях есть проблема конкуренции Москвы.)

Альтернативой АТД многим видится просто использование вполне реальных, но институционально не оформленных типов районов. Например, сколотить «федеральные земли» из больших территорий типа Западной Сибири, «округа» которых будут меньше областей; положить в основу новых регионов природно-аграрные районы и т. д. Это освежит территорию, даст импульсы роста новым местам. Однако слабая система не заменит АТД, а сильная воспроизведет ее пороки. В этом нет никакого смысла; возможны комбинации пороков всех систем.

АТД и спонтанная либерализация пространства

Размывание (большинства) регионов гарантировано спонтанной трансформацией пространства. Но государство (Центр) может осложнить процесс, временно усилить (отдельные) регионы, взрастить милитарно-криминальные регионы, что и происходит (так, кризис Приморья был предопределен подавлением второго города (Находка) и Владивостока с помощью Центра). Главная помеха нормальной жизни на всей территории бывшего СССР — огосударствление и обобществление. Без полного радикального разгосударствления и приватизации пространства тут жизни не будет. Жизненно важно **отделение пространства от государства**. (Только так может проявиться и сформироваться пространство, которое, строго говоря, еще не существует, не проявилось, поэтому затруднительно что-то с ним делать; сегодня это смесь инерции, бунта, хаоса... Как истинное состояние экономики стало возможным увидеть в процессе ее либерализации, т. е. прорастания эко-

номики сквозь советское народное хозяйство, так и пространство должно прорасти из «советского пространства».)

АТД де-факто приватизируется, институциональная либерализация пространства стоит на повестке дня. Стратегия опережающей институциональной либерализации пространства осмысленна; ее потенциальный эффект велик. Но пока сдерживаются именно новые осмысленные процессы: регионализация (дробление) регионов, выламывание городов-центров из регионального плена, поиск единицами АТД более удобной юрисдикции, гибкие статусы, неполное включение в разные регионы, торговля статусами, создание новых частных единиц АТД (частные поселения) и мн. др.

Институциональное освобождение единиц АТД — комплексная акция, позволяющая санкционировать и одновременно санировать реальные процессы; иногда она окажется «институциональной скорой помощью». АТД устроено так, что оно все равно будет приватизировано, коль скоро приватизируются все реальные источники ресурсов. Шок неизбежен. Впрочем, как и исчерпание возможности жизнеобеспечения в рамках нынешнего АТД.

Действуя в логике административного рынка, Центр может купить территории, вывести из АТД и заново обустроить — либо способствовать их самовыкупу. Разумно было бы выкупать территории под «зоны, свободные от АТД» и далее приватизировать их в буквальном смысле слова. (С ЗАТО все происходит наоборот: они были вне АТД, а теперь их туда впишут, хотя их надо было бы сразу приватизировать.) Частично такое и делается (см. выше о «Норильском Никеле» — большом фрагменте региона «Центр»). Если регионализация означает приватизацию и деполитизацию, то и «торговля» регионами — на повестке дня, в том числе и связанная с этим торговля избирательными правами.

Совмещение последовательной либерализации как проекта и реальной тенденции спонтанной квазитотальной прива-

тизации создает новую ситуацию. Она нигде не реализована и не описана.

Это институциональное обустройство пространства без АТД. Функции минимального (даже малого) государства не связаны с территориальным устройством. АТД исторически унаследовано от иной эпохи. Оно не имеет функций само по себе; существуют территориальные образования, и они наделяются функциями. Минимальное государство, т.е. государство, сохраняющее за собой лишь судебные функции и монополию на применение насилия⁸, исключает АТД. Немногочисленные институты имеют собственные территориальные структуры. Связь судебной власти с районной нарезкой пространства вовсе не обязательна; отношение подсудности может быть — и исторически бывало — фиксированным не территориально. Задачи, приписываемые АТД, сугубо внетерриториальны и внегосударственны. В светском государстве без монополий, полностью прошедшем деколонизацию и федерализацию, с приватизированными землей, хозяйством, жизнеобеспечением, наукой, культурой, образованием и т. п., АТД нет места. Местные сообщества живут в поливалютной поликультурной, полиюрисдикционной, полимуниципальной ситуации. Нет АТД, и нет нужды его запрещать или реформировать.

1996—1998

8 См.: Либеральная хартия // Сегодня. 1993. 23 февр.

РЕГИОНАЛЬНАЯ АНАЛИТИКА И ВИДЕНИЕ РЕГИОНОВ*

Статья имеет целью заострить и выделить некоторые важные условия видения, исследования, анализа etc региона, указав ряд существенных пресуппозиций (условий осмысленности) и проблем регионально-го анализа; его простейшая, отправная и основная форма — собственно видение региона. Излагаемые результаты уяснены и частью получены в ходе включенного наблюдения многих регионов¹.

СУММА РЕГИОНАЛЬНОСТИ. ОБРАЗ-МИФ РЕГИОНА

Проведенный по региону Тюмени экспертно-аналитический опрос дал ценный материал о том, как видится и чем предстает регион, своего рода «сумму региональности»². Использую этот материал как исходный для реконструкции логики указанного регионального анализа.

* Впервые: Кенгавр. Методологический и игротехнический альманах. 1998. Вып. 20.

1 Маршруты 1992—1996 гг. охватывали территории: Центр и Север России, Урал; Южная Сибирь; Карпаты, Крым; Камчатка.

2 См.: Тюмень в процессе формирования новой региональной политики: материалы консультативного опроса экспертов. Тюмень, 1994.

Пространственные и смысловые рамки рассмотрения статичны; система рамок единственна. Как самоочевидные, заданные и абсолютные данности приняты Тюмень в ее немногих ипостасях, Российская Федерация. Территория — политическая вещь; специфика конкретной территории — исключительно положение в топографическом, властном и ресурсном пространстве и/или обладание его содержимым (претензии, проекты, надежды). Структура территории бедна: лишь наложение регионов разных рангов. Типологическая определенность территории не развернута. Территориальные структуры априорно стабильны; допускается лишь трансформация их отношений. Регионализация видится процессом взаимодействия немногих отчетливых, сформировавшихся, властно-политически манифестированных сил. Механизм регионализации и будущего регионального самоопределения Тюмени — политика и экономика на основе наличных ресурсов и схем технологии. Набор вариантов ролей региона беден и краткосрочен — не больше одного-двух поколений. Пространственно-временные горизонты видения узки, заданы в очень немногих масштабах. Понятийный образ региона и регионализации не расчленен, место региона в многообразии пространственных форм не проблематизировано, регион видится самоочевидной, естественной, самодостаточной реальностью. Будущее трактуется исключительно в признаках настоящего, как продленное настоящее. Мерой успеха региона берется достижение им некоего состояния, статуса в застывшем смысловом пространстве; завтрашний регион прожектируется в мире вчера. Развернутые картины Тюмени-как-ситуации удивительно сходны, почти совпадают; веер позиций не развернут. Различия в основном состоят в описании реальных и нормативных «векторов» статичных универсальных компонентов.

Семантическая структура образа региона универсальна, характерна для любой современной работы с регионами³. Ре-

3 См.: Бандман М. К. Геополитическое положение Сибири после распада СССР // Известия РАН. Сер. географ. 1994. № 3; Вишневский А. Г. Единая

гион видится так, но причина не в реальности. Это клише. Оно архетипично, просто, понятно. Но никакая реальная ситуация ему не отвечает.

ПРЕСУППОЗИЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ АНАЛИТИКИ

В региональной аналитике, региональном анализе, экспертизе и пр. **регион** — одновременно **феномен, субъект действия** и **рамка для действия** в системе других рамок, контекстов. Система, или спектр рамок, должна быть открыта, динамична, полимасштабна. (Модальность долженствования — не нормативность позиции, а прием описания методологической герменевтики региона.) Смысл интеллектуальной работы с регионом — переход от региона как внешней определенной данности (ныне — бывшего блока в системе административно-территориального деления) к региону как суперпозиции пространственно реальных целостностей, единств. То, что представит конкретным регионом, не может браться региональной аналитикой как нечто заданное, с ограниченным объемом и смыслом. Регион — не только объект, который дан, но субъект, вырастающий и выращиваемый (частью) в ходе регионального самоопределения, региональной политики региона как сложной игры коалиций групп, мест, ценностей, норм.

Система рамок принципиально открыта и специфична для каждого региона. Тому, что все регионы испытывают ныне

и неделимая // Полис. 1994. № 2; Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. М., 1995; *Зубов А. Б., Колосов В. А.* Что ищет Россия? // Полис. 1994. № 1; *Павленко С. Ю.* Легитимация административного регионализма // Куда идет Россия? Ш. М., 1996; *Петров Н. В., Трейвизи А. И.* Региональный сепаратизм и дезинтеграция России // Россия и СНГ: дезинтеграционные и интеграционные процессы. М., 1994; Регион в политической системе России. Н. Новгород, 1993; Программа помощи депрессивным районам / Аналитическое управление Президента РФ. М., 1995; Россия и СНГ: дезинтеграционные и интеграционные процессы. М., 1994.

сходные состояния из одного и довольно небольшого набора проблемных состояний, сказанное не противоречит. Регион — аналог текста в самом широком смысле, и работа с ним есть путешествия в мире контекстов, рамок. Открытость, множественность и динамизм рамок-контекстов — сейчас не только непеременные требования к региональной аналитике, но атрибуты ситуации. Специфика укорененного в конкретике культурного ландшафта подхода к региону задает работу с рамками. Регион — образование, которое само себя полагает, утверждает, растит, отчасти строит; это текст, который сам себя пишет. Оно заведомо и принципиально неоднородно и многопланово организовано.

Складывающиеся клише работы со знаниями о регионах в целом интеллектуально бедны и несовершенны; проблема, однако, состоит в том, что сама по себе научно-концептуальная работа с регионами бессмысленна. Здесь нет ситуации чистого нейтрального исследования и конструирования, если она вообще существует. Регион — пока в туманно-неопределенном смысле, который будет уточнен, насыщен и проблематизирован ниже, — субъект (комплекс, клубок субъектов) воли, действия, успеха, ценностей и целей, правил и норм. Именно и только в такой среде осмысленна когнитивная работа, именно среда задает аналитике требования и рождает для нее условия и материал.

Региональный аналитик, исследователь, эксперт (условно и кратко — регионалист) должен быть равно чужд и позиции интеллектуального оснащения в отстаивании сиюминутных целей некоей группы, отождествляемой с регионом, и позиции отрешенного внешнего наблюдения. Регион требует от регионалиста ясности и осознанности позиции, хотя клубящаяся плоть становления регионов и их новой странной жизни иррефлексивна и иногда рационально непроницаема. Охват региона требует прежде всего этико-волевой работы. Четкость позиции особенно важна потому, что существует принципиально много разных позиций, сопря-

женных с регионом, погруженных в плоть ландшафта региона. Позиция регионалиста — скользящая, динамичная метапозиция. Регионалист обязан работать с осмысленными наборами позиций, реконструируя непредставленные — реальные и потенциальные — позиции для полноты картины. Чтобы быть нейтральным в пределах одного региона, надо работать со многими регионами.

Теория пространства — а аналитика региона не может быть внетеоретической — должна строиться на когнитивном и личностном включении в множество позиций. Знание о пространстве — функция положения личности в нем. Адекватность знания/теории — функция размера личности и охвата ею пространства. Региональный анализ не лимитирован ресурсами эмпирического знания. Критический ресурс — рефлексия включения в регион и ее теоретические средства.

Региональный дискурс требует многообразной локализованности в пространстве не только адресата деятельности (региональной системы), но и его адресанта (полиперсонального и полипозиционного автора анализа). Региональный дискурс — диалог развернутых пространств, концепций, языков, схем. Но любые региональные представления культурно, идеологически, политически нагружены. Одно лишь это требует многообразия позиций, причем не столько методологических, сколько укорененно-жизненных. Разнообразие позиций не может не отвечать разнообразие картин (рамок) ситуации, посредством подключения к конфликту (взаимодействию) которых дается включение в ситуацию региона и возможность семантически и/или ценностно мотивированного действия.

Таким образом мы приходим к региону как к тому, с чем можно что-то делать, — исследовать, проектировать, реконструировать и отстаивать интересы и пр.; в том числе — и как к предмету. Подчеркну, что всякий действующий человек — в некоем аспекте — регионалист (выступает в функционально-ролевой позиции такового).

РАМКИ, РАМКИ...

Крушение советской империи, сделавшее возможным региональное самоопределение, — не линейно детерминированный процесс движения системы от одного состояния к другому, но нечто совсем иное. Это ситуация расщивания прежней системы рамок и контекстов (громоздкой, но согласованной, как хорошая теория), ситуация открытого универсума рамок. Можно сказать, что в этой открытости и стоит видеть новую «онтологию» современного несоветского пространства. Хотя чрезвычайно многое в нем предопределено структурной инерцией, компонент неопределенности существен и неустрашим. Такая ситуация совершенно обычна для «цивилизованного мира», но абсолютно нова для нашей ситуации и как таковая еще не обжита и не интериоризирована.

Даже пространственные рамки (они в силу привычности выражения кажутся самыми простыми) сейчас нетривиально динамичны. Идет процесс регионализации, выделения из тотального единства бывших структурных компонентов, таких, как административные регионы — единицы административно-территориального деления. Однако процесс зашел так далеко, что он обязан мыслиться поливариантно. Само существование Российской Федерации в будущем и ситуации на ее территории даны только как открытое множество то сплетающихся, то далеко расходящихся траекторий. Региональная аналитика обязана проблематизировать РФ как одну из рамок, тем более что нельзя не видеть ее неустойчивости. Инерция долгого совместного существования территорий и хозяйственно-технический потенциал их реинтеграции ничуть не предопределяют государственно-политических форм этой интеграции. И даже того, будет ли в этой ситуации скольконибудь существенно привычное нам контурно, структурно и функционально государство (регионы).

Сами образы государства, экономики, технологии и т.п. вплоть до региона — это тоже только не вполне определенные

рамки. Тем более что эти рамки территориально вариативны. Множественность рамок — еще и множественность масштабов, как пространственных, так и временных. Представления о государстве, политике, экономике, социуме, технологии не только исторически и пространственно вариативны, но относительно и ограничены. Так, ситуации «распада» СССР и идущей регионализации РФ, где регионы выступают как новые для советского пространства субъекты квазигосударственного типа, не могут быть строго охарактеризованы на основе привычных одноуровневых представлений о государстве. Экономика, в которой одним из главных ресурсов служит институциональный статус, а основными субъектами выступают формально государственные и/или региональные административные внеэкономические институты, не отвечает своему понятию, но вполне реальна.

Существуют — и актуальны как раз для регионального дискурса — именно такие пространственно-временные горизонты (масштабы), где эти представления не работают и должны быть заменены иными, частью только создаваемыми.

И если в одном пространственно-временном горизонте есть РФ — квазигосударственный механизм, опирающийся на внешне ему данные локусы концентрации энергетических ресурсов локального во времени техноэкономического типа, и соответствующий конфликт интересов, то в ином горизонте скорее существует совсем иное. Например, уникальный тундрово-болотно-таежный мегакомплекс Северо-Западной Сибири, освоенный небольшими нетехнологическими этносами. И регион Тюмени в такой перспективе осмысленнее интерпретировать не как сконструированный комплекс добычи ресурсов нефти и газа для поддержания функционирования далекой внешней внерегиональной системы, а как искусственный деструктор ландшафтной среды и катастрофический, особого типа детериоратор водных ресурсов, надежно и эффективно удерживаемых болотными геосистемами.

Трансформация советского пространства (распад СССР здесь лишь эпизод) — глобальный процесс. Мировые следствия еще не явлены. Десоветизация пространства (первое звено геополитических землетрясений) — детонатор перестройки Северной Евразии, мощный фактор формирования постсовременной мировой структуры.

Трансформация советского пространства имеет глубокий и разный смысл во многих горизонтах вплоть до планетарного, во времени — до тысячелетий. Регионализация актуализирует потенциальные геополитические формы: полицентричная Восточно-Европейская равнина, несколько русских государств (и этносов) без имперской доминанты, структура России без центра типа Петербурга, автономия Сибири... Налицо **регенерация пространства исторических возможностей**⁴.

Концептуально-категориальные рамки и схемы анализа и видения не должны онтологизироваться и овеществляться, одно из проверенных (но ничего не гарантирующих) средств против этой напасти — множественность, плюрализм рамок, отвечающий феномену региона.

ЦЕНТР — ПРОВИНЦИЯ — ПЕРИФЕРИЯ — ГРАНИЦА⁵

Самоопределение всякой территории, тем более претендующей, как регион, на сверхфункциональное единство, заведомо многообразно. Однако пока дальше схемы «центр — периферия» с переносом акцента на второй член и инверсии этой схемы такое полагание не идет.

Применительно к объемлющей территорию большей территории осмысленны, по крайней мере, четыре позиции, роли, функции.

4 См. статью «Россия как ситуация исследования и понимания» в наст. изд.

5 См. подробнее статью «Основные зоны и типы культурного ландшафта. Центр — провинция — периферия — граница» в наст. изд.

1) **Центр** — репрезентатор системы в целом вовне; властное, смысловое, хозяйственное ядро. Главный, единственный (незаменимый, недублируемый) компонент. Концентрация активности, особая роль и высокая значимость знаково-символической деятельности, в том числе согласовательно-интерпретирующей. Преобладает работа со знаками, вещи используются преимущественно в знаковых функциях. Транзитный характер и частичное оседание транспортируемо-распределяемого материала. Миграционное притягивание. Источник градиента и зависимости.

2) **Провинция** — прицентральный периферия. Срединная зона, удаленная от краев системы. Преобладание работы с вещами, а не знаками; использование воспроизводимых ресурсов. Особая роль местного населения. Относительная самодостаточность. Связь с центром без сродства и противостояния.

3) **Периферия** — приграничная провинция. Статус задан удаленностью от центра и близостью к границе. Зависимость. Несамодостаточность. Использование невозпроизводимых ресурсов. Противостоит центру без сродства с ним. Связи фрагментов помимо Центра затруднены или отсутствуют. Моноцентрические связи и транспортно-коммуникационные сети.

4) **Граница** — анти- и контрцентр. Символическая антитеза-продолжение центра. Существование лишь в контакте-противостоянии центру. Велика роль территорий (объектов) далекого территориально и иерархически подчинения. Жесткое сверхфункциональное регулирование.

Схема носит и функциональный характер, применима не только к пространственным системам. Перспективным видится анализ территории как композиции указанной системы функциональных и территориальных статусов.

Для РФ/СССР территориально: Центр — Москва и Подмосковье и территории/объекты центрального подчинения; Провинция — основная заселенная территория; Периферия — Северо-Восток. По уровням иерархии регионов: Центр — Центр РФ, Провинция — субъекты федерации, Периферия —

административные районы и сельсоветы, Граница — фрагменты системы, анклавов Центра. Для Москвы: Центр — Центральный округ (резиденция РФ) с его уникальными объектами; Провинция — средняя промышленно-селитебная зона (называемая в обиходе «городом»); Периферия — остальное. Граница — особые статусно, но не территориально фрагменты Москвы. Для региона ранга субъекта федерации Центр — центр региона, Провинция — прицентральный субрегион и основные центры субрегионов, Периферия — остальные территории, Граница — окраины региона (обычно) под контролем функциональных компонентов более высокого уровня.

Интерференция структур разных уровней порождает сложные эффекты. При этом статус и ситуация территорий могут как усиливаться, так и обнаруживать неоднозначность. Восточный берег Камчатки — ультрапериферия: периферия СССР, РФ, области: упадок и разрушение освоенной территории, бегство населения и пр. Каждый элемент территории может принадлежать к разным — и противопоставленным — компонентам разных уровней. На уровне РФ Котлас — провинция; куда более далекий от Москвы=Центра областной центр Архангельск — периферия; в области Котлас — дальняя периферия; на следующем уровне — центр экономического микрорайона на стыке трех регионов.

В анализе Тюмени ее возможное место и позиция по отношению к РФ, округам и внутренней структуре региона определялась только в координатах «центр — периферия», что весьма обеднило ситуацию. (Не случайно не нашел своего места Тобольск — явная Провинция Тюменской области.) Пафос же многих оценок — бунт периферии, не видящей для себя другой роли, кроме самостоятельного, самодостаточного центра. Однако «Центр с позиции периферии» — отнюдь не то же самое, что «Центр с позиции провинции» и пр.

Всякая территория морфологически включает эти компоненты и в генерализованном масштабе есть и должна рассматриваться как любой из этих компонентов. Иначе говоря, для

всякой территории должен быть найден такой пространственный горизонт, где она есть Центр, где она Провинция и т. д.; что может означать акцентирование соответствующих групп, способов деятельности, норм, отраслей хозяйства⁶. Структурная композиция региона и/или иной законченной системы территории обязана включать все эти компоненты сбалансированно; советская же структура пространства привела к гиперцентрализации, тотальной периферизации и фактически-му выпадению Провинции. Поиск судьбы регионом — явно или неявно выбор одной из таких (подобных) ролей.

Существенно, что каждая из зон — как бы метатип жизненного мира, трансформирующая и доопределяющая любой признак человека и группы позиция. При помощи подобных схем должны описываться прожектные интересы групп, влияющих на целеполагание в регионе.

Схем анализа, выступающих и как каркасы самообоснования региона как пространственного единства, не может не быть много.

РЕГИОН, РАЙОН, ПРОСТРАНСТВО

Современные регионы — крайне жесткий случай районирования, когда районы — тотальности пространства. Превращение системы административно-территориального деления не столько в институциональный, сколько в универсальный каркас-рамку пространства — явный случай онтологизации схемы, произведенной всей мощью государства. Мощи уже нет,

⁶ Функциональная позиция Москвы как Центра тривиальна. Однако осмысленны все позиции: Провинция — для большинства жителей, ведущих свою жизнь, хозяйство и/или бизнес в сопряженных секторах города и Подмосковья; Периферия — для мирового сообщества и крупного иностранного бизнеса, иностранцев, работников «инофирм», бизнесменов и этой среды; части криминальных сообществ; Граница — для многих элит и субэлит мировых культурных регионов и др.

но ее результаты остались, особенно в мышлении. Только интеллектуальные стереотипы требуют мыслить территорию расчлененной на одну-единственную систему районов, которые якобы существуют на самом деле. Но на самом деле так устроена не территория, но социополитически мотивированные схемы мышления и работы; такова политическая онтология пространства⁷. В плену этих стереотипов пребывает и региональная аналитика. Ее избавление от этого плена равносильно возможности полноценного существования.

Территорию можно и нужно мыслить совершенно иначе, тем более что в действительности скорее обнаруживаются основания для выделения многих разных систем районов, нетривиально наложенных друг на друга (а равно и многих отдельных районов, не образующих систем)⁸. Вопрос о том, какая из них «более реальна», не имеет в общем случае никакого смысла. Какие именно районы нужно выделять на территории, может показать лишь конкретный анализ; какие именно существуют — может показать лишь явное введение онтологических связей. Среди многочисленных потенциальных или латентных районов — ныне политически маркированные административные регионы, пока более заметные, чем многие иные районы. Однако современная заметность и фундаментальность структур (тем более — перспективность) — не одно и то же.

Представление об одной системе районов на территории основано на априорном тезисе об отсутствии значимой дифференциации людей (системы интересов), из чего следует тезис о наличии единственной осмысленной позиции видения территории и/или ее существования. Достаточно произвести уже очевидный отказ от них — и это представление расплывается. Наличие разных групп людей с разными интересами, живущих в разных масштабных и иных горизонтах, — основа-

7 См.: *Каганский В.Л.* Основные парадигмы районирования // Районирование и региональные проблемы. Екатеринбург, 1993.

8 См.: *Арманд Д.Л.* Наука о ландшафте. М., 1975.

ние, чтобы видеть территорию как комплекс многих разных, быть может и конфликтующих, систем районов. Сильное, но тривиальное представление о конфликте разных районов и/или в одной системе районов обязано смениться представлением о конфликтах разных систем упорядоченности территории.

Нынешний конфликт 'Центр – регионы' может интерпретироваться как конфликт двух схем районов. В первой районы вырастают из территории и наращивают необходимые им надрегиональные структуры; во второй (бывшей долго официальной доктриной) надрегиональные и вообще внепространственные структуры конструируют районы (регионы) для решения определенных задач. В географии это называется районированием «снизу» и «сверху»⁹. Заманчивое конструирование новой ситуации как нового «районирования сверху» бессмысленно.

Одна из важнейших задач региональной аналитики — конструктивизация региональных конфликтов в схемах противостояния систем районирования одной и той же территории, что может способствовать экспликации таких конфликтов и дальнейшей работе с ними (особенно если включать в экспликацию характеристику групп, интересы которых реализуются в той или иной районной форме).

Однако и такой ослабленный вариант представления культурного ландшафта системами районов хотя и необходим, но не универсален и не полон. Всегда найдутся трансрайонные (внерайонные) феномены и структуры, группы людей и отдельные личности. Для тех из них, что актуально существуют сразу во многих пространственных горизонтах (масштабах), представление районными сетями будет уплощающим. Выработка подлинного социокультурного самоопределения региона ранга субъекта федерации (не говоря уже о меньших) в долгосрочной перспективе зависит от очень небольшого числа людей; их отсутствие не может быть ничем скомпенсирова-

9 См.: Арманд Д. Л. Указ. соч.

но. Одна из обычно упускаемых задач — работа с подлинной элитой территории, укорененной в ней и являющейся носителем глубинной идентичности. Но в рамках схем типа «центр — периферия» элита обнаружиться вряд ли сможет. Проблема соответствия семантического размера региона и размера «личности региона» абсолютно реальна и предельно актуальна. (В частной беседе А. Е. Осетров высказал хорошую идею: без личности, соразмерной региону/району, его полноценное существование сомнительно.)

Региональная аналитика обязана использовать мощный и богатый инструментарий районистики, заведомо осознавая границы его концептуальных возможностей.

РЕГИОН — ПЕРЕХОДНОЕ ВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Современные регионы — «постпродукты» советского пространства, структурными блоками которого они были. Блоки оказались сохраннее целого. Известно, что структурная прочность регионов (определившая распад страны почти полностью именно на регионы, а не на другие пространственные фрагменты) конструировалась и поддерживалась целенаправленно центральной властью. Сейчас она распадается, и регионы (в этом смысле) отпущены в автономное плавание. Однако деструкция Центра и связанных с ним структур должна рано или поздно обесмыслить, обесформить и обесценить регионы. В ситуации, когда никакого (консолидированного) Центра де-факто нет, экономика региона приватизирована вне зависимости от того, кому она досталась, а выживание людей — их собственное дело, регион оказывается перед требованием обладания внутренней, абсолютной и ландшафтно-человеческой, а не внешней, относительной и политической определенностью. Регион — рамка для жизни, пока не отчленимая от нее, но только рамка, одна из рамок.

Внешние основания для нынешних регионов отмирают. Своей активностью регионы демонтируют систему, где они сформировались как предрегионы, но в конце придет черед проблематизации уже не сетки отношений, а ее узлов (региональных блоков). В этом смысле административные регионы — отнюдь не новые, но отживающие субъекты политики. Это реликты, обновившие имидж; они не укоренены в будущем. Региональная активность бессмысленна, если она не различает разных систем территориальных единств, одна из которых находится в ситуации деструкции и демонтажа (что представляет интерес и выгоду для многих групп), а другие — в ситуации становления; региональные политика и аналитика, слепые к этому, опасны. Регион может сохранить свои структуры, рубежи и т.п., лишь переродившись, сменив онтологический статус. Многие ли регионы пройдут это горнило? Многим ли регионам есть смысл самосохраняться в прежних рамках? Ведь регион отнюдь не самоценность.

Региональная активность пока есть конвертация административного статуса региона в государстве; но этот статус — такой же невозобновимый ресурс, как запасы сырья. Может ли на этом основываться долгосрочное существование?

Район в любом смысле — это общность людей, единство человека и пространства (ландшафта). Используемая терминологическая версия, где регион — институциональный и одновременно реальный район, отнюдь не единственна, хотя такое словоупотребление все более закрепляется. Есть, в частности, позиция, где регион — привилегированный район, ценностно самоопределяющийся как субъект регионализма¹⁰. В советском и нынешнем несоветском пространстве люди, места и артефакты — материал, подчиненный политико-административной форме и порабощенный ею. Не говоря уже об этической сомнительности такой ситуации, пространствен-

10 См.: *Левинтов А. Е.* От района к региону // Известия РАН. Сер. географ. 1994. № 6.

ные формы жизни людей могут быть сугубо внерегиональны. Регионы/районы — одна из очень многих форм организации людей в пространстве. Из этого с очевидностью следует, что регионально-районный дискурс, не преодолеваящий себя в переходе к более широкому и глубокому видению человека в пространстве, интеллектуально ограничен и даже реакционен, а социально есть подчинение группам, статусы которых заданы именно в регионализованной структуре пространства. Исследование и конструирование, понимание и творческая работа со спецификой конкретной территории и в ней отнюдь не тождественны ее замыканию в систему типа «регион». Преодоление и восстановление ландшафтно-культурной почвы территории бывшего СССР и даже реинтеграция хозяйственных связей в нем отнюдь не означают реставрации СССР; последнее может только помешать этому.

Многообразие людей и групп, которое сейчас только поступает и оформляется, означает, что любая общность типа региона дана лишь отдельным группам. Региональная аналитика обязана беспристрастно и безжалостно установить, что это за группы. Для разных групп, вообще говоря, существенны (даже существуют) разные образования типа региона, разные пространственно-региональные масштабы и горизонты.

Исследования разных регионов показали, что в рамках формально одних и тех же социальных групп сосуществуют разные пространственно идентификации и связанные с ними стратегии и программы жизнедеятельности, социальные тоны, типы переживания, реакции на современную событийность и пр. Удивительно многое зависит от того, живет ли человек в приобретающей самостоятельность регионе или в руинах Советского Союза; речь идет именно о жизни в реальном (хотя и не топографическом) пространстве. При очевидной важности географо-ландшафтного пространства его ментально-поведенческий аспект — важнейший компонент ситуации. Ныне — время не только горизонтального растрескивания, но и вертикального расслоения советской жизни.

Ситуация, когда социоэкономическое пространство интересов/статусов и ландшафтно-географическое пространство четко коррелируют, и породила современные регионы, наделив их статусной доминантой. Однако ситуация не универсальна и не вечна.

Тотальность региональной идентификации, характерная для советского пространства, связанная с заданностью статусов лишь относительно административных ячеек, сменяется естественным самоопределением людей и мест. Но между самоопределением, суверенитетом, равенством территорий и теми же атрибутами людей существует противоречие, устранить которое полностью невозможно. В потенциально бесконечной перспективе (многие столетия) структуры регионального типа существуют на основе сложных и часто неявных систем компромиссов, упорядочиваемых общностью норм. Нынешнее состояние, когда взаимодействие регионов разных рангов (в том числе и с Центром как суперрегионом) основано на конфликте интересов по поводу тождественных ресурсов, не может быть долгим и устойчивым.

Формирование региона как общности меньше всего есть поиск стратегий для реализаций интересов (которые всегда могут перемениться), но должно быть выращиванием системы норм, укорененных в ландшафтно-культурной ткани региона. Одно из самых важных направлений анализа региона — экспликация реально действующих и регионально специфических комплексов «правил жизни» (это не системы, поскольку содержат разнородные и противоречащие друг другу компоненты).

Нынешняя регионализация — отнюдь не регионализм в обычном смысле. Регионализм — идеология и практика достижения реальными внесударственно пространственными (этнокультурными и др.) общностями институционального статуса; стремление географически реального района стать институциональным (административным регионом, государством). Наши же регионы — уже институциональные районы;

надо ясно сознавать, что регионализация административных регионов советского пространства не имеет отношения к собственно регионализму и по сути — псевдорегионализм и предрегионализм.

Регионализация — своего рода снятие советских наслоений над культурной почвой. Эпоха пострегионализации (реставрация и/или формирование новых подлинно региональных образований) — это закат нынешних регионов. Погруженные в небытие исторические культурные ландшафты оживают. Досоветская почва восстанавливается, этот процесс идет очень в разных формах и с разной скоростью на разных территориях. Эта почва многообразна и сама по себе много- и разнослойна. Многие современные проекты региональной жизни явно или неявно фундированы именно ею. Региональная аналитика обязана реконструировать все эти латентные ландшафты (регионы) и связанные с ними структуры в современности, обнаружить и эксплицировать весь спектр исторических горизонтов, различая подлинно реальные, продолжающиеся в настоящем слои и чисто иллюзорно-пропагандистские стереотипы, применяемые в сиюминутной политической борьбе.

АНТИНОМИИ И ПАРАДОКСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

выбраны не вполне систематически и заострены.

Регион — самообосновываемый, самооконтуриваемый предмет ↔ регионалист свободен строить и/или растить предмет исследования, понимания и т.д. Зазор неустраним; конфликт постижения региона и научного исследования неизбежен.

Регион должен быть понят как реальный, «как есть» ↔ регион может быть понят как смысло- и законосообразный.

Регион должен быть выражен в схемах ↔ всякая схема региона говорит больше о том, чем не является регион.

Регион-для-себя есть абсолютная позиция и основа системы региональных координат ↔ регион-вовне дан в некоторых позициях. Противоречат друг другу полнота набора позиций и конкретная данность региона.

Регионалистика есть неангажированное выращивание образа региона ↔ регионалист сам – квазирегион, и способ контакта регионов негарантируем. Комплекс взаимодействующих регионов может быть понят лишь комплексом коммуницирующих регионалистов.

Удержание смысла в полимасштабном поликонтекстуальном подходе обеспечивается системой фокальных точек — инвариантов при смене систем отсчета, контекста, масштаба ↔ регионалист сам есть фокальная точка универсума регионов¹¹.

Регион есть «предмет» исследования ↔ регион есть средство исследования того, что выражено в регионах.

Регион как таковой и конкретный регион есть реальность ↔ клише видения и рефлексии региональной реальности. Регион есть одновременно то, чем видят, и то, что нужно видеть.

Регион есть действующий контртеоретический субъект, сформированный социально-политической квазитеорией ↔ эмпирическое исследование регионов практически малоосмысленно.

Многообразие рамок и расчленений региона требуется для его исследования ↔ порождается группами и интересами.

Постижение региона включает работу с его образами, которые как его части (особые, но части) не могут описываться в понятиях истинности ↔ постижение требует ориентации на истинность, тем более что регион может создавать дезинформирующие, иллюзорные, фантомные etc образы, работа с которыми невозможна без обращения к истинности.

11 Отсюда вывод, обязывающий регионалиста постоянно осуществлять рефлексии «себя как региона». Иначе — внерефлексивное бесконтрольное бессознательное отождествление со свалкой регионов.

УСТОЙЧИВАЯ ПОСТРЕГИОНАЛЬНАЯ РОССИЯ КАК ВОЗМОЖНОСТЬ

Один из главных выводов изложенного статьей исследования: в исторически настоящем времени регионы — главные камушки калейдоскопа событий. Ныне регионы реальны, но однозначное, четкое и исчерпывающее ситуационное отношение «состоять из» — опасный атрибут искусственных систем, даже оестествившихся. Их судьба известна. Хотя жесткая связь регионов — элементов полирегиональных систем с такими системами носит характер логической связки (отношение 'часть — целое'), распространены ирреалистические представления чуть ли не о вечном «царстве регионов». Регионы победили, война составных частей против целого была победоносной, но именно триумф регионов предвещает их неминуемую трансформацию. Из нее территория может выйти ожившей, немногие регионы — самоопределившимися, иначе и более осмысленно, нежели как составные части, а территория-страна-государство может обрести шанс прочного существования.

Советское пространство (и СССР как его воплощение) было предуготовано к распаду, было саморасчленивающимся. Каким же должно быть пространство, «неразрывность» (интегрированность) которого обеспечена не особыми отдельными силовыми структурами и принудительной пригнанностью частей, но самой его морфологией и организацией? Тезисно опишу его конструкцию, оставив до иной работы анализ реальных процессов, соотносимых с этим состоянием, своеобразной *causa finalis*; по-настоящему — аттрактора.

Пространственная организация (дифференциация) общества полиморфна, сосуществуют несколько несовпадающих систем районов; универсальных, привилегированных районирований (расчленений территории) нет. Существуют районы вне всяких систем районирования. Районные формы обустройства пространства и организации деятельности в нем не универсальны. В некотором смысле всякая цельная террито-

рия является районом, но никакой регион не является только районом.

Уровни значимых систем районов (их не может не быть) не совпадают, универсальных уровней нет. Собственность, контроль, интересы (жизненные горизонты) людей, групп, структур распределены по всему спектру масштабов (пространственных уровней). Каждый уровень и всякий целостный район автономен — но не самодостаточен.

Пространство пронизуемо. Роль границ в структуре пространства незначительна; абсолютных рубежей нет. Местное население существует и существенно. Последнее достаточно нетривиально, так как на большей части территории РФ местного населения как значимой группы нет. Распределение собственности полирегионально (внерегионально). Собственность, власть, статус — нетождественные пространственные системы. Существуют значимые общественные (не государственные), публичные и приватные статусы мест, людей, групп.

Универсальных мест, центров, иерархий нет: полихоризм, полицентризм, полииерархизм. Связи, коммуникации и их структуры относительно не центрированы.

Важный ресурс пространства — специфика его частей, мест, районов, уровней; масштабов, направлений. Ценность полиморфизма (т.е. пред- или постиндустриальная экономика). По выражению Б.Б. Родомана, ресурсы — это не наличие, но различие.

Государство много меньше общества объемом, занимая в нем четкую функциональную нишу, располагает своей пространственной структурой. Она реализуется многими разными несовпадающими системами институциональных районов, среди которых нет универсальных; единицы административного деления (если оно есть) не совпадают с судебными, избирательными и тому подобными округами, специальными районами. Поясню метафорой: до сих пор для нашего пространства нельзя построить не совпадающие содержанием, конфигураци-

ей изображения карту общества и карту государства¹²; речь же идет о ситуации, когда эти карты будут различаться примерно так же, как карты промышленности и сельского хозяйства.

Нормативно-властно-финансовые полномочия государства децентрализованы, распределены между уровнями и системами органов вплоть до ситуации сосуществования многих (квази)государств на одной территории. Это соответствует императиву «минимального государства» в функциональной интерпретации. Политически институционализировано представительство разных (не только территориальных) групп.

В такой системе нет однозначно выделяющихся частей и простое саморасчленение пространства невозможно. Такого рода пространства полиаспектно стабильны: не только геополитически и экономически, но и экологически; морфологически они (почти) тождественны культурному ландшафту.

ПРОСТРАНСТВО ПОСЛЕ РЕГИОНОВ (К ДАЛЬНЕЙШЕЙ РАЗРАБОТКЕ ТЕМЫ)

Современное пространство — по преимуществу пространство регионов; в них больше сходного, чем различного. Ныне — краткий миг триумфа регионов. Но пространство не сводимо к регионам как сущностям. Быть регионом — функция и позиция.

Проблема-1: явные целостные территории-районы, регионы по функции суть псевдорегионы. Прежде всего — Москва: резиденция Центра, город, регион и квазигосударство. Четыре структуры в одном месте, разные реальности, самоопределения, статусы, лики, веера траекторий. Является ли Москва городом и регионом — как, где, для кого? Москва — полипро-

12 Существенно, что такая задача, сколько известно, никогда не ставилась, соответствующего жанра карт просто нет; есть политико-административные карты, но они изображают лишь статусы территорий и поселений; см.: *Каганский В. Л.* Административно-территориальное деление: логика системы // Известия РАН. Сер. географ. 1993. № 4.

тотип: для Петербурга и иных внерайонных городов, в том числе «экстерриториальных территорий» (не только ЗАТО). Но и Петербург — прототип для Москвы. Москва все больше уподобляется Петербургу — космополитически-экстерриториальный город-ворота на дальнем краю державы, отрыв от страны. И если РФ — СССР сегодня, то Москва завтра — Петербург? Налицо инверсия «Москва — Петербург». Становление городов-государств — новая реальность (но ср. Новгород — город-государство с колониями). Города и/как регионы — продолжение и углубление региональной морфологии.

Проблема-2: новые характерные части пространства, вообще структуры сильной трансформации, не сводящиеся к динамической комбинаторике частей. Теория советского пространства — развитие идеи резонанса институциональной и территориальной структур; теперь нужен анализ диссонанса. По мере исчерпания порога структурной инерции пространство все более самоорганизуется. Но бесформенной самоорганизации не бывает. Каковы эти формы?

Проблема-3: макроструктура формирующегося российского пространства — историко-геополитические инварианты Руси-России, наследование и преодоление структуры СССР. Новая функционально-территориальная композиция; ее можно описать по четырехчленной схеме; выделяя функциональную композицию территориальных зон и территориальную композицию функциональных зон, соотнося, таким образом, СССР и РФ, и пр.

Проблема-4: строение и трансформация территории не могут быть поняты только на основании структур и инвариантов, но требуют морфолого-типологического подхода; анализ пространства нуждается в ландшафтном дополнении.

Проблема-5: регионализация СССР стала великим решающим автоэкспериментом, доказавшим, какие именно районы реальны. Но исторически краткий триумф «уже готовых» административных районов не отменяет нужды в районировании и картографировании территории. Именно потому, что погло-

III. РЕВОЛЮЦИЯ РЕГИОНОВ

щенный и объясняемый региональной структурой пласт материала территории, видимо, достиг максимума — нужны картины иных структур. Теоретических деклараций касательно автомобильности и интерференции структур недостаточно. Нужны реальные карты/районирования состояния пространства.

Проблема-б: пространство, тем более регионы и ландшафты не могут быть взяты без того, что принято называть региональным сознанием. Пространство не может быть обустроено, т.е. наделено формами и смыслом, без его символического проживания. Трансформация сочлененных общества и пространства — еще и трансформация обыденного пространственного сознания.

Список не закрыт; указаны лишь связанные с данной работой.

Наше пространство остается интеллектуальным вызовом... Огромным ресурсом... Быть может, знание происходящего с пространством здесь-и-теперь будет ценнее нефти...

Осень 1996 г.

ТЕОРЕТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

IV. УКРАИНА: ГЕОГРАФИЯ И СУДЬБА СТРАНЫ*

Географический детерминизм выводит судьбу ландшафтов, городов, стран из положения на Земле, тем самым выводит историю из географии; это аналог астрологии: место на Земле = положение в Космосе, пространство = время. Для всех мест эта доктрина неубедительна или даже ошибочна — именно как универсальная. Географический детерминизм как объяснительный принцип уместен для некоторых мест — и тогда проливает свет, а на иные лишь бросает тень.

Земное пространство, географическое положение задает спектр возможностей; от места к месту набор и объем возможностей различаются. Особенно значима география там, где слаба история; ландшафт там сильнее формирует и оформляет жизнь людей, где тусклы иные формы; пространство тем сильнее, чем аморфнее общество. Именно таково постсоветское пространство. Его фрагмент — страна Украина; старая территория с новой географией; новая, становящаяся фигура из известных деталей, размещающихся по «силовым линиям» пространства.

Не так уж редко эмпирический подход невозможен, затруднен или дает необозримые результаты; по фактам трудно понять пространство бывшего СССР. Именно тогда, когда ситуа-

* Впервые: Неприкосновенный запас. 2000. №1(9). Для наст. изд. статья переработана.

ция сложна, эмпирия зыбка и сомнительна, а пространство сильно — общая картина может и должна быть концептуальной¹.

ОБЩИЙ РИСУНОК ПРОСТРАНСТВА

Общая форма пространства Украины ясна и отчетлива. Это **естественная матрица**, таблица, итог наложения комплексных широтных идущих с запада на восток полос — зон природно-культурного ландшафта и идущих с севера на юг долготных секторов. По отношению друг к другу зоны и секторы перпендикулярны.

С севера на юг тепла все больше, нарастает сухость климата, четко сменяют друг друга природные зоны: смешанные леса, лесостепи, степи, сухие степи и чуть ли не полупустыня, даже субтропики, осушение сменяется орошением, все больше следов античности; с севера на юг падает лесистость и культурная освоенность последнего тысячелетия. С запада на восток падает плотность сельского населения, роль европейских элементов природы и культуры, общая оформленность и витальность культурного ландшафта; растет континентальность, индустриальность, русифицированность, советизированность, маргинализованность среды. Культурный ландшафт упрощается к востоку и югу; полюс его сложности — северо-запад Украины: Галиция, Львов. Фоновый, базисный, основной природный и культурный ландшафты тесно взаимосвязаны и переплетены.

1 В цикле «Теоретико-географические этюды» (см. раздел I наст. изд.) индивидуальные конкретные места видятся теоретически. Это противоречие мнимо. Теоретическая география изучает не заполнение пространственных форм материалом, а сами формы ландшафта; это — географический детерминизм в действии, осознанный, уместный и частичный (а евразийство: географический детерминизм неосознанный, универсальный и тотальный (см. раздел IV наст. изд.). Такой подход видит в конкретных местах реализацию (даже реификацию, овеществление) общих принципов, правил, симметрий, ритмов; места здесь — ступки форм, узелки ткани закономерностей. Тогда теоретическая география работает сама и выступает как способ концептуализированного представления экспертного знания: см., напр. *Родман Б. Б.* География и судьба России // Знание — сила. 1993. № 3.

Украине присуща особая концентрическая зональность. Но зоны не расходятся из ядра страны, а идут снаружи, извне, издалека. Такова **экзогенная зональность**. Центры действующих сил лежат вне страны и на ее краю: зоны их действия снаружи входят внутрь территории, ослабевая и угасая внутри. Таково действие внешних культурно-политических ядер и азональных краевых очагов. Австрия, Боспор, Венгрия, Византия, Греция, Крым, Литва, Польша, Рим, Россия Москвы, Петербурга и СССР, Турция, Хазария, Швеция... — источники волн, оставивших глубокие следы в этом ландшафте. Извне, снаружи на территорию страны двигались и надвигались кочевники, ледники, миссионеры, моря, новации культуры, переселенцы, «татаро-монголы». Территорию Украины завоевывали, осваивали, заселяли со всех сторон. Судьбу ее ландшафта решали издалека, извне, часто не видя и не зная страны.

По краям страны — горы, болота, леса, море, этноконфессиональные меньшинства, промышленные очаги (Донбасс, Чернобыль); внутри — ныне безлесная ровная степь; богатейший чернозем. Ландшафт — интерференция (наложение) зон, секторов, волн, краевых очагов. Сложность ландшафта растет от центра к краям территории.

Страна включает ряд сложившихся, отдельных, определенных, четких, имеющих самоназвание, самосознание и историческую судьбу регионов и городов, и много аморфной территории. Страна полицентрична, не имеет мощного единого ядра; ряд городов сравним со столицей. Главные центры стоят на периферии, периферия занимает средину страны. Пространство более отчетливо дифференцировано, оформлено в яркие регионы по краям территории.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

У Украины нет четких естественных границ. Н. В. Гоголь считал размытость границ Украины причиной того, что нацио-

нальный характер украинцев не отстоялся. Географическое положение Украины неотчетливо и непросто; оценивать его еще непривычно, оно формируется, в основном потенциально. Географическое очертание ядра страны яснее, оно полуочерчено: горы Карпаты — болота Полесья — река Днепр — Польша — Причерноморье. Украина — страна на левом восточном и правом западном берегах Днепра со столицей в Киеве.

Основная территория Украины — юго-западный черноморский склон Восточно-Европейской равнины, главная часть бассейнов Днепра и Днестра, часть бассейнов Дуная и Дона, включая судоходный Северский Донец. Длинная береговая линия, множество гаваней и крупных городов-портов делает Украину самой морской черноморской страной. Украина выходит к Дунаю (связан каналом с Рейном), близка к устью Дона (канал Волго-Дон); Днепр соединен каналом с Вислой (заброшен). Страна связана с сетью водных путей почти всей Европы; контролирует выход в Средиземноморье рек Европы от Дуная до Волги, от Альп до Судет, Карпат и Урала.

СССР и СНГ — полуожерелье республик вокруг России, Украина — главное звено ожерелья, **геополитический кулон**. Украина делит пространство бывшего СССР на отдельные разобщенные территориально блоки и сопрягает три блока (Белоруссия и Прибалтика—Молдова—Кавказ). Украина — единственный альтернативный России центр нынешнего СНГ и всего постсоветского пространства, единственный путь обхода России; потенциально — и главный антироссийский бастион, и главный партнер России в обустройстве этого пространства.

Исключительно место страны на Балто-Черноморском (Восточно-Европейском) перешейке Европы; Европа в узком смысле лежит к западу от перешейка, Восточная Европа — между ним и следующим, Балто-Адриатическим перешейком. Перешеек занимают лишь две страны — Польшу и Украину; раньше им владели (контролировали) Киевско=Новгородское государство, Великое княжество Литовское, Речь Посполитая, Россия, СССР.

Это положение исключительно важно стратегически и экономически; через перешеек проходит почти весь экспорт России, и СНГ в целом. Перешеек — средняя часть сектора, северная его часть — Скандинавия, южная — Черное море и член НАТО Турция, куда вошла и Польша. Украина лежит на кратчайшем водном пути из Балтики в Черное море; заброшенный Днепро-Бугский канал связывает Днепр и Вислу; Стамбул—Одесса—Днепропетровск—Киев—Брест—Варшава — единый маршрут. Потенциал функций транзита страны огромен, но требует реставрации, создания, развития инфраструктуры: железнодорожных паромов, магистралей европейской колес и пр. (Но приписывание Украине места в Великом шелковом пути — политическая конъюнктура.)

Украина нанизана на исторический великий водный путь, ось Киево=Новгородской Руси, БалтоВизантии Д.С. Лихачева. И поныне страна пронизана мощным цивилизационным рубежом; долго именно Днепр почитался границей Европы; она проходила (проходит?) через Великий Новгород — Смоленск — Киев (расширительно — и через Санкт-Петербург и Одессу).

Путь из варяг в греки — это и мощный **рубеж**

Главный цивилизационный рубеж делит страну примерно пополам, сейчас рубеж меридионален; но исторически недавно «казацкий фронтьер» был частью широтной границы Великой степи. Местоположение Украины — **перекресток границ**. В пространстве Украины пересеклись два великих рубежа — Запада и Востока Европы, или даже Европы (ее культурная граница долго проводилась по Днепру) и земледельческого и кочевого миров. К месту их пересечения близок Киев. Эти рубежи — не линии фронтов, но база конфликтов культур, регионов, конфессий.

Украина — крупнейшее новое государство на рубеже России; самая крупная из стран, внутренне рассеченных культурным рубежом; крупнейшая территорией и населением страна Восточной Европы. Украина — главный геополитический наследник Великого княжества Литовского, Руси=Литвы и охва-

том территории, конкретными местами, и ее сложной полицентричной формой; по-видимому, Украина — явный наследник Киево-Новгородского государства и даже Крымского ханства.

Ландшафт страны — продукт движения мощных культурно-исторических рубежей; пересечения и наложения зон многих внешних очагов. Пространство не отстоялось и еще не оформилось полностью.

Границы в теле Украины — не столько четкие демаркационные рубежи, сколько широкие, подвижные, размытые барьерно-контактные зоны. Место стыка, перекресток границ — область не отчетливой мозаики, а скорее расплывчатой, недоопределенной среды. Ведь упорядочивают, дискретизируют среду ландшафта устойчивые и четкие границы, даже слабые и условные, а динамичные и размытые границы — континуализируют, делают непрерывно-переходной². Пространство Украины размыто прокатывавшимися по ней рубежами.

ПРОСТРАНСТВО СТРАНЫ

Первое приближение: двухчастная страна. Средняя зона вторична, производна, играет роль связки, культурно-политического медиатора. Столица Киев — не метрополия, не доминанта, не суперцентр, а лишь главный посредник. Украина — никак не узловый район вокруг Киева, не придаток, не периферия Киева. Двухчастность страны выражена культурно, политически, этнически; даже экономически. Украина имеет свой запад (Запад?) и восток. Рисунок транспортной сети резко отличается от российского, это не сеть радиальных магистралей вокруг Киева; Киев — никак не главный пересадочный узел страны.

Второе приближение: крупная мозаика. Украину слагают примерно 7—10 крупных ярких регионов, более четких

2 Ровно то же самое относится и к закону — установлению нормативных границ в фазовом пространстве; преимущество определенного и устойчивого закона над неустойчиво-зыбким известно.

по краям страны. Они во многом совпадают с историко-культурными землями (Волынь, Галиция, Новороссия, Подолия, Слободская Украина), включая обычно несколько административных областей. По размеру регионы близки к небольшим европейским странам. У регионов разная геоисторическая судьба; они входили в разные страны, иногда были их существенными, важными частями, провинцией, основой (Галиция и Львов в Польше и Австрии, Киев в России, Донбасс и Харьков в СССР), иногда бывали захолустьем, периферией. Украина и Россия, Украина и Польша имеют общие существенные части, такие, без которых нельзя представить (культуры) этих стран: без Львова Польша не Польша, но и Россия не вполне Россия без Киева. Это исключительно констатация; существенность — не геополитическая, а историко-географическая и культурная.

Пойди история иначе, один-два региона шли бы дорогой Словакии или даже Словении. Но регионы Украины различаются не меньше, чем эти малые славянские страны; культурный ландшафт Украины контрастен почти как в бывшей Югославии³, самой разнообразной и разнородной стране Европы (Львов сродни Дрездену и Кракову, Полесье — вполне Мещора, Крым схож с Ливаном и Палестиной).

Все регионы нынешней Украины впервые были объединены после Второй мировой войны в «советской Украине», УССР. Тогда ряд центров и промышленных зон создавались как детали механизма советского пространства, работали на союзном уровне; они не выросли частями Украины; то же самое верно и для многих мест нынешней РФ. Взаимопригонка регионов не завершена; может и не завершиться; из-за смены контекста регионы ожидает трансформация. Возможно, столь же сильная, как в Грузии, где вырублены все чайные плантации, уже ненужные при открытом рынке (а в РФ начали культивировать «свой» хлопчатник в низовьях Волги).

3 Долгое время, когда за граница была предметом мечты и фантазии, а не планов, в ответ на вопрос «Какую страну вы бы посетили первой?» — без колебаний отвечал: «Югославию».

Многостоличность. Центры регионов — крупные межобластные города, провинциальные столицы, иногда чуждые своей округе; внерайонные города на дальних связях, даже и международных. Во многих аспектах, по многим признакам Днепропетровск, Львов, Харьков важнее или даже больше Киева, в некоторых — еще Донецк и Одесса (в Харькове больше промышленности, Донецкая агломерация — крупнейший ступок городского населения). Кроме Днепропетровска, все крупнейшие города — на краю страны; все, кроме Донецка, — на контактных линиях и их узлах (долины крупных рек, морские берега, границы природных зон и их пересечения); Киев стоит на пересечении крупнейшей рекой важной природной границы.

Не Россия и не СССР. Пространство Украины заметно отличается от пространства СССР и РФ, вообще от советского пространства. С птичьего полета территория Украины — крупная мозаика регионов, не совпадающих с единицами административного деления. Именно яркие многообластные регионы отличают Украину от нынешней России и бывшего СССР (межрегиональные ассоциации, экономические районы — фикции). В то время как в России крупнейшие города замыкаются все более в своих регионах, теряют статус и роль межрегиональных центров, на Украине они все ярче «взлетают» над территорией.

На Украине почти нет характерных для нынешней России «вторых городов»: в регионах они главные финансово-экономические центры и выламываются из своих областей: Братск, Мирный, Новокузнецк, Норильск, Сургут, Тольятти, Череповец etc. На уровне стран все наоборот: в России — одна вторая столица, Санкт-Петербург, не считая сложного случая Троице-Сергиевой лавры. На Украине на эту роль претендует полдюжины городов; столица — столица не вполне, зато отнюдь не одна. Отличается от российской и транспортная сеть Украины: она не моноцентрична и отнюдь не замкнута на Киев.

При внимательном взглядывании Украина обнаруживает сходство со многими, и весьма разными, странами. Ожерелье центров по краям территории делает похожей Украину на Казахстан и даже Австралию, о которой не без основания говорят:

центр на периферии — периферия в центре (кстати, там тоже переносили столицы). Экстенсивность пространства сближает Украину и нынешнюю Россию: края определеннее и ярче середины страны, что и характерно для полипериферии со многими внешними центрами. Украина и Польша — взаимные отражения: симметричны относительно широтной оси, Восточных Карпат; до Второй мировой войны были симметричны, вместе составляя перешийек, Польша и Румыния; в нынешней Европе Украина начинает играть роль довоенной Румынии. Россию и Испанию нередко сравнивают: две дальние, полярные окраины мусульманского мира, но пара 'Украина — Испания' уместнее: соизмеримые страны на краях Европы, мозаичны, полицентричны, своя Реконкиста была и у Украины, Крым — аналог Гранады. Есть немало черт сходства с Югославией.

И самовыявление разных форм пространства в разных масштабах, при разной детальности рассмотрения, и свои сходства и параллели в каждом из масштабов, и даже характерные части, которые отчетливо проступают в одном масштабе и уходят в фон при смене масштаба не особенность ландшафта Украины, а особенность ландшафта.

Третье приближение: советское пространство. В более крупном масштабе пространство Украины — вполне советское. Административные регионы, области — узловые моноцентрические районы, их центры резко доминируют над всей территорией регионов. Центры контрастируют и конфликтуют со своими областями; ярче всего здесь случай Одессы. Сильно сближает Украину с нынешней РФ зависимость от дальних источников энергоресурсов, структура промышленности, экологический кошмар в большей части страны.

СОСЕДИ И ЛИМИТРОФЫ

Географическое положение мало где так сильно сформировало внутреннюю форму территории. У Украины много соседей (семь) и очень сложная граница; страна напоминает капуст-

ный кочан вокруг кочерыжки-Днепра. Каждая страна имеет общие части с соседями, менявшие принадлежность, статус. Вся территория Украины — общие части. Вся территория нынешней Украины была и в составе иных (частью теперь соседних) стран, и территорией самостоятельных стран=княжеств, бывала и ядром отдельных стран — не только Киевской Руси=Украины; часть нынешней Украины была ядром Великого княжества Литовского и Крымского ханства.

Все границы Украины — проблемы, но по разным причинам.

С внутренней стороны к границам Украины примыкают территории с двойной историко-культурной идентичностью, вроде Галиции, украинского Эльзаса. Однако этим Граница не исчерпывается.

Основная часть границ — цепочка малых ярких **регионов-лимитрофов**. Это не переходные зоны между Украиной и соседями, не смесь ландшафтов и населения стран-соседей. Наоборот, эти лимитрофы инородны, чужды каждому из соседей ландшафтно, этнически или культурно, даже конфликтны им. Вокруг Украины — череда барьерных границ.

Между Украиной и Белоруссией — азональное Полесье, населенное нигде не признанным народом — полещуками, хотя их насчитывают до двух миллионов человек. Этнокультурно сложное Закарпатье-и-Карпаты — узел границ с Польшей, Словакией, Венгрией, Румынией. Это не столько компактная венгерская зона с остатками трансильванских немцев, сколько родина полузабытого народа (народов) гуцулов и/или русинов, чей этнический статус неясен, а судьба и самосознание сложны. Северная Буковина — этнически окраина Румынии; но до того была частью Австрии, а Черновцы — австрийским городом, самым восточным из тех, где говорили по-немецки. Между Украиной и Молдовой — серия лимитрофов. Многоэтночно полусуверенное русскоязычное Приднестровье, где бывшая советская 14-я армия, предназначенная для захвата «проливов» (Стамбул), играла роль римского легиона на дальней границе. Малая страна Гагаузия, ныне автономный уезд

Молдовы (гагаузы — единственный христианский тюркоязычный этнос); болгарский регион. Азональный, экстерриториальный, населенный пришлым людом Донбасс чужд и Украине, и казацкому Дону. Уникален Крым — приморский регион=граница с Турцией и Северным Кавказом России, остров Средиземноморья; Кубань же заселяли запорожские казаки. (Но вот восточная государственная граница — плавная, широкая переходная зона и тем проблема.)

Ближнее соседство Украины переходит в дальнее. Украина — не ядро крупного региона и вряд ли им станет; зато частями она входит в несколько больших регионов, макрорегионов или лежит между ними: Балканы, Европа Восточная — историческая Русь=Литва, Европа Центральная, Кавказ, Карпаты, Причерноморье, Россия в старом смысле. Каждый такой регион (кроме Кавказа?) представлен на Украине конкретной территорией, этнической или культурной группой и реальным центром. В упадке, но есть селения армян, болгар, венгров, греков, немцев-колонистов, цыган, русские города, еврейские местечки..

Украина — общая часть, замыкание, **связка макрорегионов**; в сумме они огромны. На Украине относительно неподалеку растет то, что обычно разделено тысячью километров: лен и табак, виноград и клюква, картофель и инжир (в Закарпатье даже планировали выращивать чай и хлопок); Украина одновременно славится водками, пивом, (крымскими) винами. Этим она сходна с Германией, которая смыкает воедино Европу Западную, Северную (Балто-Скандинавию), Среднюю (Mitteleurope), Центральную и даже Восточную (Восточная Пруссия). Если помыслить Украину центром, то в сфере его влияния окажутся Балканы, Юг России, Кавказ, Малая Азия.

Станет ли этот географический факт миссией или хотя бы функцией Украины, покажет время. Такое положение двойственно. Украина может связывать эти макрорегионы — либо разделять их; осуществить синтез доставшихся ей фрагментов макрорегионов — либо окончательно превратиться в полипе-

риферию, фрагментироваться, фактически распасться. Украина может быть буфером, бастионом стабильности между проблемными, нестабильными макрорегионами с нескончаемыми войнами — либо слить, объединить, усилить их, став резонатором зон кризисов: Балкано-Дунайской с Приднестровьем, России-Кавказа и Закавказья, срастающихся через Курдистан с ближневосточной зоной, близкой к взрыву белорусско-чернобыльской. Украина может как вести на восток европеизированную стабильность, так и служить воротами ближневосточной смуты.

УКРАИНА КАК ЦЕНТР

Украина — отнюдь не только внешняя периферия или второсортная провинция далеких ядер. В ряде важных отношений Украина, вернее ее отдельные части, и сейчас является центром и далеко не всегда справляется с этой ролью. Прежде всего Украина — естественный центр для украинцев смежных и дальних территорий; в зависимости от того, как пойдут дела, смешанные группы южной России смогут в большей или меньшей мере быть/стать украинцами, в частности области Черноземья и Кубань. Большая мировая украинская диаспора известна; украинцев много в ключевых регионах России: Калининград, Камчатка, Приморье, Тюмень; вклад украинцев в освоение территории нынешней РФ огромен, огромен и вклад десятков народов в освоение территории нынешнего государства «Украина».

Ряд территорий и центров Украины — потенциальные ядра для смежных территорий стран=соседей: Харьков, Донецк, Мариуполь, Керчь для России; Одесса для Черноморского бассейна и Молдовы etc.

Существенна роль территории Украины как центра для крымских татар, евреев — уроженцев Украины, черноморских греков и т.д.; большинство этих групп живет за пределами Украины. Особый аспект — роль культурных и конфессиональ-

ных центров, сфера влияния которых в принципе глобальна: Киево-Печерская лавра и сам Киев, Львов — не только город-памятник, но исторически недавно один из мировых научных центров (львовско-варшавская школа логики — пара Венскому кружку и пр.), хасидские центры etc; таких мест наберется немало. На территории Украины были крупнейшие центры польской жизни, были и остались центры русской культуры; они могут стать исключительно важными в тех обстоятельствах, которые нельзя исключать. Ряд центральных функций сейчас уже мемориален, а не актуален (центральноевропейский город Львов).

РЕГИОНЫ И БУДУЩЕЕ СТРАНЫ

Чтобы занять четкое геополитическое и культурно-экономическое место в мире, самоопределившись, найти нишу и занять ее, Украина слишком велика и разнородна, но она слишком мала и слаба, чтобы создать себе самой такое положение. Это возможно либо для регионов по отдельности, либо после перестройки, сочленения, интеграции страны. (Проблема сверхсложного положения и чрезмерной внутренней контрастности Германии долго решалась в ходе объединения — но разрешилась только Второй мировой войной, когда форма территории резко упростилась из-за утрат земель; у Украины есть несколько вариантов такого упрощения.)

У нынешней Украины есть одна проблема, которая неизбежно будет решена; ее решение для страны — синоним существования, при отсутствии ее решения государство просто не состоится. Нынешнему государству «Украина» не отвечает одноименная единая страна. Украина как страна — проблема! Государство территориально гораздо шире страны (стран?). Таково большинство государств на месте СССР; Российская Федерация — не исключение, а еще более сложный случай.

Украина — историко-географическая, культурная, лингвистическая и прочая реальность, которой не отвечает совре-

менное одноименное государство; его даже в близких границах никогда и не было. Стране=государству предстоит создаться, и это может произойти очень по-разному. Хотя доставшееся Украине пространство связно, оно разнородно, а местами и фрагментарно. Может ли срастись страна в целом без больших потерь важного разнообразия ландшафта? Может ли «западное» территориально-культурное ядро (или это меньшинство?) распространить свой языковой, культурный и пр. стандарт на всю страну без ослабления самого «украинского запада»? Есть ли компромиссный путь? Может быть, единство страны можно сохранить лишь жертвой количества — частей, которые лишь мешают ее интеграции? Все эти вопросы актуальны; и отнюдь не только для Украины.

В последнее десятилетие восток и запад страны поменялись местами, ролями и силами (это не первый раз). Восток Украины — домен советского ВПК, поставщик кадровых солдат Советской армии, часть ядра СССР, индустриальная база — стал маргинальной окраиной нового государства с ветшающей промышленной структурой, уступив место «национальному» аграрному западу; восток Украины советские войска освобождали, запад — завоевывали. (Впрочем, запад Украины никогда не был чисто украинским: поляков выселили (уехали сами), евреев убили.)

Создание из группы регионов страны, **сборка страны** из фрагментов бывшего СССР, означает как обустройство ядра, самой Украины, так и обустройство регионов=краев, где живут культурно-национальные меньшинства, включая разрешение нынешних и возможных конфликтов из-за них со странами-соседями. Эти регионы — Закарпатье, Крым, Северная Буковина; когда-либо, возможно, и Полесье. Федерализация страны и/или автономизация ряда территорий неизбежна, как бы их ни оформлять. Культурная, да и хозяйственная среда и специфика регионов формировались в контексте и более широком, и ином, нежели нынешняя страна; витализация регионов без их реинтеграции в межгосударственные макрорегионы невозможна. Это означает сложные переплетения внешней,

региональной, культурной и национальной политики при любых действиях, затрагивающих регионы страны; осуществление каждым регионом собственной активности.

Если проблема интеграции страны, взаимной пригонки регионов решена не будет, то направление интеграции Украины в более крупное территориальное целое будет определять ведущий регион. Если им будет Галиция и вообще западные земли, то следует ожидать не только (попыток) европеизации Украины во всех отношениях, включая направление связей, институциональные реформы и пр., но и дальнейшую маргинализацию востока страны. Представив в такой роли Харьков и Приднестровье, получим ориентацию на Ближний Восток, работу военной промышленности; Украина будет не бедной провинцией Европы, а военно-фабричным эксклавом мусульманского, просто «третьего», мира. Выдвижение на первый план Новороссии, что маловероятно, означает черноморскую ориентацию, связи с Турцией и Израилем. Возможны и неожиданные коалиции регионов, если только они способны быть субъектами.

БУДУЩЕЕ РОССИИ И УКРАИНА

Будущее Украины определяется сочетанием ее непрочности с непрочностью соседней России на мировом фоне, где никому нет дела до Украины. Былые империи, наложением периферией которых и стала Украина, неожиданно являют сейчас признаки регенерации. Османская и Австро-Венгерская империи отчетливо восстанавливаются в новых формах и в куда более скромных границах; но Российская империя еще недораспалась и будет скорее полем для игры, нежели игроком.

В ближайшие десятилетия главной проблемой для Украины будет Россия. Самоопределение Украины неизбежно будет носить антироссийский характер, а политика, в том числе региональная, считаться с Россией. Это продлится до тех пор, пока Россия будет сохранять статус ядерной державы, из-за

чего тормозится ее распад; здесь — полная аналогия с распадом СССР. Однако самоопределение страны не может быть исключительно негативным («против кого?») и позиционным, исходить только из географического положения; этого недостаточно — и это недолговечно. Старые страны много раз меняли и свое место, и свои размеры, почти перемещаясь по Земле. Упомяну те, что уже назывались: Австрия, Венгрия, Германия, Польша, Россия менялись в размере во много раз, их географическое положение и место менялось очень существенно; может быть, «подвижные» страны устойчивее?

РФ — СССР сегодня; не исключено, что Россию постигнет участь СССР. Распад России будет скорее всего означать распад Украины; целостность главных постсоветских стран взаимосвязана. Распад России может означать формирование группировок российско-украинских регионов с центрами в Харькове, Ростове, Донецке, Воронеже. Тогда собственно Украина сжимается в два-три раза, утрачивает периферию, становится культурно более цельной; сохраняет основу внутренней и внешней формы; ядром становятся западные земли. При этом характер и размер территории обеспечит вписывание «малой Украины» в Европу. Менее вероятно сохранение Украины при распаде России; этот сценарий рассматривается ниже.

В тех геополитических доктринах, между которыми сейчас выбирает Россия, Украина играет очень важную, но разную роль.

Сведу спектр доктрин к двум.

Для прагматического западничества России нужны приемлемые отношения с Украиной: это транзитная зона, важный рынок, технический партнер российской экономики, прежде всего — ВПК, буфер между Россией и Западом; необходимо сотрудничество. Допустимо (хотя крайне нежелательно) даже членство Украины в НАТО; российский Черноморский флот роли не играет. Россия не будет активно дестабилизировать Украину. Такой взгляд реалистичен и непопулярен.

Иное дело — побеждающее евразийство; уже правительство Примакова было евразийским; в России это сейчас главная, доминирующая идеологическая доктрина, единственная апология

большого (имперского) пространства; за «естественное единство» империи идет война на Кавказе⁴. В этом случае России не нужны особые отношения с Украиной; для России она — конкурент на рынке вооружений в Азии, союзник Турции, врага России и близких ей ближневосточных государств. Членство Украины в НАТО — недопустимо, сама Украина в таком виде — геополитический нонсенс. России нужен левый (восточный) берег Днепра, военно-промышленная база страны и надежное базирование Черноморского флота, которому приписывается смысл и военная ценность. Для евразийцев (и панславистов, но по разным мотивам) Украина должна быть целиком или частично включена в Россию. Но вот существование «Малой Украины» (Западной) без Киева для России вполне допустимо. Но и элита украинского запада может быть вынуждена к такому сценарию.

УКРАИНА КАК СОБИРАТЕЛЬ РОССИЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Наиболее интересен маловероятный, но возможный шанс Украины опять стать ядром российско-русских, восточноевропейских земель. Условия реализации этого шанса — сохранение на Украине русского элемента как второго культуро- и государствообразующего и относительное благополучие и стабильность при обвально-хаотическом распаде России. (Украине прежде всего необходимо сохранять, поддерживать, даже создавать центры гудульской, еврейской, польской, русской, татарской жизни.) Тогда Украина витализирует потенциал Киевской и Литовской Руси, становясь ядром для Белоруссии, Черноземья и Юга России до Волги и Казахстана; особенно важна Кубань, некогда заселенная запорожцами. Тогда же следует ожидать восстановления исторических связей с землями Смоленска, Новгорода и его «премника» Санкт-Петербурга (может быть, и Твери?).

4 См. статью «Мнимый путь. Россия=Евразия» в наст. изд.; а также: *Родоман Б. Б.* Фобия потери территориальной целостности // Неприкосновенный запас. 1999. № 6 (8).

Так Украина реализует свое положение в центре юго-западного обхвата России; Киевская Русь=Украина восстанавливается как страна на краю, но все же внутри Европы, где она и была. Шанс возвращения к исторически пройденному мал, но реален. При этом Россия может сохраниться как страна=государство, для нее смежные с Украиной регионы не являются существенными частями; Россия без Черноземья и Черноморья, Кавказа и даже Санкт-Петербурга будет Россией; но перестанет быть ею без Сибири. Украина же превращается в двуединое, украинорусское государство. Иная реализация сценария — сосуществование двух Украин; однако трудно представить раздел Киева.

БОЛЕЕ ТРИВИАЛЬНЫЕ СЦЕНАРИИ

Вписывание Украины в единую Европу представляется маловероятным; для этого нужна волевая реалистичная гибкая элита регионов и страны; желание и возможность (минимум) полстолетия разбираться с экологическим кошмаром и маргинализацией населения.

Отсутствие таких элит означает полусуществование слабых частей аморфного государства за счет распродажи доставшейся Украине доли советского наследия, очагов военного производства, наемничества в СНГ и прочем мире. Тогда пространство настолько фрагментируется и поляризуется, что к Украине в целом это отношения не имеет. Европа долго будет расплачиваться за поспешное объединение (см. участь падающего евро); Турции Украину не поднять, хотя объективно они союзники; возможность содержания населения всей Украины как военного завода арабо-мусульманского мира может реализоваться только при скачке цен на нефть в несколько раз (а откуда такому быть?) и полном безразличии США. Тогда получается, что для «процветания» Украины нужна большая война США и Китая...

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СЮЖЕТЫ*

В этой работе дается перечень тем, по которым можно обсуждать программы развития Санкт-Петербурга. В перечне сто (100) тем, сгруппированных по тринадцати (13) разделам. Каждый раздел и пункт может быть заглавием статьи, главой книги, темой конференции и т. д. Географические сюжеты — затравка для выхода в разнообразные сферы интересов. Для разработки тем применялись два метода — отношение (пространственное) и сравнение. Выяснялось отношение Петербурга к разным городам и территориям, прежде всего к Москве и ко всей России; Петербург сравнивался с разными городами, но прежде всего с Москвой. Выбор этих методов не случаен. При составлении программ и постановке целей надо иметь перед глазами какие-то положительные образы и эталоны. Так, заботясь о процветании Петербурга, мы, очевидно, хотим, чтобы он в чем-то догнал и перегнал Москву, расширил сферу своего влияния, обзавелся теми или иными свойствами, которые имеются у других городов. Задача нашего исследования в том и состоит, чтобы выяснить, придумать, перебрать, оценить самые разные, в том числе и маловероятные, варианты и сценарии.

Петербург рассматривается с пространствоведческих позиций, на основе теоретической географии, как проявление,

* Статья написана в соавторстве с Б. Б. Родоманом.

наложение, индивидуальная реализация закономерных форм культурного ландшафта. Для нас Петербург — целостный город-ландшафт, общее звено, ядро, центр, узел многих разных территорий. Главный ресурс развития Петербурга — его специфика: ансамбль ландшафтов, пространственное положение, среда города, связанные с ним образы и мифы, а не трудовые, производственные, административные, военные ресурсы; главное богатство Петербурга заключается в его уникальности, во всем том, что может иметь место только в этом городе на Неве.

ЧТО ТАКОЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГ?

Место с выдающимся географическим положением

Ансамбль культурных ландшафтов

Мировой город-музей

Производственно-транспортный узел

Деталь ВПК России

Самый европеизированный русский город

Миф и символ

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПЕТЕРБУРГА

Положение в узле природных границ

Город в дельте и на перешейке

Наследник Новгорода на пути «из варяг в греки»

Петербург в северо-европейском Средиземноморье

Петербург в Старом Свете

Эксцентричность Петербурга в России

Центр на границе

ПЕТЕРБУРГ КАК ЦЕНТР, ПРОВИНЦИЯ, ПЕРИФЕРИЯ, ГРАНИЦА

Петербург как мировой город
Петербург как имперская столица
Петербург как центр Запада России и СССР
Петербург как центр российского Севера
Петербург как центр Северо-Западного региона
Петербург как советская и российская провинция
Петербург как российская и европейская периферия
Петербург как барьерная граница
Петербург как контактная граница

МОСКВА И ПЕТЕРБУРГ — ПЕРВАЯ И ВТОРАЯ СТОЛИЦА

Первые и вторые столицы в разных странах
Столицы административные и экономические
Первые и вторые столицы России
Нужна ли России третья, внутренняя столица
Москва — союзник или соперник
Петербург и Москва как геополитические конкуренты
Раздел сфер влияния Москвы и Петербурга
Функциональная инверсия 'Москва—Петербург'
в современной России

АНАЛОГИ И СОЮЗНИКИ ПЕТЕРБУРГА

Города в устьях рек и дельтах
Новые искусственные города
Вторые города
Города и регионы — партнеры Петербурга
Аванпорты Петербурга: Мурманск, Тверь, Череповец,
Рыбинск, Смоленск

ПЕТЕРБУРГ И БАЛТО-СКАНДИЯ

Петербург как партнер Северных стран
и витрина России для Скандинавии

Петербург и Финляндия

Петербург и страны Балтии

Петербург как связующее звено Скандинавии, Балтики,
финноугорского мира и России

Финляндизация Карельского перешейка

Петербург и Российская Карелия

Петербург, Калининград (Кенигсберг) и Балтийский флот

ПЕТЕРБУРГ НА ТРАНСПОРТНЫХ ПУТЯХ

Петербург на пересечении водных и сухопутных дорог

Петербург на Беломорско-Балтийском водном пути

Транспортная паутина Петербурга в России

Петербург как центр и собственник

Октябрьской железной дороги

Транспортная полимагистраль

Москва—Петербург—Хельсинки

Высокоскоростная железнодорожная магистраль:
за и против

Судьба пространства между Петербургом и Москвой

Сближаются или удаляются Петербург и Москва?

Мегалополис Москвапитер?

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПЕТЕРБУРГСКОГО И МОСКОВСКОГО РЕГИОНОВ

Оазис урбанизма в экономической пустыне

Структуры узловых районов Петербурга и Москвы

Соотношение городской агломерации и области

Сравнение Петербургской и Московской агломерации

ПЕТЕРБУРГСКИЕ СЮЖЕТЫ

Восток Ленинградской области
как природно-культурный резерват
Петербург и Москва как ядра своих регионов
Нужна ли Ленинградской области особая столица?
Псевдоурбанизация и дезурбанизация:
повторять ли ошибки Москвы?

ПЕТЕРБУРГ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ РАЗВИТИЯ

Субъекты и объекты развития
Глобальные процессы и уникализация Петербурга
Выживание исключительно путем развития?
Уникальные ресурсы и их кадастр
Территориальная идентификация и выбор пути
Самый большой город-музей
Неизбежность музеефикации бывшей имперской столицы
Петербург — креативный город-государство-музей
Нужна ли Петербургу Россия и какая именно?
Петербург как центр понимания и изучения России
Петербург как центр элитарного туризма
Неизбежность многоязычной и поливалютной среды

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПЕТЕРБУРГА

Регулярный город наперекор ландшафту
Симметрия и асимметрия пригородов Петербурга
Зоны и секторы пригородного ландшафта
Основные направления территориального роста
Экологический каркас Ленинградской области
и Северо-Западного региона
Ладожский фасад Петербурга
Территориальные способы сохранения старого Петербурга
Дамба и судьба Невской губы
Дамба как транспортная полимагистраль

III. РЕВОЛЮЦИЯ РЕГИОНОВ

Функциональная трансформация внешнего пояса Петербурга
Новый Петербург для новой архитектуры
В какой административной границе Петербургу будет лучше?

ОБРАЗЫ, СИМВОЛЫ, МИФЫ

Петербург: Европа для России и Россия для Европы
Образы России и Петербурга на денежных знаках
Петербург и Москва как источники разных образов России
Миф о неисчерпаемости
географического положения как ресурса
Миф об окне в Европу

ПЕТЕРБУРГ И РОССИЯ: СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО

Что объединяет и что разъединяет Петербург с Россией?
Утопия «единой цивилизованной демократической» России
Временная стабилизация России
Ремилитаризация России и локальные войны
Распад России
Петербург — столица одного из российских государств

КАТАСТРОФИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ ПЕТЕРБУРГУ

Природные угрозы
Социальное и этническое загрязнение
Промышленно-транспортный бум
Русификация и суздализация города
Перенос столицы России в Петербург

Март 2000 г.

СПЕКТР СЦЕНАРИЕВ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ*

Я собираюсь тезисно указать на некоторые сценарии, которые мне видятся возможными; в целом эти сценарии отвечают на вопрос: Российская Федерация (РФ) — это СССР сегодня? Мне кажутся не вполне законными экономические, социологические, этнические и прочие рассуждения, если в них не оговаривается то, что в точных науках называется «граничными условиями». Предполагаются какие-то тренды, но не оговаривается, будет ли рамка — пределы Государства Российского — неизменной либо они будут существенно меняться. Видимо, стоит это учитывать.

Какова в геополитическом аспекте нынешняя ситуация Российской Федерации? (Подчеркиваю, Российской Федерации, а не России, потому что последнее слово слишком нагружено коннотациями и его пространственные пределы не вполне понятны.) В одном отношении Россия намного шире Советского Союза, в одних определениях, вполне строгих, в других определениях она во много раз меньше Российской Федерации.

Первое. *Политическое и/или геополитическое пространство многоуровнево*, в нем действуют фрагменты Советского Союза, власти Российской Федерации, и одновременно регионы многих уровней. И иностранные государства вынуждены

* Впервые: Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1994.

с этим считаться, устанавливая, скажем, контакты по поводу спорных с Японией островов с Москвой, с Владивостоком, с Сахалином, с самими островами. Это — многоуровневое *поли-субъектное пространство*. В этом пространстве все сильнее доминируют горизонтальные отношения, в том числе и отношения Центра с регионами. Это не отношения принуждения, это отношения договоренности, сделки, торга, административного, разумеется, и т. д. Какие бы формы регионализация ни принимала, она продолжается и углубляется. Опыт полевых поездок этого года показал, что она гораздо глубже проникла в самую повседневную и обыденную жизнь, чем то можно зафиксировать, но это продвижение никоим образом не осознается и не вербализуется. Здесь образуется довольно опасный зазор между картиной, которая представляется из Москвы, и картиной, которая имеет место внизу.

Второе. *Приватизация* протекает отнюдь не только и не столько в экономической сфере, сколько носит тотальный характер. Приватизируются сами властные институты на местах. Можно говорить о *приватизации всего административно-территориального деления*. Речь идет как об уступке территорий между областями, которые обсуждаются во многих случаях, по которым есть экономические интересы, и до преобразования целых городов как административных единиц в фактические корпорации — известный случай с городом Кисловодском (который, кстати сказать, приведен в такой идеальный порядок, что я сначала принял его за декорацию для съемок какого-то фильма из западной курортной жизни). Все это говорит о том, что сама стандартная модель государства, к которой мы неявно привыкли, не срабатывает.

Следующее и последнее из описания ситуации. Из истории хорошо известно, что была очень долгая война за испанское наследство. Хотя само наследство было очень простым, его легко было описать. Там были территории, о которых шла речь, были определенные, если не ошибаюсь, торговые преференции и вопросы престолонаследия. Вот, собственно говоря,

и все. Стран — участников было мало, тем не менее война продолжалась долго. Я сначала публицистически, а потом строго ввел понятие «советского наследства». *Идет борьба за советское наследство*. Многочисленные конфликты, совершенно неизбежные, — это борьба за советское наследство.

Теперь перечислю некоторый спектр сценариев. Следует оговорить, что должен сделать утверждение, которое не могу обосновать рационально-эмпирическим образом, это некоторое профессиональное видение. Оно совпадает с видением занимающихся той же проблематикой коллег совершенно других профессиональных ориентаций. Есть общеизвестные представления о точках бифуркации. Интуитивно представляется, что сейчас бывший Советский Союз (или Российская Федерация, это не очень существенно) *проходит очередную зону бифуркации*. Пока идет прохождение этой зоны, могут сочетаться самые противоречивые тенденции, но когда эта область будет исчерпана, то те тенденции, что ныне дополняют друг друга, станут альтернативами. Возникает спектр сценариев. Речь идет о *прогнозировании в типологическом смысле*, т. е. об указании целостного генерализованного спектра, покрывающего поле возможных событий, но никак не о предсказании единственной (самой вероятной) траектории. Каждый из нижеописанных обобщенных сценариев ныне фрагментарно реализуется в практике действий Центра РФ (даже локализуясь в конкретных властных структурах и «подпирающих» их силах) и отчасти программно манифестирован. Однако осознанный выбор конкретного сценария основой стратегии какой-либо явной политической силы (тем более — Центра РФ), по-видимому, не происходит. Ниже кратчайше описываются сценарии и фундирующие и проявляющие их феномены. Сценарии упорядочены так, что *«несрабатывание» предыдущего увеличивает возможности реализации всех последующих*. Последующий сценарий имеет предпосылкой и событийной основой реализации последствия неудачи-невозможности предыдущего.

1) **Реванш** (СССР), борьба РФ за «советское наследство». Реставрация, восстановление управленческой вертикали. ремилитаризация, попытки военного контроля основной части СССР, перманентные конфликты; силовые акции против регионов РФ. Значительная часть масс, особенно живущих вне своих этнорегионов, ВПК и вооруженные силы — база сценария: имперский шовинизм — его поверхностное выражение. Возможен краткосрочно в острой форме, не создавая даже квазистабильности, что затем резко актуализирует иные сценарии. Выражается в ряде военных операций вне РФ, поддержке (окупаации) де-факто спорных территорий типа Приднестровья, Абхазии.

2) **Мир регионов и Центр-посредник**. РФ ассоциируется с Москвой и выступает в функции посредника между регионами РФ, членами СНГ, остальным миром, вооруженными силами как суверенным де-факто компонентом (возможно, с собственными территориями). Формальное единство территории РФ сохраняется при постепенной суверенизации периферийных регионов (возможно, по модели Чечни). Регионы независимо от деклараций имеют приоритет на своей территории в большинстве сфер. Функции Центра — валютно-финансовые, судебно-посреднические, формально-правовые, военно-«миротворческие» и т.п. Основа сценария — объективно присутствующая неосоветскому российскому пространству высокая централизация (особенно коммуникаций), сохраняющаяся дополнительность экономик отдельных частей, невозможность быстрой достройки всеми регионами структуры до функционально полной; очень значительная ниша функций посредничества и согласования действий регионов при условии их реального суверенитета.

Процессы и акции, называемые экономическими реформами, здесь двусмысленны в точном смысле слова: деэтизация/приватизация размывает регионы как целостные клубки, но, с другой стороны, именно «реформы» ведут ко все более глубокому просачиванию полномочий и собственности вниз.

Мои полевые наблюдения показывают, что даже объективно заинтересованные в централизованном единстве РФ регионы уже внутренне регионализуются; существующее АТД все более размывается. Непреодолимая ирреалистичность властей Центра вряд ли позволит им занять вакантную ролевую нишу стабилизатора процесса региональной фрагментаризации. (Найдется ли властная (влиятельная) структура, что сможет осуществлять функции обеспечения плавности в «распаде» РФ?) В пользу такого сценария, который кажется алармистским, работают факторы, временные и скоро исчерпывающие свое действие: незавершенность регионализации СССР (РФ едина во многом именно поэтому), слабая (пока) активность внешних центров экономико-политического тяготения, быстро преодолеваемая информационно-технологическая зависимость регионов, крах экономик большинства соседних республик и пр. Против этого сценария работает процесс дифференциации регионов. По-видимому, такой ход событий наиболее желателен для основных иностранных государств, крупного бизнеса РФ (однако часть его, заместившая государственно-распределительные органы, ориентирована вполне империалистически).

3) **РФ — рыхлая надстройка** над самостоятельными — в очень разной мере — регионами (частью государствами), сохраняющая контроль над стратегическими вооруженными силами. Реализация сценария как этапа в среднесрочной перспективе (5—10 лет) представляется весьма вероятной, прежде всего в силу начавшегося и очень быстро (хотя и малозаметно) идущего процесса диверсификации регионов, нарастания контрастов в условиях жизни и экономики в них. Практика прохождения службы новобранцами в своих регионах, становящаяся нормой, имеет следствием регионализацию большей части силовых структур; а фактическая легализация частных вооруженных формирований может сделать регионы более равными партнерами Центра, чем то можно сейчас представить. Для описания ситуации сценария уже нет должных поня-

тийных средств; представления о законе, государстве и его территории, суверенитете и т.д. не работают, но заменить их, похоже, пока нечем. В такой ситуации конфликты становятся перманентными, причем большая часть их уже никак не контролируется Центром. Возможно, что часть региональных элит ориентируется ныне именно на такую ситуацию, явно не соглашаясь на первый и уже не надеясь на второй. Важным «мотором» тут будет намечающаяся регионализация крупных республик бывшего СССР, части которых — потенциальные участники коалиций с регионами РФ (сшивание лоскутов Союза без единства и Центра).

4) **Минимальная Россия.** Сохранение РФ как государства на небольшой части прежней территории при полной самостоятельности остальной. Сутобо предварительно и приблизительно: территория, в общем, замкнута линиями «западная граница РФ—Воронеж—Вятка—Норильск—Северный Ледовитый океан», включая несколько стратегически неотъемлемых анклавов. Впрочем, и в таких границах государство достаточно велико, чтобы быть обеспеченным ресурсами и потенциалом внутренних различий и напряжений. Контуры «новой РФ» определяются дислокацией стратегических сил, ресурсно-промышленной базой, «распадом» ряда регионов и/или изменением их границ, конфликтами. В вышерассмотренных сценариях формальное сохранение пределов государства совмещалось с изменением его характера; здесь ситуация противоположная. РФ как складывающийся государственный организм возможен только ценою «жертвы» большей части территории и сохранения ресурсов, ныне расходуемых на реализацию идеологемы «великая держава». Существенно, что возникает почти моноэтническое государство; однако с очень значительными внутренними культурными (субэтническими) различиями, гигантской ролью столицы, что создает внутреннее напряжение и даже здесь провоцирует сепаратизм окраин. (В свою очередь, внутренняя динамика, включая политику, может воспроизвести весь спектр сценариев.) В отличие от

других (первый сценарий основан на инерции властных структур, а второй и третий — на мощной спонтанности регионализации), *условия реализуемости этого сценария совершенно особые*; он требует реалистичной консолидированной воли властей Центра РФ, их резкого «отрезвления».

На остающейся территории РФ события протекают следующим образом. Возможно, сужение сферы политического доминирования Центра РФ (домена Москвы) активизирует консолидацию территорий вокруг нескольких ядер (центров и/или регионов), пока более ориентированных на противостояние Центру, нежели на полирегиональную интеграцию. Тогда возможно образование на нынешней территории нескольких сравнительно крупных «государств». Вероятно, целостность многих регионов вне новой минимальной РФ станет проблематичной, что соответствует реальности и других сценариев (спуск регионализации на ранг ниже).

5) **Регионы — каждый за себя.** Возникает множество практически самостоятельных, равноправных государств-регионов (их коалиций), частью ассоциированных со смежными странами; Центра нет; стратегические силы суверенизуются и регионализуются. Москва из резиденции Центра становится собственно регионом, *городом-государством*, претерпевая наиболее радикальные изменения. В пространстве сложно и динамично сочетаются союзы, коалиции и конфликты, процессы глубокой дезинтеграции и реинтеграции. «Срезание» высших рангов административной иерархии десоветизирует пространство и его структуры, позволяя культурной почве восстановиться. Однако, учитывая приватизацию АТД, возможны варианты регионально-монополистического капитализма с жесткой конкуренцией регионов-«монополий». Этот сценарий можно интерпретировать как максимально полную реализацию спонтанного компонента геополитической событийности и одновременно как «победу» линии диверфицированного развития. Такой сценарий неизбежен, если последовательность событий пройдет мимо возможностей иных сценариев.

III. РЕВОЛЮЦИЯ РЕГИОНОВ

Ныне сочетаются, реализуясь как тенденции (отчасти — элементы политики Центра РФ), фрагменты всех сценариев, но ситуация неустойчива; видимо, близка точка бифуркации, после которой эти (подобные) сценарии станут альтернативными. В определенном смысле линейная цепь потенциально замыкается: новая интеграция представляется реальной лишь как *постцентрализованная ситуация*, когда будут исчерпаны властно-силовые центростремительные и центробежные тенденции и политики, т. е. произойдет самоопределение территорий в самом широком смысле.

**IV. К МИФОЛОГИИ РОССИЙСКОГО
ПРОСТРАНСТВА**

«РОССИЯ»: ЧИСЛО НЕОПРЕДЕЛЕННО- МНОЖЕСТВЕННОЕ?*

Товары из Европы, Москвы и России.
(Реклама на телевидении, Норильск, 1997)

Что связывает Москву и Россию?
(Уличная реклама, Москва, 1999)

Любимейший вопрос современности «Куда идет Россия?», размышление на сию тему — излюбленное занятие и профессионалов, и ангажированных интеллектуалов, но в цене прежде всего ответы¹. Осмысление самого вопроса — в цене куда меньше.

Поиски пути России нередко переходят в критику постановки вопроса: все чаще выясняется, что современная ситуация России не вполне ясна; вернее — вполне неясна. Туманность, неопределенность, двусмысленность ситуации, ее сложность и запутанность трактуются как выражение кризиса страны, как не-следование верному пути, как симптом того, что Россия не нашла правильного пути, не встала на него. Или не вернулась на верный путь. Само же наличие такого пути сомнений не вызывает; вопрос априори полагается осмысленным и, значит, имеющим ответ. Сложность нахождения ответа трактуется исключительно как выражение важности самого вопроса.

При этом не принято помнить, что само имя «Россия» — топоним, единичное собирательное, пространственное, гео-

* Впервые: Неприкосновенный запас. 2000. № 2 (10). Исследование осуществлено при поддержке Фонда Макартуров.

1 Ср., напр., ежегодный симпозиум «Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития» и одноименные сборники его трудов.

графическое понятие, которому отвечает единственный и единый, цельный географический объект. Ибо если это не так, если единого определенного объекта нет, то вопрос повисает в воздухе, обесмысливается. Пространственно неопределенное образование не может ни двигаться куда-либо, ни даже где-либо находиться.

Статья излагает серию сомнений в том, что современная Россия представляет собой очевидный простой единый объект, ясный предмет дискурса, анализа, прогноза. Текст — не сомнение в существовании России, а попытка уяснить, как именно, в каком же смысле существует Россия, проблематизация ее онтологического статуса на основе географического пространствования².

НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Неопределенность всеобъемлюща. Предмет «Россия» почти всегда сейчас и притом часто целиком невнятен. Россия как предмет исследований — мышлений — описаний — переживаний — прогнозов — прорицаний — сознаний — не дана, не ясна, не определена. Есть много разных России. В ряду того, что полагается Россией, стоят по-разному определяемые пространства, территории, каждая из которых вполне отвечает некоторой России; эти пространства включают в себя фрагменты и части. Пространственная форма территории государства РФ не соответствует условиям осмысленности, эффективности, стабильности, устойчивости.

Страна и государство. Будучи правопреемником и СССР, и Российской империи, существовавшей по 1917 год, нынеш-

2 См.: *Каганский В.Л.* 1) Советское пространство // *Иное*. Т. 1. М., 1995; 2) Неопределенность современного российского пространства // *Куда идет Россия?*. М., 1997; 3) Неосоветское пространство: основные структуры, трансформация // *Куда идет Россия?*. III. М., 1996; а также статьи в разделах II—III наст. изд.

няя Российская Федерация не является ни новой, ни старой страной, она является скорее чем-то проблематичным. РФ — это государство, которому не отвечает страна, что для постсоветского пространства — скорее правило. Мы хорошо понимаем это, глядя на Украину, государство в пределах, которым не соответствует (и не соответствовала) никакая страна³, но забываем про РФ. (По-видимому, на территории РФ есть несколько отчетливых стран и краев, аналогов исторических провинций Европы, и множество полуопределенных, становящихся краев, стран и даже, может быть, еще не понятых форм.) Существовавшая страна=государство Россия (Российская империя) радикально отличается от нынешней РФ, хотя бы потому, что РФ не имеет в своем составе существенных частей России, т.е. таких частей, без которых целое становится иным, — Киева, балтийских провинций, Финляндии. Российская Федерация не является ни государственным синонимом, ни государственным оформлением России как территориального единства. Сама страна есть проблема⁴.

Жесткость государства позволяла стране быть аморфно мягкой и даже вовсе не быть; внешний силовой панцирь и скелет замещали внутреннюю форму, государство дало внешнюю форму территории и — подменило, чуть не вытеснило страну; конструирование государства=территории подавило самоорганизацию пространства (не полностью)⁵.

Много говорят о государстве — проблемой является страна. СССР и был государством, которое строило страну...

Территориально РФ — крайне фрагментарное и противоречивое образование. РФ монтируется из многих разных

3 См. статью «Теоретико-географические этюды. IV. Украина: география и судьба страны» в наст. изд.

4 См. статью «Россия и Миф России» в наст. изд.; а также: *Яковенко ИГ*. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999.

5 Часть форм и функций страны брали на себя (кроме государства) и русский язык/культура, но Россия расплылась внутри СССР, русского языка и культуры; впрочем, стоит ли говорить об этом наспех?

фрагментов СССР на части его территории, повторяя с небольшими вариациями судьбу СССР. РФ представляет собой сложный конгломерат территорий, тождество которого России проблематично хотя бы потому, что ныне в состав РФ входят территории, никогда не бывшие частями России. Да и какой России — ведь в Россию «в максимальном варианте» включаются части Ближнего Востока и Балкан (Афон, Иерусалим, Константинополь), Восточной Европы, кусочки Северной Америки (Аляска и русская Калифорния), Китая (Маньчжурия — несостоявшаяся или состоявшаяся «Желтороссия»); Монголия etc; отождествляют Россию и с Евразией евразийцев. Кроме того, Россия — государство (государства), русская (российская) культура и даже русская литература, «Святая Русь» («Небесная Русь»), России мистиков и визионеров (Д. Андреев и др.), исторические Руси=России: Киевская (Киево-Новгородская), Владимиро-Суздальская, Московская, императорская петербургская... Сюда включается (исключается) и Россия советская. А кроме того, и образы Россий. Все эти России реальны, но существуют по-разному, для них «существовать» означает разное. Но они сплетаются и взаимодействуют не только как мифологемы (идеологемы, сакрализованные образы), но и как сильные идентификаторы реальных групп; в каждой из этих Россий живут, с каждой сопрягают конкретные территории. Камнем преткновения для российского культурного пространства является то обстоятельство, что любая из этих парадигм претендует на тотальность и единственность. Мало кто осмеливается подумать, что все эти «России» сосуществуют и взаимодействуют хотя бы как квазиидеологические конструкты и идентификаторы социальных и иных групп. Топографические же размеры пространств (площади), отождествляемых разными группами с «настоящей (подлинной) Россией», различаются почти в сто раз; а область их пересечения очень мала: поддюжины областей вокруг Москвы.

Единой однозначной России нет. По-видимому, осмысленно говорить о России исключительно во множественном чис-

ле, даже во многих разных множественных числах (используя разные онтологические связки, фиксируя разные модусы и аспекты существования, прибегая к сложным модальностям). Это нетривиально, непривычно и сложно, но реально. Или тривиально, привычно и просто, но нереально и беспредметно.

Нельзя **быть** сложным и **существовать** просто.

Образы России противоречивы, для них характерны исключают друг друга признаки и состояния, мгновенные инверсии, будто речь идет о волшебной сказке или архаическом мифе. Место России во времени (истории) амбивалентно, оно совмещает архаику, традиционность, современность и постмодерн. Относится это и к отдельным группам, занимающим в разных аспектах предельно разные положения во времени. Так, реализующие технологии постмодерна закрытые города (ЗАТО) в социокультурном отношении даже не консервативны, а просто архаичны: наиболее агрессивный фундаментализм живет не на туземных окраинах страны, а образует ее военно-промышленное сердце.

Пространство России предстает одновременно молодым и древним, статичным и динамичным, пассивным и активным, открытым и закрытым, однородным и разнородным, единым и разорванным, беззащитным и несокрушимым; огромным и маленьким и т.п. Даже сравнительно простой, поддающийся и аналитической, и эмпирической проверке вопрос о том, вышла ли Россия из советского пространства, стало ли пространство действительно постсоветским, отброшен, как говорят, «вместе с СССР». А ведь он вполне реален...

Здесь только упомяну и вопиющую эклектику всей нормативно-символической сферы. Ярчайший пример — образ пространства страны, предьявленно-навязанный изображениями на ее банкнотах. Самый массовый по тиражу носителя образ страны — предельно странный; он не отвечает никакому известному образу России; это карикатура. Денежные знаки навязывают представление о России как о морской мононацио-

нальной стране=империи, которая включает исключительно столицы и малонаселенную таежную периферию⁶.

Сравнения, поиски сходств, истоков, прототипов, источников опыта среди иных стран уже не размывают, а разрывают место страны. Вглядимся только в перечень стран: Византия, Израиль, Иран, Испания, Китай, Османская империя, Польша, Рим, США, Турция, Чили, Югославия etc⁷. Этот перечень обязан порождать суждение об уникальности страны — или выражает такое переживание страны. Ведь страна сравнивается и сопоставляется со странами, не имеющими между собой ну ничего общего; ведь уникально то, что сравнимо только с не сравнимыми между собой объектами, сходно с большим числом несходных между собою, не образующих никакой целостности, совокупности. Стране «назначаются» все возможные глобальные места=роли из репертуара «центр — провинция — периферия — граница», причем практически на равных основаниях. Противоречат друг другу не оценки положения страны в пространстве и времени, а сами постулируемые места. РФ не имеет единого единственного места в пространстве.

Единое пространственное тело? Относительно современной РФ вопрос этот не исследован. Но, сколько известно, эмпирических доказательств территориального единства и целостности территории РФ, целостности как некоторого узлового, однородного или конфигурационного района, нет (это главные формы районов). С нынешней РФ не совпадает даже приблизительно ни один из многих реальных районов на территории РФ; никак не совпадает и сфера влияния Москвы (объединение Москвы и Белоруссии было бы вполне реалистично). Пространственные отношения страны «Россия» и

6 См. статью «Главное свидетельство» в наст. изд.

7 Экспертам предлагался следующий вопрос: «Назовите три страны, взятые вместе, дающие наиболее полное представление об СССР!» В ответах около половины упоминаний пришлось на Китай и США, далее с отрывом от них и от следующих стран шел Иран (см.: Кто же мы // Век XX и мир. 1990. № 6; Сравним образы // Радуга (Таллинн). 1990. № 7).

государств Российская империя, СССР, РФ сложны и запутанны. В РФ реально сейчас входят: фрагменты СССР, фактически не вошедшие в состав ставших независимыми государствами союзных республик (Приднестровье, Абхазия, Памир и т. д.), Москва, номинальные регионы РФ, собственно РФ. Сложность сборки РФ в том, что РСФСР была не стандартной частью СССР, регионом типа других союзных республик, областей и пр., а сложной интерференцией (основной части) Центра СССР, базой его функциональных структур и регионов нескольких уровней. Сейчас интеграция РФ отстает от становления ее собственных регионов. Даже если имеет место «формирование российской государственности», хотя процессы явно разнонаправлены, то и это не служит доказательством существования страны в рамке государственных границ.

Происходящий автодемонтаж СССР, его распад, отнюдь не только распад — это **испытание на существование**, в том числе испытание этносов, городов, регионов, стран.

РФ определена в пространстве противоречиво и слабо. Доминанта геополитики и региональной политики — борьба за советское наследство. Существует немало спорных территорий, статус ряда смежных территорий неясен, ряд регионов и внутри РФ и вне ее находится под силовым контролем вплоть до военных действий. Ряд территорий ассоциирован с РФ. Критически важные для статуса РФ объекты находятся за ее пределами (Байконур, Севастополь, военные базы на Кавказе и в Средней Азии). РФ имеет фактически несколько вложенных друг в друга обручей государственных границ. На огромном протяжении тянутся две параллельных линии далеко удаленных границ=погранзон: собственно новая граница РФ с Грузией, Казахстаном и пр. — и бывшая госграница СССР — границы Грузии, Киргизии, Казахстана, Таджикистана (прибавим границу Москвы и границу Чечни — и получим четыре границы одного (?) государства).

Территориальная компетенция Центра РФ — острая проблема, если прерогативы Центра стали предметом конфликта

и торго с регионами. Многие регионы обладают правом veto в распоряжении территорией и фондами; так, не удалось восстановить немецкую автономию в Поволжье, для чего нужно было изъятие территорий у двух регионов. Примеры самостоятельности регионов широко известны.

Москва находится в глубоком конфликте с Центром РФ за особый статус. Республики РФ имеют признаки государств, но Москва их являет куда ярче (см. ниже). Для современной РФ не вполне понятно, что же является государством, его признаки размыты и по горизонтали, и по иерархической вертикали.

Внутренние различия — больше внешних. Отличия немосковской части РФ от Москвы во многих отношениях сильнее, чем отличия РФ от иных стран. Для территории РФ, в общем, сомнительны средние величины и основанные на них суждения, оценки и тренды, поскольку распределения многих признаков по территории бимодальны, если не хуже. РФ столь разнородна, что вряд ли может быть единым предметом статистического анализа⁸.

Внешние связи сильнее внутренних, существенная часть РФ все больше тяготеет ко многим разным внешним центрам. На большей части страны внешнее экономическое воздействие сильнее, чем внутреннее; судя по некоторым данным, внутреннее хозяйственное влияние сильнее лишь внутри зоны «Смоленск — Псков — Санкт-Петербург — Воркута — Сургут — Братск — Иркутск — Омск — Челябинск — Волгоград — ...».

Открытие, глобализация экономики РФ означает и усиление центробежных тенденций, которые ничем не компенсируются; разные части страны почти используют разные валюты. Ситуация еще сложнее: утрачивая контроль за своей собственной

8 Когда я редактировал этот текст, на дворе была гнусная зима отпелель: очередной сезон выборов. Прогноз их результатов имеет огромную политическую и коммерческую цену. И опять он будет ошибочным: не слишком сложное пространство настолько не понято (не нужно?) самими участниками «политики», что нельзя (не нужно?) даже грамотно разработать пространственный каркас сети опросов общественного мнения.

территорией, РФ не может существовать без объектов и территории вовне вроде Байконура и радиолокационных станций — внешних существенных частей.

Экстенсивная поляризация. Пространство поляризовано, почти распалось. Главные активные экономико-политические ресурсы сконцентрированы в немногих точках; подавляющее большинство регионов всех рангов финансово несостоятельны и несамостоятельны; то же самое касается и городов. В предельном огрублении страна — это огромный груз на ресурсной (нефтегазовалютной) трубе. Но эта главная ось, примерно «Москва — Сургут», почти фиктивна и экстерриториальна, не является полимагистралью, комплексной транспортной артерией, базой расселения, не оживляет ландшафт, главные города с ней не связаны; зарытые в землю трубы — не каркас ландшафта, не основа расселения, в отличие от железных дорог и даже автомагистралей.

Основная сплошная обжито-освоенная территория страны, ПРОВИНЦИЯ и островки доминирующих сейчас ресурсных секторов хозяйства, ПЕРИФЕРИЯ размещены почти полярно. Пространственно поляризованы, находятся на противоположных краях страны и две опоры экономики — финансовый и ресурсный секторы. Территориальное единство страны формально и экстенсивно, основано на ресурсах, деньгах, власти, силе. Деньги и нефтегазовый комплекс поляризуют, но не организуют страну; потоки статусов-ресурсов-денег не создают комплексных осей. Территориальный разрыв страны огромен и помимо далеко зашедшей регионализации усугублен разрывом и суверенизацией слоев хозяйственно-культурной ткани.

Пространство фрагментировано вертикально и горизонтально, растрескивается на плохо связанные части по старым и новым районам и зонам: регионам, транспортным, приграничным зонам. Вертикальный, связанный со статусом ячеек территории характер пространства и его дифференциации сохраняется и даже усиливается; глубина территориальной стратификации, видимо, растет. Основные различия и разрывы

вы проходят между близкими территориями разных статусов (уровней). Прежняя административная иерархия регионов/поселений дополняется и овеществляется финансово-экономически. Почти самодостаточные уровни, фрагментированные районы и группы людей живут в разных жизненных мирах, что находит выражение в доминировании на разных ярусах и разных платежных средств (инвалюты, рубль, «натура» etc). Многие контрасты растут; покупательная способность национальной валюты варьируется между различными территориальными группами примерно на порядок. По пути высвобождения из обременительных пут регионов пытается идти и ряд «процветающих» центров регионов (Нижний Новгород?) и «вторых городов», частью превращающихся во внутренние города-колонии Москвы (Братск, Норильск, Череповец etc).

Пространство сегрегировано. Межрегиональные города-миллионеры, центры экономических районов сокращают сферу влияния, идя по пути превращения во внерегиональные города подобно Одессе на Украине. Пространство, особенно институционально и транспортно, все более напоминает архипелаг. Жесткие советские скрепы пространства пока ничем не заменяются; не Internet же интегрирует пространство РФ. Сшиваясь на живую товарную нитку челночной торговлей, ткань ландшафта грубеет, культурный ландшафт страны разорван.

Грандиозные инверсии налицо. Для централизованной страны инверсия, обмена центров ролями-функциями на фоне их отрыва от страны — симптом радикальной трансформации, неустойчивости и потери определенности. В стране две столицы, да обе на краю страны. Сюжет «Москва—Санкт-Петербург» — лишь один элемент огромного ряда инверсий.

Ключевое место в стране занимают поверхностно и очагово присвоенная ресурсно-сырьевая ПЕРИФЕРИЯ (Тюменский Север, Норильск, Якутия etc) и владеющие ею структуры. Сейчас имеет место инверсия, Периферия отчетливо поменялась местами с ПРОВИНЦИЕЙ, обжитым и освоенным ядром страны (Тула, Вологда, Псков etc). К значимому пространству России

(ср. образ страны в массмедиа) скоро будет применима формула Австралии: центр на периферии — периферия в центре. Идет обмен ролями между первыми и вторыми городами регионов; центры регионов, относительно старые и полноценные города уступают место/значение вторым городам, новым гигантским при заводским поселкам городского типа (Вологда↔Череповец, Иркутск↔Братск, Самара↔Тольятти, Тюмень↔Сургут и т. д.). Политически и экономически, как полагают, страну скрепляют ресурсы и деньги, что означает инверсию относительно заселенной, интенсивной урбанизированной ПРОВИНЦИИ и экстенсивной фантомной псевдоурбанизированной ПЕРИФЕРИИ.

Три квазигосударства сосуществуют в одном пространстве, в материале одной территории, одной жизни, одних масс: 1) советское наследство, руины умирающего государства СССР (агония продолжается) — непристроенные, нерегионализованные блоки СССР; 2) Российская Федерация, государство в фазе сборки-разборки; 3) быстро формируемая новая «Московская империя», совмещающая черты Российской империи и СССР. В теле одного города совмещаются и конфликтуют осколки структур Центра СССР, Центр (резиденция Центра) РФ и сама Москва. Но Москва — не город, не регион, не государство. Вернее сказать: **город=регион=государство**. Выражение «битва за Москву» — не метафора, поле битвы — город Москва — разрушается этой борьбой. Москва ведет (частичную) **регенерацию СССР**, консолидируя вокруг себя прежде всего буквально неуместные, не интегрированные в новые страны фрагменты СССР и маргинально-криминально-милитаризованные регионы-бастионы: Калининградскую область, Приднестровье, Крым—Севастополь, Абхазию, Южную Осетию, Аджарию, советско-российские погранзоны Закавказья и Средней Азии, Таджикистан и частью Афганистан etc; вассала Белоруссию, ряд стратегически и ресурсно-важных регионов, куда прямо тянется рука Москвы.

Москва — **собиратель советских земель**, формирует изначально территориально разорванное, многокусочное,

фрагментированное образование, нечто вроде сухопутной Венеции. Этот геополитический монстр имеет жесткие внешние границы и безразлично-чужеродную внутреннюю периферию (внутренние колонии?); его структура утрирует черты СССР — практически нет Провинции, центр оторван от остальной территории и т.д. Москва опять собирает земли, становится военным портом пяти морей, растит идеологию «территориальной целостности», столицы мировой империи.

Территориальная размытость страны=государства усугублена хаотичностью отношений территориального и смыслового (фазового) пространств, Россией эмпирических и идеальных; даже России как общества и России как государства; ну все перепутано, сплетено, не расчленено.

ПРОТИВОРЕЧИВАЯ МОСКВА

Неопределенности места, границ, образа территориального тела страны в пространстве отвечает неопределенность статуса и положения Москвы; множественности центрируемых Москвой пространств отвечает множественность самих одноименных мест; разнообразию сочленяемых Москвой территорий отвечает разнообразие городской жизни. Москва занимает как будто несовместимые места в пространстве, движется в разных географических направлениях, находится в разных местах.

Столица вне страны. Москва — на самом краю РФ, в 400 км от западной (Белоруссия) и юго-западной (Украина) границ; даже от «дальнего зарубежья» — 900 км; от восточных границ — 8000 км. Столица ныне на границе, особенно функционально; при этом страна во многих отношениях все более моноцентрична; через Москву проходит не только более половины всех денег страны, но и более половины всех пассажиров и грузов.

Различия Москвы и собственно РФ огромны и носят качественный характер. Страна и столица все более живут в разных эпохах и режимах, переживают и видят действительность

по-разному. Москва игнорирует большую часть России, для которой она стала внешней далекой стихией. Бизнес-политическая московская «элита» видит и утилитарно использует страну лишь фрагментарно; реальные значимые события в стране превращаются массмедиа в происходящие в некоей снисходительно-фантомной «провинции» («регионах»); в стране — новая москвофобия (автор статьи не раз слышал (и получал) начиная с 1996 г. характерный эпитет — «морда московская»). В то же время вереница кризисов-путчей физически и событийно проходила исключительно в Москве — 1991, 1993, 1998 гг.; в некотором смысле и выборы проходят в Москве.

Москву называют «государство в государстве». Статус Москвы — иной, более сильный. Москва — фактически государство, на территории которого размещена резиденция иного государства — РФ. РФ — государство, ассоциированное с Москвой. Москва имеет почти все признаки государства, включая гражданство и визовый режим, силовые структуры, налоги, бюджет, внешнюю политику, колонии etc. Тогда **Москва** — **город=государство**, хотя процесс оформления не закончен.

Важно и другое. В любом сколько-нибудь едином государстве внешний облик, символическое обустройство столицы — важнейшая сфера действий центральной власти, предмет воли и заботы общенационального общества; какой быть столице, решает власть (общественность) всей страны. Именно распоряжение смыслом и пространством Москвы — важнейший индикатор ее особого статуса; примечательно полное безразличие «российской провинции» к этому аспекту российской жизни, рассматриваемой как московская жизнь. Из правила о символическом обустройстве столицы есть исключения, известные еще из школы...

Но Рим был не столицей, а метрополией, и известно, чем кончилось взаимное равнодушие провинций и Города, *Urbi et Orbi*. Это предельно серьезный вопрос: Москва — столица или метрополия? Столица обязана быть городом, а с метрополией вопрос сложнее.

Говоря проще, **Москва выходит из России**, «в регионах» это чувствуется непосредственно.

Положение, роль и статус Москвы в современной РФ весьма напоминают положение, роль и статус РСФСР в СССР десятилетие назад; если РФ — СССР сегодня, то Москва — точный аналог РСФСР. Сходство носит закономерный и структурный характер. Различие большой республики (РСФСР) и города не должны нас смущать. Значительная часть территории РФ экономически (а экономика у нас еще не отчленена от политики) уже есть (стала?) продолжение Москвы. Существенная часть оставшейся у РФ военной мощи — предмет заботы и финансовой подпитки Москвы (дело не в демонстративной покупке Москвой не имеющего военной ценности Черноморского флота); немало городов и регионов России и даже вне ее — экономические колонии Москвы.

Инверсия 'Москва — Санкт-Петербург' уже завершается. Места, функции, символические роли Москвы и Санкт-Петербурга быстро и явно меняются. РФ — это СССР сегодня, но почти наверное Москва уже завтра — это новый Петербург. Москва уподобляется (подражает?) имперскому Петербургу прошлого века (тех же щей, да пожижке влей), становясь космополитически-экстерриториальным центром, официально-патриотическими воротами на краю державы, отрывающимся от страны; заняла позицию над городами, регионами, провинцией; стала дорогим шикарным непроизводительным бюрократизированным миром с придворно-имперской «культурой» и городской средой нуворишей. Некогда Санкт-Петербург был городом функционирования империи, а не местом жизни: реальная жизнь реальных жителей, людей «из общества» (не солдат, прислуги, обслуги) протекала в пригороде, так и теперь московская элита в Москве почти не живет.

Известно новое символическое обустройство города, «омосковливание» Петра I и Екатерины II, виртуальность и фантоматичность московско=российской тусовки элиты, доминирование работы с символическими фантомами в том,

что полагается политикой и экономикой, соответствующая «реставрация». Не может не привлекать внимание огромная и особая роль выходцев из Санкт-Петербурга, столицы российской фантоматики⁹.

Современный же Петербург все более начинает быть схожим с Москвою петербургского периода, являя активность и спонтанность жизни, бойкость мелкого предпринимательства в производстве товаров и услуг, относительно дешевую жизнь, сохранение укорененной науки и культуры, место первого среди равных провинциального города, связь с российской провинцией и (взаимный) интерес к ней.

Москва перестраивается так, будто строится на пустом новом месте, преодолевая среду, что было доминантой как раз Петербурга. Москва крушит и уродует городской и пригородный ландшафт; поддерживает имперскую казенную промышленность; насаждает идеологию «православие—самодержавие—народность» (плюс богатство). Петербург же живет накопленным богатством городских форм, продолжая их обживать, продолжая урбанизацию, используя ресурсы более интенсивно. Москва растрчивает капитал форм города и дезурбанизируется, утрачивая ряд существенных признаков города.

Супергород = не-город. Москва — крупнейший город, но это город без городского сообщества, без городского самоопределения; практически город без горожан. Благополучие, образ жизни, статус (да и личное самоопределение) очень многих москвичей произведен от ведущегося ими «дачного» сельского хозяйства; Москва — крупнейшее поселение фактических крестьян, центр российской аграризации, рурализации. «Мировой город» (потенции и претензии именно таковы) во многом живет за счет натурального примитивного сельского хозяйства.

9 Последние выборы показали, как прямо в Москве создается «политическая реальность регионов»; существующее исключительно как фантом, игра фигур и образов «Единство» одержало верх над деньгами и хозяйственными связями ОВР.

Большая же часть остального населения черпает свои доходы и статусы из положения в государстве и особого положения Москвы на ресурсно-финансовых потоках. Если экономическая база РФ сейчас — ресурсная труба, то Москва — кран на этой трубе, а москвичи — служба и паразиты этого крана; в экономическом смысле Москва живет на статусно-позиционную ренту. Однако атрибут города — самоопределение, независимость от государственных статусов и ресурсных потоков, развитая экономика труда и прибыли. Город, в общем, более прочная и долгая институция, нежели государство; его статус задается обществом, а не государством.

В отличие от Санкт-Петербурга, у Москвы нет отдельного (от страны) городского сообщества и самосознания; вряд ли существует и проявляет себя московская общественность наряду с общепостсоветской и российской; примечательно и даже вызывающе выглядит отсутствие музея краеведения «Московского края», как и вообще такого краеведения (натужные попытки москововедения с интеграцией города и области вряд ли в счет). Это при том, что Москва имеет музеи мирового уровня и охвата.

В теле Москвы причудливо и противоречиво совмещаются черты и структуры резиденции центральной власти, столицы ряда вложенных государств, существующих и существовавших, центров нескольких узловых районов, с этими государствами не совпадающих, собственно города, ядра крупной агломерации, региона (субъекта федерации); огромной фактории, ближневосточного базара, военного завода... Во многих отношениях Москва не уместается в своих официальных границах, что очевидно; менее заметно, что в ряде важных отношений Москва (как город) гораздо шире своих официальных границ: значительная часть территории не выполняет функций центрального места и просто не является городской средой. Экстенсивный рост города — разрастание его рядовой застройки, искусственное насаждение и культивирование атрибутов имперского государства (государственная «национальная» авто-

мобильная промышленность, нефтепереработка, химия, электроэнергетика etc).

Москва — **центр=граница**. Центр узлового региона не может быть еще и таким же структурно и функционально регионом, как центрируемый регион; деталь государства, хотя бы и важнейшая, не может быть обычным городом; страна не может быть столицей другой страны. Однако именно это характерно ныне для отношений Москвы и России. Сугубо логическая парадоксальность ситуации соседства на территории районов разного ранга воплощается в теле Москвы, являющейся одновременно и одним из многих регионов России, и регионом рангом выше, нежели иные регионы (ранее — город союзного значения, теперь — город федерального значения). Граница Москвы — более сильный действующий, статусный рубеж, нежели граница РФ на большей части ее протяжения: главный рубеж для государства=страны РФ — внутренний, а не внешний: граница между РФ и Москвой. Граница между РФ и Москвой сильнее и заметнее, нежели большая часть государственной границы РФ.

Западо=восток. Вестернизация, очевидная в городской среде и быту, идет рука об руку с приметной ориентализацией (торговля типа «восточный базар», быстро численно растущие этнические группы, квазиобщинные структуры, да и сама городская власть). Мир либерально-рыночных структур, бирж, фондов, Интернета вложен в евразийское идеолого-политическое и средовое пространство; модернизационно-вестернизационные и ориентально-архаические черты переплетаются. По-видимому, огромна роль имитации, подражания, воспроизведения визуальных, знаковых, деятельностных форм в отрыве от смысла, содержания вплоть до противоречий с ними; новейшими западными инструментальными и культурными технологиями в Москве воспроизводятся архаичные стереотипы и практики жизни. Москва глядится карикатурой и на Нью-Йорк, и на Вавилон или Багдад.

Москва — вряд ли самый большой город европейского типа на бывшей территории СССР, но, несомненно, крупней-

ший по многим параметрам азиатский город постсоветского пространства (формально — даже по месту рождения нынешних жителей). Москва — **самая большая деревня**, как поселение крестьян, занятых сельским хозяйством; это еще и самая большая на постсоветском пространстве азиатская община и деревня. Москва — самый западный и одновременно самый восточный город России, город ультрамодернизации и уже постмодерна и наибольший сгусток традиционных и архаических общин и структур. Бесчисленны примеры амбивалентной трансформации городской среды. Не случайно и симптоматично, что именно Москва стала центром евразийства — не развития, а насаждения и грубой пропаганды; примечательно и то, что «евразийство с человеческим лицом» транслируется более-менее либерально, умеренно-западнически ориентированными изданиями и публицистами.

Сколь ни противоречат согласно обыденной логике статусы и функции центра, фокуса, столицы, ядра и пограничья, маргинального захолустья, Москве «удается» это совмещать. Москва вообще воплощает — чем дальше, тем ярче (но для «общественности» незаметнее) — семантические парадоксы пространствоведения, особенно касательно центров и границ. Москва — центр России, Москва — и граница России; городская среда и жизнь Москвы носит маргинальный, амбивалентный, переходный характер в куда большей степени, нежели в любой из собственно приграничных регионов России. По своим экономическим функциям Москва — главный приграничный регион России, что подтверждается и тем, что Москва — главное место дислокации и работы служб, обеспечивающих режим и функции границ государства: пограничники, таможня, пограничный рэкет.

В Москве весьма заметны затоки самых далеких и инородных элементов, соседство несопредельных «в норме» элементов, что характерно именно для маргинальных зон; среда Москвы — пример такой погранично=маргинальной зоны, которая чужда тем зонам, между которыми она размещается. С позиции

«российской провинции» Москва — город нероссийский и потому кажущийся западным, но ведь с позиций западных стандартов город Москва — не западный и потому кажущийся российским; определенность Москвы приобретает множественно негативный характер¹⁰. Москва воплощает то, что трудно назвать иначе чем **апофатический плюрализм**.

Москва связана с границами России и особенно бывшего СССР теснее, нежели с «российской провинцией», и является **столицей границ** постсоветского пространства. Москва опосредует взаимодействие большей части территории и населения бывшего СССР, несомненно, служит медиатором почти всего постсоветского пространства, особенно в его связях с Западом, но при этом все более отрывается от территории, инкапсулируется, становясь экстерриториальным городом; Москву просто следует сравнивать с Сингапуром — но где это сравнение?¹¹

Москва: **центр=периферия**. Будучи очевидным в ряде отношений центром в планетарном контексте, Москва — явная периферия, колонизируемое пространство (от многих азиатско-африканских этнических общин до вторгающихся видов животных и растений). Москва и окружающие территории взаимно колонизируют друг друга, находятся в предельно экстенсивных отношениях, что особенно заметно для отношений города и Московской области. Город использует территорию области как место для огородов, свалок, хаотической застройки; область использует город как источник простых ресурсов, товаров, арену криминальной занятости; в лучшем случае это взаимное па-

10 См.: *Каганский В.Л.* Этюды о границах. I. Ситуация границы и граница // Мир психологии. 1999. № 6; а также статью «Вопросы о пространстве маргинальности» в наст. изд.

11 Сингапур расположен в центре Малайзии, связывал две ее части, разобщенные морем, — полуостров Малакку и север острова Борнео, был единственным реальным центром, сердцем, внешними воротами, окном в мир. Тем не менее произошел бесповоротный разрыв, обе части — центр и «провинция» — выстроили независимые государства, наладили отношения друг с другом, создали жизнеспособные общества, эффективные экономики.

разитирование. Между Москвой и окружающей природой и сельской местностью быстро разрастается полоса, совмещающая исключительно дефекты, недостатки обеих основных сред, без их достоинств. Городские и внегородские формы жизни и просто формы не обогащают друг друга, а взаимно разрушают; граница города разъедает и разлагает ландшафт, как линия фронта, деморализует пребывающих в ней. Город-Москва не обустроивает среду, а разрушает, не усложняет, а упрощает, не окультуривает, а маргинализует, не модернизирует, а архаизирует; именно таковы и взаимодействия Москвы со всем постсоветским пространством¹².

Современной Москве присущи смешения, эклектика, разно- и бесстильность, хаос сцепляемых случаев, властью и деньгами фрагментарных заимствований — от простых вещей обихода до идеологем и сознания. Сосуществование множества групп, паразитирующих в одном пространстве, не обустроивая его, не создавая ландшафта, обходящихся без диалога, материализация, овеществленное выражение символов и символизация простых телесных данностей... Все это типологически характерно именно для ПЕРИФЕРИИ.

Центр оборачивается центром периферии и просто периферией. Инверсия 'Москва—Петербург' уже и не описывает ситуацию, Москва скорее напоминает культурный коллаж города типа Одессы или даже Баку.

Неопределенный центр неопределенного пространства?

* * *

В этом тексте полагание пространства кое-где смешано с его самополаганием, автопрезентацией; готов принять упрек. Не всякое место, ландшафт имеет особой «частью» и атрибутом

12 Есть мнение: автоколонизация доминирует на всем пространстве бывшего СССР (см.: *Родман Б.Б.* Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?. III. М., 1996).

свой образ, самосознание, самописание etc, как человек имеет особый (нетелесный) орган — скажем, сознание. Но страна — особое, выделенное в этом аспекте место. Стран без самосознания не бывает; страна — не только связанная отграниченная часть территории (район), имеющая культурный смысл и статус. Страна — вмняемый район. Обустроенных стран без реалистичного самополагания нет. Хаотическая автопрезентация, страх сложности, бегство от проблематичности — знак, симптом состояния пространства страны.

20 декабря 1999 г.

РОССИЯ И МИФ РОССИИ*

Мифы наша почва родит обильно. Все отстаивают или отвергают яростно, не сомневаясь, есть ли «Это». Идет спор полярных оценок; на поверку выясняется, что предмета восторга/гнева вовсе нет. Стоит ли федерализовать однонациональную Россию? Какие могут быть субъекты федерации, если Россия скреплена естественными границами? Наша страна — огромна, это богатство (груз). Россия — законный наследник и преемник Киевской Руси, через нее — Византии и Рима; это и должна смять модернизация (святыни не модернизируют). Россия — мировой мост Востока и Запада, уникальная миссия и судьба (кошмар). ВПК — ось страны (технология ужасов), но это единственный остров постиндустриального уклада. И т. д. Список вопросов и суждений велик.

Острота спора обязана отсутствию предмета. Есть проблемы русских в Российской Федерации, осмысленных и безопасных границ, места России в цепи культурных традиций мира, трансформации ВПК, места российского общества и государства в мире. Но существование проблем не предполагает особых сущностей, не создает их.

Мифы застят глаза. Россия полиэтнична во всех смыслах; естественных же границ нет потому, что их не бывает. Если между Востоком и Западом и есть «мост», то не Россия. Куль-

* Впервые: Неприкосновенный запас. 1999. № 3(5).

турно-политическая преемственность осуществляется с разрывами и сложностями, но у богатых культур нет монопольных наследников. Дефицит технологий и знания ВПК не означает, что они там спрятаны. Если жизнь страны внутри характеризуют так же, как симптомы современного общества, то это доказывает не современность страны, а лишь особенность ее внутренней речи. И так далее.

Даже профессионалы мыслят растущее на месте и вместо советского союза мифами, этого не сознавая. Беда — не наличие мифов, а их неуместность, подмена мифами знаний и здравого смысла. Мы тонем в горах семантического мусора на всем постсоветском пространстве.

РОССИЯ = РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ?

Государство Российская Федерация спекулятивно отождествляется со страной Россией. Но что есть Россия — реальное исторически, географически, культурно целое, страна? Совпадают ли РФ и Россия?

Возьмем обычное дореволюционное представление, когда не отождествляли страну Россию и Российскую империю. В состав России не входили Финляндия, Польша, Кавказ, Туркестан, Сибирь и Дальний Восток. (Сплошность территории мешала четкости границы метрополия/колонии, поэтому трудно было однозначно отнести, например, Восточный Урал к метрополии.) Перечисленные территории — владения, колонии империи. В Россию входили основные части нынешних Украины и Белоруссии, как и балтийские губернии. Была вассалом Тува.

Территория РФ сейчас включает собственно Россию (без ряда существенных частей, т.е. таких, наличие/отсутствие которых меняет характер целого), колонии Российской империи, фрагменты территорий владений империи (Карельский перешеек и др.) и территории, никогда не бывшие в составе

империи. СССР заморозил дезинтеграцию и деколонизацию Российской империи, поэтому ныне РФ включает территории, совершенно разные по юридическому, историческому и географическому статусу. РФ и Россия далеко не совпадают.

ЦЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ИЛИ СТРАНА БЕЗ ГРАНИЦ?

Современную Россию и/или СССР видят образцовым пространственным целым в естественных, Природой данных рубежах. В разных вариантах бульварного евразийства это пространство то замыкается аккурат в РФ, то расползается до СССР. Представление о естественности рубежей культурно-технологически мотивировано, очень изменчиво исторически; идея естественных границ государства давно себя изжила. Горы на юге — не барьеры, но оси этносов и культур, как и моря и реки. На западе и юго-западе РФ культурный ландшафт непрерывен. В советское время граница РСФСР и Белорусской ССР менялась, что отвечает очень широкой этнической переходной зоне. Лишь восточнее Вязьмы однозначно расселены русские, а не белорусы. Там, где границы РФ не идут по «естественным» рубежам-осям, они проблематичны.

Представляющееся цельным новое российское пространство — Великая Периферия, несинтезированные окраины многих очень разных природных и этнокультурных миров: Фенноскандии, христианского и мусульманского Ближнего Востока, китайско-маньчжурского Дальнего Востока, особого буддистского мира и циркумполярной цивилизации палеоазиатских народов... Еще в большей мере суммой чужих окраин был СССР, не смогший оставаться целым без прямого насилия и пяти лет. Пространство РФ «слабее» СССР, имевшего территории-«противовесы», функционально оправдывавшие централизацию: Украина — Сибирь, Средняя Азия — Прибалтика, Кавказ — Европейский Север и пр.

Большинство регионов РФ хозяйственно тяготеет вовне. Преобладающая часть РФ при открытии границ будет интегрирована с территориями стран-соседей — от Норвегии и Финляндии до Кореи, Китая, Японии, США. Частично это уже и происходит. Но разве цельное пространство держится лишь «железным занавесом»? РФ геополитически странна — вся пригранична. Центр/столица-Москва — на далекой западной окраине: до западной границы — 400 км, до восточной — 8000.

ОГРОМНАЯ СТРАНА?

РФ в официальных границах самое большое по площади государство. Летом над РФ не заходит солнце. Громадное — физически, топографически — пространство. Поражающе большое место на глобусе.

Но люди не живут на глобусе. Они живут в освоенном утилитарно и ценностно пространстве — в ландшафте. Большая же часть ландшафта (территории) России почти не заселена. Пустого пространства-фикции не менее $\frac{1}{3}$. Половина РФ заселена очагами; меж ними нет всепогодной и всесезонной надежной связи. Стоит ли считать в актуальном размере РФ те территории, куда нельзя добраться по суше? Но таков весь Дальний Восток, почти вся Сибирь, север Европейской России. Остаток ($\frac{1}{8}$) примерно 2 млн кв. км. В нем масса природных и антропогенных пустошей — внутренняя периферия. Уже в сотне километров от Москвы много мест, куда нельзя добраться иначе как на мощном вездеходе.

Кажется, и остаток — огромная величина. Но понятие размера применимо лишь к заведомо единым объектам; размер — мера сплошного пространства. Таково ли пространство ядра России, примерно $\frac{1}{8}$ ее территории? Это пространство едино и сплошно лишь на генштабовских картах, радарх ПВО, космических снимках...

Даже столица едина и непрерывна лишь в своем историческом центре, к которому подвешены на транспортных жгутах новые спальные и промышленные районы, меж собою почти не связанные. К территории РФ это относится еще в большей мере. Она вся — совокупность ячеек, связанных лишь через далекие центры. «Единая транспортная сеть» очень редка. Территория РФ — совокупность почти замкнутых ячеек. Пространство несплошно. Стыки ячеек — глушь и запустение.

Даже ядро страны-РФ обширнее любой европейской державы. Но эта обширность экстенсивна и фиктивна. РФ огромна лишь в одном отношении — ее части далеки друг от друга и связаны длинными мучительными расстояниями. Архипелаг Россия. Огромность страны-государства дана как насаждаемая идеологема и предмет изнурительных центростремительных усилий власти. Пространство нынешней РФ таково, что, будь оно освоено, окультурено и едино, страна была бы огромной. Но (пока?) это не так. Страна — самая большая учетно-условно.

НЕИСТОЩИМЫЕ РЕСУРСЫ?

При огромной площади и недавнем освоении на территории страны просто должно быть много ресурсов. Нефть, газ, руды, лес etc.

Почти все леса вторичны, т.е. уже были когда-то (и не раз) вырублены. На их месте — малоценные сорные леса. При заготовке леса $\frac{3}{4}$ пропадает; так было десятилетиями. Берега и дно сотен рек устланы бревнами, утонувшими при сплаве. Вместо вырубаемого леса растет новый. Но он не заменяет прежний по качеству и вырастает совсем не там, где был вырублен. Лес закончится, если не научиться его воспроизводить. Но на это (нужны) были столетия. Они прошли.

С нефтью и газом (а за их счет и существует государство) дела обстоят не лучше. Сливки давно сняты; лучшие месторождения отработаны варварски; коэффициент извлечения был

ничтожен. Второй раз брать месторождения очень дорого. Да и оставшиеся — в тундре, на шельфе. Ущерб от добычи никто не считал. Если бы его считали, добывать было бы нельзя. Добыв нефти и газа в Западной Сибири на сто миллиардов долларов, уничтожили целую природную страну площадью в миллион квадратных километров, ландшафт десятка автохтонных народов. Так и с другими ресурсами. Либо остались далекие и трудные месторождения, либо «технология» позволяет добыть что-то, оставив основные запасы в земле и нанеся ущерба больше, чем стоит сырье.

Исторически вчера страна была самой богатой ресурсами. Была.

ПОЧТИ РУССКАЯ СТРАНА?

Принято считать, что современная РФ почти моноэтнична. Говорят о 80, 85, даже 87% русского населения в РФ.

Честной статистики для бывшего СССР нет. При переписи люди часто следуют записям паспорта. Переписи не учитывали этнические группы, не включенные в утвержденный список. При дискриминации люди скрывали свою национальность, смещали ее. Лица с двойственной идентификацией побуждались быть и/или считать себя русскими.

Этноидентификация сложна и многоуровневая. Она подавлялась и во имя идеи единой великорусской нации. Но внутренние (этнические, по сути) различия очень велики. Не подкрепляясь этноидентификация административно-идеологическим прессом еще в XIX в., «единый русский этнос» мог бы предстать целой группой близких, но разных этносов, хорошо известных: северо-русские, поморы, казаки и др. Этническая идентификация зависит от контекста, масштаба. Сжатие пространства от СССР к РФ обнажает внутренние различия в русском этносе. Так называемые русскоязычные — русские в СССР — уже не могут считать себя и считаться таковыми отно-

сительно РФ. При сжатии (распаде) РФ может смениться и русская этноидентичность.

Для статистики важны лишь числа. Но важен не столько размер групп, сколько их расселение. Связанное с ландшафтом, укорененное автохтонное население, живущее на своей земле много поколений, умеющее осмысленно использовать и долгосрочно культурно-экологически контролировать территорию на большей части РФ, — не русское¹; титульные этносы были и статистическим большинством почти во всех автономиях два поколения назад.

Итак, население территорий РФ — полиэтнично; идет явный поиск этнической идентификации. Чем бы он ни кончился — доминирующего этноса (как и доминирующей конфессии или профессии) нет.

ЕДИНСТВЕННЫЙ НАСЛЕДНИК ВИЗАНТИИ И КИЕВСКОЙ РУСИ?

В Мифе России сверхценна преемственность от Киевской Руси и через нее — от Византии и Рима: «Российская Федерация — Рим, Византия и Киевская Русь сегодня». Острота проблем преемственности культур, особенно для пограничной «междивизиционной» страны, несомненна. Но тезис о полном наследовании культуры подобен обветшавшим идеям наследства по крови. Неявно утверждается, что «культурная кровь» перелилась в РФ. Единственный законный наследник! Так ли это? Бывают ли у культур законные единственные наследники? А Болгария? Эфиопия? Армения? Греция? Вопросов много... Они нетривиальны, не имеют однозначных ответов. В пространстве РФ есть культурно цельные группы (даже — элиты), для которых это наследование — основа их бытия, наслед-

1 Народы России: Энциклопедия. М., 1994.

ство не только мемориально, но и актуально. Но определяют ли эти группы культурную доминанту (если такая есть) РФ?

Державно-геополитическое наследование не проще. Известны идеи о Московской Руси как наследнице Золотой Орды и двух равных наследниках Киева — Москвы и Литвы. Но передает ли государственный организм свой наследственный комплект: неоспоримые права, притязания, геополитический код, миссию — «в целостности и сохранности», даже сменив место? Или наследство может расплыться, утратиться? Все не так просто и вряд ли важно для современной геополитики. Если искать геополитических наследников Киевской Руси структурно-пространственно, то ясно, что часть наследства утрачена, часть вошла разными долями в прошлые, существующие и возникающие государства, а часть — уничтожена самими наследниками. Наследники Киева=Руси — нынешние РФ, Украина, Белоруссия, Литва; даже Казахстан.

А «законное» наследство, доставшееся от Киева Твери, Новгороду и пр., было захвачено (уничтожено) Москвой. Но если геополитически нельзя унаследовать территорию без архетипа ее обустройства, то Москва=Русь не наследовала Киевской Руси, поскольку отвергла полицентризм и гибкость ее территориальной структуры («доставшиеся» Руси=Литве). Тогда РФ — преемник только СССР и Российской империи. Зато нынешняя ситуация полицентричности Восточно-Европейской равнины и «приближения» Европы к России действительно воспроизводит архетип многовековой давности и вновь открывает закрывшееся пять столетий назад окно геополитических возможностей.

МОСТ 'ЗАПАД — ВОСТОК'?

С положением России между Востоком и Западом связывают ее судьбу, историческую миссию, функцию в мире, особенность исторического существования. Выведение особенности и су-

деб предмета из его положения, семантического места вполне оправданно. Но далеко не для всех мест/стран осмысленно выделять особую позицию «между». Между Арктикой и Антарктикой — остальная поверхность Земли; нет никаких оснований выделить в ней некую часть и приписать особые свойства.

Восток (не-Запад) очень обширен как совокупность цивилизаций. Если Ойкумену членить на две части, то не очевидно, что одна совпадет с привычным Западом. Разные «версии» границы Восток—Запад — от Одера до Китайской стены. Между Востоком и Западом нет единой области как целого, но множество размытых регионов. Среди них и РФ. Для того чтобы тезис «Россия находится между Востоком и Западом» имел смысл, нужно установить, находится ли Россия именно и прежде всего на единственной (главной) линии их взаимодействий, занимает ли существенное место в этой промежуточной зоне.

Пучок взаимодействий 'Запад—Восток' широк. Основные его линии лежат вне России. Лежать меж Германией и Китаем и быть посредником, связующим звеном, перекрестком связей между ними — вещи разные. Территория России мало работала как культурный транслятор; трудно указать крупные культурные связи, осуществляемые Россией. Россия — коммуникатор (медиатор) западно-восточных связей, и это определяет самую суть России? На такой вопрос неизбежен отрицательный ответ.

ВЫСОКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ВПК?

Десять лет муссируется конверсия: супертехнологии ВПК вот-вот переориентируются на мирное производство и... И ровно ничего. Объяснения безрезультатности конверсии, взятые вместе, абсурд: ее нет потому, что ВПК мешало или обилие ресурсов, или их отсутствие, или диктат партии, или хаос рынка и пр. На рынок были выброшены такие запасы сырья, накопленного ВПК, что можно было обеспечить инвестициями и модернизировать целые отрасли. Этого не произошло.

А был ли мальчик? Да, но у него врожденные пороки. Современные технологии ориентированы на производство большого динамичного ассортимента продукции, технологически сложной и простой потребительски, как персональный компьютер или лекарства. Современная производственная среда децентрализована, а технология — это не использование результатов физико-химических экспериментов для создания чего-то типа сверхсильной бомбы. Технология экономически — такой способ производства, который существует в экономической среде, экономически оптимизируем. Наш ВПК имеет технологии совсем в ином смысле. Что уж говорить о том, что в стоимость возможной продукции не закладывается ни плата за краденые патенты и ноу-хау, ни возмещение ущерба пострадавшим в производстве работникам и жителям, окружающей среде. В ходе бесед о конверсии в Арзамас-16 мне так и не удалось выяснить, войдут ли в стоимость продукции затраты на охрану зоны (дивизия!), компенсации выселенному населению и ээкам, строившим Объект, плата за землю и за риск смежным территориям.

Наш ВПК способен использовать научно-технические результаты для производства тысяч видов продукции, а современное производство — это примерно миллион видов продукции. Да и «интеллектуалы» ВПК не могут работать нормально, без чувства миссии, спецснабжения, потока привилегий, наград, людей и идей. Постиндустриальных технологий у ВПК нет. И быть не может. Нет современной производственной среды, а островки передовых квазитехнологий ситуацию не меняют.

ПОЧТИ СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО?

Экономическая слабость РФ несомненна, но очевидным кажется, что страна живет в современности: есть фрагменты современного технологически уклада, пройден путь всеобщего образования, индустриализации, урбанизации. В стране со-

стоялась, хотя и кособоко, научно-техническая революция, есть если не средний класс, то мыслящее сословие etc. Но эти атрибуты современности — сплошные недоразумения.

Промышленность РФ — военная и/или отсталая: индустриальное натурально-обменное хозяйство; экономики нет. Индустриализация имела место, но чуткий к обыденности М. Мармардашвили говаривал: индустриализация не создала индустрии, а урбанизация — городов.

Подавляющее большинство так называемых городов — заводские (лагерные, полигонные) поселки и их скопления, агломерации. Собственно город — свободное самоорганизующееся поселение, городской воздух делает свободным. Военно-индустриальные поселения и резиденции властей — не вполне (вполне не?) города. Такова и «городская» жизнь.

«Образованное сословие», сиречь интеллигенция, при всем почтении к отдельным ее людям, группа банкротов. Они ничего не поняли и ничему не научились. Среднему классу из них не выйти, как не получится из них и обычных европейских интеллектуалов — без мессианства, страданий, самокопаний. Большинство населения голосует за откровенных коммунистов, фашистов и жуликов.

ВЕЛИКАЯ ДЕРЖАВА?

СССР имел огромную военную мощь, усиленную безответственностью и готовностью к жертвам. СССР был источником глобального страха, что и было главным ресурсом существования державы. РФ захватила основную часть мощи СССР. Она пока достаточна, чтобы полагать РФ великой державой. Остальное считается само собой разумеющимся.

Великая держава имеет реальные интересы во всем мире или его ядре (XIX век). Это эффективное государство в консолидированном обществе. Вектор геополитических интересов совпадает с тем (или соответствует тому), что высокопарно

именуется миссией. Великая держава — держава с мировыми интересами и мировой ответственностью. Такова ли нынешняя РФ?

Включенность в глобальную экономику очень мала, мировые экономические интересы тоже, военные базы — реликт советской мировой экспансии. Внутреннее единство РФ — проблема. У страны нет внутренней и внешней политики. Страна-государство пребывает в переходном состоянии; что будет после его окончания на месте РФ — еще неясно. Может ли быть великой державой страна в состоянии самораспада?

Того, что миф приписывает России, у нее и других стран нет. Это не мешает им жить. А нам не должно мешать знать и понимать.

МНИМЫЙ ПУТЬ. РОССИЯ=ЕВРАЗИЯ*

Контroversы исторической и культурной судьбы России почти заслонили погруженность России в пространство, сильную зависимость российской цивилизации от своего пространства, неразрывную связь государства и пространства, хотя это было весьма важно для историков прошлого. Уже после П.Я. Чаадаева особое значение пространства для понимания России стало общим местом. Однако пространственный образ страны застыл, не будучи проблематизирован и прояснен.

Специфика и реальное устройство российского пространства обсуждаются мало — в отличие от самобытности русской культуры и исторического пути государства Российского. Пространство России по-прежнему мифологизировано и даже мистифицировано. Аналитике и критике «географического опыта» страны внимания почти не уделяется, в отличие от «критики исторического опыта» (например, известные труды А. С. Ахиезера)¹.

* Впервые: Неприкосновенный запас. 2000. № 5(13). Исследование осуществлено при поддержке Фонда Макартуров.

¹ См., напр.: *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. Т. I: От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997.

ПРОСТРАНСТВО ПОСЛЕ СССР:
СПРОС НА АПОЛОГИЮ ЕДИНСТВА

Распад СССР — это не только распад властно-политического государственного пространства. Он внезапно обнажил огромную проблему — единства территории страны. Встал вопрос об основаниях, механизмах, ресурсах идейно-смысловой связности огромной территории России (РФ). Конструкция СССР заменяла эти основания властью и идеологией. Социалистически-коммунистические и технократические доктрины («единый народнохозяйственный комплекс») более не работают, рыночная экономика сама по себе не создает единства пространства, либеральная идеология (по крайней мере, в отечественной версии) безразлична к пространству.

Распад СССР и вообще распад структур советского пространства поставил много вопросов. Был ли этот распад закономерным процессом и завершен ли он? Сохранило ли существовавшее до СССР российское пространство внутреннюю связность? Целы ли его «исконные» формы? Связаны ли с ними новые возникающие формы? Пережила ли Россия как страна советскую эпоху? Сохранилась ли сама Россия — пространственное целое, качественно иное и большее, нежели территория одноименного государства? Это вопрос: **какова страна Россия?** Существует ли Россия независимо от государственной оболочки РФ? Страна — не синоним государственной территории (были страны — Австрия, Венгрия, Германия, Польша, — что сами менялись, меняя размер и пространственное положение государства, были и такие страны, что утрачивали (не имели) свои государства — та же Польша, Чехия, Эстония).

Территория бывшего СССР, как в целом, так и в пределах РФ, сохраняет многие черты единства и сильные хозяйственные и иные связи. Существуют и мощные группы, заинтересованные в ее единстве, вплоть до реставрации державы типа СССР и/или Российской империи.

Имперская ностальгия стала самостоятельной общественной силой. Это тоска по единой большой стране и сильному государству, которые массовое сознание почти отождествляет. Пример тому — последние выборы в Государственную думу РФ (1999), где почти вся политическая «элита» пошла на поводу у империализма масс.

Российская Федерация как государство прежде не существовало в нынешних границах, и оно переживает процессы дезинтеграции. Тем острее проблемы пространственной идентичности и самоопределения.

Властная элита и общественность испытывают нужду в убедительном образе страны, в котором размер и единство территории государства были бы связаны с его местом и ролью в мире; как минимум, нужна серьезная санкция на борьбу с нарастающей дезинтеграцией государства. От этого образа ожидается «почвенность», культурно-историческая укорененность в прошлом государства Российского, одновременно — объективность, содержательные основания, концептуальность. Страх сепаратизма, опасения распада и кошмарного повторения РФ судьбы СССР заставляет обращаться к обоснованиям единства большой разнородной страны.

Отсюда огромный спрос на схемы, мифологии, апологии большой единой державы. Эта потребность уже хорошо со знается как новая идеология, в основе которой будет лежать пространство, страна².

АПОЛОГИЯ БОЛЬШОГО ЕДИНОГО ПРОСТРАНСТВА: ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Именно в таком качестве оказалось востребованным, вышло на идеологический рынок **евразийство**, еще недавно малоиз-

2 См.: *Митрохин С.* В интересах величия. О необходимости новых идеологий // Век XX и мир. 1994. № 9/10.

вестное, впервые заявившее о себе в пору пореволюционного кризиса.

Евразийство декларирует глубинный смысл и древние истоки единства России, утверждает истинные естественные рубежи страны. Оно настаивает на объективно обоснованной неизбежности великой империи России и ее особой роли в мире. Евразийство претендует на постижение логики постсоветского пространства, реально стало идейной основой интеграции постсоветского пространства, объединения постсоветских стран, базой СНГ, особенно у президента Казахстана Н. Назарбаева, сделавшего евразийство полуофициальной идеологией³. Евразийство санкционирует изоляционизм и антизападничество как умонастроение и стержень политики.

Идейно и политически евразийство становится все более значимым, активно внедряясь в массмедиа («Завтра», «Независимая газета», телепрограммы), культуру, образование; взято на вооружение политическими (и экономическими) силами, не только империалистами и коммунистами. Книжный рынок наводнен евразийской литературой, как относительно академической, так и маргинальной, типа «новой хронологии» команды А. Ф. Фоменко. Не раз переизданы труды евразийцев, выходит несколько серий трудов Л. Н. Гумилева и его эпигонов; появляются все новые журналы, взявшие евразийство на программное вооружение (например, «Новая Россия» — ежеквартальный литературный, художественно-публицистический журнал; «Урания» — характерная смесь: астрология, евразийство по Л. Н. Гумилеву, учение Д. Андреева, «православный патриотизм»). Поток геополитической литературы принял евразийство как национальную геополитику России.

Евразийство навязывается общественности. Россия все более мыслит себя по-евразийски; Россия уже и именуется себя, номинативно отождествляясь с Евразией: все чаще мелькают

³ См.: *Назарбаев Н. А.* Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994—1997. М., 1997.

существительное «Евразия» и прилагательное «евразийский», где надо и не надо заместив «союзный» и «общесоюзный». Евразийская модель во все большей мере определяет осмысление пространства России.

Евразийство все чаще фигурирует как очевидная научная основа политики России, даже в либеральных изданиях. Так, сразу по назначении Е.М. Примакова премьер-министром РФ стала одобрительно акцентироваться его евразийская ориентация⁴. Кризис августа 1998 г. рассматривается как предельная точка на пути вестернизации России, как самовыявление ложности пути «радикальных реформ».

Евразийство стало ядром множества имперско-националистических геополитических доктрин; оно сочетается и сплетается с панславизмом и неоиоляционизмом (чему пример яркая геополитическая публицистика В. Цымбурского⁵).

В евразийстве видят исторически и историософски обоснованную концепцию, но прежде всего — концепцию географическую, геополитическую, геософскую, концепцию пространства России. Оно само претендует именно на это.

Однако евразийское понимание пространства России не было предметом публичной дискуссии и не стало им до сих пор. Евразийская проблема проваливается в пропасть между апологией почвенников и брезгливым отвержением западников. Евразийские вопросы не предъявлены отдельно от евразийских ответов⁶. Статус содержания евразийской концепции

4 См.: *Бовин А.* Евразия: миф и реальность // Известия. 1998. 17 дек.; *Тавровский Ю.* Три круга новой идеологии. У нас нет лучшей идеи, чем евразийство, а экс-премьер — пророк его // Независимая газета. 1999. 8 сент.

5 См.: *Цымбурский В.* 1) Остров Россия. Циклы похищения Европы // Иное. Т. 2. М., 1995; 2) Народы между цивилизациями // Pro et Contra. 1997. Т. 2. № 3.

6 Литература обильна, но пространство — сфера апологии евразийства или зона умолчания. См., например: *Аванесова Г.А.* Особенности евразийского анализа культуры // Наука о культуре: итоги и перспективы. Вып. 4. М., 1998; *Кара-Мурза А.А.* «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М., 1995; *Пастухов В.* Культура и государствен-

пространства научно почти не изучен, хотя евразийство прямо апеллирует прежде всего к пространству. Почти не исследованы основания евразийской схемы российского пространства; нам неизвестны взвешенные, нейтральные, аналитические изложения доктрины евразийства. Пилотный поиск материалов в Интернете подтвердил мнение, что аналитика игнорирует евразийство, евразийские вопросы получают исключительно евразийские ответы.

Выявление и анализ «евразийской модели» российского пространства — задача настоящей статьи.

Соответствовала ли евразийская доктрина реалиям пространства России, описывала ли реальное пространство России или только апеллировала к нему? Осмысленно ли подходить к евразийству с научными мерками? Каков смысловой статус евразийства и «России=Евразии» евразийцев? Что в российском пространстве порождает его евразийское самописание? В чем смысл евразийства как вопрошания о российском пространстве? Было ли пространство России евразийским, имеет ли место евразийская реставрация России? Вопросов больше, чем ответов.

Евразийство становится сегодня главным геополитическим мифом. А есть ли у него основания? Проблема статуса евразийской концепции ведет к вопросу о пределах и форме государства, которые оно обязано иметь. Претензии евразийства выливаются в интеллектуальную санкцию имперской России и ее силовой геополитики. Война в Чечне имеет евразийское обоснование: пространство России — естественное целое, Чечня — часть этого целого внутри естественных рубежей России.

ность в России: эволюция Евроазиатской идеи // Иное. Т. 2. М., 1995; *Махнач В.* Империи в мировой истории // Там же; Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М., 1993; Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: Сб. трудов евразийцев. М., 1997; Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1995. № 6; *Игнатов А.* «Евразийство» и поиск новой русской культурной идентичности // Вопросы философии. 1995. № 6.

Если концептуально евразийство и лежит вне науки, то оно бросило ей вызов. Евразийство должно быть понято как источник культурно значимых вопросов, по-видимому, выражающих существенные черты если не самого пространства России, то его осмысления, привычного образа. Реконструкция евразийской модели необходима независимо от статуса ее содержания.

РОССИЯ ПО-ЕВРАЗИЙСКИ

Евразийство — яркая картина России, сочный выпуклый образ, заманчивая смысловая перспектива. Многое в ней почти завораживает: пафос большого пространства, усмотрение смысла и судьбы России, уверенность в миссии, предопределенной и гарантированной ее незыблемым местом на Земле, протест против узости горизонта Европы и европоцентризма.

Евразийский взгляд на пространство России изложен на основе текстов евразийцев первой волны (Н. Н. Алексеев, Г. В. Вернадский, П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой) и последующих версий евразийства вплоть до современности — Л. Н. Гумилева и даже А. Г. Дугина⁷. (Мистико-эзотерический аспект здесь не рассматривается.)

Евразийское видение пространства России в общем таково.

Западная Европа и Европа Восточная, Русская равнина резко и глубоко различны во всех существенных отношениях, у них разный природный и культурный ландшафт, культуры и исторические судьбы. Это разные географические миры. (Здесь и далее мы концентрируемся именно на пространстве;

⁷ См.: *Алексеев Н.* Русский народ и государство. М., 1998; *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. М., 1997; *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993; *Дугин А.* Мистерии Евразии. М., 1996; *Пастухов В.* Указ. соч.; *Русский узел евразийства. Восток в русской мысли. Сб. трудов евразийцев.* М., 1997; *Савицкий П.* Континент Евразия. М., 1997; *Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана. М., 1999.

оно является центральным для евразийства и — парадоксально — менее всего анализируется.)

Природное, ландшафтное единство и исторические связи объединяют, делают естественным целым взятые вместе Восточную Европу (Русскую равнину), Сибирь и Центральную (Среднюю) Азию; широкие полосы (зоны) таежных лесов и степей внутренней, континентальной части материка Евразия. Это пространственное единство есть Евразия «евразийцев», **Евразия в узком смысле.** Далее в тексте — Евразия.

Евразия — целостный макрорегион, большой, реально существующий природный и культурный район, географически закономерное целое. Субконтинент Евразия — одна из нескольких частей материка Евразия. Географически Евразия — это большие, непрерывные, сплошные, плавно переходящие одна в другую континентальные равнины, лишённые внутренних горных, пустынных и морских преград для сообщения, связи, миграций, коммуникации. Евразия географически сбалансирована, ее главные части-зоны хорошо дополняют друг друга; дополнительные и взаимовыгодно взаимосвязаны зоны лесов и степей, южная и северная половины Евразии. Говоря более современно и точно, в основе Евразии — комплементарность разных типов ландшафта и симбиоз связанных с ними разных сообществ людей. Широкие зоны сопряжены меридиональными реками.

Этим Евразия резко отлична от приморских, отчлененных один от другого и внутренне расчлененных полуостровных субконтинентов — Западной Европы, Индостана, Китая, Индокитая.

Евразия очерчена природными, естественными границами. Они разделяют географически и исторически различные пространства и выражены в ландшафте как мощные комплексные рубежи, по разные стороны которых ландшафт и условия человеческой жизни существенно различаются. Морские рубежи Евразии понятны, с юга она отделена от других макрорегионов полосой гор и пустынь, а местами — двойной полосой и гор и пустынь.

От Европы (Западной Европы) Евразия отделена менее выраженной, но не менее естественной и важной границей. Эта граница — идущая с севера на юг, от Балтики до Черного моря, изотерма (линия равных температур) января в 0 градусов по Цельсию; это климатическая и даже ландшафтная граница, разделяющая области морского климата с теплой сырой зимой (запад) и континентального климата с сухой морозной зимой (собственно Евразия). Границы СССР, особенно при включении Монголии (для чего достаточно оснований), очень близки границам так очерченной Евразии.

Субконтинент Евразия, в силу своего размера, значительного простираения по широте и долготе, с севера на юг и запада на восток, объединения нескольких разных природно-ландшафтных зон, имеет все необходимые условия и ресурсы для самодостаточного хозяйствования, самообеспечения, полной независимости от всего остального мира — автаркии (каковая для евразийцев носит в высшей мере позитивный характер). Евразия — один из немногих способных к ней макрорегионов.

Россия — закономерное пространственное целое, ее внутренняя связность важнее и сильнее, чем условная граница традиционных Европы и Азии, проводимая по Уралу; внутри страны нет значительных рубежей и все различия плавны. Россия как естественное целое не есть Европа в узком смысле, она не принадлежит к Европе географически и исторически, одновременно Россия не есть и Азия, ни географически, ни исторически. Россия не есть часть Европы и/или Азии, не есть Россия и совокупность частей Европы и Азии. Россия — особый субконтинент; Россия и есть Евразия, Россия — Россия=Евразия.

Дихотомия же «Европа/Азия» рассматривается евразийством как лишенная точного смысла, скорее дезинформирующая и дезориентирующая; сами понятия Азии и (особенно) Европы для евразийцев географически и исторически неадекватны; противопоставление Европы и Азии выражает (и порождает) европоцентризм. Само представление о Европе вне-научно и навязывается европейской цивилизацией как лож-

ный образ европейски-центрированного мира. Евразийство рассматривает себя как протест против ограничений и крайностей европоцентризма и его преодоление.

Сомасштабная Европе и Азии, соотносимая с ними как целыми Россия=Евразия занимает центральное, срединное место на главном материке Евразии. Сам материк Евразия, будучи самым большим, сосредотачивая более половины суши Земли, занимает центральное место среди материков; к нему близки и тяготеют и Африка и Австралия.

Евразия находится между Европой и Азией, она — единственное большое пространство между ними, которое есть целостный регион и особый мир, обеспечивающий и мировое равновесие, и посредничество Европы и Азии.

Евразийство достаточно разнородно, и, давая такое генерализованное, сводно-обобщенное изложение, мы вынуждены игнорировать различия персональных позиций евразийцев. Так, для Н.С. Трубецкого Россия=Евразия — отрицание Европы, авангард Азии и даже всего неевропейского человечества, для П.Н. Савицкого — прежде всего посредник и медиатор Европы и Азии, даже их единое высшее выражение, синтез; у Л.Н. Гумилева Россия=Евразия выделена не только специфичным местоположением, но и витальным, энергетическим преимуществом российско-евразийского суперэтнуса (который моложе европейского и богаче его возможностями). Есть противоречия и между утверждением изоляционизма, обеспечиваемого объективной автаркичностью, и мировой ролью.

Судьба России задана и обеспечена географией, формой земного пространства. Пространство предопределило бытие, роль, особый путь России, ее мировое назначение. Место для России предуготовано земным пространством. (Евразийство — доктрина геософская.)

Место, или как емко выразился П.Н. Савицкий, месторазвитие, России (термин экологии) — субконтинент Евразия, его положение — сердцевина мировой суши. Самый большой, самый цельный субконтинент Земли занимает и самое цент-

ральное место на поверхности Земли. Чуть обобщая евразийцев (но, надеемся, не искажая): единственный подлинно цельный субконтинент — единственный действительно большой. Он занимает положение одного-единственного центра — сердцевины обитаемой поверхности Земли, мировой суши. (Оговорим: евразийцы не обосновывали корректности представления о центре для сферической поверхности, но если такая поверхность неоднородна, как ландшафтная сфера Земли, то само по себе это представление вполне законно и непротиворечиво.)

Россия=Евразия — государство, общество, цивилизация — заняла свое место совершенно закономерно, не случайно, не из-за игры истории, не в силу игры политических сил или безудержной экспансии, присущей (согласно евразийцам) прежде всего Европе, ее региону и типу культуры. Размеры и пределы России=Евразии глубоко, сущностно закономерны. Россия постигала и заполняла пределы уже существовавшего региона, целостность которого выражалась и укреплялась естественными границами, но опиралась и на единство природно-ландшафтного типа среды этой территории. Россия не захватила, не присвоила этот регион=субконтинент, а освоила, выразила и усилила его единство.

Субконтинент, Евразия как местообитание неоднократно объединялся великими империями — прежде всего гуннов и монголов Чингисхана. Россия выступает как продолжатель геополитической роли, великой миссии этих держав, это прямой геополитический наследник империи Чингисхана. Российская империя/СССР включает большую часть империи Чингисхана. Империя Чингисхана, Россия, Российская империя, СССР, Россия — разные этапы и формы существования, в сущности, одной и той же мировой державы, разные индивидуации одной сущности, географически занимающей тождественное место и имеющей тождественное географическое положение. Что служит выражением и подтверждением существования и целостности субконтинента Евразии.

Для евразийцев несомненно, что Россия призвана если не господствовать в мире, то играть решающую роль в мировых делах исходя преимущественно из своего положения; точнее — из сочетания пространственного положения с размером страны=государства и сформировавшимся (по их мнению) в этом макрорегионе особым типом общества=государства=культуры, отвечающим такому месторазвитию. По крайней мере, Россия=Евразия не должна зависеть от мира западной, евроамериканской цивилизации и входить в ее сферу и горизонт. В этом евразийство есть не только геополитика по стилю мысли, но прямое присоединение к известным геополитическим концепциям «хартланда», сердцевины мировой суши, обреченного вести борьбу с мировым океаном и олицетворяющими его державами.

Россия=Евразия имеет особое предназначение. Евразийцы категорически отрицают единство человечества, глобальное единство законов и норм, общность законов истории и саму мировую историю. Для евразийства просто не существует мирового сообщества и мировой цивилизации, единых глобальных тенденций, интересов человечества как целого; это либо иллюзии западной цивилизации, отказывающейся понять и принять свой ограниченный локальный характер, либо средства сознательного манипулирования всеми остальными культурами Земли, злостные глобальные мистификации. Россия=Евразия призвана исполнить свое предназначение противостоянием Западу, должна остановить его экспансию посредством государственной организации территории; в этом состоит основная миссия России (несмотря на декларации, «миссия», таким образом, определяется как сугубо внешняя, негативная, экстенсивная). Отказ от европеизации — не проблема для России, а атрибут ее существования.

Еще один существенный аспект пространства в евразийстве не сформулирован столь явно и ниже дан в реконструкции. Государство — главная сила, действующая в пространстве, пятая (творческая) стихия. Отдельные группы, искусство, куль-

тура, общество, религия сами по себе не могут обустроить пространства. Пространство — сфера государственная. Государство — главный способ выражения человека в пространстве, упорядочивающая, гармонизирующая и управляющая пространством сила. Государство вырастает из пространства и призвано заботиться о нем. Обитаемое пространство всем обязано государству. (Здесь несущественно, сколь оригинален такой взгляд.)

Пожалуй, вот кратчайшее содержание евразийского видения российского пространства; это изложение по возможности сделано позитивным, лишенным противоречий; лакуны не указываются.

Весьма важные для евразийства и его восприятия в современной ситуации евразийские суждения касательно собственно государства, евразийского культурного типа и евразийского суперэтноса, идеократии как основы евразийского народа-государства, истории, культуры, личности общества и пр. мы здесь не рассматриваем.

КУДА ВЕДЕТ ЕВРАЗИЙСКИЙ ПУТЬ РОССИИ?

Заглавие этого раздела точно, несмотря на публицистичность. Евразийство имеет ответ на вопрос о путях России, даже гарантирует единственное число, единственность ответа и самого пути. Путь России дан и определен однозначно; гарантирован самим пространством. Евразийство содержит все ориентиры пути страны России. Евразийство наделяет Россию смыслом, предопределенным конкретным местом.

Географическая и духовная сущность Россия может существовать только как большое, единое, неразрывное пространство, объединенное и наделенное смыслом государство. Это — **империя**. Жизнь России — сохранение империи, властной формы большого пространства. России надлежит быть великой евразийской державой. Страна обязана исполнить императив пространства, отринув европейский миф законов истории.

Путь России — сохранение и умножение имперского наследства Российской империи и СССР. Но современная РФ утратила существенную часть наследства Чингисхана, где появились самостоятельные страны. Вектор геополитики должен повернуться на охват этих стран сенью империи. Интересы России требуют власти или глубинного союза с азиатскими странами СНГ, возможно — просто с азиатскими странами. Следование по этому пути — не одно из возможных решений, но единственно возможное решение. У России=Евразии нет выбора — быть страной или быть империей; есть вопрос, насколько большой империей быть.

Евразийство жестко канализирует будущую историю России, отбрасывает иллюзию выбора, экономит силы на принятии решений, дает критерий для выбора между альтернативами. Евразийство имеет свою внутреннюю меру процессов и современных событий, различая важное и неважное, существенное и несущественное, здоровье и болезнь.

Всякая децентрализация, «распад», сепаратизм — отклонения от нормы, геополитический недуг. Болезнью и аномалией является приоритет любых ценностей над имперски-евразийскими, отказ от возврата потерянных частей России-Евразии.

Путь России — тотальное огосударствление. Россия=Евразия — пространство=государство. Евразийцы критикуют СССР прежде всего за космополитизм, слабость и мягкость, за отказ от идеократически-государственного начала советской системы. Восстановление России — реставрация идеократической империи, геополитический реванш, отказ от мирового пространства норм и правил, конфликт с Западом.

Внушительно. Из евразийского видения России такой путь следует непреложно. Если с логикой у евразийства все в порядке, то получается, что этот вывод должен быть принят. Даже если он тяжел и неприятен.

Но верны ли сами посылки? И таковы ли они, чтобы из них делать выводы? (Оставим в стороне методологически сложный вопрос о том, какова связь дескриптивных и норматив-

ных теорий.) Ограничимся по-прежнему исключительно пространственным аспектом; цельная концепция не может в качестве своей основы, ядра содержать в себе противоречивые или ложные суждения. Если таковые обнаружатся, то с ними вместе придется отбросить и евразийский путь, как мнимо обоснованный.

СМЫСЛ ЕВРАЗИЙСТВА: ИСТИНЫ И МНИМОСТИ

Евразийство интересно для анализа и опасно для общественности именно тем, что ставит глубокие вопросы, сочетая их с тривиальными, туманными и странными идеями, давая сомнительные ответы или не давая их вовсе. Ведь евразийство, казалось бы, вопрошает о реальных серьезных вещах: как сочетается единство России с наличием в ней территорий разных частей света? какова внутренняя ценность огромного пространства? обладает ли оно единым смыслом? что значит пространство крупнейшей континентальной державы для России?

Евразийство в пространственном аспекте — поздняя разновидность географического детерминизма, где сплелось просвещение и романтизм, культ почвы и природы, интеллектуальная вера в объяснительное всемогущество земного места и мистика Земли. Но культурная идентификация евразийства не заменяет его анализа.

Проще всего в критике евразийства указать на многочисленные противоречия и внутри отдельных версий евразийской доктрины (и даже в трудах конкретных авторов), и тем более между ними и на этом основании отвергнуть его как целое.

Но проблема статуса евразийского представления о российском пространстве этим не разрешается, тем более что евразийство есть цельность пространствопонимания, тип дискурса.

Вряд ли может решить проблему статуса содержания евразийства и въедливый анализ текстов (он достаточно быстро показывает и игнорирование фактов, которые могли быть или даже

должны быть известными евразийцам), и апелляция к утверждениям, которые сами по себе проблематичны. Наконец, не будем (здесь) оспаривать прямое использование евразийцами ложных или несуществующих утверждений, как и разбирать проблемы интеллектуальной честности и общественной ответственности евразийцев. (Хотя сделать все это, безусловно, необходимо.)

Евразийство от П.Н. Савицкого до Л.Н. Гумилева (даже А.Г. Дугина) — **концепция России**; оно так и заявляет о себе и воспринимается как цельная концептуальная доктрина. Факты иллюстрируют и украшают доктрину, используются в риторической функции, но доктрина имеет смысл и вне эмпирии.

Концептуальность евразийства — его особенность и несомненное достоинство; евразийство вообще имеет немало достоинств и выражает достаточно важные смыслы, будучи неслучайным образом России, независимо от его адекватности⁸. Пространство большой страны вряд ли может быть представлено систематически, обозримо и компактно иначе, нежели концептуально (ср. отличия научной географии от краеведения). Если евразийство настаивает на концептуальности, оно должно быть понято по своей мерке. Тем более что евразийство выступает и как концепция нормативная, провозглашающая «евразийский проект».

Вопрос о том, нужно или не нужно, хорошо или дурно евразийство для России (иного геополитического субъекта, страны, территории), сам по себе не имеет смысла. Он не может обрести реального содержания и не может обсуждаться до того, как решен вопрос — а осмысленно ли само евразийство,

8 Но достоинства эти малозаметны современным элитонам евразийства и развития не получили, смыслы остались просто беспризорными. «Евразийская проблематика» учения о пространстве развивается российской школой теоретической географии, идущей от В. П. Семенова-Тян-Шанского, имевшего с евразийцами общих учителей, таких, как В. И. Ламанский. Современные же евразийцы, приводя фантастические примеры продуктивности «евразийской методологии», об этом просто молчат (см.: *Родман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети: Очерки теоретической географии. М.; Смоленск, 1999; книга посвящена именно В. П. Семенову-Тян-Шанскому).

адекватно ли пространству России, а эти вопросы в основном сводятся к соответствию евразийства некоторым явным критериям, которые в основном были сформулированы еще до появления самого евразийства.

Внешняя простота утверждений евразийской доктрины маскирует ее запутанность, кажущаяся очевидность утверждений, прямая связь с фактами повседневности, уроками истории и задачами современности заслоняют зависимость доктрины от массы предпосылок. Евразийство настаивает на своей беспредпосылочности — но это явно не так.

Дело отнюдь не только в том, что евразийство разнородно, оно многослойно; ядро доктрины скрыто во многих слоях промежуточных построений и выводов. Эта особенность пронизывает все евразийство и близкие ему построения.

Евразийская схема пространства России держится на ряде скрытых, латентных утверждений; причем основная часть их не может быть ни доказана, ни опровергнута. Более того, эти постулаты почти невозможно обсуждать в аспекте содержания и тем более сопоставлять с какой-либо эмпирией. Так, апелляция к географии, пространству постоянно переходит в отсылки к историческому опыту России, географический детерминизм подпирается и подменяется особым прочтением истории России; пространственная аргументация замещается многочисленными жесткими и одновременно неопределенными суждениями касательно единого евразийского этнокультурного типа. Суждения касательно сходств и различий областей пространства иллюстрируются фактами, но никогда не опираются на большие массивы фактов; апелляция к ландшафту выливается в любование крупными контурами на мелкомасштабной карте. Декларация следования данным позитивной науки географии, указания специфичности определенной части Старого Света переходят в требование положить евразийство в основание новой науки (не дисциплины — всей Науки).

Начнем с тезиса о России=Евразии — макрорегионе, выделенном путем методологического преодоления ограниченно-

сти европоцентризма (каковая несомненна) и отказа от принесения внешней и чуждой материалу ландшафта точки зрения, позиции.

Ландшафтно-культурные стереотипы на огромной территории — очень разные, тогда выделение универсального макрорегиона Евразии противоречит культурной обусловленности расчленения территории, на которой настаивают евразийцы, резко критикуя европоцентризм; евразийство само оказывается абсолютной позицией, но таковая для самого евразийства бессмысленна.

Если в основу выделения макрорегиона положить иную культуру, нежели российская, иные основания выделения территориальных целых, с этой культурой связанные, а также иное место (позицию), нежели Россия, то результат будет иным. Мы будем обязаны построить иной макрорегион. Если пространственных позиций, на чем настаивают евразийцы, много, то много и систем регионов любого типа; среди них не может быть привилегированных.

Приведем лишь один пример макрорегиона, который реализовывался исторически. Восток Средиземноморья, Балканы, собственно Ближний Восток — территория, сопряженная общностью географического положения, сходством природно-культурного ландшафта и связями частей (они и более сходны, и более связаны, нежели Монголия и Русский Север). Целостность этой территории многократно выражалась в империях Александра Македонского, эллинистических государств, Византии, Османской державы. Но известно, что этот регион не раз распадался, когда его части входили в иные регионы, также оформлявшиеся государствами. Если бы евразийцы были последовательны, то они должны были бы поставить под сомнение и целостность современной (Западной) Европы как макрорегиона. Пример показывает и исторически быструю динамику макрорегионов; они меняют места и границы за время, в течение которого природные зоны можно считать практически неподвижными.

Если евразийство последовательно проводит релятивизм в выделении регионов, тогда Евразия и не вечна и не абсолютна, а временна, относительна, релятивна, конвенциональна. Тогда абсолютной Евразии быть не может, и она должна сосуществовать, скажем, наряду со СкандоВизантией Д. С. Лихачева, центральным звеном которой была Киевская Русь. Если Евразия — абсолютный регион, то евразийство столь же ограничено и произвольно, как и европоцентризм, как и любая концепция, центрированная на конкретном месте (хотя основания опереть позицию различаются для разных мест), и отличается только привилегированным местом на основе априорных данностей. При России как центре для панславистов аналог Евразии — совсем иной макрорегион⁹; дело в различии априорных позиций, состоящих в панславизме в «единстве славянского мира», а в евразийстве — в «наследстве Чингисхана».

В научной географии, в том числе и вполне самобытной российской географии, тезис о единственном привилегированном расчленении поверхности Земли, районировании, используется очень осторожно, как и стремление совместить предмет расчленения территории и позицию этого расчленения (их совпадение характерно для краеведения). Российская школа географии категорически настаивает на том, что выделить для всей Земли универсальные вечные макрорегионы таким образом, чтобы включить в их содержание и природу и человека, практически невозможно. Ни во времена первых евразийцев, ни теперь таких регионов не выделяли, они неизвестны в научной географии; ведущиеся ныне нередкие попытки (вне географии) выделения таких регионов нередко следуют евразийским идеям и потому не могут рассматриваться как независимое подтверждение.

Концепция естественных границ сомнительна и внутренне противоречива; как хорошо известно сегодня, она была создана для апологии продвижения Франции к Рейну (Ф. Бродель).

9 См.: *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 1991.

Не менее важны и тщательно изученные теперь проблемы связи регионов и границ. Для существования, обоснованного выделения регионов естественные границы вовсе не обязательны ни логически, ни эмпирически. Резкие ландшафтные полосы, яркие рубежи могут вовсе не разделять регионов. Как и всякая граница, естественная граница Евразии Кавказ есть — в ином масштабе — ядро большой территории. Средиземное море выступает то естественной границей, особенно для сухопутных народов, то осью, линейным ядром обширного макрорегиона.

Представить более естественный регион с более естественными границами, нежели остров (материк), трудно. Стоило бы ожидать, что всякий остров будет месторазвитием этноса-государства. Однако, например, остров Великобритании объединен исторически недавно, единый этнос там не сформировался, страна переживает бум сепаратизма. Остров Борнео (Калимантан) разделен, Мадагаскар объединили только французы, Цейлон раздирает война сингалов и тамиллов и пр. Пиренейский полуостров, ограниченный и отграниченный океаном, морями и мощными Пиренеями, — мозаика конфликтующих частей, многократные попытки объединения полуострова срывались; Пиренеи — не только граница, но и ось Басконии (аналогичная по положению страна — Швейцария). Полуостровная Италия объединена (после Рима) лишь полтора столетия и также переживает сепаратизм. Ни разу ни один из четырех материков (Америка Северная, Америка Южная, Африка, Евразия) не был объединен одним государством, хотя ряд империй превосходил площадью материк. Есть лишь один пример государства-материка — Австралия; единство там достигнуто извне, колонизацией. Примерам несть числа. Есть множество примеров устойчивости стран (и государств) при «неестественности» формы территории, как и примеров распада государств с вполне естественной территорией и прекрасной дополнительностью составных частей.

Антиномия 'Европа—Азия' действительно лишена строгого смысла и должна быть пересмотрена, но неясно, как именно.

И такой пересмотр не может быть универсальным для всех периодов времени (что мы уже отмечали), для всех разрядов явлений. Материковые плиты, климатические области, расовые регионы, языковые общности, зоны культурного ландшафта не объединяются в универсальные регионы; хотя для некоторых из этих явлений осмысленно говорить о Европе и Азии.

Детерминирующая роль географического положения научно признана (позиционный принцип), но положение любого объекта — контекстуально, относительно, неабсолютно. Так, даже если оставить в стороне проблематичный тезис о судьбоносности географического положения (ключевой тезис всякой геополитики), то сама характеристика географического положения Евразии в евразийстве оказывается весьма двусмысленной.

Как известно, евразийство относит свои выводы к современному культурному ландшафту географической Евразии. Однако по мере анализа выясняется, что евразийство базируется на довольно длинной цепочке подмен и отождествлений. Современный культурный ландшафт отождествляется с культурным ландшафтом последних двух тысяч лет, т.е. игнорируется, отбрасывается динамика ландшафта. Абсолютизированный таким образом культурный ландшафт, который у классиков евразийства и не описан толком (его описание сразу разрушит схему), редуцируется к природному ландшафту.

Однако и здесь цепочка редуций не заканчивается. Природный ландшафт взят евразийцами как простейшие формы поверхности Земли. Именно положение Евразии в центре, середине суши, материка Евразия лежит в основе вывода о роли Евразии в Евразии, Старом Свете и мире в целом. Но часть материковой плиты не имеет положения относительно культурных центров и регионов (а относительно культурных регионов положение территории Евразии — скорее периферия).

Пропущен необходимый тезис о механизме жесткой связи строения суши и культурного ландшафта, однозначном географическом детерминизме. Но в таком виде тезис — просто

неверен (что было хорошо известно уже в начале века). Тут подмена налицо.

Тезис о центральном положении, если брать его со всей серьезностью, должен будет означать, что и центр самой Евразии постоянно перемещается и не может быть определен без точного указания контекста; чтобы сделать центр как строгое понятие однозначно определяемым, нужно множество априорных предпосылок. В смысле же, близком к евразийскому, сердцевиной, центром будет территория между Уралом и рекой Хатангой, полуострова Ямал и Таймыр (кстати, именно там вырабатывается более половины экспортного сырья современной России, но ни хунны, ни войска Чингисхана сюда не заходили).

Но и этим дело не исчерпывается.

Провозглашаемый евразийцами тезис о структурном единстве территорий России и державы Чингисхана, что показательно, просто не был аргументирован. Для того чтобы действительно утверждать структурное и позиционное тождество двух территорий-регионов, не нужно полного совпадения самих территорий. Но и полное совпадение — совершенно недостаточное основание для суждения о тождестве. Совпадать должны не площади, а ядра, основные центры, главные части — и направления связей периферии с ними. Так вопрос, однако, евразийцами просто не ставился, хотя содержащиеся в самих евразийских текстах фрагменты конкретики показывают, что — при пересечении территорий — ядра, основы этих государств находятся в противоположных концах географической Евразии. Разве ядрами державы Чингисхана были нынешняя Европейская Россия, Урал, Север Сибири? Разве основой России было Забайкалье и Монголия? Россия и держава Чингисхана близки только на карте, и то если включить в державу монголов весь север Сибири до Ледовитого океана. При близости территорий эти две евразийские державы базировались на разных полюсах географической Евразии. (Географические отношения двух главных «евразийских» государств мало связа-

ны с использованием Московским и последующими государствами монгольских социальных и геополитических технологий: общность культурных технологий двух разных стран не означает, что это на самом деле одна страна.) Здесь мы опять видим в лучшем случае отождествление (или неразличение?) отношений бесформенных, бесструктурных пятен на карте с отношениями иных объектов, стран, государств.

Из круга евразийской аргументации выпадает центральное звено.

Единство России=Евразии доказывается евразийцами рядом последовательных реализаций (индивидуации Н. С. Трубецкого) одной структуры, каковая структура потому и едина, что занимает и даже есть один и тот же регион. Но если эти империи — разные регионы и у них лишь частично пересекаются только периферийные территории? И если выяснится, что именно у державы Чингисхана и ее злейшего врага Китая совпадение существенных территорий более полно, чем у России с Монголией?

Тезис о единстве пространства выдвигается евразийцами, якобы исходя из логики пространства, но реализуется непременно через апелляции к фрагментам истории, причем истории государственно-политической. Значительные периоды времени, когда территории Евразии были лишены государственного единства, евразийством просто игнорируются, будто отсутствие государства есть отсутствие жизни. Государство оказывается способом доказательства единства территорий; а почему не данные археологии?

Нет оснований обсуждать реалистичность (адекватность) евразийской схемы российского пространства. Анализ иных выявленных постулатов также приводит к тому, что евразийская схематика пространства не оперирует с эмпирией, а лишь апеллирует к ней; есть концептуальная оболочка, концептуализация своеобразной геополитической проповеди, апологии определенного пространства. Концептуализация, проводимая на основе двусмысленных категорий.

ЛОГИКА МИФА

Евразийство — яркая апология единства и места конкретного пространства (государства). Но эта апология структурирована очень логично. Однако «логика» евразийства — логика мифа, способ описания евразийского пространства — описание мифологическое; структура самого евразийства воспроизводит структуры мифа. Евразийская концепция — лишь концептуализация, в ее основе лежит **евразийский миф**; миф в широком смысле. Достаточно вспомнить мифологемы «пуп Земли» и «середина Земли», а равно и традиционные китайские представления о мире, пространстве и Китае — Срединной империи¹⁰.

Евразийство наделяет определенную территорию чертами, каковые могут быть присущи исключительно области мифического пространства. Россия=Евразия — особое место.

Это место особым образом выделено, очерчено, отделено и отличается от всех прочих мест, выделено во Вселенной. Оно неподвластно времени, не подчиняется истории. В этом особом месте не действуют общие для всех мест законы: не меняется культурный ландшафт, не формируются и не трансформируются регионы, не распадаются империи, не появляются национальные государства. Время тут течет по-особому или просто не течет. Работает своя логика и причинность и пр. Евразийство — мифологическая сакрализация государства, пространства=государства. Евразийство — миф о державе.

Евразийский путь России — не предмет выбора. Но отнюдь не потому, что этот путь бесчеловечный, агрессивный, бессмысленный. Дело совсем не в этом. Этот путь — **мнимый**, его просто нет.

Но проблема выбора пути остается.

1998—2000

¹⁰ Рабинович Е. Г. Середина Мира // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М., 1997; Топоров В. Н. Пуп Земли // Там же.

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ПОЗИЦИЯ.

ЛОГИКА ЕВРАЗИЙСКОГО «САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИИ»

Статья продолжает (частично резюмируя) начатый ранее анализ¹. Его предмет — *статус евразийского образа пространства России*. Изложение евразийских представлений как известных не производится. Евразийство рассматривается с общей и, как представляется, новой точки зрения. Сделана попытка реконструировать евразийское видение России как выражение определенной позиции, остающейся неявной (неосознанной или недекларируемой). Выявление скрытых оснований евразийской модели России необходимо независимо от статуса содержания этой модели. Пока же основания евразийского полагания России и — особенно — ее пространства не выявлены; обсуждаются лишь содержание и идеологический смысл евразийства. Используются представления отечественной школы теоретической географии, развившейся из общих с евразийством проблемных истоков².

- 1 См. статью «Мнимый путь. Россия=Евразия» в наст изд., а также: *Каганский В.Л.* Россия — Евразия: миф или реальность? // Россия: путь в третье тысячелетие. Калуга, 2000 (к сожалению, при публикации эта работа подверглась грубым искажениям).
- 2 См.: Теоретическая география. М., 1971 (=Вопросы географии. Сб. 88); *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сеги. Очерки теоретической географии. М.; Смоленск, 1999 (монография посвящена В. П. Семенову-Тянь-Шанскому — теоретико-географу с евразийскими истоками, см: *Каганский В.Л., Полян П.М., Родоман Б.Б.* «Район и страна» В. П. Семенова-Тянь-Шанского: современное звучание и значение // Известия АН СССР. Сер. географ. 1979. № 3).

РОССИЯ ПО-ЕВРАЗИЙСКИ:
МАРГИНАЛЬНАЯ ЛОГИКА ПЕРИФЕРИИ

В евразийском самоопределении России существенно не столько то, что же оно говорит о России, сколько то, что оно подразумевает. Реконструкция выявляет существеннейший парадокс: евразийство — апология России, где Россия как предмет этой апологии занимает центральное место, и должно порождать собственную точку зрения на материал России; однако евразийцы работают с материалом России существенно иначе, накладывая на материал внешнюю позицию. Декларируя, что Россия есть особый мир и отдельная цивилизация, собственный центр, евразийство оперирует с Россией совсем не так, как оперируют с центром и особым миром. То, *что* евразийство явно утверждает о России, идет вразрез с тем, *как* оно это говорит и что подразумевает и предполагает; содержание евразийского понимания России несовместимо со способом артикуляции этого содержания и его основаниями.

Напомним, что евразийство последовательно и определенно характеризует российское пространство и, исходя из него, российскую цивилизацию; для евразийства существует лишь нерасчлененно-синкретическое единство *пространство=общество=государство*. Евразия евразийцев (далее — Евразия) — особый мир, географически и исторически единый цельный и закономерный макрорегион; находясь между Европой и Азией, он не является ни Европой, ни Азией; этот особый мир и есть Россия, тождественная Евразии в узком смысле, Россия=Евразия. Именно географическое положение (исторически неизменное, вечное), единство пространства страны, сам его размер и выступают основанием и гарантом жизненности и миссии цивилизации России=Евразии.

Евразийское определение (самоопределение) России носит внешний, экстенсивный, относительный, негативный характер. Рассмотрим эти характеристики несколько подробнее, не останавливаясь на разобранном ранее статусе евразий-

ского пространствовоположения России, которое лишено даже возможности какого-либо обоснования и есть риторически организованное постулирование, апология большого единого имперского пространства (как и большинство такого рода геополитически-«геософских» доктрин³). Содержание евразийства далее рассматриваться не будет.

Внешний и экстенсивный характер евразийского полагания России состоит, прежде всего, в самоопределении через пространство, занимаемую область, территорию, место, а не через трансцендентные ценности или идеалы, реализуемые в истории. Атрибут России по-евразийски — пространство, а не время. История России=Евразии для евразийцев — не становление, а повторение, воспроизведение, серия индивидуаций, сменяющие одна другую реализации архетипа евразийской державы.

Само пространство также дано экстенсивно, преимущественно в аспекте размера; сам размер также экстенсивен и экстенсионален (т.е. это аспект объема, а не содержания понятия) — это величина территории, площадь страны, ее протяженность (а не насыщенность формами); величина символизирует и выражает величие державы и отождествляется с ним (ср. советскую державную и вообще имперскую риторику). Сами основания отождествления разных евразийских государств также экстенсивны — это именно и только общность занимаемых ими областей пространства независимо от его структуры и содержания (напр., отождествление держав хуннов и России). Евразийское пространство сакрализуется, т.е. наделяется вертикалью, но задается исключительно горизонтально, т.е. опять-таки экстенсивно.

Относительность самоопределения — в его редукции к положению в пространстве, геополитическому (на самом деле — топографическому) положению России=Евразии, определению по отношению к внешним данностям. Ими оказываются

3 См. статью «Мнимый путь. Россия=Евразия» в наст изд., а также см.: Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999.

Европа и Азия, которые внешне задают Россию=Евразию пространственно и одновременно сущностно. В этом состоит позиционная редукция — сведение цивилизации к пространственному положению.

Негативность самоопределения — в полагании прежде всего того, что не есть Россия, определении России через отрицание, непринадлежность, невключенность (своего рода имманентный апофатизм). Не впадая в европоцентризм, стоит напомнить, что европейская цивилизация определяет себя внутренне, интенсивно (смысл, идеалы), абсолютно (трансцендентные ценности), т.е. позитивно; пространственный аспект не играет значимой роли (при несомненной огромной экспансивной активности европейской цивилизации). Однако самоопределение европейской цивилизации таково отнюдь не потому, что Европа (как бы ее ни понимать) лишена определенности пространственных форм и географического положения (они как раз и богаты и динамичны). Евразийцы совершенно справедливо утверждают, что евразийское самоопределение — действительно полная антитеза европейскому по сути и форме. Даже традиционное самоопределение Китая как «Срединной державы» имеет существенно иной характер; Китай определяет себя как центр Ойкумены, но отнюдь не как, скажем, не-Индия; противопоставление монголам носит характер оппозиции '(цивилизованная) страна — (варварская) периферия', обычной для самоопределения традиционной империи.

Сразу зафиксируем, что никакой Центр и никакой особый мир не может самоопределяться исключительно или преимущественно относительно и негативно; Центр — это внутренне большое и сложное пространство, и оно само задает, формирует и полагает пространственное положение⁴. Равно и Провинция — пространство семантически сплошное и внутренне оформленное, данное как самоопределяющееся, не может осмысливаться так, какой видится Россия по-евразийски. Для

⁴ Рассматриваемые типы культурного пространства эксплицированы выше.

Центра и Провинции как типов культурного пространства принципиально наличие сложной формы, сосуществование множества разных существенных частей и связанных с ними полаганий, самоопределений, позиций; эти пространства — полипозиционны. Россия=Евразия же, даже при декларировании сложности и размера, не предполагает наличия и значимости множества позиций; евразийское полагание России — полагание монопозиционное (кстати, и мономасштабное, заданное в одном масштабе) и монологическое.

Но какое пространство, какой тип (или зона) пространства могут соответствовать выявляемому евразийскому пространству — реальному содержанию евразийского дискурса? Каким пространствам свойственно так самоопределяться? Из какой позиции функция самоопределения места в пространстве реализуется таким образом?

Именно таково любое *самоопределение маргинальной группы*, заданной местом в пространстве (сходно и самоопределение всякой периферии, о чем чуть позже). Маргинальная общность задана местом в пространстве, причем местом пограничным; это определение является внешним и в определенном смысле принудительным; маргинальность — невозможность покинуть маргинальную, промежуточную позицию⁵. Хотя социально-культурное исследование евразийцев как группы и евразийства как дискурса этой группы, связанной с местом/статусом группы, в задачи нашего исследования не входило, гипотеза о маргинальности самих евразийцев как группы вполне осмысленна; тогда и само евразийство — дискурс яввно маргинальный.

Россия=Евразия задается евразийцами как маргинальный феномен маргинальным образом. Разумеется, пространство России действительно, как принято считать, характеризуется определенной промежуточностью, пограничностью и двой-

5 См. статью «Вопросы о пространстве маргинальности» в наст. изд., а также: Каганский В.Л. Этюды о границах. I. Ситуация границы и граница // Мир психологии. 1999. № 4 (20).

ственностью; однако таково (почти) всякое место пространства, а пространство России отнюдь не только таково. Пограничность России имеет место, но вот доминанта и императив пограничности, «междумирности» России — в существеннейшей мере черта способа взглядывания, позиции, мифа России⁶. Выведение свойств объекта из особенностей его пространственного положения — эвристический прием и законный методологический ход географии, однако для евразийцев принципиально, что при этом все особенности положения в пространстве сводятся к его пограничности.

Россия по-евразийски — каскадное (и очень радикальное) сужение предмета и понятия «Россия», каскадная редукция всех сущностей к пространству (или, что одно и то же, — к государству), самого пространства — к его экстенсиональному аспекту (внешнее положение и экстенсивная величина); экстенсиональное пространство редуцировано к внешнему положению. Россия в «евразийской апологии» — на самом деле тусклое, тощее, чрезвычайно бедное содержанием, даже точечное образование.

Россия=Евразия, как полагают евразийцы, есть граница Европы и Азии в том смысле, в каком граница есть различающее. Можно даже — несколько утрируя — сказать, что евразийцы онтологизировали логическую функцию различения и «склеили» ее с эмпирическим объектом; заданный неразрешимой ситуацией переходной зоны маргинальный взгляд универсализирует маргинальность и в этом качестве ее абсолютизирует. Россия=Евразия как не-Европа и не-Азия — пространство промежуточно-пограничное и, значит, относительное и соотносительное, но эта относительность становится абсолютной; релятивность и негативность соотносения абсолютированы и онтологизированы.

Иметь атрибут «промежуточное положение» может объект любой формы и размера. Однако сводиться к такому положе-

6 См. статью «Россия и Миф России» в наст. изд.

нию, т. е. иметь один-единственный существенный пространственный признак «быть пограничной зоной» (и, следовательно, не иметь иных существенных признаков) — значит быть лишенным иных форм пространства. Существовать, сводясь всецело и нацело к внешнему пространственному положению, может только бесструктурный объект, лишенный подлинных внутренних форм, т. е. точечный. И только положение точечного объекта в линейном (т. е. простейшем) пространстве может целиком и полностью сводиться к погранично-промежуточному. Хотя евразийство красочно манифестирует формы пространства России, оно имплицитно предполагает, что Россия есть «огромная точка».

Но если пространство России не точно и не редуцируемо исключительно к единственному месту на единственной оси (есть все основания утверждать именно это), то сами исходные предпосылки евразийства противоречивы⁷. Евразийское время — вариации архетипа, евразийское пространство — точка на линии; вневременное время и внепространственное пространство.

Евразийцы определяют Россию в сущности так, как определяют пригородную зону, каковая не является ни городом, ни деревней и к тому же зажата между ними, а подобного рода переходные зоны могут быть и логически, и онтологически как синтезирующими структуры обеих основных зон, так и исключаящими их. Для самоопределения подобной зоны, если ей еще присуща и недоопределенность (характерная для Периферии), — проблема выбора неразрешима.

Амбивалентность евразийской концепции России — типологическая черта маргинального самоопределения. Для евразийства (не только для него) характерен следующий скачок в

7 Ср.: «Россия выстроена, как от точки отсчета, от междивизиационного водораздела Запад—Восток. Водораздел-то существует реально, но он возник: а) не по поводу России; б) не в том пространстве; в) продуктивен и разрешаем. Как предмет эксплуатации, он вполне мним» (Лавловский Г. Слепое пятно // Иное. Т. 3. М., 1995. С. 37)

рассуждениях. Вначале выдвигаются в целом справедливые тезисы: 'Россия находится между Европой=Западом и Азией=Востоком в узком смысле' и 'Россия не является Западом и Востоком'. В преодоление кажущегося противоречия делается скачок к утверждению 'Россия — сверх-Запад и сверх-Восток', т. е. постулирование России как переходной зоны синтезирующего типа. Для маргинальных зон (и маргинальных субкультур) характерны именно такие «логики инверсии» пространства. Природная периферия материка Евразии инвертируется евразийцами в мировой культурный центр: это инверсия двойная, особенно симптоматично совмещение инверсий 'природа — культура' и 'центр — периферия'. О таких феноменах не раз писали культурологи тартуской школы, включая и Ю. М. Лотмана (хотя вне всякой связи с евразийством). Примечательно, что самоочевидно большой размер как атрибут пространства России=Евразии, постулируемый евразийцами как априорно природный факт, по всей видимости, есть факт нерелективной рецепции образа пространства России, данного картографически (на карте пространство России особенно велико, тогда как размеры единого окультуренного пространства страны — совсем иные).

Маргинальное самоопределение присуще типу культурного пространства *Граница* в нашей терминологии. *Евразийство — дискурс Границы*. Граница — неструктурированное экстенсивное разнообразие несвязанных элементов, смесь. «Сложность» Границы вторична, производна от отношений с соседями и резко преувеличена из-за проецирования в Границу сложной и болезненной проблемы границы. Самоопределение границы антиномично и парадоксально, соотносительно и относительно; одна из этих антиномий — отношение 'зона — позиция'. Евразийство — интенция абсолютизации позиции границы.

Группа с аналогичным дискурсом хорошо известна. Так, Б. А. Успенский рассматривает такую группу и ее самоопределение, прежде всего ориентированное на разрешение двух

IV. К МИФОЛОГИИ РОССИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

связанных и структурно изоморфных ситуаций 'Россия — Запад' и 'власть — народ'; это — *русская интеллигенция*, которая и самоопределяется исключительно как пограничная группа, занимающая в названных «оппозициях» погранично-промежуточное положение и пытающаяся разрешить тем самым пограничную ситуацию⁸. Хотя сюжеты 'евразийство и маргинальность' и 'маргинальность и интеллигенция' обсуждаются, второй — даже нередко, но — как ни странно — обсуждаются исключительно по отдельности.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ	ТИПЫ ПРОСТРАНСТВА	
	Центр	Периферия
Атрибут	Время	Пространство
Источник	Внутреннее	Внешнее
Аспект	Интенсивное	Экстенсивное
Идентификация	Позитивная	Негативная
Аспект понятия пространства	Содержание	Объем
Размер пространства	Интенционал (сложность)	Экстенционал (величина)

Рис. 1. Центр и периферия как типы самоопределения

ВНУТРЕННИЙ СТАТУС	ВНЕШНИЙ СТАТУС	
	Представление о месте России с позиции Европы	
Самополагание	Внутри (часть Европы)	Вовне системы (вне Европы)
Внутри (часть Европы)	Западничество	Славянофильство
Вовне (вне Европы)	Евразийство	Ориентализм (туранизм)

Рис. 2. Некоторые типы самоопределения России относительно Европы

Ставя Россию дискурсивно в центр, евразийство тем не менее «обращается» с реальностью пространства (не только

⁸ Успенский Б. А. Русская интеллигенция как специфический феномен русской культуры // Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология. М., 1999 (=Россия/Russia. Вып. 2 [10]).

пространства, но мы им ограничиваемся) как с периферией; произвол по-своему закономерен. Для *Периферии* (в терминологическом смысле⁹) характерна фрагментированность, отсутствие единства своего пространства, его несамостоятельность и несостоятельность; пространство периферии замкнуто на центр и дано в отношении с центром, для него нет иных единых оснований самоопределения, кроме внешних. Пространству Периферии присуща недооформленность, дефицит и внешний источник определенности, упорядоченности, формы; периферия «живет и мыслит» в отнесенности к центру, постоянно колеблясь по оси 'центростремительность — центробежность' (таков и маятник культурно-политического самоопределения большинства регионов РФ). Внешнее определение и даже задание единства, сопровождающееся насилием над материалом и игнорированием в нем внутренних форм и различий — атрибут именно Периферии. Ей также присущи радикальные инверсии, сводящиеся в конечном итоге к задающей оппозиции 'центр — периферия'. Евразийство правомерно и осмысленно трактовать и в контексте идеологической ситуации развивающихся стран (классических периферий на уровне стран), тем более что Россия и была «первой развивающейся страной» (по мнению Т. Шанина) именно в период становления евразийства; однако нам такие работы неизвестны.

Итак, евразийское самоопределение России совмещает черты дискурса Периферии и Границы: размер и переходнопограничное положение страны замещают ценностное самоопределение; большое пространство амбивалентно мифологизировано, колеблясь между сакрализацией и пренебрежением. *Евразийство — самоопределение Пограничной Периферии*. Сказанное означает лишь то, чем оказывается Россия по-евразийски «на самом деле», т.е. как подлинное содержание на уровне базовых пресуппозиций евразийского дискурса.

9 См. примеч. 4.

РОССИЯ ПО-ЕВРАЗИЙСКИ: ЛОГИКА МИФА

Евразийство — яркая апология единства и места конкретного пространства (государства); она концептуальна, абсолютно сомнительна, внеэмпирична, красочна. Но эта апология структурирована очень логично. Однако «логика» евразийства — логика мифа, способ описания евразийского пространства — описание мифологическое; структура самого евразийства воспроизводит структуры мифа. Евразийская концепция — лишь концептуализация, в ее основе лежит *евразийский миф*; миф в широком смысле. Достаточно вспомнить мифологемы «пуп Земли» и «середина Земли», а равно и традиционные китайские представления о мире, пространстве и Китае — Срединной империи¹⁰; впрочем, место действия всякого мифа есть середина и центр, а граница в мифологическом пространстве всегда нечто иное и большее, нежели просто деталь структуры пространства. А евразийство настаивает на естественности границ России=Евразии, чего совершенно не требуется для существования самих разграничиваемых регионов (интенсивно самоопределяемые пространства задаются не внешне, «естественными рубежами», а внутренне, формами, связями и структурами).

Евразийство — мифология, риторически декорированная фрагментами эмпирии. Евразийский миф, как всякий миф, апеллирует к чуду. Россия=Евразия — пространство, где не действуют обычные законы, ни естественные (динамика природного ландшафта), ни любые другие. В Евразии, в сущности, нет (исторического) времени, не меняется география Ойкумены, не образуются национальные государства, не распадаются империи. Россия=Евразия — внеисторическая, вечная сущность.

Евразийство наделяет определенную территорию чертами, каковые могут быть присущи исключительно области мифи-

10 Рабинович Е. Г. Середина Мира // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М., 1997. Топоров В. Н. Пуп Земли // Там же. Т. 2.

ческого пространства. *Россия=Евразия* — *особое место*. Это место особым образом выделено, очерчено, отделено (неизменные естественные границы) и отличается от всех прочих мест, оно выделено во Вселенной. Оно неподвластно времени, не подчиняется истории. В этом особом месте не действуют общие для всех мест законы: не меняется культурный ландшафт, не формируются и не трансформируются регионы, не распадаются империи. Время тут течет по-особому или просто не течет. Работает своя логика и причинность и пр.

Евразийство — мифологическая сакрализация государства, пространства=государства. Евразийство — миф о державе. Единство Российской империи оказывается обязанным вполне объективной и непреложной доминанте, своего рода закону природы, или, точнее, следствию некоего закона природы. Об особом месторазвитии и его пространственном положении мы не раз говорили в других работах¹¹. Допустим даже, что евразийцы правы в своих спекуляциях на тему о месте Евразии. Это означает не больше, но и не меньше того, что Россия — империя, так сказать, выстроенная на императиве пространства; но пространственно не мотивированных государств не бывает, государство как институт не может быть независимым от пространства, свободным от пространственного контекста. Это не мешает государствам по-разному встраиваться в этот контекст и его перестраивать. Евразийская апелляция к пространству поразительно совмещает, как всякий миф, амбивалентное прочтение закономерностей этого пространства. Это пространство имеет абсолютные законы, выражающиеся в бесконечном, как уверены евразийцы, воспроизведении серии индивидуаций евразийских государств, и одновременно оказывается выше и устойчивее таких законов; все регионы динамичны и относительны, все регионы «смертны», т.е. возникают, меняются, смещаются, распадаются, исчезают, — а вот Евразия вечна, статична и абсолютна. Но если общество=госу-

11 См. примеч. 1.

дарство Россия=Евразия конституирована именно законом природы, то налицо отрицание свободы воли, возврат во времена в точном смысле слова даже не ветхозаветные; евразийство — не традиционализм, а совершеннейшая архаика. Если Россия=Евразия существует самодоказательно, абсолютно и беспредпосылочно, то должно говорить о перманентном чуде. Ведь систематическое нарушение законов действительности и есть *чудо*. Полное сращивание и неразличение закона природы и чуда — при постоянной возможности актуализации то одной, то другой природы оборотня — атрибут архаического мифа. *Россия=Евразия — империя Чуда*.

Евразийство есть миф, и вопрос о том, сколь осознанным было само это мифотворчество, не имеет никакого значения для определения его статуса. В этот миф вкраплено некоторое содержание, но и оно не имеет никакого значения для проблемы статуса.

* * *

Евразийство предлагает ответ на вопрос о путях России, даже гарантирует единственность ответа и самого пути. Путь России дан и гарантирован пространством. Для евразийцев Россия может существовать географически и духовно исключительно как большое единое неразрывное пространство, объединенное государством, т.е. как *Империя*. Путь России — сохранение и умножение имперского наследия Российской империи и СССР. Страна обязана исполнить императив пространства, отринув европейский миф законов истории. Евразийство предлагает свою меру процессов и событий, различая существенное и несущественное, здоровье и болезнь. Всякая децентрализация, дезинтеграция, сепаратизм — отклонения от нормы, геополитический недуг. (Война в Чечне имеет евразийское обоснование: пространство России — естественное целое, Чечня — часть этой целого внутри естественных рубежей России.) Реставрация России — реставрация идеократи-

ческой империи, геополитический реванш, отказ от мирового пространства норм и правил, конфликт с Западом.

*Евразийский путь России — не предмет выбора. Не потому, что этот путь бесчеловечный, агрессивный, бессмысленный. Дело совсем не в этом. Этот путь — мнимый, его просто нет. Евразийство — мифология пространства России; к ней неприменимы критерии истинности; претензии евразийства на единственность и обоснованность должны быть отвергнуты. Эта мифология пространства закономерна хотя бы потому, что в российском пространстве выражены черты маргинальности и периферии (имперское обустройство пространства эти черты лишь утрирует). **Евразийская картина России маргинальна по типу и периферийна по предмету.** Но евразийство — одно из потенциально очень многих самоопределений пространства России — ведь оно не только имперское, не только периферийное; не только простое и внешне определенное. Тема истинности евразийства должна быть закрыта, но по-прежнему открыта проблема его общественного и культурного статуса. Критиковать или опровергать евразийство — недостаточно и неэффективно. Преодолеть евразийство — значит актуализировать спектр самоопределений России; обществу должны быть предъявлены **все ответы** на евразийские вопросы, а оно (общество) «должно захотеть» услышать эти ответы, среди которых не может не быть трудных, сложных и горьких.*

ГЛАВНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО*

ОБРАЗ-ДОКУМЕНТ

Существует наглядный образ нашей страны, официально называемой «Россия. Российская Федерация». Это серия простых, ясных, компактных изображений нескольких мест территории России, своего рода пейзажей. Носители образа имеют статус государственных документов, что обеспечивает их распространение на всей территории страны почти во всех группах населения.

Документы—носители образа имеют наибольший тираж из всех когда-либо распространявшихся в стране документов, вообще печатных изданий. Никакие пейзажи таким тиражом нигде и никогда не издавались. Будучи жизненно необходимы во множестве разных ситуаций, документы=носители существуют в количествах сотен экземпляров на одного жителя; хорошо знакомы подавляющей части населения, постоянно находясь в руках жителей. Особые технические свойства документа обеспечивают его портативность, прочность, устойчиво высокое качество изображения. Институциональные, функциональные и технические свойства документа гарантируют достаточно частый, хотя всякий раз в общем непродолжитель-

* Впервые: Неприкосновенный запас. 2000. № 4 (12). Исследование осуществлено при поддержке Фонда Макаруров.

ный, визуальный контакт с ним на близком расстоянии. Свойства бумажного носителя документа позволяют эффективно считывать содержание, включая изображение.

Назначение документа с дизайнерским решением прямо не связано. Сами изображения мест — декоративная, необязательная деталь документа, хотя графически главная: основная часть площади документа — именно рисунки мест. Документ внедрен государственным актом. Но вот перечень изображенных объектов, дизайн, графическое решение разработаны, в сущности, тайно, не имеют никакого статуса, хотя исключительный статус имеет носитель документа. Совершенно неясны и не даны обоснования даже перечня изображенных мест.

Образ насильственно навязывается и внушается. Но он не комментировался государственными структурами, лишен научного, культурного, публично-экспертного основания и обоснования; почти не осмыслен в специальной литературе. Есть данные о его значительном воздействии на общественное мнение, даже судьбу изображенных мест; некоторые места весьма эффективно используют сам факт изображения в документе.

Эти таинственные носители образа — современные российские бумажные денежные знаки; на каждой купюре назван и изображен один город. Он представлен несколькими городскими пейзажами, видами выделенных в этих городах или около них природных и культурных объектов.

СТРАНА И ЕЕ ОБРАЗ В ПЕРЕХОДНОМ СОСТОЯНИИ

Это знают все.

Образно-символическая система нашей страны находится в переходном состоянии и только начинает складываться: геральдика, орденские знаки, почетные звания, именование и титулование государственных институтов, высокопоставленных особ, государственных чинов; сама страна находится

именно в таком состоянии. Страна заимствует целые комплексы и отдельные фрагменты из разных систем разных эпох. Анахронизмы в символической сфере просто заметнее, но и сама жизнь ими переполнена. Для переходных эпох=состояний как раз характерны именно противоречивые динамичные ситуации в символической сфере (на такое не раз обращал внимание, скажем, Ю.М. Лотман). Образ страны еще не устоялся, он только складывается. Денежные знаки — самый массовый и универсальный носитель этого образа; смею сказать — самый наглядный аргумент, его всякий держал в руках.

Содержание этого образа, будучи представлено предельно наглядно, тем не менее не декларировалось при выпуске новых купюр; как ни странно, почти не изучалось, хотя и привлекало некоторое внимание. Но ведь и сам образ страны, складывающейся хотя и на огромном историческом основании, но существенно новой, неосознан. (Так ведь и вопрос о том, в чем именно наша страна новая, и даже какая это страна, еще не разрешен: Российская Федерация — возобновление России=Российской империи? все еще «правопреемник СССР»? или новая страна? Ведь это вопрос о полагании судьбы.)

Что именно означает совокупность, комплекс мест как целое? Каков смысл этого образа? Как он соотносится с иными образами, заданными нормативно в рамках государства или общественно значимыми? Воспроизводит ли уже известные символические формы? Как интерпретируется в общественном сознании? Имеет ли значение для изображенных мест?

Сколько известно, выраженный набором мест образ страны на купюрах резко отличается от иных, смею сказать — от всех имеющих хождение, образов России за одним специально рассмотренным (ниже) исключением. Скажу резче: этот образ не был заимствован ниоткуда, поскольку такого образа у страны Россия просто нет и никогда не было; он был сделан, сконструирован. Отличается он и от формируемых специальными методами представлений о системе репрезентирующих страну в целом мест. Хотя он поддается интерпретации как

целое, это целое — структурная карикатура страны. Образ содержит как закономерные, обязательные, понятные, объяснимые, так и совершенно случайные, необязательные, непонятно-необъяснимые компоненты, содержит объекты известные и легко опознаваемые — и трудно опознаваемые, малоизвестные.

Об этом — приводимая ниже чуть беллетризованная версия статьи, материал к «познанию самосознания» России, если полагать, что образ выражает не только случайные черты. Совокупность городов, изображенных на банкнотах, рассматривается двояко: как совокупность отдельных знаков, символов, эмблем и как целостный супертекст.

РОССИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИЙСКИХ БАНКНОТ

Напомню, что изображено на этих купюрах, рисунок и перечень приводятся. Мне еще не довелось встретить ни единого человека, который твердо помнил бы сами рисунки, весь набор элементов графики банкнот, а не просто список городов; помнящих сам список городов встретил двоих (не-географов).

АРХАНГЕЛЬСК	500
МОСКВА	100
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	50
КРАСНОЯРСК	10
НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ	5
ВЛАДИВОСТОК	(1 = 1000)

Каждой купюре современных российских банкнот, выпущенных после деноминации 1997 г., соответствует один город; после деноминации выпал Владивосток (1000 рублей), но был; скоро появится «билет банка России» в 1000 рублей — посмотрим.

Проведу анализ с условным включением и отсутствующего ныне Владивостока. От оценки качества изображения воздер-

жусь. Не буду удерживаться от личных комментариев: благо в последние годы бывал во всех городах, коими рисуют образ России. Для краткости города будут именоваться компонентами образа, а каждое из изображений на купюрах — элементами образа. Таким образом, разбираемый образ состоит из городов=компонентов, каждому из которых отвечает до шести элементов; каждый элемент — графически отдельное произведение.

Теперь о влиянии образа на само изображенное место. Хозяйство Новгородской области опирается преимущественно на саморекламу, следствие раскрутки образа, используя не природные (их почти нет), а символические ресурсы. Экономическая стратегия региона активно использует факт изображения Новгорода (теперь — Великого Новгорода) на денежных знаках, это важное звено маркетинговой стратегии всего региона. Есть сведения о подобном и в Красноярском крае¹. Иные города, насколько известно, явно не используют этого, но региональное сознание и в них, и в соседних регионах это замечает.

ЧТО В ОБРАЗЕ ТВОЕМ?

Имена собственные. Образ страны, как и любой территории, выраженный через совокупность разных мест (частей, деталей, фрагментов) территорий, может быть совокупностью (образов) конкретных мест, единичных объектов, называемых именами собственными. Но может быть и иным, может быть представлен без обращения к конкретным местам — как совокупность некоторых типовых элементов, своего рода визуальных (и смысловых) архетипов; ландшафты можно изображать почти так же типизирующе, как живые существа; ср. белорусские зайчики. На банкнотах изображены единичные объекты,

¹ См.: *Кузнецова О.* Новгородская и Псковская области: экономическое положение и факторы развития // Вопросы экономики. 1998. № 10; *Чувашиев Ю.* Визитная карточка. Облик красноярской часовни прочно утвердился на российских червонцах // Независимая газета. 1999. 28 дек.

но нет уникальных — таких, как Луна, (планета) Земля (ср. герб СССР) или хотя бы редких разрядов объектов типа действующих вулканов. Страна предстала чередой отдельных индивидуальных мест, хотя все элементы образа, представленные на банкнотах, могли быть изображены как типичные: берег, бухта, гидроэлектростанция, гора, здание, крепость, мост, монумент, набережная, остров, памятник, река, скала, скульптура, театр, храм, улица, часовня. Уникальность этим объектам придает только размещение в индивидуальных местах, городах.

Страна-созвездие. Образ страны, собирательного целого, имеющего размеры, площадь, заведомо не сводимого к безразмерным объектам, передан точечными объектами, т.е. такими, собственный размер которых существенно меньше, чем расстояние между ними, притом что пространство между ними игнорируется. Таковы созвездия звездного неба; есть основания говорить о представлении образа страны аналогично созвездию (этот образ понадобится и дальше).

Страна не состоит из объектов того типа, каковыми изображается. Страна редуцирована к точкам. Для репрезентации избраны не индивидуальные составные части (и не типы составных частей), а некоторые **фокальные объекты**, главные, основные, своего рода крупные звезды. Поясню: страна состоит из регионов (их можно выделять по-разному), в совокупности и дающих страну. Но компоненты образа не регионы, а только главные детали, центры регионов. (Хотя изобразить регионы было бы несравненно сложнее, не прибегая к карте.)

Страна городов. Образ страны дан визуально и декларирован именно как образ поселений, городов; на банкнотах фигурируют только **имена городов** (обращение к незаселенным пространствам не столь странно, как кажется, что мы увидим ниже). Но часть изображенных реалий находится вне городской черты, как бы ее ни понимать; заметим, что названий изображенных объектов, в отличие от городов, на банкнотах нет. Они не общеизвестны и далеко не все узнаваемы. Элемент образа Архангельска — пейзаж Соловецких остров (Кремль),

которые находятся более чем в 150 км от города, элемент образа Красноярска — Красноярская ГЭС в 40 км от города (Кронштадт не дальше от Петербурга, Троице-Сергиева лавра немногим дальше от Москвы); скалистые островки на банкноте с Владивостоком — юридически в черте города, но от города далеко. На банкнотах изображены объекты, каковые не могут быть внутри города, быть частью городской среды, — море, крупная ГЭС, но могут быть частью административной территории города (в СССР=России есть города, площадь административной территории которых — десятки тысяч квадратных километров).

Страна столиц=центров. В образе широко представлены столицы государства, образ больше чем наполовину дан столицами — государственными, политическими; об иных столицах ниже. Образ страны — образ ее столицы. Москва, Санкт-Петербург; Новгород — тоже столица, одна из двух столиц Киево-Новгородской Руси (или столица одного из двух древнерусских государств), что подчеркивается изображением известного памятника тысячелетию России в Новгороде. Образ выделяет, подчеркивает, акцентирует, утрирует преемственность современной Российской Федерации от Киево-Новгородской Руси и Российской империи; в изображении Санкт-Петербурга отчетлива имперская нота, а Большой театр Москвы — бывший императорский Большой театр. Образ страны — образ сохраняющей преемственность древней империи.

Страна=государство. Образ страны — образ ее административной, властной, государственной топографии; все города — административные центры регионов высшего ранга, субъектов федерации (кроме сложного случая Санкт-Петербурга, который не является центром Ленинградской области и даже в нее не входит, но имеет на своей территории резиденцию ее властей; то же самое относится к Москве и Московской области; эти два города — федерального значения в РФ, ранее в СССР — союзного значения; Санкт-Петербург — официальный парламентский центр СНГ). Страна репрезентирована

столицами государства и его частей, дана как огосударствленное пространство. Но нельзя сказать, что города образа — крупнейшие; примерно тридцать городов страны крупнее названных нестоличных. Хотя в СССР и теперь в РФ «город» — прежде всего административный статус (а не тип) поселения, в стране немало мест, культурный статус которых, включая и известность, выше административного. Назову несколько хорошо известных поселений, формально сел или небольших городов, культурно значимых в широком смысле (они все слынут и особо живописными): Абрамцево, Великий Устюг, Дербент, Кижи, Кремль (официальное название главного селения Соловецких островов), Новочеркасск, Новый Иерусалим, Оптина пустынь, Печоры, Сергиев Посад, Суздаль, Тобольск, Царское Село, Ясная Поляна.

Образ страны сводит ее исключительно к городам, а города — к административным центрам высшего ранга, а не самым большим и/или значимым городам. Образ России — это образ городской страны, большой страны больших административных центров-городов, столиц страны и регионов.

Образ России — это образ страны, слитой с государством, не вычлененной из территории=государства, даже немислимой отдельно от государства. (Хорошо известно, что часто страны лишаются государственного выражения или вовсе его не имеют, быть странами не переставая: Армения, Каталония, Курдистан, Польша, Шотландия, Эстония; но есть и эфемерные государства «без стран».)

Военная империя. Государственный аспект соответствует военно-имперскому: Москва и Санкт-Петербург — города-герои, центры военных округов, Владивосток, Архангельск, Санкт-Петербург — военно-морские базы (впрочем, почти каждый крупный город во всем бывшем СССР был обременен военной базой и/или военным заводом).

Протяженная страна. Города-компоненты образа находятся на разных дальних краях, рубежах страны. Россия — большая страна, территория ее огромна. Образ выделяет, подчерки-

вает, акцентирует протяженность страны с запада на восток, от Балтики (Атлантики) до Тихого океана, от Европы до Восточной Азии. Подчеркну, что образ акцентирует не столько как таковой размер страны, сколько широтную вытянутость, простира-ние, протяжение с запада на восток (Без Владивостока все равно огромность. Даже между Москвой и Красноярском — 4 часа раз-ницы во времени, с Владивостоком — 7 часов.) Простира-ние страны с севера на юг образ почти игнорирует; все города, включая и Москву, находятся в северной трети страны.

Страна=СЕВЕР. Все без исключения города — северные. Все города, включая Москву, находятся в северной половине страны; а без Владивостока — в северной трети территории. Образ Рос-сии — образ большой северной страны. Именно Север репрезен-тирует страну в целом; ср. характерный образ России как Севера в русской поэзии. (Переход от СССР к РФ можно интерпретиро-вать, прочесть на карте как потерю юго-запада, сдвиг на северо-восток. Образ утрирует итог этого сдвига.)

Страна=пространство. Образ страны — образ террито-рии государства (государственная территория, а не люди). Про-странство превышает население. Образ вытесняет и историю: Санкт-Петербург и Красноярск — города новые, Владивосток — совсем новый; эти города спроектированы и выстроены: созда-ны государством для решения важных государственных задач, да и Москва «основана». Новгород совсем не нов; единственный компонент образа, что возник до и вне нынешнего государства, вне и помимо его воли, был завоеван, остальные — основаны=созданы властью и волей государства, неважно: в реальности или в историческом мифе. Но большинство поселений страны возникло до того, как они вошли в состав государства, были присоединены. Образ показывает пространство сконструиро-ванным, искусственным, сделанным, подвластным; это триум-фальное шествие государства по пространству.

Впрочем, об игнорировании истории стоит говорить осто-рожнее. Кроме Владивостока, все города стоят на territori-ях, более трех столетий находящихся в составе нынешнего

государства. Приоритет пространства над историей сам вложен в определенные рамки. Впрочем, чисто экспертно обсуждать смысл образа с взвешиванием разных аспектов непросто. Видимо, одни составляющие противоречат другим: тематизм «океанская держава» противоречит тематизму «старая империя»; но оба несомненны.

Страна=периферия. Следующее предложение будет весьма странным по смыслу, но истинным. Компоненты образа России — такие города, что почти все население страны оказалось вне сетки, вне контура, заданного этими городами. Все пять или шесть, это неважно, городов лежат вне основного массива заселенной территории, на ее краю или за ее пределами. Основное население страны живет вне контуров, задаваемых опорными городами. Образ страны — образ малонаселенной северо-восточной половины страны. Пустые и полупустые территории получили решительный приоритет.

Очевидно, что северная страна — **лесная страна**. Россия на банкнотах — страна лесов, преимущественно хвойных и/или смешанных. Все пять или шесть городов стояли и частично стоят в окружении лесов, а не тундры; в тундре мало городов и почти нет достаточно старых городов. Но нет и степей, а в зоне степей — ныне более половины и городов страны, и ее жителей.

Этот ряд можно продолжить, но, чтобы не утомлять читателя, еще остановлюсь только на существенном; остальные лишь назову. Это несложно: индустриальная, нечерноземная, животноводческая, богатая ресурсами страна.

Русская страна. Все города — детали образа — центры регионов, статус которых не связан с какой-либо этнической группой; это центры русских (по умолчанию) регионов. В самих изображенных городах и их достаточно дальних окрестностях русское население и русская культура решительно преобладают. И если Санкт-Петербург имел образ не (вполне) русского города, то остальные города не оставляют сомнения (о космополитичности крупных, тем более морских, городов речь не идет).

Страна рубежей. Четыре из пяти (пять из шести с Владивостоком) городов — прямо пограничны, стоят на краю страны, на ее политических и/или природных рубежах. Российское пространство репрезентировано своими пограничными вехами, взято как бы извне, в ситуации разграничения; страна представлена не окраинами, а пограничными центрами. Характерными деталями образа взяты (амбивалентные) центры=границы.

Даже Красноярск, который будто прячется в глубине территории страны (на самом деле — лишь в глубине грубой карты), стоит на краю ее заселенного клина, на острие главной полосы расселения: к востоку, северу и югу от Красноярска уже нет сплошно освоенной территории — только связанные транспортными коридорами малые заселенные очаги среди огромных массивов тайги, гор, тундры. Даже с невысоких пригородных скал, Красноярских Столбов, отчетливо видны безлюдные Саяны к югу и столь же безлюдная тайга на северо-востоке. Архетип 'столица-на-границе', который реализовали и овековечили Новгород и Санкт-Петербург (окно!), а сейчас реализует Москва, исторически весьма значим для России; эти города стоят на мощной комплексной границе, Новгород и Санкт-Петербург стоят на границе Европы и Восточной Европы или очень близки к ней; Москва подтягивается². Но ведь большинство городов находится внутри территории страны, включая почти все крупнейшие города. Внешне-приграничное положение указанных городов выразилось и в том, что все города, кроме Красноярска, атаковал, осаждал или даже занимал неприятель, иностранная армия и/или флот.

Центр=периферия. Образ страны сводит ее к совокупности столиц=центров и периферии=границ. Образ игнорирует Провинцию, среднюю зону, среднюю полосу, обычное засе-

2 Красноярск стоит в мощном граничном узле, стыке трех «природных стран», высших единиц физико-географического районирования суши; равно и Москва: три разные природные области сходились прямо к Боровицкому холму.

ленное, освоенное пространство, т. е. собственно страну, все ее нестоличные некраевые части. По-видимому, это глубоко не случайно. Провинция вообще загадочно выскользнула из схем понимания и полагания пространства: но в категориальном анализе это понятнее, чем при назначении «типичных представителей»; все не перестаю удивляться: тонко и со вкусом описываемая Ю. М. Лотманом провинция в его же концептуализациях как-то куда-то проваливалась, затерялась и распалась между центром и периферией.

Морская держава. Образ России — образ морской, даже океанской державы, выходящей на три океана: Санкт-Петербург — Балтийское море Атлантического океана, Владивосток — Японское море Тихого океана, Архангельск — Баренцево море Северного Ледовитого океана. «Касаясь трех великих океанов...»³. Но сама Россия, как известно, страна континентальная, на море стоит менее $1/20$ общего числа ее городов, из городов-центров регионов это еще Мурманск, Петропавловск-Камчатский, Магадан, Анадырь (Чукотка); близко к морю (Азовскому, внутриконтинентальному морю) Ростов-на-Дону; из двадцати городов с населением около и более миллиона человек на море только Санкт-Петербург. Расселение в стране — не приморское, скорее речное, почти все и старые и большие города — на реках. Образ страны резко преувеличивает ее морской фасад, преувеличивает настолько, что скорее выдумывает.

Если резюмировать сказанное, то образ означает следующее (не значит, что семантика образа такой конструирована

3 Лишь несколько стран выходит на два океана, на три же океана после краха империй европейских держав — одна Канада. Северный Ледовитый океан выделяют как океан в основном в России (СССР), в остальном мире считая его морем-заливом Атлантики; выделяют иногда Южный океан (циркумантарктический — океан вокруг Антарктиды); в российской версии расчленения Мирового океана на естественные части-океаны Россия выходит к трем океанам из четырех — $3/4$, а в указанной — только к двум из четырех — $1/2$; при решении с пятью океанами — на три из пяти — $3/5$.

лась). Россия//Российская Федерация — протяженная, большая страна=государство=империя, преемник Новгородской Руси, Московской Руси и Российской империи. Россия — городская индустриальная лесная морская православная ресурсно-богатая русская страна.

ЧТО ИГНОРИРУЕТ И СКРЫВАЕТ ОБРАЗ?

Перед выводом о смысле образа страны обратимся к тому, что же он игнорирует; взглянем на то, чем является страна и что отсутствует в ее образе.

Очевидно, что многое надо было игнорировать. Впрочем, почему это игнорировано, сказать трудно; географическое невежество столь велико, что его трудно передать, это уже пространственная неменяемость. Любой образ нашей страны на таком уровне детальности должен игнорировать такие ландшафты и элементы ландшафта, как болота, острова и полуострова, субтропики, дельты; неизбежно будет жертвовать Калининградской областью и островами Арктики.

Поэтому укажем на преобладающие черты, ландшафты, местности России, каковые в ее образе просто отсутствуют.

В образе широко представлены столицы государства, образ дан столицами и границами. Но полностью отсутствует средняя зона, основная обитаемая территория. Образ страны полностью игнорирует ее Провинцию; однако именно в провинции живет более половины всего населения (по сейчас производится менее половины валютной выручки).

Равно игнорируются нестоличные, средние и малые города и сельские поселения; этот аспект лишь частично совпадает с предыдущим. В этих поселениях также живет более половины населения.

О выборе городов исключительно лесной зоны выше сказано. Но ведь более половины территории страны находится в зонах, в природном отношении безлесных. Тундра, лесотун-

дра, степи и пустыни (а также болота и высокогорья, отдельных широтных зон не образующие) занимают, пожалуй, две трети ($\frac{2}{3}$) всей территории, где также живет большинство населения. Пожалуй, следует говорить и об игнорировании горных территорий, хотя их место в стране куда скромнее (но, впрочем, пейзажи Красноярска имеют горные аспекты).

Наконец, — и это, видимо, самое существенное — полностью игнорируются все территории, где автохтонное, коренное, туземное преобладающее население нерусское; можно говорить тогда и об игнорировании территорий, мест, ландшафтов, где укоренены иные конфессии, кроме православия и шире — христианства.

В этом смысле образ носит негативный характер.

БЕЛЫЙ ПОЯС

Ни один сложившийся, известный, принятый, укорененный в культуре образ страны не отвечает разбираемому здесь. Но зато один образ отвечает очень точно, хотя это и не образ России=РФ в целом. Известен расхожий штамп «**красный пояс**», т.е. территории, где население относительно больше голосует за коммунистов, они контролируют администрации регионов и прочее. Известно также, что коммунистов относительно больше поддерживает внутренняя часть страны, провинция, а не ее столицы и приграничные регионы, сельская местность, а не города, малые, а не большие города, «национальные регионы», а не «русские», аграрные, а не промышленные, промышленные, а не ресурсные и т.д. Наконец, сам территориальный состав «красного пояса» надо упомянуть хотя бы с точностью до больших социально-экономических районов, которых в РФ выделяется одиннадцать — это Поволжье, Северный Кавказ, Черноземный Центр.

Антоним «красного пояса», противоположный пояс и полюс, контрпояс — «**белый пояс**» — введем такой неологизм.

Именно ему территориально отвечают все пять (шесть) городов! Образ России в ее деньгах точно соответствует не-красной части территории, как в аспекте групп регионов — больших социально-экономических районов, так и в аспекте типов ландшафта и типов поселений и городов в частности. Но стоит ли говорить о дискриминации коммунистической России?..

Банкноты России изображают не Россию, а только ее, так сказать, лояльную часть, в общем голосующую в поддержку власти. (Впрочем, семантикой «красного пояса» мы здесь заниматься не будем.) После выборов 1999 г. можно добавить: в «белом поясе» победили не ОВР и не КПРФ.

Образ России хорошо передает и особую часть страны, каковую составляют так называемые регионы-доноры, т. е. регионы, получающие из федерального бюджета меньше средств, чем они туда перечисляют; это понятно при выборе регионов — источников сырья и территорий его транзита (приграничные регионы) и распределения (столицы).

БАНКНОТЫ И ПРИВЫЧНЫЕ ОБРАЗЫ

На тему образов страны существует огромная литература. Она практически необозрима. Кроме того, даже имея в наличии обзор образов страны, трудно было бы совместить его с образом как набором мест.

Осведомленность в упомянутой литературе, а также некоторые конкретные исследования на эту тему позволяют сказать, каково устойчивое ядро образа России, каков именно набор частей (мест) страны России, без которых ее нельзя представить.

Россию всегда представляют как страну во главе со столицей, Москвой. Москва в образе России — главный обязательный компонент, часть, символизирующая и даже замещающая целое.

Почти такой же обязательный компонент Санкт-Петербург.

Здесь совпадение полное. Другой вопрос, что же в этих городах артикулируется и что именно артикулируется в образе страны⁴. Различия начинаются дальше.

Но вначале еще о сходстве. Обязательной, существенной частью России, впрочем, как и СССР, всегда полагались Сибирь или Север; ровно то же относится и к ее образу. И здесь есть соответствие, хотя Сибирь в деньгах и представлена достойным интересным местом, но отнюдь не самым ярким и не самым признанным в роли компонента образа. Независимо от сравнительных размеров и экономической роли самих городов и регионов, Красноярск фигурирует в образе России куда реже, нежели Иркутск, стоящий на Ангаре, в системе Байкал—Енисей, или Тобольск, старейший город Сибири, откуда некогда управлялась Русская Америка. (Теперь только Красноярск стал фигурировать чаще в связи А.И. Лебедем и «Норильским Никелем».) Красноярск менее репрезентативен; репрезентирует меньшее число аспектов и мест страны.

Но в чем же тогда различие? В Волге.

Россия — страна с театром в столице без Волги.

В главном образе Россия — **страна без Волги**.

Официальный образ России просто игнорирует Волгу, как бы ее ни понимать — как просто реку, Реку историческую, большой регион «Поволжье» и т.д. Практически всякий образ России ее предполагает; что верно, если так можно говорить об образах. (Тематизм «исконная Россия» уступил тематизму «русская страна».)

Все сентиментальные слова о великой русской реке есть кому сказать и без меня, хотя река эта — от топонимики до географии — и угрофинская, и тюркская, и Бог знает какая еще: таковы все просто большие реки, а Волга — великая река. Так уж сложилось: образ России без Волги грубо неполон, име-

4 Это я оставляю пока без внимания, лишний раз удивившись Большому театру, моя матушка, простая пожилая женщина, в беседе с которой я затронул этот сюжет, отрезала: «Кремль и храм Христа Спасителя», его она помнит еще прежним.

ет Волгу существенной частью. Образ может сколь угодно произвольно отвечать своему предмету, хотя не всецело произвольно, ведь это не знак в семиотической парадигме (а этот текст — в общем-то, эссе по поводу герменевтики образа российского пространства). Но здесь именно тот случай, когда Волге — существенной части образа, символа, эмблемы страны отвечает Волга — существенная часть самой страны.

Впрочем, Урал также игнорируется.

Дальнейшие различия ничуть не меньше.

«Среднекультурный» образ страны содержит и особый компонент — что-то из так называемого Золотого кольца. Вначале это было названием туристского маршрута, затем оно было перенесено на сами города, охваченные этим маршрутом, далее... вплоть до именованной особой части страны, своего рода историко-культурного сердца.

МОГ ЛИ ОБРАЗ БЫТЬ ПОЛНЫМ?

Исследуемый образ нашей страны — действительно проблема, он чрезвычайно неожиданный, необъяснимый и странный. Этот образ — недостойный. Он явно ксенофобен, дискриминирует большинство этносов, культур, конфессий России, даже ее ландшафтных зон; впрочем, а может ли изображение мест быть свободно от этого?

Образ не обязан быть заведомо неполным, но не обязан быть и ложным или внутренне противоречивым. Он может быть достойным в любой избранной условности, любой культурной парадигме. А на вопрос раздела отвечу в рамках принятой условности. Пусть это будет пять и только пять городов, но с окрестностями, как то и было сделано. Пусть это будут даже и только столицы регионов, крупнейшие города. Что это может быть?

Очевидно, что без Москвы и Санкт-Петербурга не обойтись; хотя второе уже не столь очевидно.

Каждый компонент образа полисемантичен, несет несколько смыслов; их реконструкция и изложена в этом тексте.

Пучок тематизмов, смысловых аспектов — Волга, Золотая Орда, включение геополитического наследства империи Чингисхана, мусульманские миры России, великие степи, рыбные традиции — может передавать серия городов. Например, **Астрахань**, к которой было бы уместно присоединить Каспийское море, дать изображение осетра, мечети, намекнуть на бывшее Астраханское царство, именование которого входит (входило) в полный титул российского императора. Или **Казань** с близким пучком тематизмов, без Каспия — но с (явно или неявно) акцентуацией второго по численности народа России — казанских татар, второй после славян этнолингвистической группы — тюрков, второй конфессиональной группы — мусульман; наконец, крупный нестоличный полиэтничный город, возникший задолго до включения в состав государства.

Символом Сибири, о чем уже говорилось, должен быть более яркий культурно-исторически и географически город. (Красноярск тут плох не сам по себе, я бы включил его в аналогичный образ, но на следующем уровне детальности, если страну представлять полусотней городов.) Это явно **Иркутск** — и поныне один из главных городов, одна из столиц Сибири. Красивый город на Ангаре, Байкал от Иркутска не дальше, чем ГЭС от Красноярска⁵; есть и красивый горный пейзаж с кедром, очень важным в обыденно-символическом самоопределении Сибири⁶. В одном-единственном городе Сибири представлен свой региональный архитектурный стиль — иркутское, или сибирское, барокко. При определенной натяжке в сюжет Иркутска можно ввести и нечто бурятское; в России все же живет несколько народов, исповедующих буддизм (и буддология есть/была интересная, но это кстати, как и наличие в Петербурге и отсутствие в Москве буддийского храма). Иркутск — несомнен-

5 Да и ГЭС тут есть своя, по нашим масштабам небольшая, но сильно изгадившая своим водохранилищем континентальный климат, как и в Красноярске — вместо сухого мороза зимой сырой чахоточный смог.

6 Хотя согласно ботанической номенклатуре это не кедр, а сосна: сосна сибирская — *Pinus sibirica*.

но город, синоним культурного города; Красноярск слабее. Если же выйти из парадигмы центров регионов, то Тобольск — яркий символ многого. В Иркутске и Тобольске были декабристы, ссыльные поляки, огромные централы; в Тобольске в недавно брошенном тюремном замке ныне музей; производит сильное впечатление (об этом — особо). Сам замок вполне живописен. (Но это уж чересчур, не так ли? Как и вид на Кремль в Тобольске в таком ракурсе, где на первый план выйдет костел.)

Итак: Москва — Санкт-Петербург — Казань — Иркутск — ?
Далее...

А далее — проблема выбора. Есть еще три части страны, соположенные, сомасштабные столицам, Волге и Сибири. Все они равно сейчас важны как составные части: степной и казачий Юг, Север, Урал. Но в образе России Урал и Север фигурируют гораздо чаще, хотя тут можно и ошибиться.

На вопрос о Кавказе сразу скажу, что в известных образах России, сомасштабных рассматриваемому, близких по числу характерных деталей, по размеру самого образа, Кавказ просто не фигурирует (ср. выражение «Россия и Кавказ», «Европейская Россия и Кавказ»). Кавказ входит в образ СССР, если число его компонентов более десяти. (В некотором смысле компоненты образа являются более важной частью страны, нежели ее территориальные, физические детали; случай с Кавказом вполне показателен, даже символичен.)

Тобольск может символизировать и Север и Сибирь; включить сюжет казачества, при определенной тенденциозности заместить тюркско-мусульманскую семантику Казани; сибирские татары (не татары) — не реликт, а вполне живой, растущий хозяйственно и численно мусульманский этнос, проявляющий вполне отчетливое самосознание, довольно сложное. Опять же таки и Ермак, есть соответствующий памятник. В Тобольске есть и мечеть; хотя и не живописная. Говоря же серьезно, уже включение в состав Московии Казани, а уж тем более включение Тобольска=Сибири наверное превратило эту Московию в Россию, империю со всеми последствиями,

в каких мы еще живем; сделало именно тем геополитически и именно таким институционально государством (страной); позволило базировать экономику на присвоении, природных ресурсах, ренте (не на производстве, труде, прибыли). Ключевое событие — именно включение Сибири, а не выход к Тихому океану. (Тобольск — не центр области, хотя сложносоставная Тюменская область, включающая еще два округа, могла бы иметь столицей именно Тобольск, такие проекты есть.) При умелом использовании иконического материала Тобольска, сделав изображение столь же проработанным содержательно и композиционно, как у Санкт-Петербурга, акцентировав одновременно сибирский, татарский и северный аспекты, Тобольск мог бы заместить Казань. Тогда Волга в образе появилась бы через Кострому или Ярославль или Нижний Новгород, акцентировав в каждом из случаев кроме общих моментов (Волга, пейзажи, панорама, обаяние старого русского города, через который шла русская история) и вполне понятные конкретные.

Тогда альтернатива — Урал или Южная Россия?

Замечу, что, воспользовавшись Астраханью, можно было бы соединить смысловые линии Волги и Юга России. Тогда ряд: Москва — Петербург — Астрахань — Иркутск. Думаю, что этот ряд с введением Казани в принятой условности максимально полно передавал бы существующие образы России, и если б тут и было что утрировано — так это Волга; ну что ж, утрировать так существеннейшую особенность, часть?!

Иной вариант ряда: Москва — Петербург — Казань — Иркутск. И еще один город для юга России или Урала.

ВЫБОР ОЗНАЧАЮЩЕГО

Не выдает ли денежный образ страны такое нечто, что не может быть выражено прямо, не может выразиться, артикулироваться, но и не может быть игнорировано, не может не проры-

ваться, но не может осознаваться. Хотя образ отвечает «белому поясу» (в том числе и как «стране белых»), эта семантика слишком поверхностна, чтобы быть основой конструирования; да и схема слишком бедна. Хотя кто знает?

Оставляю за рамками статьи вопрос о том, что значит сам выбор мест, городов, ландшафтов, а не исторических персонажей, культурных героев, зоологических или ботанических символов (береза, медведь, кедр, осетр с икрой, соболь... etc; геральдических зверей и растений хватает). Как, впрочем, и вопрос о военно-технической атрибутике или соответствующих персоналиях. Вопрос большой, интересный и важный.

Вопрос — о выборе означающего.

Пространство — **означающее** образа страны. Страна выразила себя географией, пространством, местами, расстояниями. Страна, гордящаяся величиной, размерами своего пространства, пространственным величием, изобилием пространства, именно его избирает репрезентатором, как избрала для банкнот портреты своих президентов новая индивидуалистическая держава (США). Идея индивидуализма не может быть передана более непосредственно, нежели изображение самих индивидуумов; не может быть выражена и иначе, чем изображениями личностей⁷.

Идея пространства может быть выражена многими способами, но вряд ли они годятся для массовой ситуации. Карты же в подобном случае были бы столь же полемичны, сколь исторические или политические сюжеты. Изобразить картой контур РФ означает признать конец СССР, необратимость распада и Российской империи, и СССР, поражение «борьбы России за выход...». Но разве это признано? Изображение контура страны — изображение полное и законченное; указание роля

7 Правовая демократия выражает себя исключительно по правилам — в итоге изображаются институционально маркированные персоны — президенты, причем отмеченные вдвойне — выдающиеся президенты, но логика демократии требовала бы изобразить не самых выдающихся президентов, а избранных наибольшим числом голосов или прослуживших наибольший срок.

городов — представление неполное и открытое; во втором случае не возникает каверзная (на самом деле — глубокая и мучительная) проблема отношений страны России и государства Российской Федерации.

Но вот идея конкретного пространства, места, региона, страны не может быть выражена иначе, нежели как указание частей или указание мест пространства. Но требуется предельный такт, которого в пространственно невменяемом обществе ожидать не приходится.

На поверхности это так; хотя трудно уйти от мысли, что избрано было пространство не столько как сфера величия, сколько как сфера безразличия. Не выдает ли это уверенности, что любое суждение о пространстве сойдет, что можно никого не задеть; и ведь правда. Кто задет? Где протесты? Они были бы неизбежны при любой персонификации России; это очевидно и не нужно доказывать. Немного предметных сюжетов сочетают тривиальность, патриотизм, величие — и гарантируют общественное безразличие. Даже поставленные в Москве, одном (из тысячи) городе России, полдюжины монументов (видимых не более чем с 10% территории города) вызвали больше реакции; правда, не в стране, а в массмедиа страны (что совсем не одно и то же).

Города России — своего рода «зайчики» (белорусские дензнаки). Декоративно, функционально, патриотично.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ?

Повторюсь, огромная северная богатая русская держава на трех океанах — и никаких мятежных инородцев, сепаратистских окраин, Волги, мусульман в сердце страны... Никаких больших нерусских неправославных народов прямо в центре страны. Дело не в том, что образ неполон, тенденциозен, карикатурен. Образ страны не изображает страну; набор деталей не содержит чуть не самую существенную.

В прожектах есть логика, прожектам надобна логика — ее может не быть в ужасе; надеяться можно на маловероятное; ужас и мечта предполагают невозможное⁸.

Можно хотеть России без инородцев, техника такие желания осуществить позволяет (а общественность разрешает, пишу это во время очередного этапа покорения Чечни); а вот хотеть Россию с Сибирью, но без Волги — нельзя.

Волга — внутри. Россия без Волги не может существовать; Россию без Волги не может мыслить здравый рассудок.

Россия без Волги — человек без внутренностей. Монстр. Нельзя мечтать о прямоугольнике без прямых углов; такая фигура невозможна, даже немыслима; ее можно видеть во сне. Мыслить нельзя, зато ужасаться можно.

Россия с Сибирью без Волги — это как.. Об этом можно бредить, как о превращении в таракана, как об изъятии из собственного тела позвоночника. Ну а если это наяву — это безумие. Значит, не явь, а сон, кошмар, бред, особое состояние сознания — реальность скомкана, разорвана. (Почти как у авторов «новой хронологии», которая — и новая география; то есть Волга, Днепр, Тибр и Нил — это одна река?)

Итак. Продукт бессознательного. Деньги — документ **геополитического бессознательного**: вывод не бесспорный, но оснований достаточно, чтоб не только дивиться, но и задуматься. Именно таким был и исторически недавний проект=утопия «единый могучий демократический цивилизованный советский союз».

Россия с просторами, морями, богатствами — но без помех, т.е. без истории, географии, народов, населения. Россия как великая держава вне законов природы.

Нарушение законов природы есть чудо, таково определе-

8 Проект «борьба Швейцарии за выход к морю» логичен, он не был востребован, осуществился бы — была б империя вместо Италии, Германии, Франции; Бургундия была близка, но не удержалась. Проекту морской Швейцарии было возможно осуществиться; тут малые вероятности, но отнюдь не невероятности.

ние чуда. Образ России на ее деньгах — это образ России как Империи Чуда... Если домысливать и договаривать до конца. (Такой образ — никак не аномалия, редкость или странность: именно таково видение России как Империи=Евразии у евразийцев, в том числе и современных.)

Куда как лучше бы на российских денежных знаках изобразить хоть Киев, хоть Севастополь с Константинополем; даже Иерусалим. (Нельзя не задать вопрос: уж если образ страны — образ православной державы, то почему же на банкноте с Москвой нет православного храма или даже Нового Иерусалима или Троице-Сергиевой лавры — вторых, духовных столиц России; неужели Красноярская ГЭС важнее?) Конфликт с Украиной и Турцией, даже со всем НАТО лучше, нежели выпадение из реальности и полный разрыв с ней. Имеет же Армения на своем гербе объект на иностранной территории — гору Арарат в пределах современной Турции...

Возможно, впрочем, все обстоит куда оптимистичнее. И образ не содержит скрытого объявления войны реальности. Тогда придется счесть банкноты пророчеством о будущих пределах России; Иркутск-то уже почти переехал в Маньчжурию: много разных азиатских общин, заселяется китайцами, смотрит — пусть с тревогой — на восток: наверное, таким был Харбин. И даже то, что деноминация «убрала» Владивосток. Но вот Красноярск упорно считает себя самым восточным из западных городов: восточный форпост Европы. Впрочем, китайцы не осели в Красноярске лишь потому, что их непрерывно изгоняют. Владивосток же «ушел» вместе с деноминацией; впрочем, он доступен по Севморпути, через Арктику.

Целое, данное как пять городов-фрагментов, реконструируется достаточно ясно — уж если палеонтолог только по зубу, а тут... Такое государство возможно⁹.

9 Более того, оно уже было предсказано мной в конце 1993 г. Один из предложенных тогда сценариев предусматривал сохранение «минимальной России» именно в таких рамках. См. статью «Спектр сценариев для Российской Федерации» в наст. изд.

P.S. ГЛАВНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ПОПОЛНЯЕТСЯ

Только что появились сообщения о выпуске новой банкноты достоинством в 1000 (тысячу) рублей; приводятся ее изображения¹⁰. Посмотрим, что изменило — если изменило — в образе страны введение нового города. Теперь ряд «денежных» городов выглядит так:

ЯРОСЛАВЛЬ	1000
АРХАНГЕЛЬСК	500
МОСКВА	100
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ	50
КРАСНОЯРСК	10
НОВГОРОД ВЕЛИКИЙ	5

Первое: Владивосток в образ страны не вернулся. Он украсил до деноминации купюру в 1000 рублей, что теперь соответствует 1 рублю, возможно, чтобы не напоминать о быстрой инфляции. Второе: появился новый город — Ярославль. Наверное, статья попадет в руки многих читателей раньше, чем новая купюра; за пределами крупнейших городов, несомненно, будет так, ведь еще летом нынешнего 2000 года далеко не везде видели купюру в 500 рублей, которой уже два года. Потому кратко опишу новую банкноту (дата на ней — 1997). На лицевой, главной стороне банкноты на фоне часовни памятник Ярославу Мудрому, основателю города, и небольшое изображение герба Ярославля. На оборотной стороне — изображение церкви Иоанна Предтечи. Пейзажа нет...

Ярославль логически продолжил все основные смысловые ряды образа страны, большую часть его тематизмов. Напомню: страна представляла совокупностью точечных объектов, узлов-центров территории (а не самих территорий), поселений-городов с высоким государственным (административным) ста-

¹⁰ См.: В следующем году в России появятся новые деньги // Независимая газета. 2000. 2 дек

тусом. Именно таков и Ярославль: центр региона (области), субъекта федерации РФ.

Ярославль продолжает и усиливает звучание образа России как северной лесной городской страны, великой древней русской державы-империи. Ярославль — древний крупный важный военно-государственный центр, одна из опор государственного пространства России. Он был именно «основан», создан в определенных целях, что продолжает тему российского пространства как имперски сконструированного. Ярославль возник как крепость Ростово-Суздальского княжества; был центром самостоятельного Ярославского княжества уже с XIII в., — наместничества и губернии — в послепетровское время, области — в советское время¹¹.

Ярославль никогда не был официальной столицей России; сейчас (в отличие, по крайней мере, от семи иных городов, в том числе Санкт-Петербурга и Красноярска¹²) на роль второй столицы никак не претендует. Сколько знаю, никто никогда и не предлагал сделать его столицей¹³, не выполнял он функций и столицы-дублера. Однако тематизм столичности для Ярославля вполне выражен, это явно акцентировано графической банкноты.

Во-первых, графически главный элемент образа, ядро изображения на лицевой стороне банкноты — памятник основателю города Ярославу Мудрому, великому князю Киевскому, одному из создателей Древнерусского государства; Ярославль — город Ярослава, как Петербург — город Петра. Ярославль дополняет Новгород, выступая как знак преемственности современной России от Киево-Новгородской страны; напомним: на банкноте с Новгородом изображен памятник тысячелетию России. И город Новгород, и великий князь Ярослав в модусе своего города — общие элементы древней Руси и со-

11 Города России: Энциклопедия. М., 1994.

12 Остальные пять: Екатеринбург, Казань, Нижний Новгород, Новосибирск, Самара.

13 А вот в Нижний Новгород столицу намеревался перенести П. Пестель.

временной Российской Федерации. Ярославль и Новгород латентно вводят в образ современной России **Киев**.

Во-вторых, Ярославль был центром народного ополчения К. Минина и Д. Пожарского, там заседал «Совет всей земли». Тогда получается, что Ярославль в один из ключевых моментов истории державы успешно сыграл роль временной столицы; был тем, что следует назвать **контрстолицей** (Омск также выступил в этой роли в Гражданскую войну, но неудачно). Так читается ряд: древняя (вторая) первая столица Новгород, бывшая столица и современная вторая столица Санкт-Петербург, столица Москва, временная столица Ярославль. Репрезентация страны столицами стала еще сильнее. Образ страны на $\frac{2}{3}$ определен столицами (кроме того, Красноярск весьма близок к геометрическому центру территории РФ, там муссируется идея «город — центр России»).

Ярославль — город в северной половине России, и тематизм страна=север полностью реализуется; то же самое относится и к России как лесной стране. Удачно заполняя место между Москвой и Архангельском, Ярославль делает образ охваченной территории более компактным, особенно учитывая отказ от Владивостока; но рискну предположить, что на одной из двух следующих купюр может опять появиться Владивосток.

Введение в образ страны Ярославля усиливает одни тематизмы образа за счет других. Усиление мотивов древности, северности, русской державности произошло за счет умаления значения протяженности с запада на восток (только до Красноярска), общих размеров страны и ее океанской сути. Итак, страна в своем образе осталась русской, северной и лесной, однако предстала менее протяженной и менее океанской. Существеннее, что Ярославль — первый по-настоящему **провинциальный** город в образе страны: он и находится внутри, в освоенном ядре территории — не в центре, не на периферии и не на рубеже, как все остальные «денежные» города, и по своему ландшафту — провинция в терминологическом смысле¹⁴.

14 См. раздел I наст. изд.

Рассматривая «дензнаковый» образ России, я видел его главное внутреннее противоречие со сложившимся и распространенным образом в отсутствие Волги. Теперь **Ярославль внес в образ России Волгу**. Такая возможность рассматривалась¹⁵.

Теперь взглянем на графические элементы образа Ярославля: это православные культовые сооружения, памятник российскому князю и герб (новый элемент). При всем нарастании значимости евразийских идей в обществе, образ России становится все более русским. Попробуем оценить меру трансформации образа пространства страны. Общая структура образа не изменилась, главные тематизмы стали еще отчетливее; однако он стал живее и богаче за счет введения двух принципиально важных, ранее отсутствовавших элементов — **Волги** и **провинции**. Но если бы содержание этих элементов было введено через Казань, то изменение было бы куда значительнее, что очевидно. Образ стал реалистичнее сразу в двух отношениях. Он куда более соответствует распространенным образам страны, но не за счет собственно Ярославля, а за счет связанных с ним тематизмов Провинции и Волги (хотя они удачнее передаются иными городами). Образ куда более соответствует, так сказать, самой стране, ее пространству. Образ усовершенствован, в нем в прямом смысле заполнена многозначная лакуна; Ярославль географически находится внутри многоугольника «Москва — Санкт-Петербург — Архангельск — Красноярск». Но это совершенствование путем детализации прежнего, необычного, невероятно странного образа. В целом же образ остался прежним; русская страна без инородцев и иноверцев, без своей южной, относительно густонаселенной половины.

5 декабря 2000 г.

15 «Тогда Волга в образе появилась бы через Кострому или Ярославль или Нижний Новгород, акцентировав в каждом из случаев кроме общих (Волга, пейзажи, панорама, обаяние старого русского города, через который шла русская история) и вполне понятные конкретные моменты» (см. выше).

ИДЕОЛОГЕМЫ РОССИЙСКОГО НЕОСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА*

Идущие политико-идеологические процессы, включая и соответствующий дискурс (примером чему — ежегодная конференция «Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития»), обычно оставляют без внимания сферу реализации идеологий. Внимание концентрируется на их «чистом» содержании, а главным предстает вопрос: каковы нужные России идеологии? (Предполагается, что они уже даны и лишь должны быть востребованы.) Но они актуализируются в ситуации, резко отличной от ситуации их порождения. Тогда существеннейшим оказывается совсем иной вопрос: что мы в этом случае должны знать о России? Полагаю, что дефицитными являются именно знания о России, тем более что их, в отличие от большинства идеологических схем, в принципе нельзя (да и неоткуда) импортировать. Судя по всему, Россия — совершенно особое место для идеологий, нетривиальный набор социально-политических ниш.

Здесь я намерен указать на относительно более устойчивые идеологемы, связанные с пространством, и показать, что kaleidoscope политических смыслов фундаментально укоренены в несоветском пространстве идеологемами и объективными возможностями его трансформации.

* Впервые: Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. II. М., 1995:

ПРОСТРАНСТВО И ИДЕОЛОГЕМЫ

Буду различать **идеологемы рамочные и политические**. Первые охватывают ситуацию в ее тотальности и могут не иметь собственно политического выражения и сопровождения. Вторые соотносятся с политической жизнью внутри рамок ситуации и наделяются весом и смыслом в соответствии с ее конкретными конфигурациями. Можно сказать, что рамочные идеологемы структурируют политическое поле, а собственно политические — функционируют («живут») на этом поле согласно с правилами и возможностями, задаваемыми его структурой. Основное утверждение: все рамочные идеологемы носят пространственный характер, а собственно политические идеологемы имеют пространственное измерение или трансформируются конкретикой ситуации пространственных рамок.

Один из факторов политико-идеологической динамики и источников объяснения ее противоречивости — взаимодействие между рамочными и политическими идеологемами, часто принимающее форму конфликта между пространственными рамками и условиями реализации собственно политических идеологем и ими как таковыми. Причем этот конфликт не может быть понят на уровне выведения всех идеологем исключительно в сферу политики. В тотальном советском обществе=государстве пространственная организация универсальна; от нее не может быть «отделена» социальная, экономическая или политическая структура¹.

Пространственность политически-событийных идеологем последнего десятилетия достаточно очевидна. Политической проблемой была организация пространства. Основной проблемой реальной политики периода перестройки была региональная (ре)организация пространства (по крайней мере, после краха собственно «реформы СССР»). Расшатывание

1 Подробнее см.: *Каганский В.Л.* Советское пространство: конструкция, деструкция и трансформация // *Общественные науки и современность.* 1995. № 2, 3; а также статьи в разделе II наст. изд.

роли Центра, чем бы оно ни объяснялось, приводило к активизации регионов. На своеобразном рынке (игротекке) идеологем сменяли и дополняли одна другую конкурировавшие идеологемы реконструкции системы регионов: республиканский и региональный хозрасчет, экономический суверенитет, новая федерация, союзное государство, союз государств и пр. Все идеологемы перестройки были явно пространственны, либо пространственный аспект этих идеологем просвечивал очень отчетливо. В последнее время к ним добавились идеологемы империи.

ЛАТЕНТНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ

Принято считать, что тематизм пространства, вторгаясь в идеологический спектр, лишь трансформирует (дополняет) его. Вряд ли это так. Любая политическая стратегия (доктрина) либо прямо ориентирована на создание той или иной политико-пространственной конфигурации, либо предполагает такую конфигурацию для своей реализации, либо трансформируется в конкретной конфигурации для реализации. Во втором и третьем случаях участвуют латентно-пространственные идеологемы. Приведу ряд примеров.

Очевидно, что коррелятивная (парная) региональному хозрасчету идеологема полного хозрасчета предприятий могла быть реализована и даже артикулирована во вполне определенных условиях. Хозрасчет (самохозяйствование) предприятий требует как условия осуществимости единого, экономически пронцаемого (но децентрализованного) пространства. Однако децентрализация, как известно, была возможна только центральной регионализации, причем регионы выступили как хозяйственные субъекты, склонные контролировать предприятия. Это пример того конфликта, о котором выше шла речь. Понятно и то, что крупнейшие союзные предприятия с непреложно-

стью, задаваемой реальностью, вынуждены были принять и поддерживать идеологемы, позже понятые как имперские.

Можно сказать, что в рассматриваемом аспекте внутренняя неразрешимость задач перестройки состояла в попытках по отдельности менять пространственные и политические рамки и реорганизовать структуры внутри тех и других, тогда как иллюзорным было наличие двух разных типов рамок и тем более их независимость. В значительной степени эта ситуация и характер ее восприятия политической элитой сохраняется до сих пор.

Вся идеология модернизации (реформ) кажется сугубо внепространственной. Однако ее пространственная пресуппозиция — универсальное пространство, структурированное схемой 'центр—периферия', между блоками которой и идет трансляции смыслов, технологий и пр. Перевод политически нейтральных пресуппозиций на иной язык приводит к утверждению о несущественности специфики страны и ее неизбежной зависимости от внешнего центра. Иными словами, принятие схемы 'центр—периферия' как неперемennого скрытого фундамента установки на модернизацию влечет за собой допущение только двух возможных мировых пространственных позиций — периферии и изолята. Такая артикуляция делает известный конфликт совершенно неизбежным. Однако это лишь схема, ее единственность и релевантность сомнительны. Если взять схему более богатую (например, 'центр—провинция—периферия—граница'), то привилегированное положение центра и однозначность модернизации сменятся на более богатую картину, где модернизация будет одним из многих процессов, а иллюзия односторонней зависимости исчезнет.

Либерализм как суперидеология внепространственен и «безразмерен». Но и он латентно пространственен, хотя эта связь менее очевидна. Личность, мыслимая либерализмом высшей ценностью и фундаментальной реальностью действия, может быть таковой лишь в абсолютно правове и политически изотропном и однородном пространстве, лишенном

однозначной расчлененности. Тогда, учитывая политическую реальность, либерализм как собственно идеология предстает реализуемым в рамках (во многих смыслах) империи как структуры. Либерализм оборачивается империализмом. Вот и пример намеченной выше странной ситуации, когда рамка реализации оказывается сугубо пространственной и более чем серьезно трансформирует исходно внепространственную политическую идеологию.

Если же искать реализаций идеологием либерализма на пути выявления реального субъекта, способного к либеральному модусу действия, то им окажется отнюдь не личность. Здесь и теперь возможен лишь, по-видимому, «либерализм институтов»². Причина обеих кошмарных деформаций канонического либерализма состоит в том, что в условиях современной России нет никакого единого свободного правового пространства, этой непреложной пресуппозиции классического либерализма. Идея либерализма — независимо от ее содержания, ценности и увлекательности — приживается на нынешней политической российской почве лишь ценою таких трансформаций, каковые, по-видимому, ее просто обесмысливают. Более общий вывод: пространственно свободных политических идеологием сейчас в нашей стране просто нет.

Существенно, что прагматически эффективными могли оказываться не собственно чисто пространственные идеологии, но квазиидеологии, бывшие условиями либо последствиями реализации, казалось бы, сугубо внепространственных политических практик. Так, прямая реализация идеологии единой унитарной державы (контррегионализм и контрсепаратизм) оказалась, как мы знаем, совершенно неэффективной в условиях конца СССР. Если какая-то из политических практик и продемонстрировала свой пространственно-интегративный потенциал, то это реформы, освобождавшие рынок (вообще институциональную сферу), т. е. гомогенизирующее институциональное пространство.

2 См.: *Каганский В. Л.* Указ. соч.

В свою очередь, идеологемы, названные рамочными, или пространственными, также имеют латентный компонент. И если нет собственно политических идеологем, не имеющих пространственных коннотаций, пресуппозиций или с ними сцепленных неявных пространственных идеологем, то и сугубо пространственные идеологемы имеют политическое измерение. В настоящее время на территории бывшего СССР отчетливо обособляются и поляризуются два типа политических практик, хорошо индицируемых как раз отношением рамочно-пространственных и политических идеологем.

В первом типе, доминирующем на большей части территории, разные идеологемы и процессы, ими манифестируемые, остаются сцепленными и частью инвертированными. Собственно политика не обретает себя как сфера в определенном смысле внепространственная, поскольку идет перманентный процесс смены пространственных рамок реальной политики. Однако политика в Центре служит мотором этой смены (регионализации) и процесс носит самоподдерживающийся характер.

Для второго типа характерно, что пространственные рамки либо устоялись, либо отделились от политики (устойчивость внешних границ и инструментальный, а не политический характер трансформации внутренней пространственно-институциональной структуры).

РЕГИОНАЛИЗМ: МЕТАИДЕОЛОГИЯ И ПОСТИДЕОЛОГИЯ

Система рамок ситуации может быть устроена так, что политические идеологемы оказываются сугубо инструментальными, а рамочные идеологемы берут на себя их базисные функции. Специфика российско-неосоветской системы идеологических ниш заключается в инверсии рамочных и политических идеологий. Ярче всего это выражается в регионализме как своеобразном метаидеологическом пучке. Под регионализ-

мом здесь понимается комплекс политико-идеологических дискурсов и практик, по цели ориентированных на реализацию интересов регионов и/или региональных элит (того, чем они представляются этим элитам). Замечу, что в современных условиях глубоко регионализованной страны именно регионализм — точнее, взаимодействия спектра регионализма и соответственно дополнительного им контррегионализма разного типа — основная сфера реализации политик и идеологий.

В этой ситуации для политики как таковой нет места, функциональной ниши. Структурное и функциональное подобие регионов приводит к подобию (почти тождественности) их интересов и «программ», что обычно невозможно: политические субъекты (силы) заведомо нетождественны целям и программам. Регионы — политические субъекты ситуации без политики. Известно: поведение регионов почти не зависит от политической ориентации и происхождения их властей. Различия стратегий регионов значительны, но в существенной мере обусловлены полнотой их структуры, возможностью ее достройки до полной либо возможности компенсации этой неполноты (союзы и др.), текущей ситуацией и т.д. Конструкция региона обязывает его к аполитичности. Коммунисты, демократы, технократы, националисты, стоящие у власти в регионах, ведя себя чрезвычайно сходно, обесмысливают эти политические идентификации. Регионализм перерабатывает собственно политику. Но тогда регионализация — механизм деполитизации и деидеологизации.

Проводя самообосновываемую данностью материала региона политику интересов (а не программ), регионы для ее обеспечения (манифестирования, декорирования, получения поддержки, внешней легализации, маскировки и пр.) используют в инструментальной функции почти любые «обоснования», пригодные для указания на восстанавливаемую при регионализации «справедливость», на самом деле состоящую в «дефиците статуса». Такие обоснования весьма эклектичны, фрагментарны, противоречивы и т. п. Например, одновременно

используются ссылки на погрязшие в пространстве СССР права, нарушение равенства регионов, их традиционные льготы, прежнее привилегированное положение, апелляции к любым историческим периодам, эпизодам и пр. (ср. идентификацию Турции Ататюрка с Хеттским царством и культурой). В идеологических комплексах регионализма фрагменты любых идеологий (не только их) практически свободно сочленяются исходя из доминирования прагматики над содержанием.

Регионализм — метаидеология и метаполитика неразборчивости, очевидно чреватая региональным шовинизмом и ксенофобией (широко наблюдается), в чем явна преемственность с идеологической практикой СССР. Существенно, однако, что посредством регионализации коммунизм (социализм) как идеология и практика обесмысливается и разрушается, причем в значительной степени деятельностью самих (бывших) носителей этой идеологии³.

Тогда регионализм — постидеология. В «идеологии» регионализма причудливо сочетаются деформированные и частью инвертированные фрагменты национализма, экологизма, социализма, технократизма, постиндустриализма, консерватизма, сепаратизма, шовинизма etc; менее всего — регионализм в собственном обычном смысле. Использование любых идеологических концептов и их фрагментов, инструментальность априорно ценностно фундированного, произвол комбинаций, склонность к инверсии символических позиций (инверсии ролей Центра и регионов и пр.) и многое другое делают регионализм «идеологией» постмодерна. Впрочем, в мировых культурных координатах иначе и не определить хронотоп современной России. Учитывая, что регионализация — фрагментаризация не только пространства, но и времени, диверсификация судеб регионов, обилие символических и функциональных анахронизмов и полихронизмов, свобода (произвол) в обращении с культурно-политическими образцами,

3 См. статью «Россия как ситуация исследования и понимания» в наст. изд.

смещение и взаимные замещения дискурса и действия etc, она и постмодернизм в действии. Постмодернизм нынешней геополитической ситуации России — и в принципиальной многогранности ситуации.

В ситуации регионализма любые семантико-политико-идеологические клише начинают жить новой жизнью. Свобода, справедливость, равенство, собственность etc — это уже предикаты субъектов, которыми являются пространственные фрагменты бывшего советского целого. Ранее я выдвинул интерпретирующую гипотезу «буржуазной революции регионов», однако постидеологический характер регионализации в сочетании с ее тотальностью позволяет в принципе говорить о либерализме, социализме, анархизме etc регионов.

В каком-то смысле самобытность идеологической ситуации современной несоветской России и задается не проясненным, а потому и непреодолимым конфликтом идеологем, часто одноименных, но укорененных в совершенно разных пространствах — в наборе регионов и возникающем (частью фантомно) в их зазорах собственно обществе. Стоит отдавать себе отчет, что реальна ситуация конкуренции одноименных идеологем, носителями которых являются разные пространственно субъекты (вышеописанный казус либерализма — пример взаимодействия собственно либерализма и либерализма регионов).

19 января 1995 г.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИЛЛЮЗИИ И ОПАСНОСТИ*

Современное российское пространство — сфера, почти полностью мифологизированная и мистифицированная; по мере обветшания одних мифов они заменяются — или дополняются — другими, новыми.

ВОЗМОЖНА ЛИ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

Не давая определения региональной политики, укажу ядро понятия, имея в виду региональную политику в нормальном случае. Региональная политика — комплекс или система действий государства. Сфера действия региональной политики — вся территория государства в пространственном аспекте. Региональная политика — взаимодействие структур разных статусов. Региональная политика целеориентирована, цели могут быть неявны, но есть способы судить об их достижении. Эти цели состоят в трансформации некоторой естественной, спонтанной ситуации; региональная политика — форма пространственного конструирования. Региональная политика — государственная политика, реализуемая вне институциональ-

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Фонда Маркуров.

ных пределов государства, применительно к не-государству. Объект региональной политики — широкая комплексная сфера, существующая безотносительно, но мыслимая как целое лишь в связи с региональной политикой; эта сфера — не государство и им непосредственно не управляется.

Отсюда требования к объекту региональной политики. Объект (объекты) региональной политики должен быть структурно организован на основе закономерностей, но должен иметь достаточную степень свободы, не будучи жестко детерминирован, иначе региональная политика невозможна. Этим объектом, сегментом реальности невозможно прямо управлять, иначе региональная политика вообще не нужна. Объект региональной политики должен быть достаточно пластичен. Региональная политика возможна, если в сфере косвенного государственного регулирования пространство — некий автономный (автономизируемый) предмет, сегмент реальности.

Чтобы региональная политика была возможна, государство должно быть и признаваться эффективным инженером пространства. Региональная политика достаточно долговременна, что требует устойчивости институтов и стабильности рамки ее реализации. Региональная политика осмысленна как реализация долгосрочных устойчивых интересов в устойчивых условиях.

КАКОВА ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ НИША РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НЫНЕШНЕЙ РФ?

Состояние нашего пространства обычно мыслится двумя полярными мифами. Либо пространство полностью пластично и подвластно, а его изменения — результат волевых акций, проектов, целенаправленных планов и пр. Либо, напротив, реальность полностью детерминирована. Оба взгляда не оставляют для региональной политики никакого места.

Представая сложно-хаотичным, пространство существенно детерминировано. Структурная детерминация означает,

что состояние, способы трансформации и траектории будущего объекта обусловлены его структурой. Здесь это советское пространство, сконструированное, но вживившееся в реальность и частью оестествившееся в ней. Налицо огромная структурная инерция, предопределяющая не столько конкретные события, сколько набор возможных событий и тенденций. Медленно растрачивается проблемно-структурное наследие, доставшееся РФ от СССР, и пока масса инерции не снизится до некоторого уровня, многие процессы и состояния останутся исключительно потенциальными.

Структурная детерминация задает те сферы реальности, где бушует спонтанная событийность; реальность в разных планах (масштабах, горизонтах) одновременно детерминирована и спонтанна, процессы в разных масштабах разнонаправлены (дезинтеграция на уровне РФ и интеграция на иных уровнях и пр.). Такая детерминация обуславливает доминирующую роль именно институциональных регионов в организации пространства (и политики) и поразительную однотипность набора территориальных конфликтов внутри всех регионов.

Узнать истинное состояние экономики можно было, только либерализовав ее; выяснить истинную картину пространства можно будет, лишь дав ей проявиться. (Приватизация — мощный механизм не только демифологизации, но и «рождения» реальности.) Пока этого не произошло, и пространство пребывает в особом состоянии: смесь инерции, бунта и хаоса; коллаж теней исчезнувшего, потенциального и существующего. Пространство нельзя изучить эмпирически — эмпирия здесь не дана; обилие противоречивых и странных эмпирических работ по этой теме — тому подтверждение. Наше пространство — неотделимый аспект общества=государства¹. Тотальной пригнанности регионов уже нет, спонтанной самореализации — еще нет. Слишком многое в пространстве

1 См.: *Каганский В.Л.* Советское пространство: конструкция, деструкция и трансформация // *Общественные науки и современность.* 1995. № 2, 3; *Кордонский С.* Рынки власти. М., 2000.

латентно и неявлено; в этом прежде всего виновато государство, его судороги в пространстве. Пространство как таковое, как особая реальность — не существует!² Однако такая тенденция пробивается — это самореализация пространства. Реальный объект региональной политики у нас таков, что для него региональная политика просто невозможна. В нашем пространстве есть ниша лишь для столь тонкой региональной политики, на которую вряд ли способны структуры Центра. Технологии власти, связанные с ментальностью, традициями и пр., меняются медленно.

Региональная политика реальна в стабильном, устоявшемся государстве, которое «знает», чего хочет и что может. РФ не такова. Она не имеет демаркированных признанных границ, включает спорные территории; имеет большую, вынесенную далеко вовне погранзону. Статус многих смежных территорий представляет серьезную проблему. Присвоение Центром Российской Федерации советского наследства не завершено и встречает все большие трудности. Существенные, стратегически важные объекты РФ находятся вне ее территории, их статус недоопределен. За примерами ходить далеко не надо: космодром Байконур — в Казахстане, радиолокационные станции — на Украине, в Белоруссии и т.п., не говоря уж о прочих военных базах. Т. е. РФ еще не сформировалась как государство ни внешне, ни внутренне, если часть территории — предмет военного конфликта, а атрибуты Центра — предмет торга с регионами. Институциональная структура пространства — сфера сложной интерференции процессов деструкции, реконструкции, самосборки, реставрации, приватизации etc.

Нестабильность РФ (СССР—РФ) носит хронический характер, поскольку ее причины фундаментальны. Имеет место альтернатива: данное нестабильное пространство (РФ в ее нынешних границах и структурном обустройстве) — или пространство стабильное, но иное. Если приоритетом станет

2 См.: *Кордонский С.* Указ. соч.

стабильность, то доминантой пространственной политики — обустройство стабилизируемого общества и государства. При нестабильности региональная политика невозможна, в ходе стабилизации — малозначима. Альтернативу можно сформулировать и так: конструирование такой страны, в которой была бы нужна и осмысленна региональная политика, или спонтанная трансформация пространства страны, когда региональная политика не нужна и бессмысленна.

Нестабильное слабое государство, однако, не перестало быть тотальным в своей глубинной сути. Всякое место в пространстве по-прежнему есть универсальный статус. Разграничение «государство/не-государство» — не очевидная данность, а размытая, фрагментированная, изменчивая граница, предмет конфликта и торга. Однако региональная политика требует четкости такого разграничения. Ныне идет скорее деление государства на микрогосударства, чем отделение от государства пространственных структур, экономики etc.

Стабильность государства — четкий консенсус всех составных частей, вариант оптимума по Парето: все партнеры при общности норм не могут улучшить свое положение за счет других. Такова этическая пресуппозиция региональной политики. Региональная политика не может проводиться силой и/или при удержании территорий силой. Замороженная деколонизация, подавленный сепаратизм ей противопоказаны.

Итак: в нынешней РФ региональная политика невозможна.

ЕСТЬ ЛИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СВОЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА?

Но она есть. Существуют группы, заинтересованные в ее проведении и/или прокламирующие ее необходимость. Разные сегменты Центра порой активно воздействуют на подвластное ему пространство, со стороны разных фрагментов которого есть как спрос на такие воздействия, так и сопротивление им

(напр., регионально-отраслевых концернов). Но вопрос — в ином: существует ли интегрированная сфера действий Центра, его функциональный блок, система или комплекс институтов, которые можно отождествить с региональной политикой? (Или даже несколько таких блоков?)

Если на территории РФ идет одновременно как сборка государства, так и его спонтанная децентрализация, а сферы территориальной и функциональной компетенции государства не определены, то маловероятно выделение сферы региональной политики как автономного политического сегмента. Такого внутренне интегрированного сегмента политического рынка нет. Я не наблюдал его и при исследованиях во многих регионах: приходящие туда импульсы разных структур Центра противоречат друг другу. Скорее ровно наоборот — пространственно-политическая событийность образует столь неразрывный континуум, что блок «региональная политика» заведомо не вычленим. Экономическое положение регионов, к примеру, куда сильнее зависит от курса рубля и цен на энергоносители на мировом рынке, не говоря уж о пропорциях раздела налогов или соглашениях о разделе продукции. Структурно-территориально и политически-функционально даже внешняя/военная и внутренняя/региональная «политики» не только не расчленены, но перепутаны. Наблюдая хаотические действия государства в пространстве, приходится признать: нет даже «политики» с целями стабилизации, интеграции и витализации государственного пространства. Не подтверждается существование отчетливой региональной политики и какими-либо другими, апространственными, политиками.

То, что представляется и именуется региональной политикой, таковой, по сути, не является. Очевидная важность отношений 'Центр — регионы' кажется иным симптомом ее пустующей ниши: регионы — главные комплексные субъекты, основные рамки, где устанавливаются отношения власти—собственности—права; поведение регионов — острый сюжет,

основа пространственной динамики; взаимодействие сегментов Центра (регионов фазового политического пространства) и регионов территориального пространства — основа политики. Но при чем же тут региональная политика? Могут ли важные перемены погоды доказать необходимость метеорологической политики?

Итак: в широком смысле региональной политики как политической отдельности в Российской Федерации нет. Вся и всякая политика тотально пространственна, но это почти не рефлектируется; пространство у нас — политическое бессознательное, даже иррациональное политическое тело.

А ЧТО ЖЕ ЕСТЬ?

В условиях углубления регионализации, усиления полимасштабности пространства какую-то пространственную политику ведут многие сотни, если не тысячи, субъектов, у которых есть локализованные интересы и цели. Сейчас взаимодействуют территориальные регионы шести уровней: Центр, федеральные города-регионы (Москва и Петербург), регионы, центры регионов, вторые города регионов, закрытые территории (ЗАТО); в ходе работы над статьей прибавились еще и «федеральные округа». Среда этих регионов — поле региональной политики — является конкурентной и даже квазирыночной.

Фрагментированный Центр ведет массу частных, фрагментарных региональных «политик»; они непоследовательны, конъюнктурны, неэффективны. Надрегиональный Центр считается только с сильными регионами, в чем бы эта сила ни проявлялась. Регионы для Центра не партнеры, а вассалы или противники. Власть Центра проявляется странно: регионы бомбят, подкупают, уговаривают, рекламируют, перед ними заискивают, наделяя фиктивными и реальными статусами. Но ведь с подвластным себе не торгуются; со своими собственными частями не воюют.

НУЖНА ЛИ РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
РЕГИОНАМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ?

Согласно расхожему мнению, региональная политика жизненно необходима именно в Российской Федерации; аргументы про известны. Региональная политика: монополюный субъект-государство формирует районы и/или присваивает им статусы; внешние схемы важнее внутренних, Центр ранжирует и классифицирует регионы по основаниям, им чуждым³. Это разновидность управления районами. Однако уже прошла, стала обыденностью и постоянно углубляется «буржуазная революция регионов», манифестировавших политическую волю и интересы, ставших мощными игроками на том поле, что мыслится в Центре пассивной сферой реализации доктрин и акций. Страна уже регионализована, новые рамки жизни, целеполагания, решения проблем сложились и притираются друг к другу. Вторжение региональной политики, как она понимается Центром, будет противоестественной акцией, новой административной агрессией.

Суверенизация регионов — компонент процесса спонтанного автодемонтажа общества=государства; региональная политика должна будет повернуть время вспять. Идет институциональная революция; **региональная политика — институциональная контрреволюция**. Предлагаемая региональная политика и мыслится как реакция на регионализованность пространства РФ, как ответ государства на вызов регионов. Региональная политика как борьба с тем, что уже есть и вошло в жизнь, заведомая дестабилизация, причем, скорее всего, в результате Центр будет дестабилизирован в большей степени, нежели регионы. Стоит лишь вспомнить результаты лихорадочной региональной политики в последние годы существо-

3 См.: Лившиц А. Я., Новиков А. В., Смирнягин Л. В. Концепция региональной стратегии России. М., 1995.

вания СССР. Доведя до логического предела политику сегодняшнего Центра РФ, мы увидим Центр без регионов.

Сама артикуляция программы региональной политики уже является дестабилизирующей акцией. В понятиях теории хаоса, региональная политика, какой она и декларируется и является, явно **генератор хаоса**; спонтанные процессы создают некий новый порядок (хотя жестко, дорого и медленно), а искусственные вторжения лишь ломают его.

Есть немалый спрос на региональную политику как государственное попечительство о бедных регионах. Видимо, этот спрос предъявляют исключительно те регионы, что не разорвали еще пуповину с прежним регионально-консолидированным пространством, не могут сбалансировать регион; обладают на своей территории стратегически важными для Центра компонентами и ресурсами; имеют слабые позиции в административной конкуренции с соседями; опасаются внутри региона экономического сепаратизма (напр., так называемых вторых городов); надеются выиграть на многоаспектности собственного положения на периферии РФ и рядом с иными странами; наконец, те, которые спутали региональную политику с подаванием на бедность.

Региональная политика — никак не способ решения проблем регионов. Региональная политика делается «собесом регионов». Финансовая помощь для региона — очередная доза на «поправку», а не долгосрочная санация территории. Существующий административный рынок, позволяя использовать статус типа депрессивного региона, благоволит богатому и сильному, а вовсе не действительно нуждающемуся в помощи. Известен казус Ивановской области, имеющей статус «депрессивного региона»; на деле же получение и использование этого статуса — часть стратегии региона. Механизм региональной политики может и будет использован регионами (иными структурами), находящимися в достаточно благоприятном положении. Мощная региональная политика способна лишь усугубить и даже породить новые территориальные проблемы.

Все остальные виды помощи сводятся к конструированию и реализации проектов. Однако территория такова, что существенное знание о ней неотделимо от нее, не формализуемо, не централизуемо и не технологизируемо... Единой объективной процедуры (алгоритма) фиксации, например, депрессивных регионов и/или программы помощи и/или регионального развития быть не может, поскольку регион — равно предмет и позиция, основание целеполагания⁴. Решение проблем региона может быть исключительно результатом его активности как субъекта.

Региональная политика — машина экспансии государства и подавления региональных субъектов. Региональная политика заведомо увеличивает функциональный размер государства, усиливая в нем уровень Центра. Любая региональная политика концентрирует смыслополагание в Центре, тогда как для витализации полумертвого советского пространства необходимо сбалансированное взаимодействие многих территориальных уровней. Региональная политика — наделение территорий особыми государственными статусами на основе единых стандартов, но сейчас идет как раз диверсификация территорий. Независимо от конкретных механизмов и институтов, региональная политика, в сущности, представляет собой особую форму социализма с его доминантами антиестественного всеобщего порядка, равенства и распределения — **регионал-социализм**.

Региональная политика куда опаснее, чем другие социальные политики: пространство устроено так, что процедуры выделения тех или иных проблемных регионов могут при достаточном объеме этих процедур охватить практически все пространство, хотя по смыслу региональная политика селективна. Дело в том, что регионы можно выделять по разным основаниям, каждый раз охватывая территорию часть за частью; части пересекаются. Представим условный пример. Вначале в

4 См. статью «Региональная аналитика и видение регионов» в наст. изд.

качестве регионов-клиентов выступят приграничные, далее — старопромышленные, глубинно-периферийные, приморские, горные, северные и столичные. Уже на этом этапе охвачена вся территория РФ; а ведь, строго говоря, есть основания для государственной поддержки всех этих групп регионов.

Коль скоро все статусы, наделение которыми территорий и представляет собой региональная политика, имеют значительную ценность, то региональная политика — источник массивированной коррупции, суть которой не изменится от маскировки под лоббирование регионами своих интересов. Будучи реализована, региональная политика превратится в еще один канал административного торга, в принципе инфляционный и коррупционный.

Итак: государственная региональная политика вредна и опасна!

А ЧТО ЖЕ НУЖНО?

Региональная политика осмысленна исключительно как негативная метарегиональная политика. Адекватная сегодняшней ситуации стратегическая задача состоит в преодолении и разрушении сохраняющейся склейки государства и пространства. Именно она и породила тот клубок мощных и острых проблем, которые ныне предстают как предмет «новой региональной политики» и якобы разрешимы ею. Самые очевидные: провоцирующая сепаратизм структура государства, вживленного в общество; территориально-статусная стратификация и сегрегация; сверхдеформированная региональная экономика и фрагментированный культурный ландшафт; доминирование моноотраслевых экономически и экологически уязвимых поселений. Региональная политика — это попытка реанимации внешних, искусственно сконструированных пространственных отношений, которые в целом дисфункциональны. (В теории игр есть класс игр с ненулевой суммой: сумма выигры-

шей и проигрышей не равна нулю. Отношения в советском пространстве — игра, где суммарный выигрыш отрицателен.)

Страна еле-еле выбирается из гиперсистемы, где само положение в пространстве было сильным государственным статусом. Крах СССР был предрешен именно огосударствлением его пространства. Нужна не региональная политика, а программа демонтажа государственного пространства: не-государство должно проводить по отношению к государству жесткую политику, главной целью которой является деэтизация пространства.

Метазадача осмысленных конструктивных действий в этой сфере — освобождение пространства от государства, **отделение пространства от государства**, своего рода «приватизация пространства», подобная освобождению экономики от государства. Подчеркну, что такова и реальная тенденция. Именно поэтому подобная метарегиональная политика имеет шанс на успех, действуя как дополнительный фактор ускорения спонтанного процесса и управления им именно в таком качестве. Пространство должно быть настолько отделено от государства, чтобы в территориальной событийности возобладало пространственное (региональное) саморазвитие.

Реальность предлагаемого, к сожалению, маловероятна. Огосударствление российского пространства гораздо старше социализма. Образно говоря, Россия в своем политическом бессознательном постоянно стремится к состоянию нестабильности. Но уже проявляется культурная диверсификация регионов по мере срезания советского пласта. Возможно, ряд регионов сможет как-то оградить себя от этой новой напасти — региональной политики. Разработка инструментов **защиты регионов от государства**, в частности, и от региональной политики и механизмов осмысления, прогнозирования и смягчения, придания смысла неизбежным государственным акциям в регионах — очень важная сфера социальных и интеллектуальных усилий. Пока это государство существует, есть необходимость его приручать.

Необходимость в функциях региональной политики прямо пропорциональна размеру соответствующей страны или пространства и их централизованности. Зависимость разнообразия территории от ее размера в принципе носит также прямой характер. Вероятность спецификации некоторых фрагментов территории тем самым зависит от размера. Большое пространство многоуровнево, и в нем существенна проблема коммуникации (координации) разных пространственных уровней. В большой разнообразной гиперцентрализованной с нечеткими частями и мало укорененным населением стране спрос на региональную политику может быть очень велик. Такова РФ. Но при определенном сочетании размера и децентрализованности государства и/или общества такая нужда отпадет сама собой. Спрос на региональную политику (объем ее функциональной ниши) — величина неаддитивная; возможное становление на месте РФ десятка государств⁵ снизит этот спрос на порядки, а региональная политика станет не нужна.

Необходимость особых функций и механизмов интеграции пространства не вызывает сомнений; функциональная ниша для аналога региональной политики действительно существует. Но в современной политической математике государство — лишь гипотеза, что надо доказывать. Государственный статус любых пространственных акций должен быть доказан, а перед этим следует доказать, что никак иначе проблемы не решаются, а потом еще и доказать, что наличие государственной региональной политики будет эффективно по отношению к издержкам. Неуместное решение немалого числа проблем гораздо хуже, чем их существование.

Спрос (часть спроса) на региональную политику порождается замороженной административной структурой пространства; проблемы порождаются подавлением трансформации, спонтанной самоорганизации пространства. Испытывающие

5 См. статью «Спектр сценариев для Российской Федерации» в наст. изд.; а также: *Яковенко И.* Распад России как предмет осмысления // Независимая газета. 1999. 10 нояб.

трудности регионы были (отчасти) функциональны в определенных условиях; очевидно, что при изменении условий должна начаться перестройка этой структуры на основе самоорганизации. Случаи передачи административных районов от одной области другой — первые симптомы трансформации; но привлекли они поразительно мало интереса. Почему? Ранее я высказывался категорически против изменений административно-территориального деления, видя в них прежде всего дестабилизацию ситуации⁶. С тех пор произошли серьезные изменения, и без множества «изменений административно-территориального деления снизу» глобальный кризис пространственной структуры не преодолеть.

Только отсутствие воображения и профессионализма, эгоизм и конформизм мешают многим понять, что идущая грубая и жестокая спонтанная приватизация пространства — единственная реальная альтернатива государственному пространству и региональной политике как его элемента. Регионализация — лишь компонент и начальное звено процесса, логическое завершение которого — «минимальное государство», т.е. государство, сохраняющее за собой лишь судебные функции и монополию на применение насилия⁷; его формы могут быть весьма разнообразны.

Если функциональная ниша региональной политики состоит в обеспечении взаимодействия территорий, а оно носит квазирыночный характер, то должно мыслить рынок, куда выйдут регионы, чтобы получить услуги, проекты развития, инвестиции и мн. др. Принципиально, что функции региональной политики тогда будут реализованы вне государства. В этом случае регионы как квазигосударственные институты выступят на рынке, где будут конкурировать разные механизмы региональной политики. Приватизация функций региональной политики — это и постепенная приватизация институтов государства путем погружения их в конкурентную среду.

6 См.: *Каганский В.Л. Ломать — не строить // Век XX и мир. 1991. № 4.*

7 См.: *Либеральная хартия // Сегодня. 1993. 23 февр.*

Регионы скрыто, но жестко конкурируют между собой; это нужно легализовать. В отличие от государственной региональной политики, реализация которой, даже при локальной эффективности, увеличивает зависимость регионов от Центра и роль государства, альтернативная региональная политика будет размывать государственную структуру регионов. Активность регионов демонтирует сеть зависимости, но неизбежна перестройка уже не сети, а ее узлов-регионов.

* * *

Региональной политики в Российской Федерации нет; ее и быть не может. Региональная политика опасна и вредна, особенно здесь и сейчас. Осмысленная альтернатива государственной региональной политике: освобождение пространства от государства и территориально-структурно стабильное малое государство. Даже при сращенности «общество=государство=пространство» пространственная самоорганизация была сильна; надо дать ей шанс. Хуже не будет!

СЕМЬ РАЗ ОТРЕЖЬ!

Статьи обдумываются медленно; власть действует быстро. Заклинания государственников сбылись. Государство стало себя укреплять, себя, а не страну; впрочем, различают ли страну и государство? Ввели и пропагандируют семь федеральных округов. Семь раз отрезали...

То, каковы эти округа, что с ними и в них происходит, — прекрасная иллюстрация к сказанному выше. Я бы и сам счел предшествующий текст комментарием апостериори к административно-государственной реформе, но первая версия статьи была опубликована значительно раньше⁸. Не буду здесь

⁸ См.: *Каганский В.Л.* Региональная политика Российской Федерации как проблема // *Этика успеха*. Вып. 7. М.; Тюмень, 1996.

ничего говорить о конституционно-правовых вопросах, федерации и федерализме и пр., скажу о вещах более простых.

Начнем с того, что создание федеральных округов — крупнейшее и важнейшее после роспуска СССР действие в пространстве, крупная реформа, целенаправленная акция государства; в отличие от роспуска СССР, это не следование за происходящими событиями, а воздействие на них, инициатива. Однако эта «реформа» — не столько государства, сколько реального пространства обыденной жизни. Это крупное публичное действие, лишенное обоснования и истолкования. Обоснование числа округов, их состава, границ и столиц, связь сети округов с их полномочиями, причины огромных различий самих округов по главным параметрам — все это было только предметом сплетен и мнений. Власть приняла решения, которые могут оказаться стратегически важными и иметь очень долгосрочные последствия (а если и не долгосрочные, то дорогие непременно); в нашей стране такие временные решения могут держаться десятилетиями.

Компромиссы и вообще скороспелые решения в ходе Гражданской войны и внутривластной борьбы большевиков в 20-е годы предопределили границы постсоветских государств, более того — конструирование титульных этнических общностей и формирование самих этих государств. Мы все еще живем в пространстве, созданном лихорадочной активностью большевиков по временному обустройству захваченной территории (современная этническая и политическая карта половины Евразии могла бы быть совсем иной).

Нынешняя власть не удостоила общественность разъяснениями. Средства массовой информации проявили не меньшую безответственность и некомпетентность: почти все внимание привлекли персоны наместников, а не смысл акции.

Сколько можно понять невнятные указы касательно федеральных округов, введение такого экстраординарного института преследует цели интеграции правового, экономического и культурного пространства страны, восстановления единого

правового пространства, реализации прав граждан на равенство перед законом, усиления эффективности и целостности государственного управления, сокращения коррупции; не говорилось прямо, но подразумевалось, что это также анти-сепаратистская мера. Какие бы реальные цели создание сети федеральных округов ни преследовало, само действие осуществлено так, что последствия будут заведомо иными.

Восстановлению единого экономического пространства ломка сложившихся связей и появление новых государственных рычагов воздействия на экономическую жизнь не пойдет на пользу; экономика опять потратит время и другие ресурсы на подстройку к новой административной структуре. Всякая новая государственная структура — усиление регулирования, увеличение регламентации, осложнение деятельности, источник коррупции. Потоки государственных решений и финансовых ресурсов начали менять траекторию, стали длиннее и извилистее. Насколько известно, государственные предприятия начинают активно перестраиваться под новую структуру; логика административного пространства приведет к обрастанию округов плотью собственности; уж не сосредоточат ли в округах управление государственными пакетами акций?.. Округа выделены, созданы, сконструированы, официально санкционированы, начинают внедряться как элементы некоторой реальности, формируют онтологическую картину; всяк полпред единство своего округа хвалит. Дело уже дошло до анекдотического. Государственные предприятия в сфере геодезии и картографии теперь будут картировать страну именно по округам; похоже, что скоро история будет изучаться уже по федеральным округам, а география уже изучается; авторы переписывают учебники, структура курсов пересматривается. Такая реакция была совершенно предсказуемой и очевидной. (Уже после написания этих строк пришлось слышать прогноз погоды по федеральным округам.)

Своеволие, самодурство, произвол (властей) регионов России известны; но наличие именно таких регионов и их обилие

и не позволяло стране распасться на субъекты федерации. Это не парадокс. Распад имеет свою логику, это закономерный, структурно детерминированный процесс. Страна может распасться на три, пять, десять, в исключительных случаях на пятнадцать частей; заведомо исключен распад на восемьдесят девять частей.

Распад на семь частей возможен, особенно если три части выкроены так, что просто повторяют реальные комплексные макрорегионы: Дальний Восток, Сибирь, Северо-Запад. Эти территории не только связаны, имеют общность проблем и задач, они ощущают себя целостными. Сепаратизм не мог восторжествовать и реализоваться в нынешней стране в целом именно потому, что для него не было реальных пространственных субъектов. Сибирское областничество, вообще самосознание Сибири ныне вполне отчетливо, но слабо проявлялось из-за отсутствия единой рамки; то же самое относится к Дальнему Востоку (грезы о Дальневосточной республике, и не только). Тем более это относится к Северо-Западу, территориально — бывшим новгородским землям, сфере влияния Санкт-Петербурга, где старое новгородское противостояние единой московской державе усилено относительно новым, петербургским; Санкт-Петербург — уже постимперская Россия⁹.

Если же, как считается, в основу новых федеральных округов положены военные округа, то это резко увеличивает потенциал сепаратизма; ведь он зависит от комплексности территорий. Откалываются не случайные, а целостные части, и откалываются тем легче, чем больше в них потенциальных государственных структур и чем теснее они связаны. Более всего их было в союзных республиках минувшего Советского Союза; никем не прогнозировавшийся в таких формах распад

9 «Петербургский клан» во власти РФ — прежде всего группа беженцев из Санкт-Петербурга, носителей чуждой уже Петербургу имперской ментальности; команда первого вице-преьера О. Сосковца тоже состояла из беженцев с имперской ментальностью — беженцев из Казахстана.

СССР использовал готовые единицы, которые выпестовала, сформировала, укрепила сама центральная власть. Федеральные округа, аналоги крупных союзных республик СССР, — почти идеальные единицы для сепаратизма, который может и не иметь этнической доминанты. Субъекты федерации (кроме нескольких очевидных случаев) не могли ни существовать сколько-нибудь длительное время в статусе непризнанных государств (предгосударств), ни рассчитывать на формирование в их пределах жизнеспособных государств, большинство же федеральных округов может.

Если округа созданы для решения некоторых задач, то стоит учитывать, что им никак не решить никакой единой задачи. Слишком разные территориальные формы, слишком велики различия хотя бы по соответствию реальным территориальным единствам и мере интеграции территории. Если перед округами будут ставиться единые задачи, то они будут решаться заведомо по-разному и с разным успехом; если разные, то различия округов будут усиливаться.

Замечу, что выделить территории (даже семь) так, чтобы они были ячейками «государственного надзора» за регионами и не превратились при этом сами в монстры похлеще регионов-самодуров, можно, но только совершенно иначе. Пространство имеет свою логику и постоянно ее демонстрирует. Желаящий видеть...

Худо-бедно, но в последние годы стали восстанавливаться рухнувшие было в начале последнего десятилетия межрегиональные связи — отчасти вследствие работы ассоциаций регионов. Некоторые округа вырезаны так, чтоб стать субъектами сепаратизма (пусть сатрапий), а другие — чтоб поломать реальные территориальные связи. Если и есть в стране вполне реальный макрорегион, неспособный к сепаратизму в силу внутреннего положения и интеграция которого автоматически усиливала интеграцию страны, то это Урал; вот его-то и разрезали между двумя федеральными округами. Стране чрезвычайно недоставало культурно самоопределяющихся больших тер-

риторий с единством судьбы; эта пропасть медленно заполнялась. Острая и резкая реакция на новые федеральные округа (я наблюдал ее в нескольких городах Урала) отнюдь не сводится к фронде хозяев регионов: это реакция на ломку рамок жизни. Перспектива, на мой взгляд, неутешительна. Там, где федеральные округа более-менее совпали с такими провинциями, краями в неадминистративном смысле, они их политизируют (и это уже происходит) и оттеснят культурные функции на периферию; там, где их разрезали, затруднят реальную коммуникацию. Дезинтеграция пространства будет следствием и в том, и в другом случае.

Но сломать одни реальные рамки не значит усилить другие.

* * *

Властвующий Центр и «центрики» регионов были далеки от территории, от страны, от жизни; поляризация нарастала. Стали еще дальше. Централизация страны в целом и регионов была и до этой реформы чрезмерна и отягощительна — стала еще более; Центр не сбросил полномочия вниз, а стянул вверх; округа — это промежуточная ступенька для возвращения власти в Центр. Фактическая административная агрессия против местного самоуправления — только часть картины.

В пространстве уже был избыток государства, и именно потому возник дефицит упорядоченности — государства стало больше. Пространство было перегружено статусами, изнывало под бременем сильных универсальных статусных блоков, т.е. регионов, — введены еще более комплексные макрорегионы с монопольным статусом. Главной причиной слабой трансформации многих крупных городов была обуза их регионов, т.е. статус распределяющего центра, — теперь семи крупнейшим городам нанесен дополнительный удар.

И так далее...

РОССИЯ КАК СИТУАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПОНИМАНИЯ*

СИТУАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дам образ исследовательского дискурса. Собственно научно-академический дискурс не удерживался в своих границах, переполняясь как реакциями и рефлексиями текущей ситуации и политики, так и экзистенциальными прочувствованиями судеб личности, государства, эпохи etc. Дескриптивное перетекало в нормативное. Анализ ситуации на уровне объективной детерминации имплицитно (и даже эксплицитно) прорывался традиционными вопрошаниями (что делать? кто виноват? как вернуться на правильный путь?). Постоянное нахождение в некоторой пограничной позиции, уходы и возвращения в близкие — и очень далекие — смысловые области были дискурсивным обиходом. Коммуникация строилась скорее на обращении к универсальным символам и самой действительности, нежели к структурированным знаниям о ней (что есть канон для профессионализированного научного дискурса).

* Впервые: Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. II. М., 1995. В данной заметке я кратко формулирую впечатления от конференции Интерцентра «Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития», видимо, репрезентативной для современного «россиеведения постСССР» (в обоих смыслах), и пытаюсь обратиться к методологическим и историософским урокам; разумеется, в плане преимущественно вопрошания, но не конечного ответа.

Очень значимую роль играли символы, причем сами позитивно исследуемые феномены нередко символизировались и как таковые универсализировались. Статус символов (значит, огромную потенциальную смысловую глубину, многозначность, амбивалентность) приобрели понятия *демократия*, *кризис*, *модернизация*, *политика*, *реформа*, *суверенитет* и мн. др.

Границы предметных областей и/или смысловых регионов нерелективно проблематизировались самим строем обсуждения. Предметный материк Россия не удавалось расчленивать на страны «экономика», «социология», «культурология», «политология», «-логия». Междисциплинарность более чем достигалась — она впитала и поглотила дисциплинарность. Теоретические концепты и наборы эмпирических фактов были внутренне смешаны, как были неотчленимы экспертные оценки и концептуальные объективированные построения.

Высказанные суждения, как и их предмет, не должны пониматься в модусе оценки. Такова исследовательская ситуация, как она ныне есть. Попытаюсь высказать несколько тезисных суждений, объясняющих, по-моему, ее закономерный характер.

Во-первых, спонтанно преодолеваемая тотальность советского общества=государства пока сохраняет его основную структурную особенность — невычлененность автономных сфер политики, экономики, быденной жизни, культуры etc. Проблематичны тогда и фундируемые автономией этих сфер соответствующие дисциплины. Ряд элитарных профессиональных экономистов и социологов признают, что социология и экономика как исследовательские дисциплины обычного (западного) типа для современной российской действительности просто невозможны.

Во-вторых, реальные россиеведы-советологи как профессионалы работают в особой — по сравнению с научным каноном — социокультурной и исследовательской ситуации, лишь частично предопределяемой характером предметной сферы. Подробная характеристика этой ситуации лежит вне задач данного текста. Укажу важнейшие, на мой взгляд, особенности. Исследователь работает в нескольких разных культурных и

социальных позициях, каждая из которых — свой горизонт когнитивно и прагматически организованных знаний (такие позиции — собственно исследователь, методолог, эксперт-консультант, публицист, преподаватель-популяризатор и пр.). Кроме полипозиционности ситуация еще и многорамочна, причем имеет место мощная динамика рамок. Работа исследователя протекает в ситуации мощной аутомифологизированности социальных процессов, когда де-факто теории чаще всего оказываются сколками этих мифов в декоративных формах научных теорий. Для разных социокультурных групп существуют разные реальности; реальность расслоена. И только одной из этих реальностей является политика¹.

Такая ситуация представляется мне принципиально долгосрочной и устойчивой, и, как таковая, она нуждается в осмыслении и, если угодно, своеобразной институционализации. Центральной фигурой здесь оказывается действительно суперпрофессионал, выступающий не просто как носитель некоей совокупности научного инструментария, а в функции организатора этих исследовательских средств на основе личного знания. Чрезвычайная персонцентричность знания в той размытой большой области, о которой идет речь, не случайность и не предмет преодоления; хотя такая ситуация очевидно чревата и многими негативными последствиями. Исследователь здесь скорее эквивалент целой исследовательской структуры, нежели функциональное место ее реализации. Поэтому, выражаясь лапидарно, нужда должна быть конвертирована в добродетель.

Осуществившаяся де-факто **приватизация** реальной **методологии** исследования должна быть осознана и даже институционализована. Не подходы, теории, методики etc ре-

1 Есть основания характеризовать такую ситуацию как постмодернистскую методологию (разумеется, понимая постмодернизм с необходимой широтой — как наступающую большую культурную эпоху). В другой работе в настоящем издании обращается внимание на черты постмодернизма уже в самом «предмете» россиеведения; см. статью «Идеологемы российского неосоветского пространства» в наст. изд.

ализуются неким носителем, личность которого хотя и накладывает на них отпечаток, но якобы не меняет всей сути, но личность исследователя вырабатывает инструментарий, главное требование к которому — адекватность прежде всего (если не исключительно) личности определенного масштаба², укорененной равно в почве проблем и почве своей страны. Говоря грубо, не ученый служит теории, а теория служит ученому. Хотя при всей остроте дефицита теорий и неизбежности теоретической реконструкции советской и несоветской действительности («иного не дано») теории выступают особым компонентом личностного знания исследователя-полипрофессионала.

УРОКИ?

Теперь перейду к тем урокам — методологическим и даже отчасти историософским, — каковые можно извлечь из претерпеваемого страной последние десятилетия и исследовательской работы в условиях этого претерпевания. Эти «уроки» разнокалиберны, важнее увидеть, что они есть. Россия — страна самобытная, но это стоит понимать и как самобытность почвы исследовательских проблем. Теоретическая насущность требует осознать идеологизированную контроверзу 'западничество—почвенничество' как контроверзу методологическую в широком смысле.

Самодемонтаж конструкции социализма, деструкция СССР (распад), и/или регионализация советского пространства, структурно детерминированы; это событийность, чреватая бедствиями и страданиями, но есть ли в ней смысл?

Регионализация СССР — реальный путь его преобразования. Регионализация использует фрагменты советского про-

2 Тогда ситуация: «обилие специалистов — дефицит знаний» может разрешиться только парадоксальным способом. Поскольку размер личности важнее, чем их число, то вопиющее незнание своей страны может быть преодолено исключительно за счет резкого сокращения формального носителя статуса исследователя.

странства, давая им возможность жизни (витализации). История «разрушения до основания, а затем...» не повторяется. По законам полиморфизма части-регионы обязаны обнаружить сущностные различия и — после определенного рубежа суверенизации — двигаться в разные стороны, жить по-своему. Поливариантность эта — уже налицо.

Регионализация — механизм деидеологизации, перемалывающий коммунизм как идеологию и организацию, — бессильна без громадного государства. Происходит (противоречиво) деполитизация. Хотя процессы, продукты и последствия регионализации зачастую отвратительны и опасны, иного пути для десоветизации пространства и жизни в нем (сейчас) нет.

Власть СССР стремилась полностью пропитать собою жизнь и пространство, подчинив и/или искоренив естественную самоорганизацию. Система регионов была машиной подавления-стирания различий, но именно тотальный успех конструирования привел составные части машины к бунту. Полностью и окончательно построенное пространство социализма не выдержало собственного устройства. Пространственно невменяемое общество=государство перестает существовать: пространство отомстило.

«Зарубежный мир» пребывает в соблазне социального конструктивизма, этатизма и социализма; может, сползает к нему. Теперь мы знаем, чем это кончается... Не в том ли урок, очень важный? Мы ныне знаем — вернее, узнаём, что есть социализм, что не вечен он именно в силу успехов построения, что разнообразие можно подавить и искорезить, но уничтожить нельзя. Решающий эксперимент завершен?

Сверхгосударство — псевдогосударство. Вне зависимости от того, был ли в СССР подлинный и настоящий социализм, тотальность огосударствления жизни в нем отрицаться не может. Однако тотальное государство пережило тотальный распад — как пространственно, так и функционально. Оказалось, что именно сверхгосударство не может быть государством. Сама правящая группа (язык не повернулся назвать ее элитой) обнаружила поразительное сочетание корысти с го-

сударственной недальновидностью и, по сути, приватизировала это государство. Произошла инверсия номенклатуры. Теоретики школы административного рынка, чей реализм всегда не ко двору, описывают этот эффект как втягивания в государство неизбежных функций отрицаемого им рынка и превращения самих институтов государства в своеобразно рыночные. Тотальное государство оказалось синонимом тотального рынка. После чего государство и было «продано» на этом рынке.

Конвертация '**пространство — история**'. Чем активнее во фрагментирующемся пространстве становление самостоятельных частей, тем больше возможности созидания из них осмысленных целостностей. (Даже реставрации: если России суждено возродиться в рубежах 17-го года или XVII века, то пути помимо регионализации к тому нет.) Этносам регионализация сулит испытания государственностью, а иным — многогосударственностью, но испытания, исторически осмысленные. Регионализация — вообще тяжкое испытание, но и огромный шанс вернуться к жизни и в историю.

Существенно, что, казалось бы, чисто пространственная декомпозиция (возможно, деконструкция) приводит к возможностям «отыгрыша» нереализованных исторических альтернатив. Автодемонтаж социализма влечет обратимость геополитической истории? Так, вновь возникает ситуация геополитической полицентричности Восточно-Европейской равнины, проблема судеб Сибири, возможность нескольких русских государств, в том числе и без имперской доминанты и многого другого, что казалось исторически окончательно решенным. Многократно Россия как растущая империя решала задачу «выхода к Балтийскому и Черному морям». Вновь становится актуальным политический тематизм «Россия и Сибирь»³.

3 Этот феномен — достаточно общий, но пока, по-видимому, не привлек внимания. Между радикальной пространственной деструкцией государственно-общественного тела и актуализацией ушедших далеко в прошлое ситуаций и проблем явно есть связь. Эта связь, предыдущий раз наблюдавшаяся в 1917—1922 гг. (структурно сходная с современностью ситуация), отнюдь не сводится к обострению сепаратизма при ослаблении Центра.

По-видимому, «возвращение в историю» — возможность актуализации многих разных исторических горизонтов. Оказывается, все отнюдь не сводится ни к сентенциям о «возвращении в историю», ни к попыткам отыскать (или спроектировать задним числом) смысл семидесяти лет. Советский феномен — действительно нечто особое во временном отношении, если завершение этого периода приводит нас одновременно в несколько разных эпох.

Прототипичность уникального случая. Как ситуация России, так и тем более Россия в смысловой рамке саморазрушающегося социализма — скорее уникальный случай, нежели рядовой факт модернизации (вестернизации). Однако «заикленность» именно на антитезе 'почвенничество — западничество' как методологической не менее чем историософской и идеологической мешает увидеть в современной событийности на территории бывшего СССР ситуацию прототипическую. Коль скоро Россию сравнивают с множеством непохожих государств в поисках образцов и источников технологий модернизации, то правомерен и обратный ход. Экспликация уникальности состоит именно в этом⁴. Россия — столь богатая ситуация, что она — полипрототип. Знания о России — своеобразный, уникальный, невозпроизводимый, нетехнологический ресурс с потенциально огромной потребительской полезностью. В одной из статей, вошедших в эту книгу, обсуждается вопрос: что надо знать о России, чтобы осмысленно примеривать на ее почву западные идеологии? Здесь ракурс иной, но также вполне нешаблонный.

Так, потрясающий даже чисто интеллектуально «эксперимент», через который СССР прошел, фрагментировавшись (как то обычно и бывает с образцом в эксперименте), может и должен быть освоен как источник знаний (по крайней мере — вопрошаний) для множества ситуаций. Назову только те, для которых прототипичность советского пространства концеп-

4 Именно сходство с непохожими меж собою странами — специфика СССР-России (см.: Кто же мы // Век XX и мир. 1990. № 6).

туально кажется очевидной. По крайней мере, три страны находятся в ситуациях, которые можно строго уподобить уже пройденным СССР. Это Китай, в котором просто налицо первые, но многочисленные симптомы регионального растрескивания⁵; ЮАР, где попытки преодоления расово-политического противостояния глубокими институциональными реформами пока маскируют остроту проблемы единства политического пространства; наконец, очевидно — Югославия.

Нет нужды говорить, что даже интеллектуально драматичный процесс автодемонтажа СССР во всех его аспектах — отнюдь не единственный заслуживающий общего внимания феномен. Не имея возможности развить эту тему подробнее, сформулирую назывными предложениями некоторые интереснейшие особенности советского общества=государства, в исследовании которых уже достигнуты первые результаты. Советский социум как исторически самое большое искусственное, спроектированное сооружение из материала людей, вещей и знаков (планетарная структура); предел, триумф и крах идеологии тотального проектирования. Гиперцентрализованное моноструктурное пространство континентальных размеров. Самый большой, диверсифицированный и универсальный бюрократический рынок. Почти тотально маргинализованное общество. Наконец, страна, чье состояние не может быть понято без обращения к сюжетам постмодернистской культуры.

19 января 1995 г.

5 Потенциальная региональная фрагментаризация Китая не только уподобляет его СССР, но делает варианты его будущего геополитически актуальными прежде всего для России. Фрагменты Китая — естественные и дополнительные для частей России ядра притяжения.

V. КУЛЬТУРОЛОГИЯ ОТ ГЕОГРАФА

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ФЕНОМЕН И МИФ КУЛЬТУРЫ*

Принято считать почти аксиомой, что экологический кризис — это процессы в природных, живых системах, включая и сам культурный ландшафт Земли; современное общество (культура) реагирует на «сбои» в мире природы в силу возросшей чувствительности и опасности, которую экологические бедствия представляют (могут представлять) для человека. Разумеется, и в силу того, что эти «сбои» все чаще оказываются результатом человеческой деятельности.

Чем именно является экологический кризис, действительно ли это новое и опасное для человека состояние окружающей среды? Вот центральный вопрос.

ФЕНОМЕН ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Центральный момент проблемы — это уяснение того, в каком именно аспекте реальности лежит экологический кризис. Действительно ли главным является то, что действия человека привели к сбоям в функционировании биосферы, нанесли

* Впервые: Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. 1994. № 6; переработанный вариант: Неприкосновенный запас. 1999. № 4 (6).

непоправимый ущерб окружающей среде? Если так, то экологический кризис вторичен и произведен, он есть проекция негативных состояний окружающей среды в план общественного сознания и действия. Это не только принципиально, но и важно сугубо практически: плоскость бытия, где «находится» экологический кризис — это сфера приложения усилий, концентрации внимания, воли и действий.

Экологическая ситуация остро переживается преимущественно в благополучных странах мира и/или сравнительно благополучными в этом отношении группами населения. Напротив, нередко ощущение социального благополучия наблюдается там, где население уже физически деградирует из-за местных антропогенных трансформаций среды (индустриализирующиеся развивающиеся страны, районы аграрного перенаселения, многие районы бывшего СССР). Встает проблема культурно обусловленной нормы и соответственно «нормы реакции» на состояние окружающей среды.

Существенно, что население реагирует не на общее состояние окружающей среды и его изменения, но и на ситуацию несоответствия между некоторым представлением (образом) об особом, «маркированном» состоянии окружающей среды и диссонирующей с ним реальностью. Экологические реакции — реакции не на ситуацию как таковую, но обязательно на некоторый диссонанс. Разные прототипы/идеалы и потому проявляют экологическую встревоженность по совершенно разным поводам. Сама ситуация экологического кризиса, как представляется, и задана в культуре, где есть диссонанс и даже конфликт в интерпретации разными группами их практической и/или воображаемой природопользовательской деятельности. За экологическими конфликтами нередко скрываются интересы разных групп, их требования к качеству жизни при удовлетворенности ее уровнем. Но за этими интересами, как ни странно, стоят некоторые идеалы или мифы. Крайне важно, что реальность есть многообразие экологических норм — множество различающихся ситуаций, которые разные группы

считают экологической нормой. Вплоть до того, что норма одних — экологический кошмар для других.

Распространено мнение-клише, согласно которому существовало некоторое естественное состояние окружающей среды (иногда оно отождествляется с «девственной природой»), которое необходимо в максимальной мере сохранять, хотя бы значимыми фрагментами. Это сложный комплекс представлений, во многом иллюзорных. Природа менялась во многих районах достаточно быстро, в том числе и при участии местного (иногда ныне исчезнувшего) населения. Такие изменения вполне нормальны для живой природы, не пребывающей в состоянии действенной статики даже без воздействий человека. Единого девственного состояния у природы нет. Природный комплекс любой территории имеет много разных равно естественных состояний; человеческая деятельность почти всегда меняет последовательность смены состояний и их распространенность, но не сам базисный их набор.

В системе идентификаторов практически всех групп существует особый ландшафт-миф (естественное состояние, ландшафт Родины и пр.); таких мифов много, они редко отчетливы и еще реже осознанны. Им может частично отвечать как некоторое реальное состояние природно-культурной среды, так и состояние, никогда не существовавшее, такое состояние — своеобразный эталон экологического восприятия. Это референтный ареал, референтная среда, референтный ландшафт, аналог референтной группы, которая, как известно, может включать конкретных людей (живущих и умерших), литературные персонажи и т.п. Референтный ландшафт чаще всего физически не существовал и существовать не мог.

Тогда оказывается, что «охрана природы» есть установка сохранения референтного культурного ландшафта, смешиваемого с пейзажем. К нему якобы была хозяйственно-культурно адаптирована группа. Противоречие экологизма состоит в смешении разных модусов реальности, в стремлении натурного воссоздания того, что существовало и существует только как

культурный образец, эталон. Многие экологические акции — это неосознанные попытки воссоздать в обыденной реальности то, что никогда в ней не существовало, то есть ландшафт-миф. Существенно, что такой миф воплощен и вообще существует как реальность прежде всего в знаковых системах культуры, а в узком смысле задается прежде всего художественной литературой. Характерно разделение функций прозы (и живописи) и поэзии: фиксация образа ландшафтно-пейзажной среды — и системы эмоциональных состояний, характерных для этой среды.

Разумеется, эти эталоны региональны, но часто универсализуются, что приводит к вторжению одних групп в деятельность других. Так, явно как продукт Просвещения и плод сверхурбанизированной цивилизации насаждается эталон девственной природы без хозяйства (но в реальных экосистемах традиционное хозяйство бывает именно стабилизатором). Местное население самых разных стран — Африки, Азии, многих районов бывшего СССР и пр. — весьма негативно относится к «охране природы», приводящей к изъятию из хозяйственно-культурного обихода территорий и запрету на многие традиционные виды деятельности. Охрана природы силами неместного населения и на основе инорегиональных и инокультурных стереотипов — своего рода культурная агрессия. Ровно то же самое относится и к музеефицирующей деятельности охраны историко-культурного наследия путем, например, своза в одно место и экспонирования памятников народной архитектуры и пр.

Сказанное не противоречит тому, что экологическая встревоженность порождена прежде всего массивными техногенными воздействиями на природу. Экологизм развивается на основе создания определенных умонастроений и проблемно-тематических ниш, таких, как борьба с загрязнениями, защита диких животных, спасение родной природы, охрана национального природного наследия. В создании экологистской ментальности велика роль маргинализованных субэлитарных групп, для которых, естественно, остра и болезненна

проблема собственной идентичности (например, «писательский экологизм», характерный для многих стран).

Образ природы — достояние конкретной культуры, причем в равной степени относительно того, что именно включается в «культурно значимую» природу, так и относительно ценностных аспектов и норм взаимодействия с природой.

Итак, экологический кризис — феномен массовой культуры, основанный на конфликте взаимно чуждых практик природопользования и/или на конфликте взаимных интерпретаций отношения к окружающей среде (природе) разных типов (групп) людей. Другими словами, представление об экологическом кризисе возникает внутри некоторой группы тогда, когда практики природопользования других групп противостоят стереотипам первой группы. Здесь есть парадокс экологического кризиса: он «порожден» экологистами как носителями некоторой утопической нормы, тогда как сам экологизм предстает реакцией на состояние окружающей среды. В более широком смысле ситуация экологического кризиса — один из конфликтов культурных норм.

ИСТОЧНИК ЭКОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Экологический кризис, разворачивающийся как феноменологически полиморфный, все глубже осмысливается и обсуждается в плане изначального источника. Общеизвестно, что в христианстве, как и вообще в авраамитских (идущих от Авраама) религиях, включающих также иудаизм и ислам, человек есть существо со свободной волей — но притом греховное изначально. В позиции сугубо конфессиональной, с точки зрения систем догматов, человек есть существо падшее. Отсюда следует вывод, что феномен экологического кризиса — проявление (нарастание, следствие) падшести. Но тогда изначальный и в этом смысле заведомо непреодолимый источник экологического кризиса — это первородный грех человека.

Сама ситуация обсуждения проблематики экологического кризиса оказывается конфессионально нагруженной, притом нагруженной многопланово, учитывая как присущие разным конфессиям системы догматов, по-разному ориентирующие человека в его экологической практике, так и принципиально разные интерпретации этих догматов. Вопрос о том, действительно ли одни догматы, конфессиональные системы и основанные на них культуры более «экологичны», нежели другие, стоит очень остро. Впрочем, противопоставление авраамитских и восточных религий, особенно буддизма, уже давно стало общим местом. Принято считать, что в первых назначение и место человека как существа, наиболее приближенного к высшему началу, дают ему власть и право распоряжаться всей остальной тварной природой, в то время как во вторых человек лишен такого «привилегированного» положения в мире живых существ. В заостренной постановке христианство противопоставляется буддизму как экофобная конфессия — экофильной.

Однако реалистическое осмысление подобных утверждений, ставших расхожими и потому уже редко поверяемыми мифологемами, выявляет непростоту и неоднозначность ситуации. Во-первых, Восток знает очень глубокие, древние и современные экологические кризисы. Во-вторых, существенна интерпретация места и миссии человека в авраамитской ойкумене как призванного заботиться и оберегать окружающую среду именно в силу особого положения в мире. Кроме того, природа, особенно живая, как сотворенная (подобно человеку) — предмет любви, любовной заботы и обережения в христианстве (например, францисканство и близкие духовные движения; жития Сергия Радонежского). Наконец, в постижении природы постигается и замысел Творца, откуда вывод о необходимости сбережения этой природы следует неукоснительно. Можно умножать примеры разворотов темы, где причудливо, на первый взгляд, переплетаются научно-биологические, кросс-культурологические (разные — нормы «обраще-

ния» с окружающей средой в разных культурах) и конфессионально-догматические аспекты.

Ситуация замыкается — ведь сам по себе тезис об «охране природы» универсален, значит, относится и к природной составляющей человека, как бы ее ни понимать и какую бы роль в человеческой деятельности ей ни отводить. Тем самым «экология культуры» может перестать наконец быть расплывчатой метафорой, выявив инвариантный аспект содержания, связанный с тем, что духовное начало несомненно входит в природу человека (не биологического вида *Homo sapiens*). Это сразу дает новую перспективу экологической проблематике, задавая для нее устойчивую (конфессионально-догматически — абсолютную) шкалу ценностей. Тогда проявляется еще одно противоречие нынешней экологической ситуации: активность в сбережении отдельных «выделенных» видов (вообще частей) живого — при игнорировании собственно человека. Экологическая проблематика обнажает культурно значимый разрыв — возможно, пропасть — между человеком эмпирическим, обыденным, массовым и человеком как полной реализацией соответствующей идеи (секулярная версия понятия человека, созданного по образу и подобию Божию), для которого невозможно «повреждение» окружающей среды, являющейся продолжением его самого.

Тогда экологический кризис — продукт деятельности омассовленного человека, или вообще существа в теле *Homo sapiens* с редуцированным человеческим началом. В жесткой постановке уже обсуждается вопрос о существах, пребывающих в теле *Homo sapiens*, но не отвечающих представлению о человеке (нежить, зомби, биороботы). Для этих существ экологический кризис, разрушенная окружающая среда, непригодная для собственно жизни, — нечто сродственное их природе. Проблема состояния окружающей среды — продолжение и воплощение проблем сосуществования в человеке собственно человеческих и иных начал.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Глобальный экологический кризис как феномен «живет» в массовой культуре. Существенно, однако, что в сугубо естественно-научной литературе все более отчетливо проводится различие глобального экологического кризиса и глобальных изменений биосферы, имевших место в ее истории, нормальных для ее эволюции и не связанных непременно с деятельностью человека. Однако даже если верны гипотезы, связывающие наступающие (возможные) глобальные общепланетарные изменения окружающей среды с деятельностью человека, то сложности с этим понятием возникают с другой стороны.

Субъект реакции на эти изменения должен быть столь же единым, как и планетарная биосфера. Так выявляется проблема человечества как тотального единства всех людей Земли. Чтобы быть реальностью, глобальный экологический кризис должен переживаться всем человечеством как реальным целым. Но существует ли такое целое? Стоит помнить об огромном разнообразии групп, в том числе и таких, для которых нет и быть не может никакого человечества (например, разного толка фундаменталисты). Представление о едином человечестве в секуляризованной культуре, где единство всех людей дано позитивно и внерелигиозно, носит явно ограниченный европоцентристский характер. Оно стоит в ряду представлений о прогрессе, единой линии развития (вспомним недавно пашумевшую плоскую спекуляцию Ф. Фукуямы «Конец истории», где априорно полагается единство истории единого человечества) и пр.

Все осложняется еще и тем, что прогнозируемые ныне варианты продуцированного человеческой деятельностью глобального кризиса действительно сулят катастрофические изменения среды обитания для большинства регионов планеты — но и улучшение жизненных и хозяйственных условий

для иных регионов. Это, например, известное увеличение содержания углекислого газа (CO_2) в атмосфере, вызывающее так называемый парниковый эффект, глобальное потепление и изменение климата, таяние полярных ледников и последующий существенный подъем уровня мирового океана на сотни метров с затоплением огромных территорий. Однако это одновременно улучшает климат многих других районов, что неизбежно приводит к противоречию между группами. Для одних этот сценарий опасен и катастрофичен, другим безразличен, третьи даже пассивно заинтересованы в таком ходе событий. Скорее всего, разные группы будут принадлежать к разным этнокультурным регионам.

Оказывается, что поверхностная самоочевидность единства населения планеты в обережении себя от глобальных последствий собственной деятельности оборачивается очередным глубочайшим конфликтом.

ЭКОЛОГИЗМ КАК КУЛЬТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ НИША

Известно, что всякая крупная проблема в развитии западного массового общества быстро обрастала социальным, политическим и прочим «шлейфом», организуя вокруг себя определенные группы вплоть до становления субкультур. Так было с «рабочим вопросом», когда рост производительного капитализма порождал возникновение масс пролетариата, не интегрированного в социокультурную систему. Социализм как умонастроение, политическая ориентация и лагерь, даже особая субкультура — не ответ, но реакция на рабочий вопрос. Как известно, его разрешение произошло в значительной мере помимо социализма, марксизма и коммунизма, этих авангардистско-экстремистских социальных новообразований. Структуры ситуаций 'окружающая среда — экологизм' и 'рабочий вопрос — социализм' очень близки.

Социализм и экологизм имеют много общих черт, даже общность массовой базы (электората) на Западе. Это идеи поправленной и восстанавливаемой справедливости, утопизм, тяга к бесппроблемно-бесконфликтному существованию, алармизм (тезис о «неуклонном ухудшении положения рабочего класса при капитализме» в классическом и советском марксизме и эквивалентное суждение о неуклонной деградации окружающей среды), революционный романтизм и мн. др. В идеологии экологизма природа — своего рода попираемое, несправное меньшинство, как рабочие для социализма, женщины для феминизма. Налицо группы, «говорящие от имени» этого беспправного молчаливого меньшинства/класса. Формируется целая ниша активности, паразитирующая на вполне реальной проблеме конфликта технологической цивилизации с природой (равно и традиционными культурами, образами жизни и пр.). Эта активность часто принимает сугубо экстремистские, радикальные формы вплоть до терроризма; только пафос мешает разглядеть в деятельности «Green Peace» смесь идеализма, провокации, бизнеса и терроризма.

Сама среда экологистского активизма — при обилии благородных энтузиастов, бессредников, массе полезных дел и пр. — антиэкологична и даже противоестественна. Она семантически замусорена, изобилует самыми разными слухами, фобиями, маниями. Ориентирована на краткосрочные символично-демонстративные, а не долгосрочные практические эффекты; будучи явно программно-целевой, она технократична, в то время как собственно природоохранная деятельность не целе-, но ценностно ориентирована. Афишируя озабоченность состоянием природной среды, экологизм концентрируется на политико-пропагандистских и прочих подобных акциях. Ажитированность, культивирование умонастроения общественной истерики, насыщенность экологистской среды маргиналами и разными девиантами — свидетельства пренебрежения заботой об обережении природы человека. Стремление восстановить несуществовавшее и спа-

сти несуществующее — следование принципу удовольствия, а не реальности.

Идеологема «здоровой среды», лишенной загрязнений, каковым является пребывание неких веществ и существ в неподобающих местах, которой настолько угрожает опасность, что необходимы немедленные активные действия, роднит и объединяет экологизм и фашизм. Идеологический ряд: «здоровая, чистая жизнь — чуждое загрязняющее начало — ксенофобия» — и экофашизм как его следствие уже известны. Отечественный национал-экстремизм давно подпитывался сентиментальными грезами о восстановлении родной порушенной природы. Существенно, что экологизм являет новый тип идеолого-политического движения, фундированного не социально-экономически и/или собственно политически, но культурно. Потенциальная мощь его определяется не столько остротой собственно экологических проблем, сколько обозначившимся кризисом традиционной политической идентификации.

При дефиците политических идеологов, при наличии значительных маргинализованных по типу сознания квазиинтеллигентских масс тематика окружающей среды политизируется. Утрата привычной среды обитания — реальная проблема, если тоска по ней приводит к совершенно явственной сакрализации природы и естественности вообще, что по сути своей есть неоязычество. Существенно, что эколого-языческие культы на территории нашей страны не только существуют, но уже институционализируются, например, в Республике Мари-Эл.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДЕЙСТВИЕ И ЭКОЛОГИЗМ. ОХРАНА ПРИРОДЫ ВНЕ ЭКОЛОГИЗМА

Экологизм — не синоним и не основание экологического действия в широком смысле. Здесь нужно выделить различие экологизма и собственно реальной, «истинной» охраны природы. Экологизм как таковой и узко понимаемое (хотя и по-

литически универсализируемое) экологическое действие — система акций, манифестируемых как природоохранные и даже природоспасительные. Согласно их широко афишируемым целям, спасение окружающей среды должно стать новой, особой и отдельной сферой практики и политики. Если продолжить и эксплицировать интенции экологистов, то эта практика должна быть безусловным приоритетом, а ее жизненно важный характер не только позволяет, но и просто требует любых, в том числе и насильственных, акций, что мотивируется чрезвычайностью ситуации. Отсюда только один шаг до экофашизма и экотерроризма.

Однако собственно природоохранные меры всегда были и остаются неотъемлемой составной частью осмысленного хозяйствования в широком смысле. Более того, любая долгосрочно ориентированная деятельность, традиционные образы жизни не могли не содержать природоохранных компонентов. Точнее говоря, такие аспекты — сквозные для культуры, охватывают все ее ярусы и сегменты. Возникает альтернатива: экологизм как относительно частная деятельность с претензиями на доминирование над всеми остальными сферами социокультурной активности — и собственно природоохранные акции и структуры, всякий раз оказывающиеся компонентом любой осмысленной деятельности. В первом случае экологическая активность обособлена в универсуме человеческой деятельности и поставлена в привилегированное положение, во втором — ее очевидно важный аспект и компонент.

КУЛЬТУРА И КРИЗИС

Обостренное переживание изменения состояния окружающей среды, принимающее в массовой ментальности форму экологического кризиса, имеет предпосылкой особое представление о развитии как «нормальном», бесконфликтном, бескризисно-беспроблемном. По характеру это представление утопично. Оно противоречит тому, что всякое развитие

неизбежно содержит особые критически-переломные и продуктивные этапы в становлении любого целого, что равно относится к личности, биологическим и культурным системам. Даже общепринято-естественные экосистемы неоднократно проходили кризисные этапы (как и биосфера в целом). Оказывается, кризис надо «уметь переживать» (ср. утрату переживания кризиса и особое отношение к смерти в современной культуре, вытесняющее и отчуждающее ее от жизни).

Культурологически хорошо изучена роль карнавала и праздника как обновляющего модуса переживания кризиса; кризис — неотъемлемое звено жизни. Вспомним роль экономических кризисов, функция которых — накопление инновативности с последующим обновлением и ростом экономики. Чуть обобщая: социум, не знающий актуализированного переживания кризисов, в определенном смысле не имеет ни полноценной жизни, ни истории; по-видимому, именно таков советский социум, хорошо известная неполноценность праздников официальной культуры которого — свидетельство несвязанности их с проживанием кризиса. Локализованные в пространстве-времени кризисы-праздники суть альтернатива уныло-оптимистической повсеместной постоянной повседневности.

Рассматриваемая в таком ракурсе экологическая проблематика высвечивает в современной культуре некоторые загнанные на ее предельно далекую периферию, но весьма существенные особенности. Экология оказывается своего рода «изнанкой», на которой явственно прорисовываются архетипические структуры. Другая такая «изнанка», связанная с первой, — пространство, ландшафт, также воплощающий культурно значимые структуры, тем более что экологический кризис дан как определенное состояние обитаемого пространства.

* * *

Связи экологической ситуации и культуры слишком многообразны, чтобы их было возможно хотя бы обозначить в одной

статье. Потому выделю смысловое ядро и перспективу. Культура как порождение культа и его секулярное преодоление потенциально сакрализуема. В современной постмодернистской культуре очевидны, отчетливы ее претензии на (псевдо)сакральность. Религиозный культ изначально есть и осмысленное пребывание человека в природе, жизнь в ней. Но ныне рука об руку идут культ культуры и культ природы, что есть странная натурализация культуры. Одной из доминант культуры становится спонтанность и естественность, отрицающая в крайностях авангарда и постмодернизма иерархию ценностей и свободу воли. Их нет в собственно природе, но они — атрибут человека. Экологизм — феномен культуры, особое состояние и линия культуры массовой. Миф чистой природы, становящийся агрессивным и всеобъемлющим. Новый миф культуры...

ВОПРОСЫ О ПРОСТРАНСТВЕ МАРГИНАЛЬНОСТИ*

Выскажу некоторые предварительные суждения о маргинальности с точки зрения **пространства**. На самый первый взгляд, маргинальность — именно признак переходной=пограничной зоны, а маргинал — ее житель, обитатель, персонаж; переходные=пограничные зоны одновременно чрезмерно и недостаточно определены, двойственны, амбивалентны, богаты краевыми эффектами. Но вряд ли все столь просто: далеко не все переходные зоны ассоциируются с маргинальностью; похоже, что маргинальность — случай особый, культурно выделенный и универсализируемый. В чем же дело: в несводимости маргинальных феноменов к пространству, в специфике пространства, где задана маргинальность, в амбивалентности самой маргинальности? Может быть, дело не в феномене, а в способе видения и маргинален не предмет, а позиция, не видимое, а взгляд, не реальность, а ее миф?

Задача текста — формулировать вопросы, сомнения, парадоксы касательно контекстов и оснований маргинальности. Текст — аналитическое эссе, с минимумом методологического и понятийного занудства и без особых претензий на оригинальность — по крайней мере, будет ясно, как пространство-вед (географ) работает с подобными понятиями. Теоретичес-

* Впервые: Новое литературное обозрение. 1999. № 37. Исследование осуществлено при поддержке Фонда Макаруров.

кие, методологические и собственно пространствоведческие тонкости обсуждаться не будут, но некоторые общие места прописать придется. Универсальное место пространства в культуре принимается как данность, как и почти универсальная моделирующая роль пространства в науке, стремление изобразить, назвать или представить как пространство почти все. Стремясь работать в заданных рамках, я вряд ли смогу в них удержаться: проблема маргинальности плохо очерчивается и трудно удерживается: рефлексии проще и привычнее совершиться над тем, что имеет ясное место, уже находится в центре. От пространства я надеюсь двигаться к маргинальности; от сухого методологизма — к смысловой плотности.

Основа моего взгляда — пространственный подход. Пространство понимается широко: и как физически-телесное, и как фазовое, семантическое, тем более что и социальное, и культурное, и ландшафтное пространства содержат в себе оба компонента. Пространство — универсум, где есть места, позиции, смежность, удаленность, близость, расстояния, направления, области, зоны, границы; эти категории главные. Для пространства осмысленны вопросы: где? куда? как далеко? рядом с чем? в центре? на периферии? Пространство не терпит пустоты: все его возможные места заняты, заполнены; каждое место имеет смысл, связанный с его положением.

Мой путь к теме: изучение пространственных границ, переходных =пограничных зон и сред, где они значимы (советское пространство, культурный ландшафт, городская среда), осмысление проблемы границ.

При работе над текстом я обращался к следующим авторам и лицам: Б. Гройс, С. Г. Кордонский, Ю. А. Левада, В. А. Лефевр, Ю. М. Лотман, Г. Лютикова, С. В. Мейен, Л. Невлер, Р. Парк, Б. Б. Родман, В. П. Семенов-Тянь-Шанский, Й. Хейзинга, С. В. Чебанов, Ю. А. Шрейдер; цитируются лишь конкретные результаты.

Всякое реальное пространство неоднородно, разнообразно. Его разнообразие находит выражение в разделении на области, части, районы; их разделяют и связывают **границы**. Граница — разрешение проблемы соседства двух максимально сближенных разных (не имеющих общих существенных частей) объектов. Граница — выражение и разрешение ситуации соседства. Проведение границ прямо не связано с континуальностью или дискретностью пространства; границы сложнее. Язык границ, изображение сетью граничных линий тех областей, на которые делится целое, — способ представить пространство дискретизованным. В границы дискретность приносится и в них концентрируется. Граница — дискретное выражение дифференциации. Вопрос о том, выражает ли граница дискретность, существование в пространстве отдельных тел (или порождает ее), не имеет простого ответа.

Проблема границ имеет давнюю историю, огромную литературу; в ней смешаны практически все аспекты работы с пространством. До сих пор нет внятного истолкования того, в чем же состоит сама проблема границ; предполагается, что она непременно включает обсуждение (решение) проблемы статуса границы — условной, знаковой линии или реальной телесной переходной области, зоны. Членение пространства на области гораздо менее проблематично, нежели положение и статус границ, которые выражают это расчленение: сомнений в оппозиции 'Запад — Восток' немного, а разные варианты границы между Востоком и Западом лежат от Великой Китайской стены до Днестра. Рискну предположить, что это общее правило¹.

Семиотический (даже культурный) **статус границ** даже в сугубо естественных дисциплинах более сложен и куда менее однозначен, нежели статус областей, представленных грани-

¹ Тогда это означает куда большее — приоритет разбиений над расчленениями, разделительных множеств/понятий над собирательными множествами/понятиями; точную терминологию и суть дела см.: Шрейдер Ю. А., Шаров А. А. Системы и модели. М., 1984.

цами. Если утрировать ситуацию, то окажется, что искусственные, конвенциональные, неоднозначные, проблематичные, сомнительные, субъективные, условные границы осмысленны лишь постольку, поскольку они есть особые части (притом и особые знаки!) тел, систем, районов, каковые естественны, безусловны, несомненны, однозначны, объективны. Выделение границ есть способ видения предмета; система границ — представление предмета, однако концентрация внимания на границах как таковых может приводить к утрате видения предмета; видение границ и видение с помощью границ оказываются дополнительными².

Переходные, промежуточные зоны логически вторичны, производны, с чем обычно связывается их сравнительно малая величина; но одновременно есть представление о малых ядрах, организующих и дифференцирующих пространство, которое в основном и заполнено разного рода переходными зонами и их сложными наложениями; во многих случаях оба представления дополнительные и между ними нельзя сделать выбор.

Вопрос о том, что представляет собою граница (область — линия), насколько она условна или реальна, дана ли вне ситу-

- 2 Ситуация границ рассмотрена в работах: *Каганский В.Л.* 1) Географические границы: противоречия и парадоксы // Географические границы. М., 1982; 2) Природоохранная деятельность и ценность границ // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 704. Тарту, 1985; 3) Проблема границ в географическом пространствоведении // Пространство и время в географии. Казань, 1987; 4) Переходные зоны как компонент культурного ландшафта // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М., 1988; 5) Центры и границы как дополнительные категории географического пространствоведения // Центрографический метод в экономической географии. Л., 1989; 6) Классификация, районирование и картирование семантических пространств // Научно-техническая информация Сер. 2. 1991. № 3; 7) Этюды о границах. I. Ситуация границы и граница // Мир психологии. 1999. № 3; 8) Переходные зоны как компонент культурного ландшафта // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М., 1988; 9) К феноменологии урбанизированных ландшафтных сред // Городская среда: проблемы существования. М., 1990; 10) Советское пространство: конструкция и деструкция // Иное. Т. 1. М., 1995; статья «Основные зоны и типы культурного ландшафта. Центр—провинция—периферия—граница» в наст. изд.

ации разграничения, существует ли сама по себе и пр., — вопрос о статусе границы. Ответ зависит от позиции; их несколько. Среди позиций есть как позиции областей=соседей (различные решения границы двух смежных культурных регионов с позиций каждого из них), так и позиции вмещающих систем. Разграничение имеет горизонтальный аспект — взаимоограничение соседей, компонентов — и вертикальный — разграничение со смысловой, нормативной, силовой позиции вмещающего целого, системы. Принято считать, что сложные системы способны к самоотграничению и саморазграничению: границы культуры (и границы в культуре) — проблема самой культуры, проблема демаркации в методологии науки; это не означает, что смежные системы легко приходят к согласованным решениям. Напротив, сложным системам присущи многоаспектные расчленения, выражающиеся пучками границ.

Бывают ситуации, когда одновременно с разных позиций граница не только локализуется по-разному, но и является в одних аспектах, с одних позиций условной линией, а с других — безусловной переходной зоной; статус границы заведомо контекстуален. Даже признание границы переходной областью, т.е. такой же зоной, как и разграничиваемые ею области, но только вторичной, производной, отнюдь не исчерпывает сложностей.

Переходные зоны могут быть разделены на два полярных типа. Граница=зона первого типа производна от основных зон, сочетает признаки и включает их элементы (лесостепь); может быть разделена между ними или присоединена к одной из них при определенном насилии (над материалом в широком смысле: Шлезвиг-Гольштейн, Лотарингия). Она может рассматриваться как наложение периферий смежных зон, как двойная периферия; для периферии характерна размытость, неопределенность черт, признаков, что утрируется в переходной зоне. Такая зона ослабленной двойной принадлежности — зона **дву-принадлежности**, своего рода зона=смесь.

Граница=зона второго типа также промежуточна по положению, лежит между соседними зонами, производна от них,

но это зона **двунепринадлежности**. Фокальный пример — пригородная зона между крупным городом и сельской средой современного советско-постсоветского пространства³; эта среда — явно и не городская и не сельская, хотя имеет черты той и другой (дачный бум последнего десятилетия показал массовость среды). Разве это не местообитание маргиналов, логово маргинальной субкультуры? Здесь переходная зона содержит «затоки» третьего элемента, инородного основным зонам, между которыми находится переходная зона; переходная зона тогда отличается от основных зон больше, нежели они между собой; разные переходные зоны такого типа имеют большие черты сходства (ср. сходство смесей как таковых).

Положение, величина, черты единства, проблематичность и расчленения зоны между «основными зонами» и причленения к одной из них создают данную ситуацию. Эдакая странная переходная зона может либо стать переходной зоной предыдущего типа, либо превратиться из переходной=пограничной зоны просто в область; что же еще? Однако бывает логически несообразная экспансия зоны двунепринадлежности. Она поглощает обе смежные зоны, лишая их определенности, но не самоопределяясь сама; советский пригород вместо и города и деревни — именно это. Инверсии 'центр — граница' и 'когьюнкция — дизъюнкция' кряду!⁴

Особенно статусно и конститутивно сложен случай, когда граница=зона для разных смежных зон принадлежит к раз-

3 См.: *Каганский В.Л.* 1) Переходные зоны как компонент культурного ландшафта // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М., 1988; 2) К феноменологии урбанизированных ландшафтных сред // Городская среда: проблемы существования. М., 1990.

4 Соблазнительно яркая реализация — евразийство. Для него Россия исходно дана позиционно (между Европой и Азией) и негативно (не-Европа и не-Азия). Внепозиционное позитивное самоопределение декларируется («особый мир», Россия=Евразия), но замещается поглощающим центрированием (не-Европа + не-Азия = сверх-Европа=сверх-Азия). Самоопределение области между заканчивается поглощением ее соседей. См. раздел IV наст. изд.

ным типам: разные области пространства имеют разную принадлежность (статус) с точки зрения разных систем; аналог дают нам многочисленные метисы, особенно если признак этничности полагается наследуемым по разным линиям⁵.

Все места пространства в некотором смысле равноправны; всякое место — и объект и позиция разграничения, источник специфичного взгляда, особых вопросов (обычно при изучении природных объектов; в науках о Земле много случаев, когда знания об одних и тех же объектах различны из-за формирования на разном материале). Самые достоверные и интеллектуально честные знания о пространстве могут нести отпечаток конкретной (исходной) области; выражать в знании одних мест стереотипы других, делать универсальным и транслировать конкретный стиль конкретного места (стиль ландшафта: например, в Австралии животным положено быть сумчатыми; «культура хамства» — известный стиль среды). Более того, знания (картины) мест должно осмысливать как порожденные определенными областями и/или как приписанные им⁶. Возможно, «самосознание» отдельных областей подменяет знание. Это обычная, почти тривиальная ситуация, но в сфере пространства она трудно и редко рефлектируется; пространство почти **нерефлектируемо** (пример — ландшафт страны, особенно социокультурная активность в нем). Забегая вперед, спрошу: не реализовало ли понятие маргинальности такой способ описания, где чуждое/далекое описывается не через смысл, а посредством указания места в пространстве?

5 Реальный пример: для русских традиционалистов потомки еврея-отца и матери-русской — не-русские («евреи»), для еврея-традиционалиста они же — не-евреи («русские»).

6 Общая картина природного (природно-культурного) ландшафта Европейской России — четкая и простая. С севера на юг следуют одна за другой большие сплошные зоны: тундра — лесотундра — тайга — смешанные леса — лесостепь — степь. Ясная красивая картина — широтная зональность. Но идеальную для одного региона (Восточно-Европейская равнина) схему сделали универсальной, но как таковая она оказалась слишком простой, ткань ландшафта намного сложнее.

В проблеме границ есть и иная составляющая — концентрация на том, что некоторые морфологически, телесно выраженные границы (рубежи, барьеры безотносительно функции разграничения) организуют вокруг себя особые среды и сосредотачивают активность; нередко оказывается, что активность и приурочена к границам (границные поверхности в физико-химии; контактные ландшафты, сочленяющие разные зоны: на стыке границ природно-культурных зон стоят многие крупные города, например Москва; междисциплинарные исследования). Известны системы, так сказать, оседлавшие границу; извлекающие эффекты из градиента и просто различий. Исследование границ как компонентов морфологии пространства нередко выявляет у них функции активно действующих центров; границы как бы превращаются в центры (аналог: двойственность исторического события как вежи=рубежа и фокуса=ядра этапа исторического времени). Границы структурируют пространство и формируют общности⁷. Всякая ли группа на границе маргинальна: неужто заведомо маргинальны переводчики, особенно в широком смысле? Или маргинальность — в неспособности осуществить продуктивное взаимодействие смежных зон, несоответствие задаче места? Возникает сюжет **парамаргинальности**..

Многоаспектность разграничения, связанная с многообразием позиций (субъектов), приводит к появлению образований, в каждом месте которых может быть фиксирована (та или иная) граница, и значит, вся их среда обретает черты переходной зоны; тотальная экотонность: похоже, об этом как атрибуте культуры писал М. Бахтин? Понятие границы предполагает возможность **инверсий 'центр—граница'**. Они реализуются (Ю. М. Лотман трактовал подобные инверсии как 'центр—периферия'⁸) — тогда повсеместны, всюдны не только границы, но и центры. Уподоблена граница центру и, так сказать,

7 См.: Географические границы. М., 1982.

8 См.: *Лотман Ю. М. Культура и взрыв*. М., 1992.

большой семиотичностью; центр и граница — более семиотически нагруженные, символически значимые компоненты (вплоть до того, что контур страны, рисунок ее границ на карте может быть значимым символом и деталью герба). Посредством центров и границ системы и взаимодействуют друг с другом, и различают друг друга. Взаимопереходы центров и границ, инверсии основных и переходных зон — такие игры понятий, в которых отражается игра реальностей: в культурном ландшафте нередко центры=границы (именно таков Санкт-Петербург как выражение одного из архетипов русского пространства; двойственность культуры Византии — общее место).

Граница — антиномична и парадоксальна; но эти амбивалентности и апории бывают и бременем (достоянием) тех, кто оказался (избрал себе место) в такой зоне. Одна сторона: алгебраические, логические, методологические, семантические, семиотические... коллизии категории границы; на иной стороне листа: историософские, культурные, метафизические, экзистенциальные... данности (быть может, этот лист сложно односторонен — например, лист Мебиуса)...

Таков примерно тот контекст, в который можно погрузить сюжет маргинальности. Контекст непрост, работа в нем чревата интеллектуальными опасностями (возможность универсализации границ, тотальный универсум пограничных зон, абсолютизация парадоксов).

Достаточно ли богат этот контекст, чтобы дать основания уподобить или даже свести маргинальность к позиционному эффекту, положению в системе со многими позициями? Является ли граница основой маргинальности? Но граница есть граница (а не просто морфологически значимая линия) именно и только как граница того, что разграничивается; границ как таковых быть не может по понятию границы. Тогда следует вывод: реальный горизонт для (рассмотрения) маргинальности — не границы (переходные зоны) как таковые, но достаточно сложное связанное пространство, где, как минимум,

смежные области взаимодействуют и налицо позиционные эффекты.

* * *

Понятие маргинальности было введено Р. Парком и вошло в обиход именно для такого рода ситуаций⁹; это понятие как раз фиксирует особые места социального пространства. Специфика этих мест, равно как и специфика занимающих их групп, — позиционная, она состоит в особенности пространственного положения и выводится из него. Если это верно, то бессмысленно считать (называть) маргинальными отдельные группы, персоны, ситуации, феномены, какими бы они ни были. Это столь же бессмысленно, как называть нечто границей вне соседства, переходные зоны — вне того, между чем они являются переходами. Если маргинальность — позиционное пространственное понятие (что не исчерпывает его содержания), то оно имеет смысл исключительно в определенном контексте, системе отношений. (Однако нередко встречаются совмещения понимания маргинальности по Р. Парку и ее идентификации внепозиционным образом.) Тогда обязателен следующий шаг: это пространство должно быть представлено, актуализировано, эксплицировано; это касается и культурного сознания, коль скоро маргинальность живет уже в нем. Одного указания на местонахождение между двумя областями пространства недостаточно; оно достаточно в столь бедных пространствах, что их нет нужды представлять как пространства. В пространстве даже отношение 'быть между' для любого места множественно; позиционная маргинальность предполагает либо привилегированную (единственную) пару зон, между которыми размещается одна переходная зона, либо привилегированное (избранное) направление, ось, линию

⁹ См.: Шибумани Т. Социальная психология. М., 1969; Stonequist E. V. The marginal man. N.Y., 1961.

этого пространства. Даже в линейном тексте отношение 'быть между' многозначно из-за поликонтекстуальности; для пространства — полимасштабности.

Если можно выделять ситуации на основании их положения в пространстве, то почему только маргинальные: в любом (и социальном) пространстве много разных типов мест. Разве социолог обязан следовать логике мифа, где граница — абсолютна и единственна? И граница эта — не местообитание, среда, а барьер, свойства/функции которого актуализируются при пересечении его персонажем; маргинал находится в прямо противоположном положении — он может жить в границе, но не может ее пересечь, покинуть. Еще одно противоречие: маргинальные группы заданы пространственно, но сами пространственно аморфны; как это возможно в столь пространственно жестком социуме, что нахождение в определенных местах сразу задает статус? Если маргинальность только описывается через пространство, то все равно вопрос о специфике пространства как индикатора (знака) остается. Если маргинальность фиксируется на пространственной основе, то должен ли сам феномен быть изучен прежде всего пространственно?

Не означает ли это, что основные, базисные, «полноценные» группы даны безотносительно своего положения в пространстве, они просто есть, а иные группы осмысленны лишь относительно первых, и отношение это — в общем пространственное (и временное: пресловутые развивающиеся страны). Сказанное — сильное предположение о структуре социального пространства. Еще огрублю: главные структуры и элементы социальной структуры пребывают (мыслят себя?) вне пространства, а пространство организует упорядочение вторичных, производных, в сущности, полуполноценных групп. Неужели только париям находят место исключительно на основе пространственного положения? Если так, то это многое говорит о социокультурном статусе категории пространства и статусной роли пространства; в плоской популярной схеме 'центр — периферия': пространственные отношения описыва-

ют лишь миры периферии, само пространство лежит на культурной периферии, что также общее место. Как быть, однако, с иными позиционными группами; сразу встает проблема **элиты** — смыслового центра.

Вполне вероятно, что среды переходных зон имеют общие черты (это обсуждается во многих дисциплинах), что все равно не позволяет, основываясь лишь на этих чертах, идентифицировать вырванные из контекста фрагменты как принадлежащие к переходным зонам. Переходные=пограничные зоны внутренне разнородны, включают разные элементы (сообщества); тогда для термина «маргинальность» единственное число неуместно или маргинальные группы находятся в состоянии полураспада на исходные элементы. Простой пример из природного ландшафта: лесостепь и лесотундра — равно переходные зоны, но вот лесостепь — сочетание и чередование участков леса и степи, а лесотундре присущи специфичные жизненные формы растительности, и никаких фрагментов тундры и леса (тайги) по отдельности там нет. Разнообразие переходных=пограничных зон велико, велики и вариации уровня интеграции; он не связан прямо с исходным пограничным положением. В пространстве все места расположены между другими местами, испытывают их воздействие, пронизаны их взаимодействиями; особенности и функции мест связаны с их положением в пространстве. Но это не означает тотальности переходных зон. Москва физически расположена между Химками и Подольском, но неверно считать Москву переходной зоной между Химками и Подольском; структурно тождественна ситуация наделения России особыми функциями посредника, медиатора, интегратора Запада (Европы) и Востока (например, Китая), исходя исключительно из топографического положения (такие функции несомненны, но это уже проблема масштаба). Опять двойственность...

Маргинальное положение не сводится к положению «между», содержит иные компоненты. Подчеркну вопрос: **какой еще** аспект положения в пространстве — пресуппозиция мар-

гинальности? Оставлю вопрос открытым; он требует специальной работы.

Вероятно, лишь некоторую часть ситуаций пограничья осмысленно трактовать в ряду маргинальности; сколь верно считать маргинальным американский фронтьер (тогда — опущу обоснование — и Голливуд)? казачество? междисциплинарные исследования в науке? Маргинальна ли космополитичная среда мировых городов — коммуникативных посредников=границ центрируемых ими территорий? Неужто маргинален экзистенциальный трагизм пограничной ситуации? Кризис?

По-видимому, нет тут простых ответов. Указанием на то, что маргинальность — лишь один феномен большого ряда, не отделаться: какой именно? его основания? потенциальная сводимость к положению, позиции, месту? или актуальная выводимость? Описывает ли наше понятие все же место в социальном пространстве — или группу, занимающую это место (может ли быть это место свободным? насколько оно велико?)? Или еще и некоторую социальную среду, характерную для группы в определенном месте, но могущую разлиться, занять другие места? Это вещи разные. Есть ли места — позиционные матрицы, где «штампуются» маргинальность? Позиционный принцип предполагает не только зависимость места от положения, позиции, но и возможность изменения местом своего положения за счет активности; иначе пространства были бы обречены на статику, стабильность, застывание... Может быть, стоит предположить, что маргинально такое место, которое не может изменить своего статуса, сохраняя неизменной позиционную основу? Но и любая периферия находится ровно в таком же положении...

Если представление о маргиналах описывает не столько группу, занимающую конкретное место, сколько серию групп, выделенных (мыслимых) на основании то ли вообще пространственного (а не иного) положения, то ли не обязательно пространственного, но непременно двойственного статуса и т. п., — т. е. просто по «прочим» основаниям, то разнородность

тех, кого называют маргиналами, вполне понятна. Но вряд ли Р. Парк и его последователи к тому стремились. Новейший культурологический словарь: и массовая, и элитарная культуры отнесены к маргинальной; статус сохранных элементов народной культуры описывается как маргинальный¹⁰.

В экологии развито представление об экотонных экосистемах, которым присуще занятие тех мест, на которые не претендуют иные сообщества: свалки, обочины, малые кромки, новые ниши; в них много общего с тем образом маргинальности, к которому я обращаюсь, кроме универсализации и оценочности, хотя роль/функцию экотонов в экосистемах оценивают двойственно, а экотонизация антропогенной растительности почти общепринята (но оценки доли экотонов в общей площади расходятся на порядки, минимум — в десятки раз).

Маргинальность как позиционный феномен может пониматься и несколько иначе; существуют и другие типы местоположений. Обращусь к существующему расхожему образу маргинальной ситуации и сделаю несколько замечаний; от автора ожидается и собственная версия... В стандартном понимании маргинальной позиции остался без внимания аспект сугубой временности; Чикаго во время «открытия маргинальности» был школой американской жизни; шел поток иммигрантов, никто не хотел быть маргиналом, это была группа поневоле. Маргинальное место было переходной зоной, потому что нельзя было сразу оказаться в ином месте (и социально и топографически; в американском городе эти два аспекта сцеплены). Если опустить несколько шагов рассуждений, то окажется: маргинальна такая ситуация, когда группа не может занять желаемой позиции, места. Маргинальной делает ситуацию диссонанс; некоторые группы не могут занять желательных позиций в силу недостижимости, самой простой причиной чего является занятость позиции другой группой. Маргинальны те группы, которые находятся «не на своем месте».

10 См.: Культурология. XX век: Словарь. СПб., 1997.

Основания же нахождения в **диссонансе** (часто — конфликте) с фактически занимаемым местом весьма многообразны; лишь первое и самое простое — занятость «нужной» позиции. Второе: диссонанс может быть внутренним; видимо, существуют группы/персонажи, которым диссонансы строения, дефекты формы не позволяют «быть на месте» независимо от места. Третье: несоответствие размеров мест (позиций) и размеров групп: иной раз в роли маргиналов оказываются (ставятся) группы/персонажи слишком крупные — заведомо крупнее стандартных социальных ниш. Но не маргинализует ли еще более избыток места, экстенсивная свобода? Нужно упомянуть и сюжет рефлексии как (потенциально) маргинализирующей силы... Вообще говоря, экстремально, в том числе маргинально, и место всякой системы, формой, структурой, симметрией конфликтующей со средой, в том числе и с собственным материалом.

Исходному такое представление не противоречит.

Их объединяет тривиальный, на первый взгляд, вывод: невозможна ситуация, где все группы (соответственно все позиции) маргинальны. Но и для редукции маргинальности к переходной зоне мы видели теоретическую возможность существования пространства, все места которого будут носить характер переходных зон, хотя бы в силу того, что разные места могут быть переходными в разных отношениях. Теперь допустим, что существуют позиции, которые не могут быть заняты никакими (реально существующими) группами. Очевидно, что в советском социуме позиция «смысловая статусная элита» не могла быть занята (за редчайшими исключениями: Ю.М. Лотман, А.Д. Сахаров). Она была пуста, но существовала в том смысле, что без нее пространство позиций оставалось неполным (нет нужды напоминать, что в экосистеме всегда есть свободные экологические ниши, это сравнение, а не уподобление). Тогда и сколь угодно «обоснованные» претензии на занятие этой позиции (ниши), как и иллюзия пребывания в ней, равно вели к маргинальности — разного типа для разных групп.

Ситуация принципиальной пустоты значимых позиций может означать, что все группы маргинальны, причем глубина этой маргинальности может как угодно сочетаться со статусом и социализированностью группы. Позиции не изолированы, и вполне вероятно, что ряд позиций может быть занят и даже просто существовать, только если иные позиции пусты.

* * *

Классическое понятие маргинальности можно обобщить: маргинальной будет такая ситуация, где персонаж занимает в разных расчленениях (образах, аспектах, слоях) системы разные позиции. Позиция — место внутри определенной зоны. Минимумом может быть две зоны; персонаж может находиться внутри либо снаружи системы. В двух из четырех вариантов диссонанса нет; в двух — разные позиции одного персонажа разделены границей (не местоположение в зоне=границе как обычно, а граница внутри местоположения). Если оба расчленения равноправны, есть две пары симметричных вариантов. Однако есть основание сделать одно из расчленений выделенным, отмеченным; в исходном представлении также была асимметрия. Пусть сильное расчленение относится к внешнему заданию позиций, статусов мест, а слабое — к внутреннему. Персонаж имеет место в системе (внешний статус) и одновременно «определяет» свое место (внутренний статус). Если оба статуса задают место внутри системы, то ситуация не имеет отношения к теме. Если внутренний и внешний статус задают место вне системы, то персонаж — **аутсайдер**; его смешение с маргиналом — симптом какой-то семантической патологии (иной симптом, сочетание с которым свидетельствует о запущенности болезни, — неразличение провинции и периферии, периферии и маргинальности; социологи=россиеведы склонны отождествить все это с регионами, вместе с Москвой и образующими страну). Теперь случай, где внешний статус выше внутреннего: персонаж пребывает внутри системы, но полагает себя находящимся снаружи; за неимением термина исполь-

зую штамп — «**лишний человек**». Последний случай: внутренний статус выше внешнего, персонаж пребывает вне системы, но полагает себя находящимся внутри. По-видимому, в рамках этой модели такой персонаж и должен именоваться. По крайней мере, приписываемую образу маргинала имитацию рефлексии, нередко выражающуюся в поисках и обоснованиях границ, логичнее локализовать в этом персонаже.

Изобразим сказанное таблицей (это всеерная матрица); нетрудно видеть, что схема — совмещение двух разных расчленений одного пространства, а ячейки таблицы — зоны этого пространства.

ВНУТРЕННИЙ СТАТУС	ВНЕШНИЙ СТАТУС	
	внутри системы	вне системы
внутри системы	КОНФОРМИСТ	МАРГИНАЛ
вне системы	«ЛИШНИЙ ЧЕЛОВЕК»	АУТСАЙДЕР

Самоопределение, полагание и т. п. — упрощающие метафоры. Внутренние и внешние статусы соотносимы, например, с частным и публичным, отношениями на основе ближнего и дальнего порядка (местом в общине и обществе?); эти отношения асимметричны.

Увеличив либо число зон (дробность расчленения), либо число расчленений (сложность), можно получить достаточное число вариантов. Рано или поздно среди них появится именно тот, что удовлетворит всем аспектам понятия маргинала.

* * *

Эти заметки трактуют маргинальность издалека и извне. Более того, они трактуют ее с позиции, которая сама объявляется маргинальной: не таковы ли пространствоведение и тем более география? Не буду этого оспаривать. Пообещаю в следующей статье подробнее войти в типологию переходных ситуаций.

КРОШКИ ПОЭЗИИ НА КАРТЕ*

Лавренова О.А. Географическое пространство в русской поэзии XVIII — начала XX в. (геокультурный аспект) / Научный ред. Ю. А. Веденин. — М.: Ин-т наследия, 1998. — 128 с., ил. (Приложение: Карты отображения географического пространства в русской поэзии XVIII — начала XX в. / Сост.: А. А. Парамонова, С. В. Бондарчук, Т. В. Рыжлова.)

Поэзия выражает и формирует образы мест, пространств страны и мира, включая в тексты имена конкретных мест. Эти образы могут быть научно изучены. Как именно изучены? каково содержание, смысл, динамика образов? На эти вопросы отвечает рецензируемая книга, одна из первых попыток освоить поэзию как материал географии; примечательный труд, выразивший немало черт времени.

В сфере широко понятой науки есть немало сложившихся, культурно освоенных пересечений предметов географии как учения о земном пространстве и дисциплин о литературе и языке; упомяну некоторые, не стремясь к полноте и не утверждая, что пересечение предметных сфер и даже комплекс знаний в такой узловой точке — уже контакт дисциплин. Языковая картина мира в части своей — картина Земли и стран, пространственные аспекты значимы в картине, хотя трудно поддаются реконструкции; это большое, методически непростое направление, в котором статус реконструируемой картины беспрерывно проблематизируется; все больше внимания привлекает «семиотика пространства» (например, школа Н. Д. Арутюновой). Есть и поэтика пространства, реконструкция пространства художественного текста; нередко это пространство

* Впервые: Новое литературное обозрение. 2000. № 42. Рецензия подготовлена в рамках исследования, осуществленного при поддержке Фонда Макаруров.

имеет конкретные (Петербург Ф. М. Достоевского, А. А. Блока) или абстрактные географические коннотаты (империя И. Бродского). Изыскание прототипов географических, как и персональных, бытует в литературоведении; оно проблематично, но неизбежно как народные этимология или топонимика. Есть жанр «путешествие», его осмысление включает работу и с географическим пространством¹.

Утвердились служебные дисциплины — лингвострановедение и литературное страноведение, не очень ясен статус их содержания, географически они банальны, но это не география. Еще упомяну топонимику, ономастику, лингвогеографию (ареальную лингвистику), фольклористику, где обязателен географический аспект, и сравнительные языковедение и литературоведение (где он необязателен). Быстро растет размытая междисциплинарная область культурной семантики, все более проникающая географическим содержанием. Особый сюжет — огромный поток метафоризаций карты, ландшафта, пространства, путешествия в постструктурализме и эпистемологии.

Гуманитарные науки могут обращаться к ландшафту как таковому, как феномену либо как уже предмету иных дисциплин; география может как прямо изучать феномены культуры, так и опосредованно, через уже имеющиеся знания о них; научный стандарт не запрещает прямой вход в новые сферы, но методологический вкус предполагает осторожность.

Существенно, что именно в гуманитарной науке России ведутся исследования, тематически близкие тем работам англоязычных географов, на которые опирается автор; только, по-моему, глубже. Это семиотические в широком смысле подходы к пространствам города (городской среды), государства,

1 Но мудрый И. А. Гончаров по-прежнему прав: «Нет науки о путешествиях: авторитеты, начиная с Аристотеля до Ломоносова включительно, молчат; путешествия не попали под ферулу риторики, и писатель свободен пробираться... никому не отведено столько простора и никому от этого так не тесно писать, как путешественнику» (*Гончаров И. А. Фрегат «Паллада»*. Л., 1986. С. 12). Ах, как прав, ведь и полипредметное, междисциплинарное исследование — путешествие.

живописи, страны, текста, фильма; символическая структура городского пространства, выделение городских урочищ; культур-геополитические архетипы России; имен так много, что не перечислить: например, С. Аверинцев — Ю. Лотман — В. Топоров — Б. Успенский... В России и на материале России разрабатывается и семиотика, и поэтика пространства; остается лишь один (но какой трудный) шаг до герменевтики ландшафта России.

Географическое по предмету и по материалу осмысление пространства ведется в нашей стране «совершенно гуманитарно»; но вот сам образ «российского пространства» акцентирован и даже утрирует природный компонент, натурализует культурный ландшафт. И в этом тоже неоднозначность пространства в нашей культуре.

* * *

Но об этих сюжетах в книге нет ни слова; их будто не существует, поле взаимодействия пусто, не размечено. Автор замечает его сам, география прямо взята как способ анализа поэзии, поэзия — как источник географического материала. Перед нами заявка: почти география поэзии².

Сама идея соотнести русскую географию, одну из четырех ведущих национальных школ географии, наряду с англо-американской, немецкой и французской (за оценку отвечаю), и русскую поэзию, великую и самобытную (общее место), многим приходила в голову, но никогда, сколько известно, развернуто не реализовалась. Попытка осуществить замысел аналитического соотнесения двух компонентов национальной культуры — несомненная заслуга автора. Книга дает большой материал и немало поводов для размышлений. В центре данной рецензии будет подход, каким он реализован в самом исследовании, его предпосылки и результаты; а не декларации автора.

2 Включающая автора книги группа разрабатывает новое направление — «географию искусства»: *Веденин Ю.А. Очерки по географии искусства*. СПб., 1997; *География искусства: Сб. ст. Вып. I—II*. М., 1996—1998.

Будь книга сборником эссе, методологический пуризм был бы не нужен: немало географов размышляют, читая стихи; поэзия идеальна в экспедиционно-полевом быту: надобны вещи малого веса и большого смысла. Применять сию бытовую функцию поэзии — профессионализм географа-путешественника. Географ обязан уметь работать с визуальным материалом, отчасти рисовать, обязательно — рисовать карты, а не версифицировать. Русские географы, сколько известно, больше тяготели к живописи; так, известная коллекция «малых голландцев» Эрмитажа собрана классиком нашей географии П. П. Семеновым-Тянь-Шанским, автором хорошо написанных мемуаров.

Однако перед нами монография со всеми атрибутами научности; значит, в фокусе обязан быть метод. Не что, а как; не сколько вольно и красиво вьется мысль, а сколь доказателен вывод.

Сначала о книге как таковой. Не будем сразу о том, какова она по географическим меркам; стандарты эти публике неизвестны, и Бог с нею, с географией. Все знают устройство ученой диссертации: введение и заключение, посредине три главы, первая предмет (тему) обосновывает, вторая раскрывает, третья уточняет; много ссылок, цитат, рисунков, подробная рубрикация (более сорока разделов).

* * *

Главная предпосылка: географически анализировать поэзию можно, поэтический текст — материал о ландшафте, географическом пространстве, стране; анализ дает достоверные результаты.

Русская поэзия взята как список: А. Кантемир, В. Тредиаковский, М. Ломоносов, А. Сумароков, Г. Державин, Е. Баратынский, А. Пушкин, М. Лермонтов, Н. Некрасов, Ф. Тютчев, В. Брюсов, А. Блок, Н. Гумилев, С. Есенин, В. Хлебников, Б. Пастернак. Тексты для анализа — сборники избранного; это не ошибка, а следование определенному подходу.

Поэзия взята как текст, географическое содержание которого состоит в прямом упоминании имен географических объектов (топонимов) и им исчерпывается. Поэтические тексты редуцируются до совокупностей упоминаний топонимов, списков. Эти списки сводятся в частотные словари. Словари составляются и анализируются как персональные, для отдельных авторов; как хронологические — для периодов, тогда суммируются соответствующие фрагменты персональных словарей; анализируются в тематических аспектах.

И такой взгляд допустим, однако обращение именно к поэзии не аргументировано. Специфика поэзии, ее место в культуре противоречат аспекту, в котором она анализируется: поэзия берется как высокий жанр национальной культуры (именно культуры), как глубокое тонкое переживание пространства, способ его культурного освоения, а препарируется точно так же, как сводка новостей, анализируется как источник осведомленности общества. Уместна цитата программного характера: «...объекты культуры, в частности художественная литература, адекватно отражают состояние исходного культурного ландшафта и геокультурного пространства в целом» (с. 25); подчеркну: «отражают».

Одна из важных (несформулированных) предпосылок состоит в том, что поэзия за полтора века, насыщенных событиями, в том числе и внутренними для поэзии, оставалась почти одинаковым по объему «зеркалом», для исследователя — тождественным по полноте источником. Действительно ли роль поэзии как «адекватного отражения» не менялась, неужели семиотическая ситуация вокруг топонимов оставалась неизменной? Но в книге отмечен отход от классицизма с преобладанием символической топонимики.

Сведение поэзии к корпусу имен имеет следствием оперирование с корпусом поэтических текстов статистически: персональные словари суммируются, применяется фактически выборка (избранные сочинения), можно механически суммировать упоминания одних и тех же топонимов у разных по-

этов. Однако о статистических аспектах метода в книге ничего нет. Не находим и постановки вопроса: насколько единым был образ пространства у писавших в одно время поэтов, чтобы были осмысленны осреднение и статистика. Если словари — репрезентаторы образов, то суммируются образы. Но работа с распределениями имеет свои правила; в этой области методы отлажены, но здесь они не упоминаются. Действует презумпция статистического единства и однородности поэзии как множества топонимов. (Но этот путь лишь начат: массивы малы и неполны, статистического анализа нет.)

Такие частотные словари (бедные — мало имен) кладутся на карты, т.е. показывается, как часто упоминаются топонимы, что интерпретируется как упоминания денотатов этих имен. Анализируется также, насколько часто фигурируют разные элементы среды (горы, реки, города etc). Основные результаты анализа — многочисленные карты, представляющие своего рода поэтическую избирательность, частоту упоминания тех или иных топонимов; составлены персональные атласы русской поэзии (карт и таблиц много, книга — почти атлас). Они весьма интересны; выводы иллюстрируются множествами цитат, подобранных, кажется, со вкусом.

В основе методического арсенала — несложные приемы выявления обыденно-географического содержания массового сознания, построения «ментальных карт»; методики созданы для больших, статистически однородных групп людей, практически ведущих себя в пространстве (современных горожан массового общества англоязычных стран, преимущественно США). В этих, взятых за методический образец работах обычно исследуется, как именно группы осваивают, утилитарно используют, знают и воспринимают обыденную, простую среду, причем заранее известно, какую именно среду. Совокупность текстов одного автора и группа жителей как источники набора топонимов оказываются тождественными.

Остальной текст — методологические по функции рассуждения, (интересные) тематически-персонально-хронологи-

ческие подборки цитат, интерпретации-комментарии на не вполне ясной основе.

* * *

Можно ли научно изучать образ (знак, символ) объекта вне обращения к самому объекту? даже вне отчетливого о нем представления? Ответ на этот вопрос сразу высвечивает парадигму исследования. Если нам не нужен объект, то налицо лингвистика (семиотика; они не изучают вещи, «реальные» — внезнаковые — объекты). Если нужен, то это гуманитарная наука; естественные науки не имеют дела с образами, порожденными объектом, но используют его знаки-симптомы. Ответить на этот вопрос, однако, совсем не просто. Факт упоминания топонима еще не говорит об обращении именно к земному географическому пространству; каждый топоним может быть символом, даже если это символ сугубо персональный. Хотя, конечно, Иерусалим скорее выступает в символической роли, а речка Сетунь (орошает писательское Переделкино, в силу чего, кажется, поэтически воспета более Волги) — как элемент конкретного ландшафта. Но всякое место событийно, и его имя — не знак ли (символ) этого события? «От Перми до Тавриды» — не выражение ли размера державы элементами поэтико-символического лексикона скорее, чем указание актуализированности Урала и Крыма? Но это различие в материале не реализовано. В некотором смысле поэзия в книге — «естественный знак», информационный симптом состояния реального пространства России. Образ пространства смешивается с самим пространством.

Книга полна интересных наблюдений и суждений, например, о быстро растущем топонимическом богатстве поэзии, десимволизации пространства по мере его освоения. Да вот беда: неясен статус суждений. Трудно понять, выражает ли поэтический материал культурно-символическое освоение земного пространства — или это увеличение топонимической лексики.

Опыт взаимодействия географии с иными дисциплинами показал: продуктивны лишь взаимные контакты. География многое взяла и дала наукам о растительности; обращение к топонимам дало топонимику; есть плоды союза с теорией классификации etc. География тогда сможет «взять» (освоить) поэзию, когда сама сможет «дать» что-нибудь учению о поэзии. Иногда география обедняется, а иное состояться не может. Здесь дело обстоит именно так.

Взаимодействие русской поэзии и русской географии в книге осуществлено посредством методов, призванных фиксировать обыденное пространственное сознание групп людей в массовой стереотипной среде; в иных ситуациях эти методы не применимы. А тут гении русской поэзии в редкостно ярком большом пространстве России. Тексты культурно уникальных персон о специфичном пространстве исследуются как пространство покупателей. Картографическая арифметика имен оттеснила герменевтику пространства.

А ведь российская география большого имперского пространства и русская поэзия, живущая в этом пространстве, часто этим пространством и об этом пространстве, представляют собой разные полюса пространствопонимания культуры, мало знающие друг друга, — светоносный центр поэзии и научное захолустье географии...

Реконструкция методологии работы приводит к весьма странному выводу: географическое пространство (ландшафт) — бесформенно и бесструктурно; смыслом (формой) его наделяет исключительно и именно поэзия, шире — «духовная культура»³. Единственный вид упорядоченности ландшафта — плот-

3 Близок подход и в упоминавшихся работах: культурный ландшафт трактуется преимущественно (если не исключительно) как совокупность образов и отдельных особых мест пространства; традиционное же для российской географии понимание культурного ландшафта подчеркивает в нем сплошность и сплетенность телесных и символических компонентов, что и обеспечивает его смысл, цельность и ценность

ность заполнения обыденными индивидуальными предметами-местами: моря, реки, горы, города, страны. Это и изображается картами. Ландшафт — бесструктурная совокупность тел, куча. Если ландшафт — куча, то его образ обязан быть именно кучей имен. Но ландшафт не куча, а система; вещи не слагают ландшафт, а выражают его; ландшафт «состоит» из отдельных тел в том же смысле, в каком поэтический текст «состоит» из букв, фонем, морфем.

Бесформенность, аморфность ландшафта декларируется: «Исследование собственно геокультурной реальности через поэтические тексты позволяет зафиксировать ее морфологию. Точки, линии, площадные географические объекты, выявленные методом картирования отраженного в поэзии географического пространства, являются его морфологическими элементами» (с. 90); но это не ландшафт состоит из множеств точек, линий и площадей, а карта — как знаковая конструкция. Вообще-то морфология и природного и культурного ландшафтов разработана в России хорошо. Формы пространства ландшафта известны и изучаются; именно умение найти и выразить культурно значимые формы пространства санкционирует географию в культуре (а не только в науке); в культуре не только поэтические образы разнятся север и юг Европы, Кавказ и Сибирь.

И текст, и географическое пространство трактуются совершенно бесструктурно; первое — как куча имен, второе — как куча мест. Но тогда это картирование совсем малой части словника; при чем же здесь география? и поэзия?

И зачем поэзии обращаться к бесформенному?

Вот если б удалось доказать, что в «общественном сознании» ландшафт страны дан сам по себе как бесформенно-бесструктурный, а структурируется сугубо внешне — исторически, мемориально, персонально, политически, поэтически, символически; но как это доказывать? Вполне возможно, что именно так дело и обстоит (рецензент решается высказать это как сугубо экспертную оценку). Однако подобные тезисы стоит явно проговаривать и аргументировать.

Исследование проведено так, что наличие и характер форм пространства значения не имеют, как и эстетический статус текстов. Аналогичное исследование на материале гимназических учебников или поговорок ничем не отличалось бы, кроме систематичности и полноты.

Географическое пространство выражено в именах; хотя это выражение чрезвычайно неоднозначно, причем исследование эту неоднозначность никак не ограничивает. Однако полно ли выражение географического пространства только посредством имен?

Поэзия взята как сумма имен, география — как исследования размещения индивидуальных объектов; но география — совсем иное, видимо, как и поэзия. Географический анализ поэзии проведен как анализ размещения материальных точек в пространстве.

Поэзия и география соотнесены своими третьестепенными аспектами, перифериями. Но их центры богаче; они еще и ближе: поэзия — образы, в том числе и образы мест (и типов мест, и отношений к ним), а география вырабатывает представления знаний о местах, когнитивные образы мест. Их соотнесение можно сделать правомерным; российская география полагает своим достоинством именно наработку синтетических образов ландшафтов (районирование, типология ландшафтов). Образ пространства в поэзии неминуемо оказался бы куда тоньше и богаче, если б пространство понималось не как куча имен, а как сплошная ткань культурных ландшафтов. Книгу «Пространство России, русской поэзии и русской географии» по-прежнему предстоит написать.

Представим, что поэтический текст не содержит топонимов — будет ли он лишен географического содержания? А если в духовной поэзии мы видим Вавилон, Вифлеем, Египет, Иерусалим, означает ли это географическую ориентацию на Ближний Восток?

Если рассматривается вопрос, каким именно отражает русская поэзия пространство, то странно умолчание о том, каким

же оно является. Да отражает ли? Ведь, приписывая поэзии когнитивные функции, следует сказать, что же именно поэзия фиксирует. Фиксирует, но вряд ли просто географию в топонимах, а скорее душевные, эмоциональные состояния, связанные с местами. Проза и живопись же, как принято считать, выражают сами образы мест. Впрочем, все может быть и иначе. Но и эти сюжеты нельзя не проговаривать. Поэзия должна быть обоснованным предметом анализа (в том числе географического); никакой культурный статус сам по себе не создает предмета исследования.

* * *

Теперь о том, что может казаться мелочами. Формат книги неудобен; немало опечаток. Цитаты лишены точного указания источника. Очень не хватает словаря географических названий и самих использованных частотных словарей. Неясны отношения самого текста и приложенного атласа, который содержит главный материал работы.

К сожалению, есть немало нарушений норм географической культуры издания. Карты неряшливо составлены и воспроизведены; не указан масштаб. Основа даже однотипных карт — опорный графический каркас, на который наносится специальное содержание, — различается: где-то в России показан Енисей, а где-то — нет, независимо от факта и частоты его упоминания/неупоминания в массиве текстов. Способы изображения избраны неумело. Контур России на картах за два века показан почти неизменным; этот анахронизм сильно затрудняет чтение карт — неясно, что из поэтических имен топонимов было внутренним, а что внешним. Названия карт далеки от содержания. Приложение названо неверно: это «Атлас упоминаний топонимов в поэтических текстах»; остальное — уже интерпретация.

И вот теперь я охотно еще раз обращаю внимание на достоинства книги. Они несомненны, их немало. Я позволю себе обойтись с книгой так, как ее автор — с поэзией: выделю часть и ее фрагментирую.

Попытка не удалась, но была развернута; знаем, как не надо.

Хотя статус результатов картирования неоднозначен, это богатый источник наблюдений. Вот только несколько.

Примечательны персональные атласы. Очень, очень беден образ России — или дело в корпусе текстов? Огромны различия «индивидуальных географий». Даже Европейская часть как-то представлена лишь у А. Пушкина, Н. Некрасова, В. Хлебникова, С. Есенина; Сибирь — пуста. Кавказ — значим. И т. д.

Примечательна быстрая глобализация русской культуры всего за один век (с. 7): включение в горизонт большей части Земли.

Район «Европейская Россия» не имеет самоназвания; и в поэзии — тоже (с. 31). Главное, самое богатое пространство, сердцевина, метрополия — безымянна, топонимически не определена. В ином месте поясняется: Россия = Европейская Россия (но, судя по выражениям типа «Россия и Сибирь», «Россия и Кавказ», это различалось).

Интересен культурный «каркас» пространства, «константы — геообъекты, упоминаемые большинством русских поэтов... Европа, Россия, Уральские и Кавказские горы; реки — Нева, Волга, Дон, Днепр, Нил; города — Санкт-Петербург, Москва, Рим» (с. 55).

За полтора века Россия (как позиция) «перемещается» из Севера в Азию, меняется культурное самоопределение, становясь более предметным и внутренним, утрачивая классицистский символизм. Поэзия вряд ли пригодна для понимания культурной освоенности среды, но попытка увидеть в поэзии выражение культурной позиции, самоопределения в реальном пространстве — очень продуктивна; дано немало ценных наблюдений.

Крайне интересны противоречия между «поэтической топографией» и реальной географией и культурной динамикой. В XIX в. пространство страны европеизировалось, включалось в европейский контекст, росли связи, а культурная позиция ориентализировалась (с. 77). «В системе представлений о мире... Россия как бы сдвигается на юго-восток» (с. 29); это умонастроение потом найдет крайнее выражение в евразийстве. Предмет поэтического самоопределения был, так сказать, неоднозначен — упадок дворянских усадеб шел параллельно европеизации пространства (дороги, телеграф, школы, кооперативы, земство, музеи, — Россия, особенно ее глубинка, переживала столетие назад музейный бум); пространство России оформлялось, культурно насыщалось, превращалось из периферии в провинцию. Тем и интересны подобные сюжеты. Тематическая, методически выдержанная хрестоматия могла бы стать ценным источником.

* * *

Будет книга издаваться как учебник — возражу. На доклад — охотно приду. Проект «География и поэзия» поддержу. Книгу поставлю на полку, затруднившись выбором места: далеко от Лотмана, от Страбона, от Пастернака...

* * *

Разговор о книге закончен. Теперь кое-что о том, симптомом чего представляется мне такая работа, одна из большого потока.

Массовая культурология заменила «тоску по мировой культуре». Нормой стала демонстративная сопричастность культуре, самый простой экстенсивный внешний способ чего — получение знаний, осуществление научных исследований, комбинаторика фактов культуры.

Особенно остра комплексная проблема национального культурного наследия. Но имеет ли смысл его поспешное на-

учное исследование? А ведь оригинальные национальные по материалу, культурно укорененные научные школы, продолжающиеся культурные традиции, — тоже часть культурного наследия, не только мемориальная, но и актуальная. Парадоксально, что крупные по замыслу работы Института природного и культурного наследия такие компоненты наследия охватывают мало.

Культура как предмет встала сейчас в нашей стране в интересный ряд: явно аналогична ситуация с пространством (ландшафтом) и отечествоведением. Все они были в загоне, на периферии — сейчас актуализированы, востребованы, вошли в моду, оказались в сфере общественного интереса, растет поток литературы. И что же? В самых бойких местах культурного пространства, на пересечении предметных сфер и традиций анализа, — тусклые образования. Грустно повторять старые истины. Никакие внешние обстоятельства осмысленность исследования не гарантируют. Спрос на знания, чистота намерений, интересный предмет, его особый культурный статус — не гарантия успешного исследования, но часто соблазны. Исследование феноменов культуры — компонент этой культуры, следование сложным нормам, правилам, условиям; работа сложная, трудная, долгая.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев Н. В.* Взгляд на «евразийский искус» из Центральной Азии: Россия и Бурятия в Евразии // Наука о культуре: Итоги и перспективы. М.: НИО «Информкультура», 1998. Вып. 4
- Аванесова Г. А.* Особенности евразийского анализа культуры // Наука о культуре: Итоги и перспективы. М.: НИО «Информкультура», 1998. Вып. 4
- Ажгихина Н.* Академики против «новой хронологии» // Независимая газета. 1999. № 240.
- Алексеев Н.* Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.
- Андреев Д.* Роза мира М.: Прометей, 1989.
- Арманд А. Д.* Ландшафт как конструкция // Известия Всесоюзного географ. общества. 1983. Вып. 2.
- Арманд Д. Л.* Наука о ландшафте. М.: Мысль, 1975.
- Атлас СССР. М.: Главное управление геодезии и картографии СССР, 1984.
- Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. Т. I: От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.
- Бандман М. К.* Геополитическое положение Сибири после распада СССР // Известия РАН. Сер. географ. 1994. № 3.
- Бовин А.* Евразия: миф и реальность // Известия. 1998. 17 дек.
- Боков А. В.* Геометрические основания архитектуры в картине мира. Автореф дис... докт. архитектуры. М., 1995.
- Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. М.: Аграф, 1997.
- Викторов А. С.* Рисунок ландшафта. М.: Мысль, 1986.
- Виленкин Н. Я., Шрейдер Ю. А.* Мажоритарные пространства и квантор большинства // Семиотика и информатика. 1977. Вып. 8.
- Вишневский А. Г.* Единая и неделимая // Полис. 1994. № 2.
- Высоковский А.* Архитектура разрухи // Век XX и мир. 1994. № 9/10.
- Галковский Д.* Русская политика и русская философия // Иное. М.: Аргус, 1995. Т. 2.
- Географические границы. М.: Изд-во МГУ, 1982.

ЛИТЕРАТУРА

- Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. М.: Ин-т географии РАН, 1995.
- Глазычев В. Л.* Социально-эстетическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984.
- Голд Дж.* Психология и география. М.: Прогресс, 1990.
- Грицай О., Иоффе Г., Трейвиш А.* Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991.
- Гройс Б.* Стиль Сталин // *Гройс Б.* Утопия и обмен. М.: Знак, 1993.
- Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экспресс, 1993.
- Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1984.
- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М.: Книга, 1991.
- Дмитриев Р.* Духовные рубежи государства // Независимое военное обозрение. 1997. № 22.
- Дугин А.* Мистерии Евразии. М.: Арктогея, 1996.
- Евразийство: за и против, вчера и сегодня (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1995. № 6.
- Единство России и этнокультурный плюрализм. М.: НИО «Информкультура», 1995 (= Наука о культуре: итоги и перспективы. Вып. 4).
- Жерихин В. В.* Основные закономерности филогенетических процессов: Автореф. дис... докт. биол. н. в форме научного доклада. М., 1997.
- Зубов А. Б., Колосов В. А.* Что ищет Россия? // Полис. 1994. № 1.
- Игнатов А.* «Евразийство» и поиск новой русской культурной идентичности // Вопросы философии. 1995. № 6.
- Исаченко А. Г.* Ландшафты СССР. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985.
- Каганский В. Л.* Географические границы: противоречия и парадоксы // Географические границы. М.: Изд-во МГУ, 1982.
- Каганский В. Л.* Природоохранная деятельность и ценность границ // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. Тарту, 1985. Вып. 704.
- Каганский В. Л.* Проблема границ в географическом пространствоведении // Пространство и время в географии. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 1987.
- Каганский В. Л.* Методологические проблемы районирования и его отношения к концепциям геопространства // Исследование методологических проблем географии в Эстонской ССР. Таллинн: б. изд., 1987.
- Каганский В. Л.* Мир географических открытий и мир современной географии // Исследовательские программы в современной науке. Новосибирск: Наука, 1987.
- Каганский В. Л.* Концепция человека в географии физической и экономической // Взаимодействие физической и экономической географии. М.: Московский филиал Всесоюзного геогр. общества, 1988.
- Каганский В. Л.* Переходные зоны как компонент культурного ландшафта // Географические проблемы интенсификации хозяйства в староосвоенных районах. М.: Ин-т географии АН СССР, 1988.

ЛИТЕРАТУРА

- Каганский В.Л.* Социально-экономические функции высотных зон // Проблемы горного хозяйства и расселения. М.: Ин-т географии АН СССР, 1988.
- Каганский В.Л.* Портрет культуры в ландшафте // Архитектура СССР. 1989. № 5.
- Каганский В.Л.* Районирование как расчленение континуальных предметных сред // Классификация в современной науке. Новосибирск: Наука, 1989.
- Каганский В.Л.* «Центры» и «границы» как дополнительные категории географического пространстведения // Центрографический метод в экономической географии. Л.: Геогр. общество СССР, 1989.
- Каганский В.Л.* Классификация как знание и знание о классификации // Язык и структура знания. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1990.
- Каганский В.Л.* К феноменологии урбанизированных ландшафтных сред // Городская среда: проблемы существования. М.: ВНИИ теории и истории архитектуры, 1990.
- Каганский В.Л.* Кто же мы // Век XX и мир. 1990. № 6.
- Каганский В.Л.* Социализм: дальше — больше (заметки реалиста) // Век XX и мир. 1990. № 12.
- Каганский В.Л.* Сравним образы // Радуга (Таллинн). 1990. № 7.
- Каганский В.Л.* «Единый и неделимый» (Защищены ли мы от ядерного потенциала СССР?) // Век XX и мир. 1991. № 3.
- Каганский В.Л.* Ломать — не строить (Диалог радикала и охранителя над проектом конституции РСФСР) // Век XX и мир. 1991. № 4.
- Каганский В.Л.* Федерация? // Век XX и мир. 1991. № 7.
- Каганский В.Л.* Война и революция районов (К «анатомии» советского пространства) // Независимая газета. 1991. № 17.
- Каганский В.Л.* Классификация, районирование и картирование семантических пространств // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1991. № 3.
- Каганский В.Л.* Советская территориальная тектоника (административно-территориальное деление как источник политических кризисов) // Состояние страны. Аналитические вестники информационного агентства Postfactum. 1991. № 6.
- Каганский В.Л.* Личностное знание в биологии и географии // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1992. № 6.
- Каганский В.Л.* Запах серы // Век XX и мир. 1992. № 3.
- Каганский В.* Прыжок в неизвестность // Век XX и мир. 1992. № 6.
- Каганский В.Л.* Российское пространство: части сильнее целого // Век XX и мир. 1992. № 5.
- Каганский В.Л.* Дезинтеграция государства и стратегия негосударственных структур: пространственный аспект (резюме монографии «Анатомия советского пространства») // Исследования и разработки. М.: Ин-т коммерческой инженерии, 1992. Вып. 2.

ЛИТЕРАТУРА

- Каганский В. Л.* Административно-территориальное деление: логика системы и противоречия в ней // Известия РАН. Сер. геогр. 1993. № 4.
- Каганский В. Л.* Основные парадигмы районирования // Районирование и региональные проблемы. Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 1993.
- Каганский В. Л.* Реальности регионализации: основные спектры процесса // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. I. М.: Интерпракс, 1994.
- Каганский В. Л.* Спектр сценариев для Российской Федерации // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. I. М.: Интерпракс, 1994.
- Каганский В. Л.* Россия в «беловежском» пространстве // Пределы власти. 1994. № 2/3.
- Каганский В. Л.* Тюмень в неосоветском пространстве // Этика успеха. М.; Тюмень, 1994. Вып. 2.
- Каганский В. Л.* Идеологемы российского неосоветского пространства // Куда идет Россия? II. М.: Аспект пресс, 1995.
- Каганский В. Л.* Советское пространство: конструкция, деструкция, трансформация // Общественные науки и современность. 1995. № 2, 3.
- Каганский В. Л.* Проблемно-конфликтная структура как основа типологии регионов // Географические основы типологии регионов для формирования региональной политики России. М.: Ин-т географии РАН, 1995.
- Каганский В. Л.* Рамки региональной аналитики // Рациональный регионализм. М.; Тюмень, 1995.
- Каганский В. Л.* Что должен знать, иметь, уметь и любить настоящий географ? // География. 1995. № 44.
- Каганский В. Л.* Страна побеждающего регионализма? // Этика успеха. М.; Тюмень, 1995. Вып. 4.
- Каганский В. Л.* Граница как позиция и предмет понимания // Понимание как усмотрение и построение смыслов. Тверь: б. изд., 1996.
- Каганский В. Л.* Неосоветское пространство: основные структуры, трансформация // Куда идет Россия?.. III. М.: Аспект пресс, 1996.
- Каганский В. Л.* Советское обитаемое пространство // Знание—сила. 1996. № 6.
- Каганский В. Л.* Региональная политика Российской Федерации как проблема // Этика успеха. М.; Тюмень, 1996. Вып. 7.
- Каганский В. Л.* Ландшафт и культура // Общественные науки и современность. 1997. № 1, 2.
- Каганский В. Л.* Вторые города больших регионов современной России // Проблемы регионального развития: модели и эксперименты. М.: Ин-т географии РАН, 1997.
- Каганский В. Л.* Неопределенность современного российского пространства // Куда идет Россия?.. 1997. М.: Аспект пресс, 1997.
- Каганский В. Л.* Особая точка // Знание—сила. 1997. № 7.

- Каганский В.Л.* Методологические основания регионального анализа как культурной практики // *Культура в современном мире.* 1997. Вып. 3.
- Каганский В.Л.* Теоретическая биология — теоретическая экономика — теоретическая география // *Известия РАН. Сер. геогр.* 1997. № 2.
- Каганский В.Л.* Шесть проблем «Норильского Никеля» // *Экспресс-хроника.* 1997. № 37.
- Каганский В.Л.* Региональная аналитика и видение регионов // *Кентавр. Методологический и игротехнический альманах.* М., 1998. Вып. 20.
- Каганский В.Л.* Центр—провинция—периферия—граница. Основные зоны культурного ландшафта // *Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования.* М.; Смоленск: Изд-во Смоленского гос. ун-та, 1998.
- Каганский В.Л.* Россия и Миф России // *Неприкосновенный запас.* 1999. №3 (5).
- Каганский В.Л.* Экологический кризис: феномен и миф культуры // *Неприкосновенный запас.* 1999. №4 (6).
- Каганский В.Л.* На чем Москва стоит. Особая точка // *Неприкосновенный запас.* 1999. № 5 (7).
- Каганский В.Л.* Крошки поэзии на карте [рец. на: *Лавренова О.А.* Географическое пространство в русской поэзии XVIII—начала XX в. М.: Ин-т наследия, 1998] // *Новое литературное обозрение.* 2000. № 42.
- Каганский В.Л.* Вопросы о пространстве маргинальности // *Новое литературное обозрение.* 1999. № 37.
- Каганский В.Л.* Основания регионального анализа в гуманитарной географии // *Известия РАН. Сер. геогр.* 1999. № 2.
- Каганский В.Л.* Этюды о границах. I. Ситуация границы и граница // *Мир психологии.* 1999. № 6.
- Каганский В.Л.* Украина: география и судьба страны // *Неприкосновенный запас.* 2000. № 1 (9).
- Каганский В.Л.* «Россия»: число неопределенно-множественное // *Неприкосновенный запас.* 2000. № 2 (10).
- Каганский В.Л.* Главное свидетельство // *Неприкосновенный запас.* 2000. № 4 (12).
- Каганский В.Л.* Мнимый путь. Россия = Евразия // *Неприкосновенный запас.* 2000. № 5 (13).
- Каганский В.Л.* Распад СССР: сбывшееся и несбывшееся // *Русский журнал* [http://www.russ.ru/politics/marginal/200011229_kagansky.html]
- Каганский В.Л.* Узор ковра. Земной и идеальный портрет российско-советского пространства [рец. на: *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999] // *Ex libris-НГ.* 2000. № 25.
- Каганский В.Л.* Рынок пространства. Пространство в России вот-вот вырвется на свободу [рец. на: *Кордонский С.* Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000] // *Ex libris-НГ.* 2000. № 39.

ЛИТЕРАТУРА

- Каганский В. Л.* Путешествие в ландшафте и путешествие в культуре // Культура в современном мире: опыт, проблемы, решения. М.: НИО «Информкультура», 2001. Вып. 2.
- Каганский В. Л., Казанцев Н. Н.* О специфике языка картоидов // Новое в тематике, содержании и методах составления экономических карт. М.: Московский филиал Всероссийского геогр. общества, 1979.
- Каганский В. Л., Лютикова Г. В.* Биология — жизнь — культура // Знание — сила. 1992. № 12.
- Каганский В. Л., Полян П. М., Родоман Б. Б.* Район и страна В. П. Семенова-Тян-Шанского: современное звучание и значение // Известия АН СССР. Сер. геогр. 1979. № 3.
- Каганский В. Л., Родоман Б. Б.* Социокультурные функции самостоятельного походного туризма // Научные проблемы туризма и отдыха. 1988. № 2.
- Каганский В. Л., Чебанов С. В.* Семинар о негосударственной институционализации свободной науки // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах. М., 1997. Вып. 17.
- Каганский В. Л., Шрейдер Ю. А.* Карта как общий способ представления знаний // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1992. № 5.
- Калуцков В. Н.* Проблемы исследования культурного ландшафта // Вестник МГУ. Сер. геогр. 1997. № 4.
- Кара-Мурза А. А.* «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: Ин-т философии РАН, 1995.
- Кожара В. Л.* Анализ информативно насыщенных таксономических структур как способ выявления географических закономерностей: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 1989.
- Комаров А.* Россия слишком велика, чтобы сохранить целостность. Заметки одинокого сепаратиста // Час пик (СПб). 1997. 9 июля.
- Кордонский С. Г.* Некоторые социологические аспекты изучения хозяйственных отношений // Теоретические проблемы совершенствования хозяйственного механизма. М.: ВНИИ системных исследований, 1986.
- Кордонский С. Г.* Парадоксы реального социализма // Вопросы философии. 1991. № 3.
- Кордонский С. Г.* Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М.: ОГИ, 2000.
- Крупнейшие компании России // Эксперт. 1996. № 33.
- Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. I. М.: Интерпракс, 1994.
- Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. II. М.: Аспект пресс, 1995.
- Куда идет Россия?.. III. Социальная трансформация постсоветского пространства. М.: Аспект пресс, 1996.
- Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М.: Аспект пресс, 1997.

ЛИТЕРАТУРА

- Куда идет Россия?.. Трансформация социальной сферы и социальная политика. М.: Дело, 1998.
- Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М.: Логос, 1999.
- Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000.
- Культура в ландшафте и ландшафт в культуре. М.: НИО «Информкультура», 1995 (= Наука о культуре. Вып. 3).
- Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. М.; Смоленск. Изд-во Смоленского гос. ун-та, 1998.
- Культурология. XX век. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997.
- Латто Г., Полян П.* Закрытые города в приоткрытой России // Проблемы расселения: история и современность. М.: Ин-т географии РАН, 1997.
- Лебедева М.* Самоопределение регионов. Взгляд из Претории // Международная жизнь. 1994. № 11.
- Левада Ю. А.* Социально-пространственная структура российского общества: центр и регионы // Куда идет Россия?.. III. М.: Аспект пресс, 1996.
- Левинсон А. Г.* Метафоры пуги и шествия в массовом сознании россиян // Куда идет Россия?.. М.: Аспект пресс, 1997.
- Левинтов А. Е.* От района к региону // Известия РАН. Сер. геогр. 1994. № 6.
- Лейзерович Е. Е.* Локальные системы расселения и экономическое микро-районирование // Вопросы географии. Сб. 129. М.: Мысль, 1986.
- Либеральная хартия // Сегодня. 1993. 23 февр.
- Линч К.* Образ города. М.: Стройиздат, 1982.
- Лихачев Д. С.* Нельзя уйти от самих себя... // Новый мир. 1994. № 6.
- Лотман Ю. М.* Феномен культуры // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 463: Труды по знаковым системам. 10: Семиотика культуры. Тарту, 1978.
- Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.
- Мартыненко Г. Я., Чебанов С. В.* Идеи герменевтики в прикладной лингвистике // Квантитативная лингвистика и автоматический анализ текстов. Tartu, 1990 (= Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 912).
- Махнач В.* Империи в мировой истории // Иное. М.: Аргус, 1995. Т. 2.
- Метафизика Петербурга. СПб., 1993. Вып. 1.
- Мильков Ф. Н., Бережной А. В., Михно В. Б.* Терминологический словарь по физической географии. М.: Высшая школа. 1993.
- Митрохин С.* В интересах величия. О необходимости новых идеологий // Век XX и мир. 1994. № 9/10.
- Назарбаев Н. А.* Евразийский Союз: идеи, практика, перспективы. 1994—1997. М.: Фонд содействия развитию социальных и политических наук, 1997.
- Найшуль В. А.* Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991.

- Найшуль В. А.* Либерализм и экономические реформы // Мировая экономика и международные отношения. 1992. № 8.
- Невлер Л.* Культура хамства // Знание—сила. 1989. № 9.
- Негосударственная фундаментальная наука // Общественные науки и современность. 1997. № 4.
- Новикова М.* Маргиналы // Новый мир. 1994. № 1.
- Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция и социальный склероз. Новосибирск: Экор, 1998.
- Павленко С. Ю.* Легитимация административного регионализма // Куда идет Россия? III. М.: Аспект пресс, 1996.
- Пастухов В.* Культура и государственность в России: эволюция Евроазиатской идеи // Иное. М.: Аргус, 1995. Т. 2.
- Петров Н. В., Трейвиш А. И.* Региональный сепаратизм и дезинтеграция России // Россия и СНГ: дезинтеграционные и интеграционные процессы. М.: Ин-т географии РАН, 1994.
- Политический кризис в России (сентябрь—октябрь 1993). М.: Postfactum, 1993.
- Потанин Г.* Областные тенденции в Сибири. Томск, 1907.
- Проблемы региона: фундаментальные и прикладные исследования. Информационный бюллетень. Н. Новгород, 1993. № 1.
- Программа помощи депрессивным районам / Аналитическое управление Президента РФ. М.: б. изд., 1995.
- Простой советский человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. / Под ред. Ю. А. Левады. М.: Мировой океан, 1993.
- Рабинович Е. Г.* Середина Мира // Мифы народов мира: Энциклопедия. Т. 2. М.: Большая российская энциклопедия, 1997.
- Раппапорт А. Г.* К эстетике тоталитарных сред // Городская среда. I. Материалы научной конференции. М.: ВНИИ теории и истории архитектуры, 1989.
- Раппапорт А. Г.* Среда и Архитектура // Городская среда: проблемы существования. М.: ВНИИ теории и истории архитектуры, 1990.
- Родман Б. Б.* Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия?.. III. М.: Аспект пресс, 1996.
- Родман Б. Б.* География и судьба России // Знание—сила. 1993. № 3.
- Родман Б. Б.* Горы и человек: парадигмы и парадоксы освоения // Проблемы горного хозяйства и расселения. М.: Ин-т географии АН СССР, 1988.
- Родман Б. Б.* Искусство путешествий // География. 1993. № 5.
- Родман Б. Б.* Образы государства, внедряемые в массовое сознание // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии. М.: Ингер-центр, 1997.
- Родман Б. Б.* Основные типы географических районов // Вестник МГУ. Сер. геогр. 1972. № 1.

ЛИТЕРАТУРА

- Родаман Б. Б.* Пейзаж России. Камчатским читателям. М.: б. изд., 1994.
- Родаман Б. Б.* Процессы поляризации в географическом пространстве // Основные понятия, модели и методы общегеографических исследований. М.: Ин-т географии АН СССР, 1984.
- Родаман Б. Б.* Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999.
- Родаман Б. Б.* Узловые районы // Вопросы географии. Сб. 88. М.: Мысль, 1971.
- Розин В. М.* Опыт гуманитарного исследования художественной реальности поэтических произведений // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск: Наука, 1987.
- Россия и СНГ: дезинтеграционные и интеграционные процессы. М.: Ин-т географии РАН, 1994.
- Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.
- Русский узел евразийства. Восток в русской мысли: Сборник трудов евразийцев. М.: Беловодье, 1997.
- Савицкий П.* Континент Евразия. М.: Аграф, 1997.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Район и страна. М.: ГИЗ, 1928.
- Семиотика города и городской культуры: Петербург. Тарту, 1984 (= Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 664: Труды по знаковым системам. 18).
- Семиотика пространства и пространство семиотики. Тарту, 1986 (= Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 720: Труды по знаковым системам. 19).
- Солженицын А.* «Русский вопрос» к концу XX века // Новый мир. 1994. № 7.
- Солнцев В. Н.* Системная организация ландшафтов. М.: Изд-во МГУ, 1981.
- Тавровский Ю.* Три круга новой идеологии. У нас нет лучшей идеи, чем евразийство, а экс-премьер — пророк его // Независимая газета. 1999. № 166.
- Тархов С. А.* Транспортная интеграция и дезинтеграция постсоветского пространства: изменение пассажирских связей после распада СССР // Известия РАН. Сер. географ. 1997. № 3.
- Тархов С. А.* Эволюционная морфология транспортных сетей. М.: Ин-т географии АН СССР, 1989.
- Топоров В. Н.* Путь Земли // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1997. Т. 2.
- Трубецкой Н.* Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999.
- Тюмень в процессе формирования новой региональной политики: материалы консультативного опроса экспертов. Тюмень: б. изд., 1994.
- Тюнел И.* Изолированное государство. М.: Изд-во газеты «Экономическая жизнь», 1926.
- Уиттлси Д.* Региональная концепция и региональный метод // Американская география. М.: Изд-во иностранной литературы, 1967.

ЛИТЕРАТУРА

- Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Г.* В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М.: Наука, 1984.
- Цымбурский В.* Народы между цивилизациями // Pro et Contra. Бизнес и внешняя политика. 1997. Т. 2. № 3.
- Цымбурский В.* Остров Россия. Циклы похищения Европы // Иное. М.: Аргус, 1995. Т. 2.
- Цымбурский В. Л.* Россия — Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Чебанов С. В.* Логические основания лингвистической типологии. Вильнюс: VLANI, 1996.
- Чебанов С. В., Мартыненко Г. Я.* Семиотика описательных текстов. Типологический аспект. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999.
- Чувашиев Ю.* Визитная карточка. Облик красноярской часовни прочно утвердился на российских червонцах // Независимая газета. 1999. 28 дек.
- Шибутани Т.* Социальная психология. М.: Прогресс, 1969.
- Шрейдер Ю. А.* Районирование с логико-методологической точки зрения // Известия Всероссийского геогр. общества. 1986. Вып. 5.
- Шрейдер Ю. А., Шаров А. А.* Системы и модели. М.: Советское радио, 1984.
- Яковенко И.* Распад России как предмет осмысления // Независимая газета. 1999. 10 нояб.
- Яковенко И. Г.* Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.
- Яковенко И. Г.* Северорусская и южнорусская народности // Куда идет Россия?. III. М.: Аспект пресс, 1996.
- Chebanov S. V.* Biology and Humanitarian Culture: the Problem of Interpretation in Biohermeneutics and Hermeneutics of Biology // Lectures of Theoretical Biology: 2nd Stage. Tallinn, 1993.
- Stonequist E. V.* The marginal man. N.Y., 1961.
- Tuan Y. F.* Space and Place. London, 1977.
- Werlen B.* Society, Action and Space. An Alternative Human Geography. London; N.Y.: Routledge, 1993.

ПРИЛОЖЕНИЕ
МАРШРУТЫ: 1991 — 2000

РОССИЯ:

РЕГИОНЫ — СУБЪЕКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

включение: Башкирия, Архангельская, Иркутская, Калининградская обл., Камчатка, Карелия, Кировская обл., Красноярский край, Ленинградская обл., Московская, Нижегородская, Новгородская, Оренбургская обл., Приморский край, Рязанская, Сахалинская, Смоленская обл., С.-Петербург, Свердловская, Таймыр (Долгано-Ненецкий округ), Тверская, Томская обл., Хакасия, Челябинская, Ярославская обл.;

частичное включение: Бурятия, Владимирская, Кемеровская, Курганская обл., Мари-Эл, Пензенская, Псковская, Самарская, Саратовская, Тюменская обл., Чувашия.

ЗАПОВЕДНИКИ, ЗАКАЗНИКИ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРКИ:

Аркаим, Боровое, Бузулукский Бор, (полуостров) Витязь, Долина Гейзеров, Донгузская степь, Карельский перешеек, Кий-остров, Красноярские Столбы, Куршская Коса, Самарская Лука, Смоленское Поозерье, Соловецкие острова.

ПОСЕЛЕНИЯ (без Подмосковья и сельских поселений, включая сельские поселения — особые, базы включения, крайние точки маршрутов; **жирным шрифтом** выделены места ночлега):

Абакан, Абалаково, **Алочь**, Алыкель, **Анапа**, **Аркаим**, **Архангельск**, **Бакланово**, Балаково, Башмаково, Белёв, **Бирск**, Бискама-

МАРШРУТЫ

жа, Болхов, Большой Утриш, Бреды, **Братск**, **Бузулук**, **Валдай**, **Васильсурск**, **Велиж**, **Витязь**, Великие Луки, **Великий Устюг**, Венёв, Верхний Уфалей, **Вишкиль**, **Владивосток**, Воронеж, Выборг, Выкса, **Вятские Поляны**, Горбатов, Городец, Гороховец, Горячие Ключи, Демидов, Дивногорск, Донское, Дудинка, Дюны, Елатьма, Елизово, Ельня, Зеленоградск, **Жигулёвск**, **Зубцов**, **Екатеринбург**, Игарка, Инза, **Йошкар-Ола**, **Иркутск**, **Калининград**, **Калуга**, **Касимов**, Кемерово, Кемь, **Кий-остров**, **Киров**, Кисловодск, **Клёмово**, **Ключи**, **Козельск**, **Козьмодемьянск**, Корсаков, Котельнич, Котлас, **Красноярск**, **Кремль**, **Кубринск**, **Курган**, Листвянка, Лихославль, Любавичи, **Магнитогорск**, Майна, **Максимиha**, Микшино, Минусинск, **Молодежное**, Морское, **Муром**, **Мутновский**, **Мценск**, Невель, Нелидово, Нижневартовск, **Нижний Новгород**, Нижний Тагил, Новгород, **Новокузнецк**, Новоспасское, Ноглики, **Норильск**, Оганер, Онега, Оптина Пустынь, **Оренбург**, Охотское, Пенза, **Петрозаводск**, Паратунка, **Петропавловск-Камчатский**, **Переславль-Залесский**, **Знаменка**, Плес, Приозерск, Пржевальское, Пугачевск, Пустошка, **Пятигорск**, Рудня, Рузаевка, Рыбачье, **Рязань**, Самара, **С.-Петербург**, **Саратов**, **Саров**, Светлогорск, Серебряные Пруды, Славянка, **Смоленск**, **Сочи**, Спасское-Лутовиново, **Старая Русса**, Старица, **Старчиха**, **Сукко**, Талнах, **Тверь**, Темрюк, **Тольятти**, **Тобольск**, **Томск**, Тулун, **Тымовск**, Тюмень, **Улан-Удэ**, **Ульяновск**, **Уржум**, **Уфа**, Усвяты, Холмск, **Чебоксары**, Черёмушки, **Челябинск**, **Шуйское**, **Эммаус**, **Энгельс**, **Южно-Сахалинск**, Юрга, **Юрьевец**, Янаул, Янтарный, **Яркое**, Ярское, **Ярославль**.

УКРАИНА

Крым, Прикарпатье и Закарпатье (**Вижница**, Коломыя, Косов, Куты, **Мукачево**, Тячев, **Усть-Чорна**, **Хуст**, **Черновцы**).

КАЗАХСТАН

Петропавловская и Акмолинская область; **Астана**, **Боровое**, Кокчетав, **Петропавловск**, Щучинск.

КИРГИЗИЯ

Фрунзе и Иссык-Куль (**Пржевальск**, **Семеновка**, **Токмак**, **Чолпон-Ата**).

SUMMARY

CULTURAL LANDSCAPE AND SOVIET HABITABLE SPACE (collected articles)

The author of the book Vladimir Kagansky, born in 1954, is a geographer with a broad outlook embracing various branches of science, a space specialist, a traveller and a publicist. The book is a collection of articles written between 1991 and 2000, which analyze one and the same problem and offer one and the same approach to it.

The author's approach is in line with the Russian school of theoretical geography, which presupposes conscious life in cultural landscape, conceptual mastering of its variety and the reflection of the country's space. The original landscape hermeneutics provides for active comprehension of landscape, as well as active comprehension of all that could be interpreted as landscape space.

Landscape is defined and can be understood only as a variety of places. There are concrete places, which are more meaningful than general notions or categories. Those places are a concentration of various types of form and meaning, and natural models of space. For that reason travelling is both the foundation and implementation of any approach. The Present-day Russia is a conglomerate of units, parts and fragments of the world's last empire. It takes them much work to become places, cities, regions and countries. It is impossible to comprehend the complex, continuously changing landscape of the country, viewing it from one position, from one level. The book analyses within the conceptual framework the materials of numerous trips — from the Baltic Sea to the Pacific and from the Arctic Circle to Kazakhstan, including the exotic Kam-

chatka Peninsula and the city of Arzamas-16, the centre of the atomic industry, which for a long time was closed for foreigners.

Samples of landscape, including conceptual samples, its description and presentation made by those who are part of it, are a component part of landscape, a special part which is no less important than material component parts. They are not an appendix to the material objects making up the landscape. On the contrary, most people live in that world of images and myths, in the first place. For most people phase space is more real than landscape space. The author of the book is the one who lives in landscape, and the book itself is a collection of stories of a traveller around the world of landscape.

The desire to view the variety of things, places and developments on the Earth, in the habitable everyday environment, as a single whole found its expression in the notion of cultural landscape. All people live in cultural landscape, but for our culture (society) it is a far-away periphery of little importance. Chapter I deals with the phenomenon of landscape and its conceptual notion.

The notion of cultural landscape makes it possible to comprehend everyday environment. It is not just ugly and shapeless medium. Our environment is quite definite and logical, quite functional and reasonable in its way. It has been organized by a tough and powerful structure, intertwined with the state and penetrating about everything — both everyday life and the state itself. «Soviet space» is an integrating whole structure of everyday life and of the enormous country. Soviet space is not a synonym of the former USSR, but a specific type of space, both landscape space and that of meaning and indications. Soviet space, which was created as a scheme, was materialized in the form of landscape. By warping and piercing the landscape, Soviet space became material. It can no longer be separated from landscape, because it is its structure, its organizing form. Chapter II deals with the phenomenon and concept of Soviet space.

At present Soviet space is living through a series of crises. Self-destruction of Soviet space is a logical process that came from the

SUMMARY

inside as a structural change. This was the exposure of its structure through its own development. Only the disintegration of the USSR showed how its space was organized, what component parts it was made of. Post-Soviet space has not been formed so far. Problems inherited from Soviet space continue to be resolved. It is so difficult and so interesting to study Soviet space, because it was the reflection of the whole of «Soviet civilization». Soviet space will outlive the USSR, and this is the reason why it is extremely important to understand it. Chapter III deals with the logic of disintegration of the USSR, «the revolution of regions» and Soviet space today.

Usually people regard as unknown and mysterious the things, which are outside everyday life. In our country it is the other way around: the things which are close to us are the least known. Terra incognita lies close to us, but in a different direction, away from habitual roads, both in the direct and indirect meaning of the word. Little is known about everyday environment, landscape and space. They look exotic. The country's mentality is full of myths. Mythology claims to be methodology. Methodology itself has some traits of mythology. The mythological images of Russian space, from the Eurasian idea to a new regional policy, are the subject of Chapter IV.

The outlook «from inside the space» makes it possible to see in a new light some fragments of culture, to ponder over some habitual notions and to raise some unexpected questions. Chapter V deals with space as a method of viewing culture in an unexpected and original way, as well as its results.

The book may be interesting for Sovietologists and specialists in Russia, for those who study boundaries, crises, landscape, marginality and cultural space, for all those who are trying to learn the lessons and comprehend the consequences of disintegration of the USSR.

Владимир КАГАНСКИЙ
КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ
И СОВЕТСКОЕ ОБИТАЕМОЕ ПРОСТРАНСТВО
Сборник статей

Редактор *А. Курилкин*
Художник *Д. Черногаев*
Корректор *Л. Морозова*
Компьютерная верстка *В. Дзядко*

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ООО «НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»

Адрес издательства:
129626, Москва,
а/я 55
тел. (095) 976-47-88
факс (095) 977-08-28
e-mail: nlo.ltd@g23.relcom.ru
Интернет: <http://www.nlo.magazine.ru>

ЛР № 061083 от 6.05.1997

Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 36. Зак. 675
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО типографии «Полимаг»
127247, Москва, Дмитровское шоссе, 107

Издательство
НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ
В 2001 г. вышли:

Андрей Зорин. **КОРМЯ ДВУГЛАВОГО ОРЛА...**
Литература и государственная идеология в России
в последней трети XVIII - первой трети XIX века.

Автор рассматривает цикл идеологических моделей, выдвигавшихся в качестве государственной идеологии Российской империи в екатерининское, александровское и николаевское царствования: «греческий проект» Екатерины - Потемкина, концепцию «святой Руси», замысел Священного союза монархов, доктрину «православие - самодержавие - народность». Эти попытки национально-государственной самоидентификации осуществлялись в значительной степени в опоре на опыт поэтической рефлексии о России, накопленный в те годы авторами од, поэм, трагедий.

А.И. Рейтлат. **КАК ПУШКИН ВЫШЕЛ В ГЕНИИ**
Историко-социологические очерки
о книжной культуре Пушкинской эпохи

В книге на основе обширного фактического материала рассмотрены социальные аспекты развития русской литературы в 1820-1840-х гг.: рост и дифференциация читательской аудитории, развитие «массовой» литературы, мода на альманахи, возникновение редактуры, становление авторского права, отношения с цензурой и III отделением и др. В этом контексте анализируется литературная карьера А.С. Пушкина, умело использующего различные социокультурные механизмы для достижения лидирующего положения в литературе.

Михаил Ямпольский. **О БЛИЗКОМ**
Очерки немиметического зрения

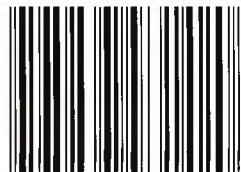
В новой книге теоретика искусства и культуры Михаила Ямпольского изучаются деформации и трансформации визуальности в культуре XIX—XX веков. Внимание этой эпохи постоянно обращено к аномальным зрительным ситуациям, когда нарушается дистанция между наблюдающим и объектом наблюдения и начинает действовать «близкое» зрение, вплотную «налипающее» на глаза зрителя. Все это не просто явления физиологии, но и факты культуры, и автор книги рассматривает их на широком философском и художественном материале.

ВЛАДИМИР КАГАНСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ И СОВЕТСКОЕ ОБИТАЕМОЕ ПРОСТРАНСТВО

Книга – неожиданный и оригинальный взгляд на современную Россию с позиций теоретической географии. “Сфера пространства сегодня, – считает автор, – остается своеобразной terra incognita. Она не отрефлексирована и присутствует в культуре как бессознательное”. Как устроено пространство повседневности, культурный ландшафт? Чем было пространство СССР и что с ним происходит? Что в пространстве страны новое, а что старое? Какой видит свое пространство современная Россия? В цикле статей, очерков и эссе автор пытается ответить на эти вопросы. Преодолевая обыденные и идеологические стереотипы, взгляд географа вносит дополнительное и, как оказывается, очень важное измерение в картину меняющейся России.

ISBN 5-86793-142-0

9 795867 931420